

У. Хинкл, У. Тернер

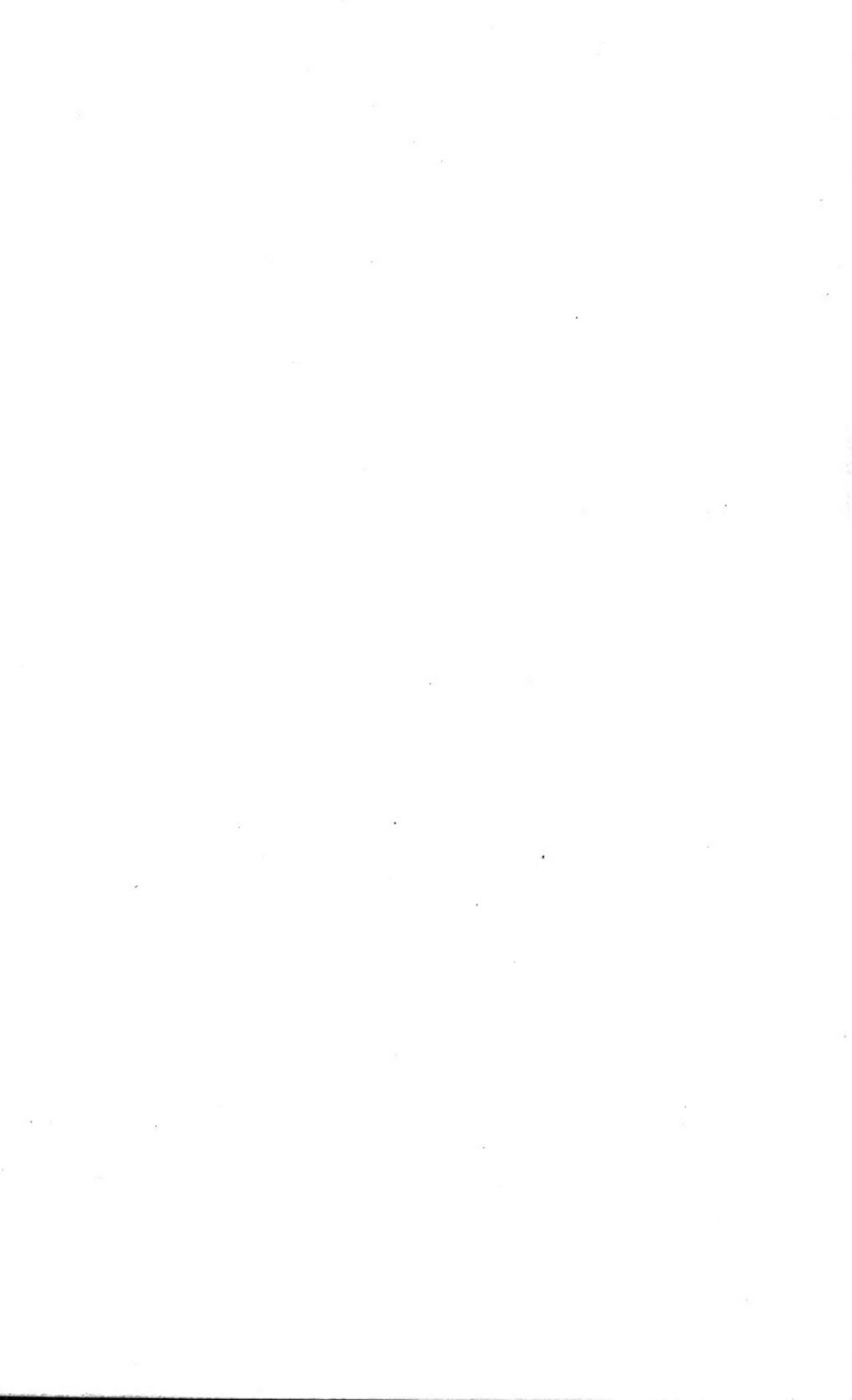

РЫБА КРАСНОГО ЦВЕТА

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
ТАЙНОЙ
ВОЙНЫ

Прогресс

W. Hinckle
and
W. Turner

THE FISH IS RED

THE STORY
OF THE
SECRET WAR
AGAINST
CASTRO

HARPER AND ROW
PUBLISHERS,
NEW YORK
1981

У.Хинкл
У.Тернер

РЫБА КРАСНОГО ЦВЕТА

ИСТОРИЯ
ОДНОЙ
ТАЙНОЙ
ВОЙНЫ

Перевод
с английского
А. А. ОБУХОВА

Общая редакция
и послесловие
О. Т. ДАРУСЕНКОВА

МОСКВА
ПРОГРЕСС
1983

Редактор Т. Л. Комарова

Редакция литературы по международным отношениям

© 1981 by Warren Hinckle and William W. Turner

© Послесловие, перевод на русский язык с сокращениями —
издательство «Прогресс», 1983

X 080400000—677 51—84
006(01)—83

ПРОЛОГ

КУПАНИЕ РАДИ ГАВАНЫ

Воды Рио-Гранде, приближаясь к Мексиканскому заливу, превращаются в пенящуюся шоколадно-коричневую жижу, четырехсотметровой полосой расплескавшуюся между Соединенными Штатами и Мексикой. Голые обрывистые берега реки покрыты буровато-серой щетиной редких кустов. На первый взгляд совсем неподходящее место для купания. Однако жарким сентябрьским полднем 1956 года высокий мужчина, одетый, как мексиканский батрак, выскочил из видавшей виды автомашины и, спотыкаясь, сбежал по крутым склонам к реке. Он скинул одежду и без колебаний бросился в грязную, мутную от песка воду, словно курортник, окунающийся в прохладные голубые волны Ривьеры.

Он плыл брасом, в сильных уверенных движениях чувствовался искусный пловец. Позади остался проплытенный мексиканский пограничный городишко Рейноса, впереди сквозь знойное марево, окутывающее американский берег, проступал городок скотоводов Мак-Аллен — оазис техасского гостеприимства на плодородных угодьях долины Рио-Гранде. Вблизи северного берега пловец нырнул и на несколько минут исчез из виду.

Затем он появился на поверхности среди группы купальщиков — это были буровики, которые прямо в спецовках плескались и дурачились на взбаламученном мелководье. Они окружили пловца, радостно похлопывая его по голым плечам. Мозолистые ладони опускались в приветствии на мокрую спину. Заплыv был тщательно подготовлен. Нефтяники собрались здесь для отвода глаз, заранее припрятав необходимую чистую одежду. Таинственного мексиканского батрака, нелегально пробравшегося в Соединенные Штаты, звали Фидель Кастро.

В мужчине, вошедшем в холл отеля «Каса де пальмас» в Мак-Аллене, вряд ли можно было узнать того

пловца, который меньше часа назад вышел из речной воды. Автомобильная поездка в город совершенно преобразила его: из батрака он превратился в респектабельного джентльмена, возвращающегося после гольфа в загородном клубе. Полуулыбка, то и дело трогающая его сочные пунцовые губы, и сигара, которой «джентльмен» самодовольно попыхивал, наводили на мысль о том, что сегодня он играл лучше обычного. Однако наблюдательный человек заметил бы определенное сходство между этим игроком в гольф и пловцом-чужестранцем, незаконно проникшим в США: осанка атлета, широкого в плечах и узкого в талии, длинный прямой нос, приковывающие внимание карие глаза и каштановая шевелюра, которой он имел привычку встряхивать так, как вздергивает голову породистая с норовом лошадь. Он был гладко выбрит — за исключением тоненькой щеточки усов, выглядевшей как-то странно на таком крупном лице, играющем упругим румянцем молодости. Мужчина дал бы ему около тридцати. Женщина, поддавшись обаянию, могла бы дать двадцать шесть, но прав был бы мужчина. Он был высок, очень высок. Казалось, что он выше своих 188 сантиметров. Даже без шляпы этот оливковокожий гигант возвышался над толпившимися в холле техасцами в стетсонах, как буровая вышка над хлопчатником. Иллюзия создавалась исходящей от него притягательной силой, которая привлекала всеобщее внимание и одновременно вызывала уважение.

У портье, этого одетого в блейзер стражи гостинично-го уюта, отвечающего на докучливые расспросы обычно официально и с оттенком скуки, голос чудесным образом изменился. Сеньор и есть тот самый гость, которого ожидает сеньор Прио? Прекрасно. Пусть сеньор сразу поднимается. А он сейчас же позвонит, чтобы предупредить о его приходе. Фидель Кастро вошел в лифт — сейчас он выглядел скорее членом теннисного клуба, нежели революционером.

Дверь лучших апартаментов «Каса де пальмас» ему открыл джентльмен средних лет с изысканными манерами. В его глазах, когда они встретили взгляд гостя, вспыхнул огонь, но тут же погас. На лице джентльмена появилась заученная на тысячах государственных приемов теплая улыбка. Доктор Карлос Прио Соккаррас, бывший президент Республики Куба, мультимиллионер, любитель красиво пожить, величественным жестом руки

указал гостю на мягкую цветастую софу. Фидель предпочел стул с жесткой спинкой.

Оба были одеты в спортивные рубашки и брюки. Грубоватую одежду Фиделя явно приобрели в лавке военных излишков в Браунсвиллском порту. Элегантность туалета Прио напоминала о существовании в Майами дорогих магазинов мужской одежды. Каждый, не торопясь, присматривался к другому. На Кубе они были политическими противниками. Теперь же оба находились в изгнании. Впервые в жизни у них появилось что-то общее. Ненависть. Ее объектом стал диктатор Фульхенсио Батиста, этот кубинский Калигула, бывший армейский сержант, который правил их райским островом силой оружия и превратил его в камеру пыток. Оба дали обет уничтожить чудовище, изувечившее жемчужину Антильских островов. Борьбе с Батистой Фидель Кастро поклялся отдать свою жизнь, а Карлос Прио — свое состояние.

Оба были не в ладах с властями. Над Прио висело обвинительное заключение, предъявленное в суде Майами в связи с нарушениями закона о нейтралитете США: он контрабандой доставлял на Кубу оружие с именем Батисты на патронах. Что касается Кастро, то он жил в Мексике, как в западне. В свое время мексиканцы уже подвергали его аресту и изъяли все оружие, когда застали за обучением кубинских отрядов вторжения близ Мехико у вулкана Попокатепетль. Кастро рвался осуществить высадку на Кубу до того, как мексиканцы снова доберутся до него. Ему было до тонкоты противно обращаться к Прио, но он нуждался в деньгах. Причем настолько сильно, что решился пробраться в США нелегальным маршрутом мексиканских батраков — через Рио-Гранде. Визу на въезд в Соединенные Штаты молодой революционер получить не мог, а бывшему президенту не позволяло покинуть их пределы ждавшее судебного разбирательства обвинительное заключение. Встреча в Мак-Аллене была своего рода компромиссом, хотя Кастро прекрасно понимал, что именно ему придется первому сделать решительный шаг навстречу. Но когда речь шла о революции, он забывал о гордости. И все же существовали пределы уступок бывшему противнику, который в случае победы революции вновь, несомненно, станет врагом. Попрошайничать Кастро не станет, но просить будет. Если Париж стоил мессы, то Гавана стоила купания.

Разница между кубинцами была не просто внешней. В настоящий момент изгнание и прочие беды вроде бы сблизили их, но они отличались друг от друга так же сильно, как горожанин от селянина, искушенный от простака, а изобилие от нищеты.

Фидель Кастро был рожден, чтобы занять привилегированное положение, но он отказался от него. В годы возмужания юный революционер тщетно пытался сохранить постепенно тающее уважение к буржуазным свободам и в то же время служить делу пролетарской революции в стране, где большинство деревенской детворы страдало от голода и болезней, на богатейшем острове, ресурсы которого полностью выкачивались иностранными хозяевами.

Подобно Фиделю, Прио с пеленок предназначалось вкушать изысканные яства богачей, и он не изменил своим тонким вкусам. Прио стал президентом, что отвечало его натуре, складу души. Он создал кубинский Камелот * для тех, кому это было по карману, и мечтал свергнуть Батисту лишь для того, чтобы снова вернуться в свое любимое имение «Чата», где устроил рай в миниатюре. В «Чате», на многие мили окруженней зарослями бугенвилей, гардений, гибискусов и роз, были и трепещущие радугой фонтаны, и мраморные полы, и собственная парикмахерская на шесть кресел. Искусственный водопад с грохотом обрушивался в самый глубокий на Кубе плавательный бассейн, за обеденные столы могли усесться сотни гостей, а дайкири ** лился рекой. Прио держал скаковых лошадей. Он разводил бойцовых петухов, отдаваясь этой страсти до такой степени, что если на состояниях голубая лента доставалась чужому петуху, то на следующее утро злополучную птицу, как правило, обнаруживали со свернутой шеей.

До того как Батиста захватил власть в свои руки, страной в течение восьми лет правила партия аутентиков — партия Прио. Аутентики были ставленниками привилегированных кругов, и никого из них, похоже, это не смущало. Взяточничество и коррупция достигли поразительного размаха. В государственной казне перевелась

* Камелот — легендарный город в Англии, где, по преданию, находился дворец короля Артура, в котором собирались знаменные рыцари круглого стола. — Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, сделаны переводчиком.

** Дайкири — название популярного коктейля,

даже моль. Никогда еще в истории западной демократии не отнималось так много у столь широких слоев ради выгоды столь малочисленной горстки богачей.

К моменту, когда срок президентства Прио был неожиданно оборван переворотом Батисты 10 марта 1952 года, он стал баснословно богат. Размеры его состояния оценивались по-разному — от 50 до 100 миллионов долларов. Ходило много слухов о том, каким образом этот «верный сын» Кубы сумел скопить такие богатства за недолгий срок служения обществу в качестве сенатора и четырехлетнего пребывания на посту президента Республики Куба, получая всего 25 тысяч долларов в год. Согласно одной из версий, которая была особенно по душе его противникам, перекачивать кубинскую казну в карман Прио помогали его братья: Франиско и Антонио. Франиско Прио при содействии бывшего кубинского гангстера, назначенного президентом Прио шефом тайной полиции и смотревшего сквозь пальцы на все его проделки, восстановил бойкую торговлю наркотиками на Кубе, притихшую было с высылкой с острова «Счастливчика» Лучано * в 1947 году. Антонио Прио, известный прожигатель жизни, в течение некоторого времени был министром финансов в администрации брата. По рассказам недовольных из партии аутентиков, братья Прио своей жадностью не уступали братьям Джеймс ** и, ничуть не смущаясь, грели руки на махинациях с изымаемыми из обращения деньгами. Пришедшие в негодность монеты, которые сдавали в министерство финансов для уничтожения, они тайком присваивали мешками, а истершииеся бумажные деньги килограммами переводили на свои банковские счета.

Прио, любивший порисоваться, провозгласил себя реформатором. Он поклялся излечить нацию от гангстеризма, который, как болезнь, разъедал политическую жизнь Кубы еще с «ревущих двадцатых» *** — со времен

* «Счастливчик» Лучано (*Сальвадоре Лукания*) — глава американской мафии, после высылки из США в 1946 году пытался обосноваться в Гаване.

** *Братья Джесси и Фрэнк Джеймс* — знаменитые грабители времен Гражданской войны в США.

*** «Ревущие двадцатые» — так образно называют период правления пришедшей к власти в США в 1921 году администрации республиканцев, проводившей курс на пневмательство в дела бизнеса и отказавшейся от планов контроля над ценами и регулирования производства. Это способствовало разгулу спекуляции,

тирана Херардо Мачадо *, в прошлом промышлявшего кражей скота. Но упрятав за решетку в качестве козлов отпущения нескольких мелких жуликов, Прио вступил в сговор с их боссами. Он запретил дуэли чести (два старых дуэльных шрама его отнюдь не украшали), а также издал указ, разрешающий машинное изготовление кубинских сигар. На этом его реформаторская деятельность кончилась. Этот президент «по зову сердца» тем не менее со спокойной душой прислуживал именно тем из своих сограждан, кто имел долю в прибылях монополий и выстраивался в очередь к государственной кормушке. По различным оценкам, от 40 до 60 процентов кубинской казны уплывало в частные руки — армейским офицерам, полицейским, чиновникам, деятелям просвещения, лидерам студенческих организаций, мелким и средним бизнесменам, а также гангстерам: профессионалам и любителям, количество которых исчислялось не сотнями, а тысячами. В XVIII веке в Карибском море ходило до 10 тысяч пиратов, многие из них обосновались на кубинском острове Пинос. К XX веку они, похоже, переодевшись в строгие деловые костюмы, перебрались в Гавану. Бывший посол США на Кубе Филип Бонсал как-то заметил: «Среди стран, стиль жизни которых напоминает западный, я не знаю ни одной, где злоупотребления государственными средствами в целях личного обогащения достигали бы такого размаха, как в Кубинской республике».

Но оказывается, и этого было мало. Утверждали, что Прио принял от Майера Лански, этого Дж. Моргана организованной преступности, четверть миллиона долларов в качестве взятки за разрешение Батисте — близкому другу Лански и бывшему диктатору, обожавшему белые костюмы, туфли на высоченных каблуках и фильмы ужасов, — вернуться на Кубу из его комортабельной ссылки в роскошном флоридском особняке. Прио предоставил Батисте военную охрану для обеспечения его безопасности. (Когда бывший сержант захватил бразды правления на Кубе, поставив у власти армию, Прио пожалел о своей щедрости. Батиста нашел весьма простой способ завоевать популярность у военных: он удвоил им жалование.)

коррупции и казнокрадства, в которых оказались замешаны президент У. Гардинг (1921—1923) и члены его кабинета.

* Президент Кубы в 1925—1933 годах.

Для Прио Майами стал своего рода антильской Швейцарией; он последовал примеру полчищ правительственных чиновников, которые переводили полученные в виде взяток деньги в банки Майами, где не задавали лишних вопросов. Особенно преуспел в этом Хосе Мануэль Алеман, министр просвещения в администрации президента Рамона Грау Сан-Мартина, мрачного предшественника Прио. Рамону Грау Сан-Мартину принадлежит исполненный философского смысла афоризм: «Править — значит распределять». Когда сеньора Алемана спросили, как ему удалось всего лишь за два года пребывания на своем посту утащить из кубинской казны 20 миллионов долларов, он ответил: «В чемоданах». Прио вместе с Алеманом и другими ловкими дельцами Гаваны вкладывал крупные средства в недвижимость в Майами. И в «Каса де пальмас» в Мак-Аллене его принимали с тем традиционным уважением, которое один владелец отеля неизменно оказывает другому: в Майами, на Коллинз-авеню, Прио принадлежал отель «Вендор», где он постоянно и проживал.

...За окном апартаментов Прио жаркое, несмотря на конец лета, солнце выбеливало буйные краски долгого техасского полудня. Двое кубинцев говорили и говорили. Темой была революция. Оба приобрели некоторый опыт. Со времени изгнания в 1952 году Прио финансировал все заговоры против Батисты — подобно тому, как игрок делает новые и новые ставки в надежде на то, что какая-нибудь из них в конце концов принесет желанный выигрыш. Прио боролся с Батистой, не выходя из своего дома. Таких, как Прио, Кастро презрительно называл «героями издалека», хотя в тот день он подобных выражений избегал.

Кастро проявлял нетерпение. Ходил из угла в угол. Он заявил, что его люди готовы сразиться с Батистой. Нужны только деньги. Прио смотрел на темпераментного молодого кубинца со свойственным пожилому человеку скептицизмом. В свои тридцать лет Кастро уже заслужил репутацию редкостного смельчака. В двадцать один год Кастро был среди тех, кто предпринял неудачную попытку свергнуть в Доминиканской Республике власть тирана Трухильо. Ему удалось избежать ареста: он бросился в кишевший акулами залив и переплыл его с автоматом на шее. Когда Батиста захватил власть на Кубе и отменил назначенные на 1952 год президентские выборы, Кастро

проявил не меньшую смелость. Начинаяющий гаванский адвокат Кастро направил лично Батисте письмо, обвинив его во всех смертных грехах, а затем подал на диктатора в суд, требуя от пришедших в полное смятение судей приговорить его за нарушение кубинской конституции 1940 года к тюремному заключению сроком на 108 лет — ни больше, ни меньше.

Угрозы Кастро в адрес Батисты были отнюдь не пустым звуком. «Когда зло царит, бряцая оружием, надо самому браться за оружие, чтобы бороться за добро», — говорил он. А 26 июля 1953 года Кастро возглавил атаку на казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба. Его люди были вооружены в основном охотничими ружьями и в десять раз уступали противнику по численности. Половина из 160 смельчаков тут же попала в плен. Армейские офицеры и агенты тайной полиции Батисты истязали их, а потом убили. Находившиеся под контролем Батисты газеты опубликовали фотографии погибших, переодетых в чистую одежду уже после того, как их замучили, — неуклюжая попытка представить дело так, будто они были убиты в бою. За эти чудовищные преступления Батиста снискдал репутацию злодея. Атака Монкады стала легендой.

Никто на Кубе не мог превзойти Фиделя Кастро в кулачном бою, беге, плавании, верховой езде. Он в совершенстве владел ораторским искусством, в чем Прио имел в тот день возможность убедиться. Сейчас с Прио разговаривал человек, который, представ перед батистовским судом, разоблачал своих тюремщиков, выступив с пятичасовой импровизированной речью. Он не просил о снисхождении, он отстаивал дело революции, излагая историю эксплуатации Кубы, громя режим кровавого террора «этого монстра Батисты», цитируя по памяти Фому Аквинского*, Томаса Пейна**, испанского иезуита Мариана***. Перетрусившим судьям Кастро объявил, что его ничуть не беспокоит их обвинительный приговор. «История меня оправдает», — заявил он в своей речи, текст

* *Фома Аквинский* (1225 или 1226—1274) — средневековый философ и теолог.

** *Томас Пейн* (1737—1809) — видный общественный деятель США и Великобритании конца XVIII века, борец за независимость английских колоний.

*** *Хуан де Мариана* (1536—1632) — средневековый испанский историк, теолог, член ордена иезуитов.

которой тайком выносили из тюрьмы на клочках бумаги, спрятанных в спичечных коробках, или переписывали лимонным соком между строк в письмах к друзьям. Его речь стала своего рода «Геттисбергским обращением»* кубинской революции. Сейчас Кастро уговаривал Прио. Ему мало было добиться от него согласия дать деньги, в которых он так нуждался; Фидель не собирался умолять до тех пор, пока не заставит Прио поверить в успех своего невероятного плана.

Для большей убедительности Кастро даже пересел на софу — поближе к Прио. Он говорил, тыча пальцем в грудь бывшего президента, который вплотную у своего лица видел горящие карие глаза Кастро. Он говорил необыкновенно быстро, весь — энергия, энтузиазм и собранность. Когда он закончил, наступил вечер, а Прио согласился дать 100 тысяч долларов.

Кастро едва скрывал свою радость. С такими деньгами он мог снова приобрести оружие взамен конфискованного и «подмазать» мексиканцев, дабы они оставили его в покое, купить судно, чтобы достичь Кубы.

Кастро поднялся на ноги: пора идти к товарищам, которые должны переправить его через границу обратно в Мексику. У самого порога Прио задержал его. Еще одна, последняя деталь: необходим единый фронт против Батисты. Бывший президент великодушно пообещал возглавить такой фронт. Он пустил в ход все свое необыкновенное обаяние, чтобы хоть как-то обуздать этого непреклонного революционера. Он вырвал у Кастро обещание известить его, когда тот отправится на Кубу. «Мы будем координировать наши действия», — настаивал Прио. Кастро согласно кивнул. Даже в мыслях он не допускал, что этот торговец должностями, несмотря на оказанные услуги, будет осуществлять руководство. Но предположение о том, что Кастро его обманывает, тоже не отвечало истине. В иезуитской школе Кастро узнал термин, весьма подходящий для подобной ситуации: он делает «мысленную оговорку».

* «Геттисбергское обращение» — зачитано президентом А. Линкольном 19 ноября 1863 года на открытии Национального кладбища в городе Геттисберге, где незадолго до этого произошло сражение, наметившее коренной перелом в ходе Гражданской войны в пользу северян. В этом обращении Линкольн призывал продолжить дело павших борцов за свободу.

У Прио тоже были свои маленькие секреты. Он не сказал Кастро, что совместно с диктатором Трухильо уже давно готовит вторжение на Кубу с территории Доминиканской Республики. Да он готов был объединиться с самым дьяволом, лишь бы вернуться к власти! В душе он надеялся, что опередит с решающим ударом своего нового союзника. Для Прио был характерен деловой подход ко всему: революции не составляли исключения. Деньги, которые он дал Кастро, были его стотысячной страховкой на непредвиденный случай.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ПРАВДОПОДОБНО ОПРОВЕРГАЕМОЕ»

Словно самим провидением США предназначены насылать на нас все беды — во имя «свободы»,

Симон Боливар

В этой книге рассказывается о том, как США держат Кубу под дулом пистолета. Начало подобного курса относится к временам первого срока президентства Франклина Рузельта, когда Куба стала первой страной полушария, в которой Соединенные Штаты свергли правительство, не прибегая прямо к военной силе. Отказ Рузельта от традиционного подхода («послать морскую пехоту») к отношениям с Латинской Америкой назвали «политикой добрососедства» — как теперь представляется, с изрядной долей иронии. (Рузельт, насколько известно, был также и первым американским президентом, сумевшим — причем по недорогой цене — привлечь к патриотическим действиям мафию. ЦРУ лишь последовало его примеру.) Американское вмешательство в дела Кубы по новому типу: экономический шантаж, политические заговоры, манипулирование военными, профсоюзовыми, студенческими группировками в целях устраниния «нестабильных», то есть отказывающихся работать перед Вашингтоном правительств, — политики Рузельта начали осуществлять еще в 1933 году, последовательно устанавливая на Кубе один продажный режим за другим. В результате в конце 50-х годов это привело к революции под руководством Кастро. Курс США в отношении Кубы стал основой для разработанной впоследствии, правда более тонкой, тактики ЦРУ в Латинской Америке, тактики, которая достигла к 60-м годам своего апофеоза в Эквадоре, где агентами ЦРУ стали многочисленные правительственные чиновники, руководители политических партий, редакторы ведущих газет, армейские офицеры, профсоюзные и студенческие лидеры... и даже сам вице-президент.

Многое изменилось в США с той поры, как государственный секретарь Генри Стимсон прикрыл «черную комнату» (так называли дешифровальный отдел,

созданный в госдепартаменте после первой мировой войны) на том основании, что «джентльмены чужую почту не читают». Подобно насилию, ставшему таким же неотъемлемым атрибутом Америки, как и яблочный пирог, «шпионаж» является понятием настолько же чисто американским, как «индейцы». Интересно, что в лекциях, которые читают в ЦРУ по искусству шпионажа, отдают дань умению индейцев вести разведку на местности. Эрудированные лекторы ЦРУ, правда, предпочитают умалчивать о том, как лазутчики кавалерии США раздавали индейцам племен, считавшихся враждебными, зараженные одеяла из туберкулезных бараков. «Американской шизофренией» называл Бен Хект* скрытую глубоко в национальном подсознании идею о том, что если и необходимо заниматься темными делами, то обделять их лучше всего за границей, руками шпионов. Одно дело, когда ЦРУ содержит 35-тысячную подпольную армию в Лаосе. И совершенно другое, когда ЦРУ пакостит на родном континенте. Именно это произошло в случае с Кубой.

Уставом и мандатом ЦРУ запрещено проводить тайные операции на территории Соединенных Штатов. Тем не менее оно их проводит. И порой попадается. В середине 60-х годов обнаружилось, что агенты ЦРУ разъезжают по стране, словно коммивояжеры, подкупая интеллигенцию, вербую студентов, арендую здания университетов и профсоюзных организаций в качестве «крыш». При этом использовалась сеть подставных учреждений и фондов, располагавших миллиардами, через которые американским организациям, готовым оказывать услуги ЦРУ, выплачивались десятки миллионов долларов. Помимо денежного вознаграждения, ЦРУ гарантировало всякого рода льготы и привилегии. Среди прочих разоблачительных материалов, представленных в 1967 году журналом «Рэмпартс» по поводу длившегося 15 лет субсидирования Студенческой ассоциации США Центральным разведывательным управлением, фигурировали отсрочки от призыва на военную службу в связи с «исполнением должности, жизненно важной для национальных интересов», которые ЦРУ устраивало сотрудничавшим с ним лидерам ассоциации.

Разоблачения деятельности ЦРУ в середине 70-х годов обрушились подобно шквалу. Они подтвердили, что

* Бен Хект — американский писатель и журналист.

управление вело слежку за радикально или либеральными настроеными и прочими неугодными властям американцами, включая участниц движения за японское равноправие. Комиссия по расследованию деятельности ЦРУ и специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов установили, что во время бурных событий 60-х годов шпионские методы, ранее применявшиеся исключительно против иностранцев, были использованы против широких слоев американских граждан, занимающихся абсолютно законной политической деятельностью. ЦРУ заложило данные на 1 500 000 американцев в один компьютер и на 300 000 — в другой; в течение 1969—1970 годов управление собрало досье на 50 000 членов только одной Калифорнийской партии мира и свободы. Шпики ЦРУ рыскали по студенческим городкам, управление вело массированную кампанию перлюстрации почты (оно вскрыло четверть миллиона писем, отправляемых и получаемых американцами, включая корреспонденцию Джона Стейнбека и бывшего сенатора Фрэнка Черча). Аналогичным образом действовало и ФБР — до тех пор пока Эдгар Гувер, этот старый хитрый филин, не почуял неладное и не приказал в 1966 году сотрудникам ФБР прекратить вскрытие почты. (Справедливости ради надо отметить, что ЦРУ надругалось над конституцией не совсем по своей воле. Имел место нажим со стороны президентов Джонсона и Никсона, других влиятельных лиц.)

В столь неблагоприятных условиях, когда разоблачения следовали одно за другим, ЦРУ обнаружило изворотливость и живучесть. В 1975 году бывший тогда директором ЦРУ Уильям Колби, этот глава бойскаутов с глазами стального отлива, руководитель печально известной программы «Феникс», предусматривавшей массовые убийства во Вьетнаме, бил себя кулаком в грудь и приносил сенаторам извинения за столь понятные и простительные грешки. Присев в угодливом реверансе перед конгрессом и согласившись на проверку, ЦРУ избежало массовых арестов среди своих людей и сохранило свое самое ценное достояние — разветвленную сеть частных компаний-«ширм» внутри страны, секретные полувоенные базы и бесчисленное множество платных агентов — все это давало ЦРУ возможность буквально в считанные часы вмешиваться в чужие дела. Пока сенат вел расследование деятельности ЦРУ, управление активно занималось «деста-

билизацией» Анголы. Доклад Черча в 1967 году весьма пессимистически оценивал шансы конгресса когда-либо разобраться в хитросплетениях ЦРУ внутри США: «...До тех пор пока детали организационной структуры ЦРУ будут оставаться засекреченными, выявить неофициальные филиалы управления будет невозможно».

Из секретнейших операций ЦРУ, которые в 60-е годы осуществлялись на территории США, наименее известна наиболее крупная. В ЦРУ ее называли «Кубинским проектом».

«Кубинский проект» был стратегической программой тайных военных действий, саботажа, политических и экономических диверсий. Она предусматривала и выпуск фальшивых денег, и биологическую войну, и организацию убийств. Ее осуществление началось в 1959 году при администрации Эйзенхауэра, достигло своих высот при братьях Кеннеди и, хотя приостановилось во времена Линдона Джонсона, получило широкий размах при Ричарде Никсоне:rudimentарные органы оказались вполне жизнеспособными.

История «Кубинского проекта», описанная в этой книге,— это история о том, как Америка вела крупную войну — войну, которую не объявлял конгресс, в которой не признавался Вашингтон, о которой не писали в печати.

Это было самое претенциозное предприятие тех сил, которые Говард Хант любит называть «тайными службами» Соединенных Штатов. И это был также самый дорогостоящий провал ЦРУ. В долларах он стоил более миллиарда, но стране обошелся дороже денег. Тайная война разложила американские институты до такой степени, что привела к падению двух президентов. Случилось так, как и предсказывали авторы законодательства, учредившего ЦРУ в 1947 году: заряжая пистолет шпионажа внутри страны, никогда нельзя знать точно, куда он будет нацелен. Наилучшим подтверждением этому служит тот факт, что во времена Джона Кеннеди он был направлен в президента. Ричард Никсон навел его на правительство, а он выстрелил в него самого.

Всепоглощающей заботой заговорщиков — составителей «Кубинского проекта» было одно: все, что бы они ни делали, должно быть, как любил говорить Говард Хант, «правдоподобно опровергаемым» — фраза, унаследованная

от администрации Эйзенхауэра. Обеспечить возможность таких опровержений стало, как ни странно, даже важнее, чем достичь успеха. Поскольку все, что бы ни предпринималось, так или иначе нарушало международное право и различные законы США (авантюры ЦРУ по осуществлению «Кубинского проекта» нарушали — помимо законодательства, регулирующего деятельность самого управления,— закон о нейтралитете, правила Федерального управления авиации и Финансового управления, таможенные и иммиграционные правила, законы полудюжин штатов), задачей первостепенной важности считалось проводить операции внутри страны таким образом, чтобы нельзя было ни проследить, ни отыскать стоящих за ними руководителей в федеральной столице.

Чтобы еще больше замаскировать свою тайную войну, ЦРУ щедро расходовало неподотчетные фонды, создавая на территории США полувоенный оперативный аппарат. Среди «крыш» и специальных агентов, задействованных ЦРУ по «Кубинскому проекту», были фирмы и частные лица, связанные с организованной преступностью и фанатиками из крайне правых полувоенных группировок. А с течением времени стало просто невозможно отделить зерна разведки от плевел уголовщины.

Несмотря на целый ряд грубейших оперативных просчетов, «Кубинский проект» оставался одной из самых строго охраняемых тайн ЦРУ. Он был так тщательно расчленен на составные части, что многие даже высокопоставленные сотрудники ЦРУ знали о нем только понаслышке. Внутри управления подразделения изолированно друг от друга выполняли отдельные части программы, не подозревая о ее существовании в целом, а вне стен ЦРУ проект был столь «правдоподобно опровергаем» в конечном звене намеренно запутанной цепи подчиненности, что отдел специальных операций ЦРУ зачастую утрачивал контроль над происходящим. «Черный кардинал» секретных операций в Лэнгли * мог считать, что события развиваются в одном направлении в то время, как его наемные служки, собравшись по сигналу с оружием на Сток-Айленде близ Ки-Уэста, двигались совершенно в другом. И если это абсурдное раздвоение спижало шансы на успех, то по меньшей мере существовала

* Лэнгли — пригород Вашингтона, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

уверенность, что оно повышает вероятность сокрытия провала.

Эмблемой отдела специальных операций ЦРУ вполне мог бы стать череп со скрещенными костями. Интеллектуалы управления относятся к нему с некоторым презрением, считая боевиков, набранных из доживающих свой век сорви-голов заграничных спецслужб, безработных диверсантов из числа «зеленых беретов» и ищущих заработка наемников, прискорбным, но неизбежным донесением к их рыцарской профессии — разведке. Однако именно этот отдел делает для ЦРУ всю грязную работу, а грязная работа в последнее время составляет львиную долю всей деятельности управления. Такую точку зрения высказали Виктор Маркетти и Джон Маркс, авторы на-шумевшей книги-разоблачения «ЦРУ и культ разведки». Они утверждают, что на секретные операции ЦРУ расходует две трети выделяемых ему государством средств — чуть менее миллиарда долларов в год (плюс пять миллиардов долларов или около того, которые расходуются на секретные операции по статьям, скрытым в бюджетах других правительственные учреждений). В проведении таких операций задействовано от 11 300 до 16 500 сотрудников ЦРУ, существование которых управление признает — сюда не входит вдвое большее число внештатных агентов, работающих по контракту, и служащих частных компаний, сотрудничающих с ЦРУ.

Диверсионная служба ЦРУ резко возросла в количественном отношении при администрации Кеннеди. Это, вероятно, отражало чисто бюрократическую потребность расширения управления в соответствии с пристрастием Кеннеди к различного рода авантюрам. Короли разведки с их классическими методами шпионажа к концу 50-х годов уступили место самолетам-шпионам и электронным средствам массового подслушивания.

Почему аппарат ЦРУ был так непомерно раздут, объяснил Ричард Биссел*, ученый и неизлечимый про-жектер, Клаузевиц** вторжения в Залив свиней.

* *Ричард Биссел* — бывший начальник оперативного отдела ЦРУ, заместитель директора ЦРУ по оперативной части.

** *Карл Клаузевиц* (1780—1831) — прусский генерал, пемецкий военный историк и теоретик, автор военно-исторических работ, главной из которых является книга «О войне», где изложены взгляды на природу и сущность войны, формы и способы ее ведения.

Биссел охарактеризовал функции «секретных служб» ЦРУ как «усилия влиять на внутренние дела других стран тайными методами, которые иногда называют „вмешательством“». На долю Генри Киссинджера* выпало изобрести словесную маскировку таких «усилий». Касаясь как-то подготовленного ЦРУ по указке администрации Никсона свержения правительства Альенде в Чили, Киссинджер с нетипичной для него лаконичностью заявил: «Не понимаю, почему мы должны стоять в стороне и смотреть, как какая-нибудь страна из-за безответственности ее собственного народа становится коммунистической».

Бухгалтеры ЦРУ, конечно, хранят обет молчания. Что же касается тех скучных статистических данных о секретных подразделениях управления, которые становятся достоянием общественности, то они далеки от точности. Ведь большинство специальных агентов ЦРУ — это так называемые внештатные сотрудники, выполняющие по контракту отдельные задания и получающие вознаграждение наличными, с которых не платят налогов. Специальными агентами могут быть и сотрудники подставных учреждений («крыши»), находящихся в полном распоряжении ЦРУ, или лица, числящиеся в штатах вполне легальных корпораций и оказывающие услуги ЦРУ. Подобные меры принимаются для того, чтобы сгустить тьму неподотчетности.

«Кубинский проект» стал первой в истории ЦРУ операцией, когда наемные искатели приключений широко использовались внутри Соединенных Штатов. Это была необычайно пестрая команда, которая сознательно шла на риск сотрудничества с ЦРУ, прекрасно понимая, что управление немедленно отречется от них, если операция провалится. Если не принимать во внимание этот малоприятный факт, во всем остальном с ЦРУ можно было договориться. Многие специальные агенты ЦРУ быстро попали, что их шпионская «крыша» дает им лицензию на воровство. Если, например, для прикрытия своей шпионской деятельности они порой занимались контрабандной торговлей оружием и наркотиками, то выручку преспокойно клали себе в карман.

* Генри Киссинджер — государственный секретарь США с 1973 по 1977 год.

В ведении подпольного хозяйства, созданного отделом специальных операций, были: сеть внутренних авиалиний, морские базы, склады оружия, учебные лагеря коммандос. Если на карту США нанести дислокацию полу военных формирований ЦРУ, то она будет испещрена более чем сорока точками, рассыпанными от Южной Калифорнии до Мэриленда, причем юго-восточная часть страны станет местом их наибольшего сосредоточения.

Для ведения тайной войны отдел специальных операций приобретал суда и самолеты, регистрируя их в подставных фирмах и переоборудуя для боевых действий. Моряки и пилоты набирались из числа наемников. Симбиоз разведки и организованной преступности, пышно расцветавший в благодатной атмосфере «Кубинского проекта», был возможен благодаря существованию жаждущих действовать тысяч антикастровских кубинских коммандос, которых ЦРУ держало на казарменном положении в дешевых гостиницах и ночлежках на всей территории от Нового Орлеана до Майами. Их боссы в ЦРУ в конечном счете утратили контроль над ними, и они занялись прибыльными авантюрами — крупномасштабной контрабандой наркотиками и оружием, убийствами по найму.

Щупальца всепроникающего ЦРУ крепко опутали США. Еще не успела высохнуть краска, которой в 1947 году были нанесены номера на дверях кабинетов нового разведывательного управления, как оно начало заниматься секретными операциями, полностью отстранив от них отдел политической координации. Трудно было придумать более не соответствующее действительности название этому органу, специализировавшемуся на грязных трюках «холодной войны». Отдел политической координации был создан президентом Трумэном в качестве полуавтономного подразделения ЦРУ для ведения подрывной деятельности политического, экономического и идеологического характера. В 1951 году с ним был слит отдел специальных операций ЦРУ, занимавшийся шпионажем. Трумэн сначала упорно настаивал на том, чтобы ЦРУ ограничилось только сбором информации. Однако бюрократы разведки постепенно переубедили его. К началу 50-х годов ЦРУ уже проникало в американские

институты и создавало «крыши» внутри Соединенных Штатов, которые должны были маскировать его секретные программы, нацеленные за рубеж. А менее чем через десять лет — с началом осуществления «Кубинского проекта» — принялось проводить тайные операции на своей земле. Чтобы скрыть факт того, что оно преступило запреты, ЦРУ пустило в ход множество уловок и хитростей из своего шпионского арсенала. Так было положено начало, если вообще можно воссоздать картину ухаживания, союзу сердец между ЦРУ и Говардом Хьюзом*.

Сначала боевики ЦРУ действовали на американской земле весьма осторожно. Когда ЦРУ в 1954 году свергло правительство Арбенса в Гватемале, оно использовало базы в Гондурасе и Гватемале, а на территории США — только лишь бывшую базу авиации ВМС США в Оупалоке, штат Флорида, где был организован перевалочный пункт снабжения по воздуху лагерей ЦРУ в Центральной Америке и где Говард Хант, в то время эксперт по дезинформации, заранее записывал радиопередачи, предвещавшие конец света и рассчитанные на то, чтобы вызвать смятение и панику среди населения Гватемалы в день высадки.

Готовя вторжение в Залив свиней, управление отличалось уже меньшей осмотрительностью, хотя ЦРУ, помня о досадном существовании закона о нейтралитете США, взыскало должок с гватемальского режима и устроило основной учебно-тренировочный лагерь десантников в Реталулеу **, а сама высадка осуществлялась в апреле 1961 года с территории Никарагуа. Командный пункт операции в Заливе свиней располагался в Корал-Габлсе. В близлежащей Кокосовой роще, укрывшись в нанятом ЦРУ передвижном домике, Говард Хант разрабатывал проект конституции «Новой Кубы»; будучи по натуре консерватором, он с большим трудом вынудил себя включить в нее статью о предполагаемой земельной реформе, считая этот шаг если не «красным», то наверняка «розовым».

Несмотря на строгий приказ Белого дома не осуществлять подготовку вторжения на территории Соединенных Штатов, ЦРУ натаскивало отряды «отвлекающего» удара в Новом Орлеане, а кубинских эмигрантов для

* Говард Хьюз — магнат самолетостроительной промышленности США, кинопродюсер.

** Реталулеу — один из департаментов Гватемалы.

бригады, силами которой намечалось вести наступление на главном направлении, прятало и обучало не только в скрытых от глаз уголках Флориды: на болотах Эверглейдс и островках вдоль побережья,— но и в гостиницах Майами. ЦРУ преспокойно использовало в своих целях военно-воздушные базы США — в Оупа-локе, например, содержались под домашним арестом любовно отобранные управлением члены временного правительства Кубы,— а в это время человек ЦРУ читал в Нью-Йорке якобы их заявления для печати. На протяжении всей истории «Кубинского проекта» ЦРУ относилось к своим белым наемникам как к шахматным офицерам, а с кубинскими эмигрантами обращалось как с пешками.

Начав однажды проводить операции внутри страны, ЦРУ возжелало большего. После публичного унижения в связи с провалом в Заливе свиней управление лишь поменяло названия отечественных «крыш» и как ни в чем не бывало продолжало грязные козни против Кубы. И отнюдь не самовольно, а под строгим контролем и руководством администрации Кеннеди.

Вопреки широко распространенному мнению о том, что ЦРУ — «незримое правительство», ответственное только перед самим собой, в действительности оно является сравнительно послушным инструментом в руках верховной власти. Нет ни одной сколько-нибудь серьезной операции ЦРУ, которая была бы осуществлена без одобрения Белого дома. Операция в Заливе свиней знаменовала собой не конец, а начало осуществления политики выжженной земли, проводимой администрацией Кеннеди в отношении Кубы. Ирландское присловье «Не выходи из себя и расквитайся» как нельзя лучше отвечает стремлению братьев Кеннеди отомстить за позор в Заливе свиней. По словам генерала Эдварда Лансдейла*, своего рода доктора Стренджлава ** тайной войны, который помог поставить у власти во Вьетнаме режим Дьема *** и послужил прототипом «Безобразного американца ****, оба Кеннеди жаждали устроить на острове

* Эдвард Лансдейл — специалист по «полувоенным» операциям, помощник министра обороны США в начале 60-х годов.

** Д-р Стренджлав — ученый-безумец, герой одноименного фильма.

*** Нго Динь Дьем — глава марионеточного режима в Южном Вьетнаме в конце 50-х — начале 60-х годов.

**** «Безобразный американец» — книга полковника Эдвина Б. Хилленауда,

Куба «трамтарарам». Эта мечта полностью овладела их помыслами, они были готовы прислушиваться к самым невероятным, «джеймсбондовским»* планам свержения Кастро. (Как-то раз Джон Кеннеди, будучи еще сенатором, консультировался с Яном Флемингом по поводу методов устранения кубинского революционера.) Одно из самых фантастических предложений поступило от самого Ландсдейла, которого пригласили приложить руку к проведению операции «Мангуста» — кодовое название войны против Кубы, к осуществлению которой Кеннеди приступил после неудачи в Заливе свиней. По показаниям тесно связанного с ЦРУ свидетеля в сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов, генерал вынашивал план избавиться от Кастро, распространяя слухи о неизбежности второго пришествия и внушая, что новоявленный Христос — ярый противник Кастро: два бородатых вождя одновременно — это уж слишком.

Джек Кеннеди не мог допустить, чтобы ЦРУ опять испортило все дело. Он поручил своему брату, министру юстиции Роберту Кеннеди, лично руководить тайной войной против Кастро. А ЦРУ опять отвели вспомогательную роль. Еще одно крупномасштабное вторжение вряд ли будет «правдоподобно опровергаемым», поэтому деятельность ЦРУ ограничили определенными рамками штабного расчета потребностей; если ЦРУ сочтет необходимым обратиться к Пентагону за поддержкой, значит, операция предстоит слишком крупная, или, выражаясь изящным слогом государственного департамента, «шумная». Для ЦРУ это, однако, не было таким уж непреодолимым препятствием, как могло показаться. По освещенной временем традиции межведомственного соперничества ЦРУ обошло Пентагон, сколотив для необъявленной войны в Карибском море свою собственную армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы. У братьев Кеннеди не хватало терпения считаться со статьями закона о нейтралитете. И центром операций ЦРУ на этот раз стал Майами.

Этот город превратился в крупнейшую в мире базу ЦРУ. На «уксусной фабрике», как некоторые сотрудники

* Джеймс Бонд — супершпион, герой романов английского писателя Яна Флеминга.

предпочитали называть штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли, Майами считали «своим» городом. ЦРУ учредило там столько подставных фирм, что заслуживало бы отдельного раздела на желтых страницах *. ЦРУ снимало самые сливки: от банков и универсальных магазинов до услужливого Университета Майами,— создавая «крыши» для своих агентов и вспомогательные службы. Парк автомобилей ЦРУ в Майами по численности превосходил тот, которым располагал местный филиал «Херца**», а внезапное нашествие агентов ЦРУ вызвало в городе повышение квартирной платы. ЦРУ не дождалось похвалы за те миллионы долларов, которые оно перекачало в местную экономику. Большинство жителей Майами и не подозревало, что крупнейшая диверсионная операция США готовилась в их городе. Считалось, что приглушенный грохот, доносившийся с болот Эверглейдс, не что иное, как отголосок взрывных работ, которые проводят дорожные строители. Никто не знал, что роскошные моторные яхты, скользящие порой к Гольфстриму,— на самом деле замаскированные боевые корабли ЦРУ, направляющиеся на Кубу.

Если бы только военно-морской флот ЦРУ был включен в реестр Джейна «Боевые корабли», то он занял бы место крупнейшего в Карибском море. Шпионский флот состоял из расконсервированных морских охотников, переоборудованных патрульных катеров, глиссирующих гоночных лодок и прогулочных яхт. На кораблях ЦРУ, оснащенных радарами и электронными приборами, были установлены 40-миллиметровые морские пушки, безоткатные орудия и пулеметы 50-го калибра. Экипажи этих судов, зарегистрированных, как правило, за границей — обычно в Никарагуа,— состояли из специальных агентов ЦРУ и кубинских моряков-наемников, работавших под коммерческой «крышей» морских инженерных или океанологических фирм в Майами и Уэст-Палм-Биче. Этот военно-морской флот доставлял на Кубу диверсантов и отряды коммандос. Не раз корабли ЦРУ провоцировали столкновения с кораблями кубинского ВМФ, создавая тем самым инциденты чуть ли не международного масштаба, которые ЦРУ отчаянно пыталось замять.

* На желтых страницах американских справочников публикуются данные, касающиеся делового мира.

** «Херц» — фирма, сдающая автомобили напрокат.

ВВС ЦРУ состояли, главным образом, из отремонтированных, отлаженных и переоборудованных бомбардировщиков B-26, которые во время налетов — «свободной охоты» — на такие кубинские объекты, как сахарные заводы, плантации сахарного тростника, нефтехранилища и электростанции, пилотировали летчики-наемники. Выбор ЦРУ пал на самолеты B-26 потому, что эти винтовые крепыши времен второй мировой войны сохранились на международном рынке военных излишков в большом количестве, и точно определить, что они принадлежат именно Соединенным Штатам, было невозможно. Налетчики взлетали с коммерческих аэропортов, укромных взлетно-посадочных полос и законсервированных военных аэропортов во Флориде и — реже — в Луизиане, а также с импровизированных взлетно-посадочных полос, прорубленных в джунглях Гватемалы, Никарагуа и Коста-Рики.

В ходе осуществления «Кубинского проекта» ЦРУ учредило в 60-х годах частную внутреннюю авиакомпанию «Интермаунтин эвиэйшн», а также значительно расширило другую, уже находившуюся под его контролем, — «Саузерн эир транспорт» (в 1973 году ЦРУ ее продало). И хотя «Юнайтед эйрлайнс» привыкла похваляться тем, что она является «крупнейшей авиакомпанией в свободном мире», этот титул мог бы по праву принадлежать ЦРУ, дочерние компании которого располагают большим числом самолетов, чем любая другая внутренняя авиалиния, а служащих в них занято больше, чем в самом ЦРУ. Осенью 1961 года руководитель воздушных операций во время высадки в Заливе свиней, агент, известный лишь под загадочным псевдонимом Дж., получил задание: преобразовать «Интермаунтин эвиэйшн» и расположенный близ Таксона комплекс «Марана эир парк» в полувоенное формирование авиационной поддержки, которое было бы обеспечено всем и могло бы действовать настолько самостоятельно, чтобы гарантировать ЦРУ возможность осуществить вторжение в любой части мира, не попросив у военно-воздушных сил США даже канистры горючего.

Завербованные ЦРУ из числа кубинских эмигрантов солдаты получали оружие с принадлежащих управлению складов в Миссури и Вирджинии. Первоначальную подготовку они проходили в полудюжине штатов: кубинские летчики отрабатывали сброс провианта и боеприпасов на военно-воздушной базе Марана в Аризоне; офицеров

натаскивали на «Ферме» — в учебном центре ЦРУ, расположенному в Кэмп-Пири близ Вильямсберга, штат Вирджиния, и в Форт-Беннинге, штат Джорджия; кубинские аквалангисты изучали искусство подрывных работ под водой на секретной базе ЦРУ «Изолейшн тропик» на побережье Северной Каролины; кубинских солдат (ЦРУ платило 175 долларов в месяц холостякам и 225 долларов плюс надбавка на каждого ребенка семейным) муштровали в Кендалле, к югу от Майами, на северном берегу озера Поншартрен в Луизиане и в других местах, которые выбирались по принципу: чем укромнее, тем лучше. Между 1962 и 1965 годами ЦРУ содержало эмигрантские контингенты, дислоцировавшиеся на секретных военных базах в Коста-Рике и Никарагуа. И еще в 1966 году оно продолжало размещать отряды кубинских коммандос в лагерях, устроенных в сельской местности по побережью Мексиканского залива.

Рыцари тайной войны полагались не только на диверсантов и морских пиратов. За 14-летнюю историю «Кубинского проекта» ЦРУ само предприняло по меньшей мере дюжину покушений на жизнь Кастро. Заговоры, ставившие целью его физическое уничтожение, привели ЦРУ к нашумевшим «опасным связям» с мафией. Помимо заключения контрактов на убийство Кастро, ЦРУ часто прибегало к услугам контролируемых гангстерами банков Майами, чтобы добывать наличность, необходимую для финансирования своих операций внутри страны. После серии неудачных попыток ЦРУ и мафии убить Фиделя Кастро в период с 1960 по 1963 год гангстеры, верные своему обычному деловому подходу, прекратили эти убыточные операции на Кубе и начали вкладывать капиталы в других местах, в частности на Багамских островах и на Гаити. ЦРУ же продолжало вдохновлять и поддерживать покушения на жизнь Кастро. Последняя из известных попыток была предпринята в 1971 году, когда Кастро по приглашению правительства Алленде нанес государственный визит в Чили.

Флирт ЦРУ с уголовным подпольем в 60-х годах был еще не самым захватывающим приключением. Однажды, вознамерившись подорвать кубинскую экономику с помощью поддельной валюты, ЦРУ позволило шайке фальшивомонетчиков открыть свою мастерскую в Джорджауне, на Тридцать второй улице в здании, соседнем с домом директора ЦРУ Аллена Даллеса.

Администрация Кеннеди завершила разработку сверхсекретного плана второго крупномасштабного вторжения на Кубу весной 1964 года, отмененного президентом Джонсоном после убийства Джона Кеннеди. Возражения Джонсона против высадки на Кубу были продиктованы скорее его хорошо известной неприязнью к Кеннеди, чьим любимым детищем являлся этот проект, нежели заботой о территориальной целостности Кубы.

Чтобы усыпить бдительность Джонсона, вдохновители тайной войны обратили свои взоры на Гаити. Они разработали план свержения ужасного «папы дока» Дювалье с помощью смешанных отрядов гаитянских и кубинских эмигрантов. Затем намечалось разрешить кубинцам вторжение на их родную землю через узкий Наветренный пролив, разделяющий два острова. Замыслы эти потерпели крах, когда «папа док» значительно увеличил свои вооруженные силы, заключив своего рода соглашение о ленд-лизе* — какая ирония! — с мафией, стратеги которой расценивали Гаити как потенциальный игорный рай взамен утраченной жемчужины их короны — Гаваны.

Находясь на посту вице-президента, Ричард Никсон в 1959 году оказывал содействие в разработке «Кубинского проекта». Став президентом, Никсон раздул пламя тайной войны из остывших было углей. Заговоры против Кубы он готовил в соответствии с современными условиями и возможностями, включая биологическую войну (заражение скота на Кубе африканской свиной лихорадкой) и метеорологическую войну (искусственное образование облаков, с тем чтобы вызвать сильнейшие ливни и нанести вред сельскому хозяйству Кубы). Никто из президентов не демонстрировал свою враждебность Кастро так открыто, как Никсон. Он позировал перед фотокорреспондентами, лично поздравляя участников налетов на Кубу.

История «Кубинского проекта» — это история нарушенных запретов и сбывающихся предсказаний. Запрет, содержащийся в законодательстве 1947 года, которым учреждалось ЦРУ, ограничивал деятельность управления сбором разведывательных данных за рубежом. Предосте-

* Ленд-лиз — система передачи Соединенными Штатами Америки взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, различных товаров и услуг странам — союзникам по антигитлеровской коалиции в период второй мировой войны.

режение исходило от основателей ЦРУ, которые предсказывали, что действия секретного разведывательного учреждения внутри страны приведут к такому повороту событий, какой постиг Франкенштейна*. Но никто не предполагал, что этот поворот приведет ЦРУ к мафии.

В то время, когда в стране еще не были восприняты всерьез предостережения президента Дуайта Эйзенхауэра об опасности, исходящей от военно-промышленного комплекса, его несравненно более отвратительный близнец — разведывательно-промышленный комплекс, на который мало кто обращал внимание, уже набирал силы. В этой книге будет вскрыта подноготная «Кубинского проекта»: мы расскажем, как с благословения ЦРУ заработала система, объединяющая шпионаж, организованную преступность и мир бизнеса. Будет обозначена цепочка, связывающая Говарда Хьюза, Ричарда Никсона и Майера Лански. Представление о ставках в этой игре дает следующее: Говард Хьюз, самым теснейшим образом связанный с ЦРУ, выручил от продажи своей авиакомпании «Транс уорлд эйрлайнс» всего каких-то жалких 547 миллионов долларов, в то время как его прибыли по контрактам на поставку ЦРУ оружия, техники и снаряжения для диверсионных и нелегальных военных действий достигли почти 6 миллиардов долларов.

Дельцы, спешащие погреть руки, появляются во время любой войны — и тайная война не составляет исключения. Гораздо больше пугает то наследие, которое оставил «Кубинский проект»: тайная война скомпрометировала саму демократическую систему, на защиту которой она была якобы направлена. Вся государственная структура оказалась зараженной болезнью секретности, причем поражала она один участок за другим, пока не случилось самое ужасное: главные фигуры в убийстве Джона Кеннеди так или иначе связаны с «Кубинским проектом» (либо с ЦРУ, либо с мафией, а чаще всего с обоими сразу). ЦРУ скрыло от комиссии Уоррена причастность своих агентов и подставных организаций-«крыш» к убийству Кеннеди. И это оставило нации наследие сомневаться во всем. Не менее благородные побуждения толкнули управление солгать по поводу «уотергейтского дела»: оно

* *Франкенштейн* — герой одноименного романа Мэри Шелли, создатель монстра, уничтожившего своего творца.

вновь спасало своих людей и свои «крыши». Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс в показаниях Уотергейтской комиссии* охарактеризовал Эухенио «Роландо» Мартинеса, одного из участников уотергейтского ограбления, как третьеразрядного осведомителя ЦРУ, которому время от времени перепадали жалкие гроши. Это была ложь того особого сорта, которая в ЦРУ сокращенно звалась CYA, что расшифровывалось как «Cover Your Ass» **. В действительности Мартинес был одним из наиболее высокооплачиваемых и особо доверенных агентов, связанных с «Кубинским проектом», на счету которого столько вылазок на Кубу, сколько не наберется ни у кого другого, и который вместе со своими закадычными дружками в ЦРУ был замешан в нелегальной политической деятельности внутри США.

«Уотергейт» означал, что тайная война была перенесена туда, где замышлялась,— в Вашингтон. ЦРУ и на этот раз лгало так же, как и по поводу убийства Кеннеди. Ведь в противном случае был бы вскрыт внутренний механизм самой тайной войны, а заодно и разоблачены секретные и весьма сомнительные связи правительства с людьми типа Лански, Хьюза и Никсона, не говоря уж о прочем, как выражался сам Никсон, «жутком мошенничестве». Это «мошенничество» оставило 80-м годам особенно мрачное — можно сказать, убийственное — наследие, поскольку обученные в ЦРУ кубинцы-эмигранты в конце концов приились к международной сети крайне правых террористов, осуществляющих взрывы адских машин и убийства в Соединенных Штатах и за рубежом.

Тот призрачный мирок, в котором велась тайная война, не дает возможности ответить на все вопросы, касающиеся хитросплетений интриг. Однако в этой книге дано четкое разъяснение того, что именно имел в виду Ричард Никсон, когда распорядился, чтобы Белый дом прикрыл «уотергейтское вторжение», поскольку «...проблема состоит в том, что все это уходит корнями в Залив свиней».

* Уотергейтская комиссия — специальная сенатская комиссия по расследованию «уотергейтского дела», связанного с противозаконными действиями «Комитета республиканской партии за переизбрание президента». В частности, была предпринята попытка установить подслушивающее устройство в отеле «Уотергейт», где находилась штаб-квартира демократической партии.

** «Прикрой свой зад» — обыгрывается зозвучие сокращений CYA и CIA (Центральное разведывательное управление).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГАНГСТЕР В РОЛИ ДЖЕЙМСА БОНДА

I

Судья не мог прийти в себя от изумления. По идее, это должно было быть самое обычное ходатайство со стороны самого обычного гангстера. Его звали Джонни Роселли, и он пользовался весьма дурной славой. Более полувека он выполнял разнообразные поручения мафии в Чикаго, Лас-Вегасе и Лос-Анджелесе. Самым последним преступлением, в котором его уличили, было жульничество во время карточной игры. Но шулерство Роселли носило не совсем заурядный характер. Он просверлил незаметные для постороннего глаза отверстия в расписанном позолотой потолке игорного зала закрытого клуба «Фрайерс» в Беверли-Хиллс и, тайком подсматривая через них в карты играющих, подавал при помощи электронного устройства сигналы своим соучастникам за карточными столами. А те, пользуясь подобным преимуществом, обчистили состоятельных членов клуба в целом где-то тысяч на четыреста долларов.

Судья дал Роселли пять лет. Многие в Голливуде считали, что к жулику, который обобрал до нитки «самых-самых» из их кинообщины, проявили слишком большое снисхождение. К тому же Роселли набрался наглости требовать у суда смягчения приговора! Эту просьбу, правда, не поддерживали его бывшие друзья Дин Мартин и Фрэнк Синатра *, рекомендовавшие в клуб своего земляка, который затем так их подвел.

Роселли появился на Западе в 40-х годах и занялся вымогательством и шантажом в Голливуде. С тех пор он мало изменился. Наглая петиция Роселли повергла в тот день, 6 июля 1971 года, в изумление окружного судью Уильяма Грея.

Адвокаты гангстера, торжественно поднявшись со своих мест в залитом светом, стерильно современном зале

* *Дин Мартин, Фрэнк Синатра* — популярные американские киноартисты и певцы.

федерального суда в Лос-Анджелесе, потребовали у судьи Грея смягчить приговор их обвиненному в жульничестве клиенту на том основании, что этот бывший компаньон Аль Капоне * не кто иной, как неизвестный герой «холодной войны», скрытый американский патриот, который рисковал своей жизнью, пытаясь по заданию ЦРУ убить Фиделя Кастро.

Седовласый шулер явился на судебное заседание одетым по последней моде в безукоризненный темно-серый костюм. Он сидел рядом со своими защитниками, весь внимание, темные очки скрывали азартно блестевшие глаза профессионального игрока. Роселли вежливо отказался отвечать на возникшие у судьи вопросы о связях с ЦРУ, сославшись на то, что дал присягу хранить тайны, связанные с национальной безопасностью.

Тут взвился прокурор: называть мистера Роселли американским героем — это надругательство над Аламо **. Он указал карающим перстом на щеголеватого, с хищным профилем правонарушителя Филиппо Сакка (это имя Роселли получил при рождении в 1905 году в Эстепии, а под именем Дона Джованни он известен своим собратьям по мафии). Этот человек водит кампанию с Багси Сигелом, Фрэнком Костелло, Майером Лански, «Счастливчиком» Лучано *** и им подобным; этот человек был осужден за вымогательство более миллиона долларов у киностудий «ХХ сенчури фокс» и «Уорнер бразерс»; этот человек послан мафией надзирать за игорным бизнесом в Лос-Анджелесе — Лас-Вегасе, этот человек злоупотребляет пятой поправкой ****. «Ваша честь, — объявил в заключение прокурор Дэвид Ниссен, — этот человек представляет угрозу для общества».

Однако именно этот человек был отобран секретными службами Соединенных Штатов для убийства Фиделя Кастро.

Поспешность, с которой адвокаты Роселли принялись доказывать добродорядочность своего клиента как убий-

* Аль Капоне — главарь мафии в Чикаго.

** Аламо — крепость в Техасе, ставшая в США символом мужества и патриотизма: в 1836 году в ходе Мексиканской войны была осаждена, а ее защитники перебиты.

*** Багси Сигел, Фрэнк Костелло, Майер Лански, «Счастливчик» Лучано — главари мафии.

**** Пятая поправка к конституции США, в частности, гласит: «...никого нельзя принуждать свидетельствовать против самого себя в уголовном деле».

цы-патриота, оказалась опрометчивой — они предали гласности такие факты и имена, называть которые им, пожалуй, не следовало. В том числе имя Уильяма Харви. Этот гигант с лицом, пышущим румянцем, в начале 50-х годов руководил в ЦРУ тайными операциями, или грязными трюками.

В начале 60-х годов Харви, секретный агент, создавал в ЦРУ службу «исполнительских акций» — так в разведке называли политические убийства. Возглавляемая им группа «исполнительских акций» именовалась ZR/RIFLE. Сам Харви называл ее «волшебной кнопкой». Он руководил Роселли почти все время, пока тот предпринимал попытки убить Кастро. Роселли благородно отказался от обычного вознаграждения, причитающегося в ЦРУ наемному агенту, попросив только, чтобы правительство оплатило некоторые его расходы. Их общая сумма никогда не подсчитывалась, но сюда входили счета за скоростные катера, бельгийские охотничьи ружья со специально обработанными, «улучшенными» пулями, капсулы с ядом и комфортабельные апартаменты в отелях. Роселли работал на ЦРУ с 1960 по 1963 год; в течение этого времени он предпринял шесть покушений на жизнь Фиделя Кастро.

Суд завороженно внимал фантастическим рассказам адвокатов Роселли о его интригах и отчаянной храбрости. События разворачивались то в «Дезерт-инне» в Лас-Вегасе, то в «Фонтенбло» в Майами, то в «Хилтоне» в Гаване *. Подразумевалось, что к секретным операциям разведки Соединенных Штатов были причастны и чикагский гангстерский синдикат, и деловая империя Хьюза.

Вашингтон уже давно убедился в выгодности сотрудничества с организованной преступностью. «Счастливчик» Лучано помогал умиротворять докеров Восточного побережья во время второй мировой войны, в благодарность за что и был впоследствии освобожден из тюрьмы «в связи с примерным поведением», не свойственным гангстеру. Майер Лански по указанию военно-морской разведки напес в 1944 году специальный визит своему старому сотоварищу по алкогольно-игорному бизнесу Фульхенсио Батисте, чтобы передать ему печальное известие о том, что Франклин Рузельт желал бы отставки Батисты с поста

* «Дезерт-инн», «Фонтенбло», «Хилтон» — фешенебельные гостиницы.

президента-диктатора Кубы. Оказывались и другие дружеские услуги. Но вербовка Джонни Роселли стала первым известным фактом, когда правительство, пусть и не гласно, попыталось воспользоваться той стороной деятельности синдиката, которая принесла ему широкую славу «Корпорации убийств».

Мы воздержимся от того, чтобы ставить под сомнение патриотические побуждения синдиката. Однако отметим: если бы это рискованное совместное предприятие мафии и ЦРУ, ставящее целью физическое устранение Кастро, завершилось успехом, то мафия оказалась бы в явном выигрыше. Возвращение карточных столов Гаваны и прочих побочных доходов явилось бы для уголовного подполья просто манной небесной. Суть исповедуемой в синдикате религии заключается в том, что господь помогает прежде всего тем, кто помогает себе сам. Главари мафии знали, какую получат выгоду, случись это удивительное чудо — внезапная смерть Фиделя Кастро. Первая попытка Роселли была приурочена к высадке в Заливе свиней, и накануне, 17 апреля 1961 года, ближайший помощник Лански Джо Риверс уже ждал за кулисами театра военных действий, в Нассау, с командой специалистов игорного бизнеса, готовых возродить к жизни казино, и с крупной суммой наличными, чтобы «подмазать» нужных людей, если долгожданное чудо случится.

Адвокаты Роселли под конец сделали еще один эффектный мазок кистью, чтобы завершить живописный портрет гангстера в роли Джеймса Бонда. Агентом ЦРУ, который первоначально завербовал Роселли, был некий Роберт Мэхью — правая рука Говарда Хьюза, блюститель игорных интересов этого отшельника-миллиардера.

Американский патриот из итальянской Эстерии скромно сидел рядом со своими защитниками, в то время как те изо всех сил превозносили его сильно преувеличенные деловые связи с Говардом Хьюзом и его патриотическую — пусть и смертоносную — секретную службу тайному правительству Соединенных Штатов. Ну, конечно же, такой человек, безусловно, заслуживал снисхождения суда!

Изумленный судья объявил, что он не возражает присовокупить к делу предъявленные показания, связанные с ЦРУ, хотя и выразил некоторые сомнения юридического порядка. И вообще какое они имеют отношение к жульничеству в Беверли-Хиллс?

Джонни Роселли отправили обратно в тюрьму — он не добился сокращения срока заключения за «хорошее поведение» в районе Карибского моря. Его безуспешная попытка сыграть на связях с ЦРУ вызвала бурную деятельность дезинформаторов, которые пытались спрятать концы в воду и проявляли при этом чудеса артистизма. Эта деятельность была только предвестником «Уотергейта», который год спустя потребует от многих из них еще больших усилий. Несмотря на то что Роселли, будучи благочестивым мафиозо, хранил кровавую клятву молчания, он сказал на суде вполне достаточно, чтобы подвергнуть опасности темный альянс, явившийся стержнем тайной войны: уголовное подполье, большой бизнес и разведку Соединенных Штатов.

* * *

В кабинете Роберта Мэхью в Лас-Вегасе настойчиво звонил телефон. С досадливым вздохом Мэхью поднял трубку. Пятый звонок за последние полчаса — и все репортеры из Лос-Анджелеса. Не будет ли мистер Мэхью столь любезен прокомментировать сегодняшнее заявление в федеральном суде? Это верно, что мистер Мэхью, управляющий делами Говарда Хьюза в Лас-Вегасе, является также вербовщиком ЦРУ, нанявшим гангстера убить кубинского премьера Кастро?

Боб Мэхью — круглолицый коротышка с редеющими кудрями и добрыми глазами Деда Мороза. В прошлом агент ФБР. Бывший глава фирмы международной информации и частных расследований, где весьма пригодились его приятельские контакты в ФБР. Набожный католик и ревностный семьянин. Говард Хьюз платил ему 500 тысяч долларов в год.

Существовали вопросы, которые, по мнению м-ра Хьюза, заслуживали внимания печати, другие, по его же мнению, не стоили и строчки в газете. В обязанности Мэхью вменялось следить, чтобы пресса печатала то, что необходимо было м-ру Хьюзу. Когда Хьюз пожелал, чтобы весь мир узнал, что космический аппарат «Сервейор-2» был построен его фирмой «Хьюз эйркрафт», Боб Мэхью устроил это, несмотря на существующее в НАСА *

* НАСА — Национальное управление по аeronавтике и исследованию космического пространства.

правило, запрещающее называть фирмы, производящие космическую технику. На мысе Кеннеди он подкупил служащего, имевшего доступ к астронавтам, в результате чего уже в далеком космосе один из новоиспеченных американских героев, возвращаясь по лунной поверхности к аппарату, «совершенно случайно» обмолвился о том, что тот сооружен компанией «Хьюз эйркрафт». Как правило, Мэхью преусмевал в своих предприятиях. Известен лишь единственный случай, когда ему не удалось выполнить поручение Хьюза: в 1960 году тот распорядился воспрепятствовать, по крайней мере на время, появлению в печати сообщения о предоставлении Хьюзом займа в размере 205 тысяч долларов брату Ричарда Никсона Дональду, но обозреватель вечно тякающего невпопад «Квакера» Дрю Пирсон отказался слушать разумные доводы Мэхью. И еще над одной задачей бился Боб Мэхью бесплодно: Джонни Роселли так и не удалось, сколько он ни старался, убить Фиделя Кастро.

Роберт Мэхью работал на ЦРУ по контракту с серединой 50-х годов. Как и большинство агентов ЦРУ, он не говорил даже о том, что ел на завтрак, если за него платило ЦРУ. Но в 1974 году Боб Мэхью нарушил обет молчания о совместных усилиях мафии и ЦРУ расправиться с Кастро. Сделал он это подобно Роселли — в суде. Мотивы, побудившие его к признанию, были те же, что и у Роселли. Незадолго до этого Мэхью постиг ошеломляющий удар — разрыв с его боссом-миллиардером. Хьюз провел своеобразную пресс-конференцию по телефону, в ходе которой весьма нелюбезно охарактеризовал своего бывшего служащего как «сукина сына, который обокрали меня за моей спиной», и адвокаты Мэхью отреагировали судебным иском за клевету, требуя компенсации в размере 17,5 миллиона долларов. Чтобы показать, какими высокими достоинствами обладает Мэхью, адвокаты стали задавать ему в суде вопросы о службе тайному правительству. Мэхью признал, что в конце 1960 или начале 1961 года он взялся выполнить с разрешения Хьюза «очень щекотливое задание» ЦРУ. Нужно было устроить — ради насущных национальных интересов — несговорчивого руководителя Кубы. С этой высокой целью Мэхью завербовал упомянутого гангстера и представил его своим друзьям в ЦРУ.

Запоздалая попытка Джонни Роселли найти спасение «в патриотизме» привлекла пристальное внимание к более

чем сомнительной политике убийств и террора. Оказалось, что секретные разведывательные операции тесно переплетены с личной выгодой — это составляло саму природу тайной войны. Говард Хьюз погряз в подобной практике до самых кончиков своих восьмисантиметровых ногтей. Даже Джонни Роселли получил свой куш. Гангстер, представленный ко двору Хьюза через черный ход с помощью ЦРУ, стал выполнять деловые поручения миллиардера. Роселли даже приглашали на званые обеды, устраиваемые Хьюзом для немногих избранных в его крепости на Роумэн-стрит в Лос-Анджелесе, вход в которую был ограничен настолько, что служащим, не имевшим допуска к совершенно секретным материалам, жалованье выплачивалось чеками, спускаемыми на рыболовной леске из окна второго этажа.

Как вспоминал Мэхью, Роселли «подмазал» где надо, чтобы ввести Хьюза в сверкающий мир азарта в Лас-Вегасе. Весьма деликатно Мэхью излагал следующее: «Я сказал м-ру Хьюзу, что, кажется, нашел человека, чьи способности и прошлое отвечают поставленным им требованиям, человека, имеющего связи с определенными лицами, возможно, с непривлекательным прошлым, как характеризовали мне их в правительственные учреждениях Соединенных Штатов... в ФБР и ЦРУ». Проблема заключалась в том, что помешанный на гигиене Хьюз хотел перестроить весь девятый этаж отеля «Дезерт-инн» в микробонепроницаемый рай для самого себя, прежде чем переселиться в Лас-Вегас играть в «Монополию». Владельцами «Дезерт-инн» были неподатливые джентльмены из кливлендской банды с Мейфилд-роуд, у которых планы реконструкции не вызывали никакого энтузиазма, поскольку девятый этаж обычно резервировался за игравшими по крупной завсегдатаями казино. Демонстрируя дипломатическое искусство Киссинджера от мафии, Роселли удалось замолвить кливлендцам словечко за Хьюза и убедить их уступить миллиардеру. Девятый этаж «Дезерт-инн» так понравился Хьюзу, что он решил купить всю гостиницу, а Роселли, помогавший устроить куплю-продажу, положил в карман 50 тысяч долларов комиссионных.

Таким образом, июльским полднем 1971 года, когда Боба Мэхью осаждали газетные репортеры, возникла необходимость замести некоторые следы... Говард Хьюз, конечно, не хотел бы видеть сообщения о его сделках с

Джонни Роселли на финансовых страницах газет. ЦРУ, вполне понятно, предпочло бы, чтобы его связи с гангстерским синдикатом остались семейной тайной, а Мэхью просто не мог допустить, чтобы его имя или имя босса связывали с ЦРУ.

В доуотергейтские времена, когда слова «национальная безопасность» еще не стали пустой фразой и было принято считать, что у власти находятся ответственные люди, наглая ложь служила наиболее эффективным способом скрыть правду. Поэтому Роберт Мэхью решил все-таки отвечать на «нелепые» вопросы о его и Говарда Хьюза связях с Джонни Роселли и ему подобными и с ЦРУ. «Я не унизусь даже до комментариев по поводу этой истории», — заявил он. И это сработало.

II

Мы убиваем только друг друга.
Багси Сигел

Роберт Мэхью и Джонни Роселли сидели в ресторане «Браун дерби» в Беверли-Хиллс, низко склонившись над рюмками. Шел сентябрь 1960 года. Они говорили о деле. Вознаграждение по «звездно-полосатому» контракту за убийство Фиделя Кастро составляло 150 тысяч долларов плюс оплата расходов, но Роселли заявил, что за деньги он за это не возьмется.

Как впоследствии показывал Мэхью, «гангстер очень колебался. Он никак не мог решиться на участие в этой операции». Мэхью удалось убедить Роселли в том, что убийство Кастро является «важной составной частью плана, которая обеспечит успех вторжения... Он в конце концов сказал, что чувствует себя обязанным перед правительством, и согласился».

Но предварительно Роселли хотел встретиться с кем-нибудь из ЦРУ, кто подтвердил бы, что это на самом деле «патриотическая» операция.

Через неделю Мэхью представил Роселли «Джиму Олдсу», который в действительности был начальником отдела оперативной поддержки ЦРУ, «Большим Джимом» О'Коннеллом. О'Коннелл, скорбное лицо которого сразу вызывало в памяти печальную морду таксы, во время второй мировой войны служил вместе с Мэхью в

ФБР, а потом стал «гувернером» — руководителем Мэхью в ЦРУ. Встреча состоялась в отеле «Плаза» в Нью-Йорке, где О'Коннелл находился по важному делу. В Гарлеме, в гостинице «Тереса», жил Фидель Кастро. Глава кубинского правительства прибыл в Нью-Йорк для участия в ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Джим О'Коннелл в «Плазе» прикидывал планы его убийства. Кастро курил сигары, и ЦРУ решило этим воспользоваться. Изготовить ядовитое вещество и начинить им сигары было поручено отделу технической поддержки, чьими лабораториями так восхищался директор ЦРУ Аллен Даллес. Его биограф писал:

«Он очень интересовался самыми зловещими экспериментами ЦРУ: действующими на психику наркотиками, смертоносными вирусами в ампулах, малоизвестными ядами, вызывающими моментальную смерть. Аллен с присущим ему чувством юмора рассмеялся, когда узнал, что подразделение называется «Комиссией перестройки здоровья» (его возглавляли д-р Сидней Готтлиб и Борис Пэш), и добавил к своей коллекции диковин ЦРУ специально изготовленный бесшумный пистолет, который стрелял иголками, отравленными ЛСД *, микробами или ядом, во вражеских агентов или иностранцев, чье существование ЦРУ считает обременительным».

Насколько радикально намеревалось ЦРУ «перестроить» здоровье Кастро в Нью-Йорке — вопрос спорный. Несколько месяцами раньше специалист в отделе технической поддержки по био- и органической химии Джозеф Шайдер, которого в ЦРУ считали кем-то вроде Лукреции Борджиа, выдвинул идею распылить в гаванской радиостудии Кастро вещество, вызывающее галлюцинации. Затем он предложил начинить тем же веществом сигару, которую премьер, возможно, захочет выкурить перед речью. Оба предложения были отвергнуты, поскольку вещество оказалось ненадежным. Но мысль вложить Кастро в зубы «хитрую» сигару стала *«idée de fix»* ЦРУ.

ЦРУ отвело специальные апартаменты в отеле «Уолдорф-Астория» для отдыха полицейских, выделенных охранять Кастро во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Управление угощало их клубникой в девонширском

* ЛСД — сильнодействующий наркотик, который вызывает временные нарушения психики, напоминающие приступы шизофрении.

соусе. Дэвид Уайз и Томас Росс в книге «Шпионское хозяйство» пишут:

«Главный инспектор (впоследствии комиссар) полиции Нью-Йорка Майк Мэрфи зашел в отель. Тут его остановил знакомый из ЦРУ и рассказал страшную историю. В управлении есть план, обыденным тоном излагал человек из ЦРУ, подложить коробку особых сигар в таком месте, где Кастро смог бы взять и закурить одну из них. Когда он сделает это, сказал агент, сигара взорвется. Мэрфи не на шутку перепугался, поскольку в его обязанности входило охранять, а не хоронить Кастро. Может быть, ЦРУ просто морочит Мэрфи голову, но агент, казалось, был совершенно серьезен. К огромному облегчению Мэрфи, человек ЦРУ объяснил, что этот план решено не осуществлять».

Другой вариант: ЦРУ не станет убивать Кастро, а только лишит притягательности его образа. Вместо взрывчатки сигары Кастро будут начинены кошмарным средством для удаления волос: Кастро облысеет и лишится титула «Бородач». По этому плану предусматривалось подложить способствующие облысению сигары во время выступления Кастро по телевидению вместе с ведущим дискуссионной программы Дэвидом Сасскайндом. По поводу того, пострадает ли образ кубинского премьера так непоправимо, как хотелось бы, ЦРУ консультировалось со своим экспертом-психологом Дэвидом Филиппсом. «Я сказал: да, пострадает,— вспоминает Филиппс,— и спросил, каким образом предполагается подложить сигары кубинскому революционеру, чтобы гарантировать, что именно он, а не другие — например, Дэвид Сасскайнд — выкурят эту отраву? Больше я об этом плане не слышал».

Все же мечтания ЦРУ, связанные с сигарами, исчезали медленно. Уже после возвращения Кастро на Кубу коробку сигар его любимого сорта обработали ботулиническим токсином такой концентрации, которая вызывала бы смерть у любого, взявшего сигару в рот. Коробку передали агенту-двойнику. Он должен был предложить сигару Кастро, по всей видимости, от нее отказавшемуся. «Сигарные» планы знаменовали лишь начало истории покушений ЦРУ на жизнь Кастро.

«Если нужно кого-то убить, думаю, есть человек, готовый за это взяться», — сказал однажды бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс, имея в виду Джонни Роселли.

Возникновение идеи использовать мафию для осуществления операций, связанных с «национальной безопасностью», относится ко временам второй мировой войны, когда военно-морская разведка обратилась к услугам «Счастливчика» Лучано. ЦРУ и мафия стали как родные братья. «Чтобы понять, как это происходит,— говорил отставной полковник ВВС США Флетчер Праути, бывший офицер связи между Пентагоном и ЦРУ,— надо представить себе деятельность ЦРУ и организованной преступности в виде расходящихся по всему миру гигантских кругов. В некоторых местах эти круги неизбежно пересекаются». Больше того, в 1975 году корреспондент Си-би-эс * Дэниел Шорр сообщил: постоянная подкомиссия по расследованиям во главе с сенатором Генри Джексоном обнаружила доказательства того, что ЦРУ и мафия совместно занимаются подделкой денег. ЦРУ, отмечал Шорр, переправило в Юго-Восточную Азию подлинные клише Печатно-гравировального бюро США, с которых в сотрудничестве с мафией изготовило миллиарды фальшивых долларов. По некоторым оценкам, их общая сумма достигала 20 миллиардов. ЦРУ использовало приглашающуюся ему долю «хитрых» денег для финансирования своих тайных операций, а также скупало на них опиум в Юго-Восточной Азии и Турции, чтобы не допустить его поступления в Соединенные Штаты. Комиссии Джексона так и не удалось узнать, что же ЦРУ делало с наркотиками, которые оно изымало с рынка.

Осенью 1960 года ЦРУ обдумывало планы убийства не только Кастро, но и других лидеров в странах «третьего мира», например Патриса Лумумбы в Конго. Управление даже намеревалось собрать из гангстеров ударную группу для выполнения такого рода заданий по всему миру. С этой целью ЦРУ обратилось к Чарльзу Сирагусе, высокопоставленному чиновнику Федерального бюро по борьбе с распространением наркотиков, который знал о мафии больше, чем, вероятно, любой другой полицейский страны. Сирагуса во время второй мировой войны был офицером военной разведки и осуществлял связь между своим бюро и ЦРУ. Он поразился, когда его коллега из ЦРУ предложил ему воспользоваться своими знаниями уголовного мира и возобновить контакты с ним для вербовки убийц-добровольцев, которым из неподот-

* Си-би-эс — американская радиовещательная компания.

четных сумм будет выплачиваться миллион долларов за каждое убийство. «Сначала я подумал, что он шутит», — вспоминал Сирагуса. Но это была вовсе не шутка. Сирагуса отверг предложение: «Одно дело — когда идет война, но в мирное время все по-другому».

Тем не менее ЦРУ не отказалось от своего плана, наняв европейского гангстера, которому была дана кодовая кличка QJ/WIN. Ему было поручено искать «лиц, имеющих связи с преступным миром в Европе, для возможного многоцелевого использования». Как установила специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов, одним из завербованных был мошенник, фальшивомонетчик и грабитель банков, получивший кодовую кличку WI/ROGUE. В телеграмме в ЦРУ QJ/WIN сообщил, что нанял его в качестве «члена разведсети и карательной группы». «На заседании Совета национальной безопасности 18 августа 1960 года президент Эйзенхауэр выразил серьезную озабоченность по поводу Лумумбы. Вполне вероятно, что Аллен Даллес воспринял его слова как приказ убить Лумумбу», — отмечает специальная сенатская комиссия. После этого заседания Даллес телеграфировал резидентуре ЦРУ в Конго, что «в верхах» считают «устранение» Лумумбы «неотложной и первостепенной задачей».

ЦРУ натравило на Лумумбу своих наемных убийц. Однако эти усилия были безуспешными, поскольку, по словам шефа конголезской резидентуры ЦРУ, контролировать агента WI/ROGUE было так же невозможно, как и «неуправляемую ракету». Стремясь поскорее покончить с заданием, ЦРУ направило в Конго Джозефа Шайдера, который захватил набор пробирок с микробами, вызывающими смертельную болезнь, «типичную для указанного района». И хотя Лумумба вроде бы не курил сигар, предполагалось, что он все же пользуется зубной щеткой. Но прежде чем ЦРУ добралось до туалетных принадлежностей Лумумбы, с ним расправились его политические противники.

Как сухо заметил один из сотрудников ЦРУ, это было «чисто африканское дело».

* * *

В 1960 году штаб-квартира ЦРУ располагалась во временных строениях, принадлежавших во время второй мировой войны ВМС США. Они теснились у Огайского

шоссе неподалеку от памятника Линкольну в Вашингтоне. Ее «нервным центром» были бывшие казармы, которые называли «Глазом». В июле 1960 года туда поступила телеграмма из гаванской резидентуры. Один из кубинских секретных агентов ЦРУ должен встретиться с Раулем Кастро, министром обороны. Гаванская резидентура запрашивала, какими специфическими сведениями ему следует интересоваться. Прочитав ответную телеграмму, в гаванской резидентуре «поперхнулись». В ней говорилось, что «штаб-квартира уделяет серьезное внимание вопросу об устранении трех главных лидеров». Центр запрашивал, имеет ли кубинский агент «достаточные мотивы», чтобы пойти на риск, связанный с организацией «несчастного случая» при встрече с Раулем. Спустя несколько часов из Вашингтона пришла еще одна телеграмма, содержащая предложение «отказаться от дела». Но было слишком поздно: кубинец уже отправился к Раулю. Впоследствии гаванская резидентура ЦРУ доложила, что возможности устроить «несчастный случай» ему не представилось.

Если эти противоречивые телеграммы и отражали существование какой-то неопределенности в штаб-квартире ЦРУ в отношении террористических актов, то вскоре она уступила место абсолютной ясности. Хотя Говард Хант в своих мемуарах претендует на подобную честь, похоже, что первым человеком в ЦРУ, который предложил убить Кастро, был полковник Дж. Кинг, руководитель отдела стран Западного полушария ЦРУ. Кинг и бывший посол США в Бразилии и Перу Уильям «Летающий тигр» Поули пытались расправиться с Кастро еще в 1958 году.

В декабре 1959 года Кинг представил на имя Даллеса секретный меморандум, из которого следовало, что на Кубе существует «крайне левая диктатура». Если ее не устраниТЬ, то, по мнению Кинга, она будет способствовать активизации антиамериканской деятельности в других странах Латинской Америки. Кинг разработал ряд мер по «урегулированию» этой проблемы. Среди них было и предложение «тщательно изучить вопрос о физическом устранении Фиделя Кастро. Никто из близких Кастро людей не обладает столь гипнотическим влиянием на массы. Многие сведущие люди полагают, что исчезновение Кастро значительно ускорило бы падение нынешнего правительства».

Даллес передал предложения Кинга на рассмотрение искуснику Ричарду Бисселу, своему заместителю, начальнику управления планирования, под руководством которого Кинг работал в секретных службах. Выпускник Йельского университета, Биссел отличался суетливыми манерами университетского профессора, каковыми он в свое время и был. В ЦРУ он пришел в 1954 году по приглашению Даллеса и в том же году осуществил свержение нового правительства в Гватемале, провинившегося перед американской компанией «Юнайтед фрут». Затем он руководил конструированием и постройкой шпионского самолета U-2. Биссел был восходящей звездой ЦРУ. Он полностью согласился с предложением Кинга ликвидировать Кастро. Резолюция, нацарапанная от руки на меморандуме Кинга, свидетельствует, что Даллес разделял мнение Биссела и одобрил рекомендации Кинга.

Уже в январе Биссел обратился к шефу службы безопасности полковнику Шеффилду Эдварду с просьбой подыскать кандидата, способного убить Фиделя Кастро. При этом сказал, что обсуждал упомянутое решение с Алленом Даллесом, который, вероятно, докладывал о нем Эйзенхаузеру. Биссел не собирался ждать какого-то особого распоряжения президента, поскольку, как он заявил, о таких делах говорят весьма осторожно, дабы «нельзя было доказать, что глава государства утвердил ту или иную операцию». Отсутствие запрещения на ее проведение он воспринял как согласие «кое от кого избавиться».

Полковник Эдвардс предположил, что, возможно, члены гангстерского синдиката, которые в свое время орудовали в гаванских казино, захотят и смогут выполнить это задание. Его подчиненный Джим О'Коннелл рекомендовал в качестве посредника между ЦРУ и синдикатом Роберта Мэхью.

Ежемесячно Мэхью получал от ЦРУ 500 долларов. Управление оплачивало также аренду его конторы, поскольку «он всегда должен быть под рукой на случай необходимости». В задачу Мэхью входило улаживать ситуации, когда управление «не хотело, чтобы был замешан и пойман человек, связанный с ЦРУ или правительством».

Когда О'Коннелл решил «прощупать» Мэхью насчет «кастровского дела», тот работал исключительно на Го-

варда Хьюза. Хьюз нанял Мэхью, чтобы он присматривал за его подружками. С течением времени их отношения стали настолько близкими, что Хьюз попросил Мэхью отказать всем другим клиентам и переехать в Лос-Анджелес, предложив ему 500 тысяч долларов в год. На этот раз в его задачи входило, как скромно говорил Мэхью, быть «советником по политическим и государственным вопросам».

Предложение О'Коннелла заняться «делом Кастро» Мэхью готов был принять с радостью. Но ему необходимо разрешение босса. Уговорить Хьюза оказалось совсем не трудно.

Мотивы Хьюза не носили идеологического характера. Он просто хотел с помощью Мэхью расширить и укрепить связи своей деловой империи с ЦРУ в обмен на правительственные льготы. А в отношении Кубы он строил свои собственные планы. Его бывший помощник рассказывал, что Хьюз рассматривал Кубу без Кастро как идеальное место, где можно уклоняться от налогов. Хьюз намеревался, вспоминал Мэхью, как только не станет Кастро, ринуться на Кубу, скупить казино (так он поступил впоследствии в Лас-Вегасе), открыть увеселительные парки на побережье и построить собственный аэропорт, сев, таким образом, на трон новым королем кубинского туризма. И поскольку бухгалтерия в казино замечательно поддается всякого рода манипуляциям, он рассчитывал превратить все предприятия в одно сплошное уклонение от налогов. Успех этих замыслов будет, конечно, зависеть от сделки с гангстерским синдикатом, против которой миллиардер вовсе не возражал. Хьюз восхищался гангстерами: в 1931 году он экранизировал роман Бена Хекта «Шрам на лице», посвященный Аль Капоне, а позднее всячески поддерживал карьеру киноактера Джорджа Рафта, которому так полюбились роли гангстеров, что он согласился выступать в качестве «хозяина» в гаванском казино Майера Лански. «Хьюз с большим уважением относился к мафии,— вспоминал его бывший помощник.— Я думаю, что он надеялся стать партнером Лански». Вот так миллиардер включился в тайную войну.

Мэхью, О'Коннелл и Роселли встретились в Майами для разработки деталей операции. По одобренной ими «легенде» Роселли под вымышленным именем Джон Рэл-

стон должен был выдавать себя за представителя интересов уоллстритовских бизнесменов, владевшего никелевыми рудниками и другой собственностью на Кубе и желающего заполучить все обратно.

Никакая игра воображения не помогла бы принять Роселли за дельца с Уолл-стрит. Но в управлении и не надеялись, что его «легенда» будет выглядеть правдоподобно, и, по правде говоря, вовсе не хотели этого. ЦРУ считало, что гангстерское подполье располагало прекрасными возможностями, полностью отвечающими нуждам ЦРУ, которые определялись ходовой в управлении аббревиатурой СЧА. ЦРУ планировало использовать тягу поп-культуры к мафии, чтобы отвлечь внимание от себя, когда один из заговоров с целью убийства увенчается успехом. Любой американец, посмотревший фильм о нравах мафии, мог с уверенностью крупного специалиста судить о том, как ребята из синдиката поступили бы с кем-нибудь вроде Кастро, который посягнул на их территорию. А ведь Гавана — это вам не игра по мелкой где-нибудь в пригородах Чикаго, а самый настоящий печатный станок, который ежегодно производил сотни миллионов долларов прибыли от игорного бизнеса, наркотиков и подпольных абортов. Полагаясь именно на такой ход мыслей обывателя, «министерство пропаганды» ЦРУ чувствовало себя в безопасности: американскому сердцу «Крестный отец» * несравненно милее Джеймса Бонда, и выдать убийство Кастро за месть гангстеров было бы совсем нетрудно.

Сохранившиеся с 50-х годов связи Роселли с гаванским игорным бизнесом делали его подходящим кандидатом для такого задания. В 1960 году он все еще поддерживал прочные контакты в контролируемом политиканами профсоюзе поваров и барменов, пенсионный фонд которого во времена Батисты был использован для строительства гаванского отеля «Хилтон» — точно так же, как миллионы из пенсионного фонда профсоюза водителей грузовых автомобилей вкладывались в сооружение предприятий индустрии азарта в Соединенных Штатах. Закадычные дружки в профсоюзе могли предоставить ему курьеров для посылки на Кубу с целью осуществления

* «Крестный отец» — роман Марио Пьюзо и одноименный фильм Фрэнсиса Копполы о нравах мафии,

подготовительной работы и поисков в окружении Кастро подходящего кандидата, готового пойти «на дело».

Несколько дней спустя, на этот раз уже в великолепном отеле «Фонтенбло», они обсуждали технические детали покушения на Кастро. Роселли привел с собой двух друзей, которые, по его словам, могли помочь выполнить это задание. Он представил их О'Коннеллу как «Сэма Голда» и «Джо». И только в конце недели, когда порядком струхнувший Мэхью показал ему в воскресном приложении «Пэрэйд» к газете «Майами таймс» статью о начатой властями кампании против организованной преступности с фотографиями «Сэма» и «Джо», О'Коннелл понял, что он встречался с одним из главарей чикагской мафии Сэмом «Момо» Джанканой и его майамским коллегой Санtosом Траффиканте, числящимися в розыске. Но к тому времени, признавался потом О'Коннелл, «мы уже влезли в это дело по уши».

ЦРУ предполагало, что мафия просто прикончит Кастро — как в кино, — однако, по мнению Роселли, Джанканы и Траффиканте, расправа с главой государства требовала несколько большей изобретательности и искусства, чем, скажем, с Альбертом Анастасиа *. Роселли хотел, чтобы дело было сработано «тихо и чисто», и предложил подсунуть Кастро «хитрую пилюлю» — если ЦРУ сумеет изготовить смертоносный, но медленно действующий яд, то взявшийся за эту «работу» парень сумеет скрыться.

ЦРУ сразу схватилось за эту идею и призвало на помощь незаурядный талант Джозефа Шайдера из отдела технической поддержки, который создал доведенную до совершенства партию пилюль, содержащих ботулинический токсин; испытанные на обезьянах пилюли «принесли желаемый результат». В феврале 1961 года Шайдер вручил их О'Коннеллу.

О'Коннелл передал пилюли Роселли, который, согласно докладу специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов 1975 года, вскоре сообщил, что они доставлены «приближенному к Кастро официальному лицу, желающему иметь долю в игорном бизнесе». Через несколько недель это «официальное лицо» возвратило пилюли, объяснив,

* Альберт Анастасиа — один из боссов мафии, застреленный соперниками среди бела дня в парикмахерской на Бродвее.

что его сняли с занимаемой должности. Но Роселли и О'Коннелл решили, что он просто «струхнул».

Роселли принялся искать другого человека, который взялся бы за это дело.

Рискованное предприятие почти сразу же начало сталкиваться с трудностями, которые объясняются весьма просто: как и во многих других деловых сделках, мафию обуяла жадность. ЦРУ дало ей в руки несколько козырей, и она, пытаясь выторговать себе от правительства всевозможные льготы, пустила их в ход много раньше, чем ЦРУ могло предполагать. Однажды это чуть не привело к разрыву между ЦРУ и «Корпорацией убийств». А поводом послужили дела сердечные.

Сэм «Момо» Джанкана влюбился. Предметом его пылкой страсти была певица Филлис Макгуайр. Джанкана подозревал, что она неравнодушна к комедийному актеру Дэну Раузну. Эти терзания мешали ему работать. В попытке облегчить любовные муки Джанканы Мэхью переговорил по-свойски со старинным приятелем по службе в ФБР Эдвардом Дюбуа, который держал частное сыскное агентство в Майами. То, что за этим последовало, О'Коннелл позже назовет «чистой комедией». Дюбуа, получив от Мэхью пять тысяч долларов, почерпнутые из фондов ЦРУ, отправил одного из своих частных детективов в Лас-Вегас, где тот должен был обыскать номер, снятый Раузном в отеле «Ривьера», и установить подслушивающий аппарат в телефоне с тем, чтобы Джанкана сам мог убедиться, кому принадлежит сердце мисс Макгуайр. Однако детектив действовал неосторожно и горничная обнаружила его проделку. Он был арестован местным шерифом, а разъяренному Роселли пришлось внести за него залог. «Все пошло наスマрку, все «крыши», которые я так старался соорудить, чтобы все было тихо, спокойно», — горестно причитал Роселли. Джанкана не разделял его досады. «Он так хотела, что чуть не подавился сигарой», — вспоминал Роселли.

18 октября 1961 года ФБР направило Ричарду Бисселлу секретный меморандум, в котором предупреждало: Джанкана открыто похваляется, что «с Фиделем Кастро будет скоро покончено». Примерно в то же время агенты ФБР пытались вынудить Роселли стать их осведомителем, показав ему фотографию, на которой он, юный

Филиппо Сакко, был запечатлен в родной Эстерии: они знали, кем он был на самом деле. Гангстеру пришлось обратиться к своим новым партнерам в ЦРУ, чтобы ФБР оставило его в покое — в интересах национальной безопасности.

Мафия искренне оскорбилась тем, что ряд учреждений федерального правительства не уважает ореол легальности, который, как она считала, создан вокруг нее службой на ЦРУ. Чаки Инглиш, правая рука Сэма Джанканны, однажды выбежал из излюбленного гангстерами ресторана в Форест-парке, штат Иллинойс, и в сердцах бросил агентам ФБР из группы наблюдения, слонявшимся вокруг здания: «Ну, в чем дело? И не надоела вам, ребята, эта муга? Мы же все из одной команды!»

III

В июле 1960 года, как раз накануне съезда демократической партии в Лос-Анджелесе, в приемную сената в Вашингтоне были тайком проведены лидеры эмигрантских кубинских группировок.

Сенатор Джон Кеннеди обменялся рукопожатиями с Мануэлем Артиме, Тони Вароной, Аурелиано Санчесом Аранго. Им отводились ключевые роли во вторжении в Залив свиней, а двое из них будут замешаны в попытках ЦРУ убить кубинского руководителя. Неофициальную встречу устроило Центральное разведывательное управление. Таким способом ЦРУ хотело дать знать кандидату от демократов на президентский пост, что оно готовит свержение Кастро.

ЦРУ, безусловно, стремилось на всякий случай подстраховаться: ничто не должно помешать ему расправиться с Кастро, — независимо от того, кто сидит в Овальном кабинете *. Сильную фракцию сторонников Кеннеди в ЦРУ возглавлял Ричард Биссел. После того как Кеннеди был официально выдвинут кандидатом на пост президента, Аллен Даллес по существующей в ЦРУ традиции ввел его в курс текущих событий, сделав 23 июля обзорный доклад. По окончании беседы Кеннеди заявил, что они «детально» обсуждали вопрос о Кубе и Африке, читай — о Кастро и Лумумбе.

* *Овальный кабинет* — рабочий кабинет президента США в Белом доме.

Кубинский вопрос решительнейшим образом вторгался в ход предвыборной кампании 1960 года с самого ее начала. Доходившие из Майами слухи о подготовке Центральным разведывательным управлением сил вторжения на Кубу только что не сводили лагерь Кеннеди с ума. Ведь если Кастро будет свергнут до выборов, все лавры достанутся Никсону. Стратеги из лагеря Кеннеди предлагали, чтобы он выступил с речью, в которой предвосхитил бы это событие и постарался по возможности нейтрализовать его политический эффект. Уильям Эттвуд, который писал речи для Кеннеди, несколько раз звонил во Флориду одному репортеру, собиравшему по заданию журнала «Лайф» материал для статьи о подготовке кубинских эмигрантов. Эттвуд выразил глубокую озабоченность тем, что вторжение начнется до выборов, но корреспондент «Лайфа» заверил его, что для этого кубинские эмигранты пока еще недостаточно подготовлены.

В мозговом центре штаба Никсона делали ставку на осуществление вторжения до ноябрьского голосования. Никсон считал, что его «победа будет предрешена», если Кастро падет до выборов.

Для Никсона и Кеннеди кубинский вопрос приобрел просто парадоксальный характер. Ричарду Никсону — профессиональному «ястребу», отвечающему в Белом доме за вторжение,— пришлось прикусить язык и выжидать. Свое истинное отношение к кубинскому вопросу он был вынужден маскировать фразами о государственной мудрости. Джон Кеннеди — либерал, игравший на своем католицизме, обратился тем не менее к безудержной травле своего консервативного оппонента. Уже превратив несуществующее отставание США в области ракетных вооружений в один из основных пунктов своей предвыборной кампании, он еще шире распластал крылья чисто «ястребиных» маневров и использовал Кубу на манер дубинки, которую раз за разом обрушивал на голову Никсона. Это потрясло даже его конкурента, признанного мастера дешевых трюков, назвавшего подобную тактику «нечестной». 23 сентября Кеннеди заявил о необходимости «поддерживать силы, борющиеся за свободу в горах Кубы и в изгнании». 6 октября он призвал «поддержать тех свободолюбивых кубинцев, которые оказываются сопротивление Кастро». Он недвусмысленно дал понять, что администрация Эйзенхауэра в этом вопросе

проявляет недопустимое бездействие, произнеся трескучую фразу о том, что «коммунистической угрозе позволили возникнуть под самым нашим носом, всего в 90 милях от наших берегов».

Никсону оставалось только обиженно вздыхать, он уже стал беспокоиться, что даже если вторжение и произойдет в выгодное для него время, его ловкий оппонент сумеет сделать какой-нибудь хитрый ход и присвоить себе все лавры. По мере приближения финальных телевизионных дебатов между кандидатами обе стороны начали понимать, что о каком-либо вторжении до выборов не может быть и речи. 20 октября, накануне дебатов в Нью-Йорке, из лагеря Кеннеди в печать было передано заявление. В нем, в частности, говорилось: «Мы должны оказать поддержку борющимся против Кастро и не связанным с Батистой демократическим силам, находящимся в изгнании и на самой Кубе, в них — единственная надежда на окончательное свержение Кастро».

Подобное заявление было равнозначно обвинению в том, что администрация Эйзенхауэра недооценила и пренебрегла эмигрантами. Никсон выходил из себя. В своих мемуарах он писал с типичным для него самодовольствием, что «тайная подготовка кубинских беженцев» была предпринята ЦРУ «в значительной степени благодаря моим усилиям», а тут Кеннеди представляет дело так, будто подобная идея пришла в голову ему первому! Никсон поручил находившемуся с ним в Нью-Йорке министру внутренних дел Фреду Ситону «немедленно связаться с Белым домом по прямому проводу и узнать, сообщил ли Даллес Кеннеди, что уже многие месяцы ЦРУ не только поддерживает и помогает, но и практически обучает и готовит кубинских эмигрантов для вторжения на Кубу». Ситон переговорил с бригадным генералом Эндрю Гудпейстером, который осуществлял связь между Эйзенхауэром и ЦРУ. Через полчаса пришел ответ: «Кеннеди ознакомлен с операцией».

Такие верные сторонники президента, как Ричард Гудвин *, настаивают, что в лагере Кеннеди не могли знать заранее о вторжении, а все более и более важительные заявления по Кубе диктовались лишь нуждами предвыборной кампании. Действительно, летом 1960 года честолюбивые замыслы ЦРУ только еще принимали очертания плана крупномасштабного вторжения. Однако,

* Ричард Гудвин — помощник президента Дж. Кеннеди.

учитывая общую «ястребиную» линию кампании Кеннеди и тот факт, что Кеннеди — среди немногих избранных, проинформированных Алленом Даллесом,— были известны замыслы ЦРУ, обучавшего кубинских контрреволюционеров, можно не сомневаться — Кеннеди знал: что-то готовится. Он намеренно тыкал Никсона носом, извращая факты и ставя их с ног на голову.

У Никсона не было иного выхода, как держаться избранной линии. В своих мемуарах он писал:

«Секретность операции следовало сохранить любой ценой. Я не мог дать понять даже намеком, что Соединенные Штаты оказывают помощь мятежным силам на Кубе и за ее пределами. Фактически я вынужден был броситься в другую крайность: пришлось обрушиться на предложение Кеннеди, которое предусматривало такую помощь, и объявить его ошибочным и безответственным, поскольку оно противоречит нашим договорным обязательствам».

Следующим вечером, во время теледебатов, он подверг критике предложение Кеннеди, назвав его «опасно безответственным», а в последующих выступлениях клеймил его как «опрометчивое» и «фантастическое». Никсон, обернувшись голубком мира, зашел весьма далеко, обвинив Кеннеди даже в том, что он, устраивая шумиху вокруг вторжения на Кубу, рискует вызвать третью мировую войну.

Кубинские эмигранты видели в Кеннеди свою новую надежду, и, когда стали известны результаты голосования, ликованию «Малой Гаваны» не было конца.

18 ноября Биссел и Даллес вылетели в Палм-Бич, чтобы доложить вновь избранному президенту о плане крупномасштабного вторжения. Кеннеди с некоторыми оговорками его одобрил.

— Привет, Чико.

Услышав знакомый голос, Дэвид Филлипс поднялся из-за письменного стола в отделе пропаганды ЦРУ. Перед ним стоял улыбающийся Говард Хант, протягивая руку:

— Рад снова работать с тобой.

— Добро пожаловать, — ответил Филлипс.

Хант и Филлипс были ветеранами гватемальской кампании ЦРУ 1954 года. «Кубинский проект» должен стать ее точной копией. В Гватемале ЦРУ обучило

«патриотическую» оппозиционную армию, обеспечило ей тыловую поддержку и дирижировало «вторжением». Мишенью был Хакобо Арбенс, который после избрания его президентом неожиданно начал проводить социально-экономические реформы. Он сделал непростительную ошибку, экспроприировав более четверти миллиона акров земли компании «Юнайтед фрут», предложив совершенно неподходящую, по мнению фирмы, компенсацию.

У «Юнайтед фрут» были могущественные друзья в Вашингтоне. Директор ЦРУ Аллен Даллес являлся ее акционером. Его брату, государственному секретарю Джону Фостеру Даллесу, также принадлежала изрядная часть акций, а адвокатская контора Даллесов «Салливан и Кромвелл» представляла юридические интересы «Юнайтед фрут». В совет директоров «Юнайтед фрут» входил генерал Роберт Катлер, председатель Совета национальной безопасности, утверждавший все секретные операции.

Хант недавно прибыл из Уругвая, где возглавлял резидентуру ЦРУ — его первый (и последний) руководящий пост. Высокий, худощавый, с широко расставленными совиними глазами, Хант, казалось, был рожден для шпионской жизни. Когда он не играл в шпионские игры, он писал о них в шпионских романах — весьма бледных копиях Джеймса Бонда. Время от времени он вел себя с той же бравадой, что и его выдуманные герои, и порой, подобно им, имел неприятности с начальством.

То, что его отзывали в штаб-квартиру, никак нельзя было назвать повышением. В Уругвае Хант проявил такую независимость и самостоятельность, что вызвал раздражение самого Айка Эйзенхауэра. В Монтевидео Хант, похоже, большую часть времени проводил, объезжая в «кадиллаке» ЦРУ местные бары или раскручивая замысловатые сюжеты дешевых шпионских романов, которые являлись источником его дополнительных — и весьма внушительных — доходов. В начале 1960 года ему сообщили: его отзывают в Вашингтон. Хант не желал расставаться с Монтевидео, где так приятно проводил время. Он заявил вступающему на пост президента Уругвая Бенито Нардоне, что незаменим для поддержания дружественных отношений между двумя странами и что Нардоне во время предстоящего государственного визита в США следует потребовать от Эйзенхауэра оставить Ханта в Монтевидео. Нардоне так и сделал, вызвав

у Айка величайшее удивление. Эйзенхауэр, будучи военным до мозга костей, посчитал себя оскорблённым подобным отступлением от общепринятых норм. Он заявил послу США в Уругвае, что не имеет ни малейшего желания вмешиваться в кадровую политику ЦРУ, и вообще, кто он такой, этот самый Хант?

По мнению многих коллег, Ханту не хватало способности трезво оценивать последствия своих поступков. Филлипс вспоминал, как накануне переворота 1954 года Хант устроил лидерам гватемальской эмиграции, присутствие которых в Майами предполагалось хранить в строгой тайне, грандиозный кутеж вочных клубах, еда не приведший к катастрофе. Однако Хант продолжал пользоваться доверием заместителя Биссела Трейси Бернса, служившего вместе с Хантом в УСС. Бернс спровоцировал его под видом туриста изучить обстановку в Гаване. После весьма бурного турне Хант доложил, что ЦРУ не следует рассчитывать на то, что вторжение будет поддержано народным восстанием. Он предложил уничтожить перед самым нападением все электронные средства связи с тем, чтобы кубинские руководители не смогли организовать массы на отпор. Но главное — это убийство Кастро в момент вторжения: «в суматохе, вызванной отсутствием руководства, кубинские вооруженные силы просто развалятся».

Бернс сообщил Ханту, что его доклад будет учтен при разработке окончательных планов вторжения. И поскольку время шло, а новостей никаких не было, Хант стал буквально преследовать Бернса, настырно допытываясь, что стало с его предложением убить Кастро. «Все в руках специальной группы» — единственно, что отвечал ему Бернс.

В 1947 году конгресс принял законодательный акт, согласно которому создавался Совет национальной безопасности. В его обязанности вменялось обсуждать задачи внешней политики и ход их осуществления. В Совет входят президент, вице-президент, государственный секретарь, министр обороны. Тем же законом учреждалось ЦРУ, функции которого были ограничены сбором разведывательной информации, необходимой Совету национальной безопасности для принятия решений. Но в законодательном акте существовала лазейка, позволяющая

ЦРУ осуществлять акции «по усмотрению Совета национальной безопасности». Уже на первом заседании Совет принял совершенно секретную директиву, которой санкционировал проведение Центральным разведывательным управлением тайных операций. Так что установленных правил никто не придерживался чуть ли не с самого начала. В докладе специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов по этому поводу говорится: «Секретная акция есть деятельность, направленная на достижение целей внешней политики, которую следует скрывать с тем, чтобы страна могла правдоподобно опровергать ответственность за нее».

Тайные полномочия буквально развязали ЦРУ руки. И все же Аллен Даллес считал крайне стеснительным то, что каждая операция должна была утверждаться Советом национальной безопасности. На волне успеха ЦРУ в Гватемале он осторожно намекнул в Белом доме: не создать ли подкомитет Совета национальной безопасности, специальную группу, которая бы регулярно рассматривала оперативные предложения ЦРУ? Помощник президента по вопросам национальной безопасности, председательствуя в ней, определял бы, следует ли направлять то или иное предложение на утверждение Советом. Это упростит процедуру и избавит Овальный кабинет от грязных слухов о международном надувательстве. Да еще, не забудьте проблему «правдоподобно опровергающего»...

Новая специальная группа получила название «комитет 5412/2» — по номеру директивы Совета национальной безопасности, уполномочивающей ЦРУ осуществлять секретные операции (впоследствии его несколько раз переименовывали, и в настоящее время он известен как «комитет 40»). В 1960 году в состав комитета входили помощник президента по вопросам национальной безопасности Гордон Грей, начальник оперативного отдела ВМС США старый вояка адмирал Арли Бэрк, представитель государственного департамента, друг влиятельного Поули — Ливингстон Мерчант и Даллес. Если пользоваться футбольной терминологией, такая «линия обороны» не представляла серьезных трудностей для «нападающих» ЦРУ.

Седовласый Даллес — неизменный твидовый костюм, неизменная трубка — был мастер на всякие хитрости; он

и рыбке всучил бы зонтик. 13 января 1960 года Даллес впервые представил «Кубинский проект» на рассмотрение специальной группы. ЦРУ, пояснил он, не предусматривает «немедленного устранения Кастро». Но было бы неплохо иметь возможность «без шума готовиться на случай непредвиденных обстоятельств», если, что весьма вероятно, придется удалять уродливый нарост на стройном стволе карибской пальмы.

Специальная группа создала «кубинскую группу особого назначения». Ей следовало применять против Кастро меры, цели и характер которых никак не были ни сформулированы, ни обозначены. Даллес добился своего: внутри специальной группы появилась еще одна группа особого назначения, занятая исключительно «правдоподобно опровергаемым». И Трейси Бернс сказал Ханту: «Все в руках специальной группы».

Хотя Кастро не предпринимал никаких агрессивных шагов против Соединенных Штатов, 9 марта на первом заседании группы особого назначения полковник Кинг предложил подготовить доклад, в котором содержались бы доказательства того, что кубинские руководители «готовят атаку на военно-морскую базу США в Гуантанамо». Это было объявлением войны. Кинг предупредил: «Если Фидель и Рауль Кастро, а также Че Гевара не будут уничтожены одним разом — что очень маловероятно,— операция станет долговременной и свергнуть существующее правительство можно будет только с применением силы».

Так произошел скачок от подготовки «на случай непредвиденных обстоятельств» к необъявленной войне. На следующий день в Белом доме состоялось заседание Совета национальной безопасности. На нем присутствовали Эйзенхауэр, Никсон, Даллес, государственный секретарь Кристиан Гертер и адмирал Бэрк, которому в свое время вручил медаль сам Батиста. Так же как и Никсон, Бэрк долго и упорно призывал расправиться с Кастро.

Протокол Совета национальной безопасности, преданный гласности специальной сенатской комиссией по расследованию деятельности разведывательных органов, не оставляет сомнений в том, что он собрался с заранее принятым решением вынести смертный приговор:

«Согласно мнению адмирала Бэрка, нам нужен лидер, вокруг которого могли бы сплотиться антикастровские

элементы. М-р Даллес сообщил: такие антикастровские лидеры существуют, но в настоящее время находятся вне Кубы. Адмирал Бэрк предложил, чтобы любой план устранения кубинских руководителей был «комплексным», поскольку многие руководители из окружения Кастро еще хуже самого Кастро».

Бэрк, однако, впоследствии опровергал, что под «комплексным планом» он подразумевал массовые убийства.

Эйзенхауэр на трону войны всячески сталкивал Уильям Поули, которого президент считал крупным авторитетом в области различных интриг. Поули, безусловно, был человеком действий. Он учредил первую на Кубе коммерческую авиалинию, в 1940 году вместе с Клером Шенно организовал знаменитую эскадрилью «летающих тигров». После второй мировой войны он создал в Гаване автобусное сообщение, был при Эйзенхауэре послом в Бразилии и Перу. В его обширные владения входили «Транзит компани» в Майами и сахарная корпорация «Талисман». Вдобавок он занимался недвижимостью. И конечно, был мультимиллионер. (Поули придерживался самых крайних политических взглядов. В статье в архиконсервативном журнале «Америкэн секьюрити каунсил» бывший посол однажды предложил перебросить с Тайваня во Вьетнам китайские националистические войска и позволить им — после того как они справятся с вьетнамцами — вторгнуться в континентальный Китай.)

В 1954 году Айк, дабы предотвратить расследование конгрессом секретной деятельности ЦРУ, создал комиссию Дулиттла и назначил Поули одним из четырех ее членов. Председателем комиссии стал генерал Джимми Дулиттл — не менее видная, чем Поули, фигура в авиации времен второй мировой войны. В докладе Дулиттла подчеркивалось, что перед лицом «непримиримого врага» Соединенные Штаты должны отказаться от своих традиционных концепций честной игры и «научиться проводить диверсии, саботаж против наших противников, научиться уничтожать их более умными, более изощренными и более эффективными методами, чем те, что используются против нас». Вполне возможно, подчеркивалось в докладе, что «подобную неприятную в своей основе философию» придется привить всему американскому народу.

Айку доклад Дулиттла пришелся по вкусу. Вслед за ним он издал директиву, в которойставил задачу иско-

ренения «международного коммунизма» и санкционировал «любые необходимые действия» для достижения этой цели. «Кубинскому проекту» предстояло значительно обогатить и расширить понятие «необходимые».

«Я несколько разсовещался с президентом,— вспоминал Поули,— и в конце концов убедил его, что следует вооружить кубинских антикоммунистов во Флориде и оказать им всемерную помощь в свержении коммунистического режима». Это решение было, безусловно, прямым нарушением закона о нейтралитете США и закона о военном снабжении. Старый «Летающий тигр» сделал попытку прибрать к рукам руководство осуществлением проекта, пустив в ход весьма тонкий аргумент: ЦРУ должно заниматься прежде всего сбором разведывательной информации, а потому его не следует обременять одновременно еще и ответственностью за проведение операций. «Эйзенхауэр хотел, чтобы я взял на себя все руководство операцией, включая право вето на действия ЦРУ,— заявил Поули авторам этой книги,— но Аллен Даллес и примкнувший к нему Кристиан Гертер, который легко поддавался постороннему влиянию, взяли верх, и «Кубинский проект» стал операцией ЦРУ».

В день св. Патрика* на столе Даллеса зазвонил красный телефон прямой связи. Это был президент, пообещавший издать всеобъемлющую директиву с тем, чтобы избавить ЦРУ от необходимости представлять каждую отдельную операцию на утверждение специальной группы Совета национальной безопасности. «Кубинский проект» был запущен в действие.

IV

Мэрилин Монро, назвавшая Лос-Анджелес большой варикозной веной, видимо, превзошла в поисках яркого образа историка Арнольда Тайнби, который считал Майами и Лос-Анджелес местами, лишенными мечты, городскими сооружениями, которым еще предстоит обрести «зародыши души». Майами обладал еще одной отличительной чертой: этот город стал идеальным болотом для крокодилов ЦРУ.

В начале века Майами, расположенный в 65 милях от цивилизации Палм-Бича, представлял собой чуть ли

* День св. Патрика отмечается в честь покровителя Ирландии и ирландцев 17 марта.

не скопище «крысиных нор» — лачуг, лепившихся по берегам тропической реки. Небывалые заморозки, уничтожившие большую часть урожая цитрусовых во Флориде, чудом не достигли Майами; это убедило Генри Флаглера продлить туда железную дорогу из Палм-Бича. «Ревущие двадцатые» принесли фантастический земельный бум, когда участки на Флаглер-стрит продавались по 50 тысяч долларов за фут. Такие сладкоречивые торговцы недвижимостью, как Уильям Дженнингс Брайан, наживались на распродаже окрестных загородных участков, и Майами превратился в стремительно растущий на глазах город. Потом последовал неизбежный спад, но по окончании второй мировой войны вновь наступила пора расцвета, когда выражение «все средства хороши» стало весьма распространенным. Сокровища Голконды*, преобразившие Золотой берег Флориды и майамские пляжи в джунгли курортных отелей, поступали из гаванских казино и от других данников мафии, а также из тех сотен миллионов, что были награблены из государственной казны Кубы кубинским воровским классом, яро противившимся экономическим реформам Кастро. Майами одарил США конкурсом красоты «Мисс Вселенная». ЦРУ он одарил идеально подходящей политической атмосферой. Один из кубинских эмигрантов, в прошлом президент банка, охарактеризовал Майами как «самый главный в Соединенных Штатах оплот радикального антикоммунизма».

С бурбонской самоуверенностью попирая собственный устав, ЦРУ превратило Майами в свое крупнейшее отделение. На подготовку вторжения управление израсходовало только в этом городе и его окрестностях 50 миллионов долларов, и беженцы в майамской «Малой Гаване» любовно называли ЦРУ «кубинскими оккупационными властями». Истэблишмент Майами в стремлении сотрудничать с ЦРУ превзошел самое себя. Университет Майами, чьи академические достижения снискали его студентам в 50-е годы бесспорное первенство по загару среди всех университетов, предоставил ЦРУ свой студенческий городок для использования в качестве шпионской школы. Когда управлению требовалось замаскировать свои операции под правдоподобно выглядящий бизнес, ему пред-

* Голконда — государство в Индии XVI—XVII вв., славившееся своими алмазами.

лагали услуги многочисленные бизнесмены, считавшие своим патриотическим долгом оказать ЦРУ содействие. Одним из них был Линдсей Хопкинс-младший, который также помог Ричарду Никсону и Бебе Ребозо* сколотить состояние на недвижимости. Другим был видный адвокат Пол Хеллиуэлл, чья карьера ярко иллюстрирует, насколько тесно переплетались отношения ЦРУ с адвокатурой.

Вывеска Хеллиуэлла украшала одно из административных зданий на фешенебельной Брикелл-авеню, однако его практика носила необычный характер. Во время второй мировой войны он возглавлял спецгруппу УСС в Китае и с тех пор сохранил тягу к тайным делишкам. Он значился юрисконсультом майамской торговой фирмы «Си сапплай», а также генеральным консулом Таиланда в США. Обе эти его должности были взаимосвязаны. «Си сапплай» принадлежала ЦРУ и оперировала, главным образом, в Бангкоке. В то время Таиланд, где правил известный правыми взглядами марионеточный принц, служил базой для операций ЦРУ в Юго-Восточной Азии.

Во время кампании против Кубы контора Хеллиуэлла была связана с фирмой «Ред сансет энтерпрайзиз», которая, как говорили, служила в качестве бюро по трудоустройству для специалистов в области шпионажа и диверсий. «Ред сансет», подобно фирме «Зенит техникл энтерпрайзиз», фигурировала в майамских справочниках, но без указания адреса.

В мае 1960 года ЦРУ объединило ряд основных эмигрантских группировок в так называемый «Демократический революционный фронт», предоставив ему штаб-квартиру на бульваре Бискейн и служебное помещение в Корал-Габлс, рядом со своим местным отделением. Оно платило жалование многим сотрудникам «фронта» и финансировало его издания. Когда поползли слухи о неминуемом вторжении на Кубу, у дверей «фронта» начали толпиться добровольцы. Тех из них, кто был отобран, отправляли на остров Юсеппа, бывшее курортное местечко на побережье Мексиканского залива неподалеку от Форт-Майерса, арендованное ЦРУ для допросов и проверки на детекторе лжи с целью выявления шпионов Кастро.

* Бебе Ребозо — банкир, друг и доверенное лицо Р. Никсона, посредник в его щекотливых делах.

Полностью скрыть военные приготовления от населения города было невозможно. Сон жителей пригородного Оупа-лока часто прерывался по ночам ревом двигателей низко летящих самолетов ЦРУ, направляющихся на близлежащую засекреченную авиабазу. Тысячи взрывов — это кубинские эмигранты тренировались в искусстве диверсий — стали привычным звуком в районе Большого Майами. В интервью авторам этой книги один из бывших наемников ЦРУ рассказал, как проводились некоторые такие занятия:

«Арсенал неконвенционного оружия, с которым нас знакомили, включал пули, разрывавшиеся при попадании в цель, пулеметы с глушителями, самодельную взрывчатку и самодельный напалм, который давал более липкую и легко воспламеняющуюся горючую смесь. Нас обучали технике подрывных работ, которую мы отрабатывали на старых автомобилях, железнодорожных вагонах и бензиновых резервуарах.

Существовало еще одно совершенно дьявольское изобретение, которое можно назвать мини-пушкой. На старом школьном автобусе нам продемонстрировали способ ее применения. Устройство было приложено к бензобаку таким образом, чтобы зажигательный снаряд прошел бак насеквоздь и разметал пылающий бензин вдоль салона автобуса, воспламеняя все на своем пути. По жребию мне досталось показать остальным, как просто это делается. И штуковина сработала, боже мой, да еще как! Я стоял и смотрел, как пламя пожирает автобус».

Кубинские эмигранты, к сожалению, отнюдь не разделяли склонности ЦРУ к секретности, они возбужденно и в открытую болтали о вторжении, как о гвозде сезона. Штаб-квартира контрреволюционного правительства на бульваре Бискейн, излюбленном месте туристов, походила скорее на модный светский салон, нежели на подпольный вербовочный пункт. О разработанной в ЦРУ легенде, согласно которой вторжение финансируется воротилами с Уолл-стрит либо — как альтернатива — эмигрантами-миллионерами, завсегдатаи баров сочиняли не лишенные юмора анекдоты.

ЦРУ даже не старалось замаскировать корабли контрреволюционных военно-морских сил. Один из катеров с установленной на корме батареей пулеметов 50-го калибра был приварован под мостом на Флаглер-стрит на виду у всей деловой части Майами, забитой в часы

ник автомобилями. Прогулочные катера стали включать стоянки боевых кораблей ЦРУ в программу своих экскурсий. Два катера ЦРУ — «Дарт» и «Барб», — оснащенные электронной аппаратурой, постоянно патрулировали реку Майами, пытаясь пеленговать потайные радиопередатчики разведки Кастро.

Единственным, для кого подготовка к вторжению оставалась секретом, был, очевидно, американский народ.

ЦРУ применяло свой профессиональный метод, эффективность которого с каждым годом совершенствовалась. С его помощью пресса США была лишена новостей, нежелательных для ЦРУ. Этот метод весьма успешно использовался в районе Майами; сообщения о подготовке к вторжению не поступали за его пределы. Управление посадило своих людей, которых называло «стрингерами» *, в ключевых телеграфных бюро. Если телетайп начинал выстукивать крамольное сообщение, «стрингер» ЦРУ бросался к аппарату и допечатывал: «Ждите продолжения». Редакторы региональных и национальных бюро послушно откладывали якобы незаконченную телеграмму в сторону, ожидая поступления оставшейся части, прежде чем передать сообщение газетам-подписчикам. Излишне говорить, что «продолжение» не следовало никогда.

Вездесущая пресса — естественный враг ЦРУ, однако в Майами она для него не представляла проблемы. Издатели и редакторы Южной Флориды, похоже, обладали необычайно развитым чувством «национальной безопасности» и нюхом на те новости, публиковать которые было бы «не по правилам». В книге «Кубинское вторжение» Карл Майер и Тэд Шульц писали, что незадолго до высадки в Заливе свиней «один из филадельфийских редакторов позвонил знакомому издателю в Майами и спросил, соответствуют ли действительности слухи об учебных лагерях в Гватемале. Ничего подобного, ответил его друг во Флориде».

* * *

Контрразведка Кастро работала день и ночь, пытаясь следить за интригами, превращавшими Гавану в Лисабон

* «Стрингеры» — на журналистском жаргоне — внештатные работники информационных агентств на местах.

времен второй мировой войны. Гавана все еще оставалась открытым городом. Продолжал курсировать паром на Ки-Уэст, между Гаваной и Майами летали самолеты авиакомпании «Пан-Америкэн» (хотя количество рейсов из-за сокращающегося числа туристов и бизнесменов было уменьшено), бесперебойно работала телефонная связь. Все еще функционировало американское посольство, самым загруженным подразделением которого стала резидентура ЦРУ.

Одним из агентов ЦРУ, в котором трудно было предположить шпиона, стала пышнотелая вдова — типичная янки из Бостона — по имени Джеральдина Шэмма, сочетавшаяся в свое время браком с состоянием табачного короля. В течение ряда лет Шэмма занимала апартаменты в Мирамаре — шикарном приморском районе Гаваны. После революции она частенько принимала и развлекала правительственные чиновников. Некоторые из них в беседах за коктейлями выражали недовольство режимом. Когда кое-кто из ее визитеров решал бежать, вспоминает Шэмма, она прятала их «у себя в доме, в комнатах для гостей и в двух потайных помещениях, оборудованных под плавательным бассейном». Ее шеф по линии ЦРУ майор Роберт ван Хорн из американского посольства устраивал нелегальный вывоз перебежчиков в Майами.

Шэмма играла роль полновластной хозяйки и в Майами, частенько наведываясь туда. «В те дни мы снимали особняк — номер 1410 по Брикелл-авеню — в привилегированном районе Майами,— рассказывала она.— Управление платило за него, а я присматривала за хозяйством. Я жила в квартире наверху, в двухэтажном доме для гостей позади главного здания». Когда началось формирование бригады вторжения, в нем временно размещались вновь прибывающие рекрутты. «Парней, которые приезжали с Кубы, чтобы войти в состав бригады, сначала держали день-другой на нашей явке,— вспоминает Шэмма.— Потом ЦРУ их проверяло и отсыпало куда-то еще».

Шэмму использовали и как курьера для связи с подпольными группами в Гаване. Она не сдалась даже тогда, когда заметила слежку за своим особняком. «Единственное, что я могла делать открыто,— это прогуливать собаку,— рассказывала она.— У меня был изумительно умный черный коккер-спаниель по кличке Киппер. Я писала донесения на крошечных клочках бумаги, заворачива-

вала их в целлофан и прятала в пасти Киппера». Шэмма оставляла донесения и получала инструкции через тайник, устроенный в дупле дерева, росшего на газоне перед церковью. В ноябре 1960 года она была арестована контрразведкой, обнаружившей внушительный склад оружия и взрывчатки в принадлежащих ей апартаментах в фешенебельном гаванском районе Марианао. Ее признали виновной в «преступлениях против государственной власти» и приговорили к 10 годам тюремного заключения.

Более удачливым был Фрэнк Стерджис, впоследствии одна из знаменитостей «Уотергейта».

Стерджис, шпион-одиночка, который реагировал на начальство примерно так же, как дикая необъезженная лошадь на узду, подружился с пытавшимся завербовать его агентом Хоакином Санхенисом, известным в ЦРУ как Сэм Дженис.

Коротышка Санхенис никогда не упускал своего шанса. Ему удалось пожизненно остаться на содержании ЦРУ. К моменту знакомства со Стерджисом он занимался тем, что впоследствии станет известным как «Операция 40» — формированием тайной полиции кубинских сил вторжения. В эту сверхсекретную полицию входили некоторые далекие от политики консервативные эмигранты-бизнесмены, но ее ядро составляли осведомители, наемные убийцы, гангстеры и прочая шушера, чьей звездной целью было возвращение «доброй старой Кубы». В эмигрантском движении они представляли элиту «старой гвардии», которая вступила в союз с правыми внутри ЦРУ против либералов ЦРУ с тем, чтобы отлучить от власти любого кубинца, смевшего помышлять о каких-либо реформах: от перераспределения земли до бесплатного молока деревенским детишкам. Их героем стал Мануэль Артиме — любимчик ЦРУ. Самым страшным пугалом для них был Мануэль Рэй, располагавший, по мнению многих наблюдателей, наиболее тесными связями с подпольными группами на Кубе, но отвергнутый организаторами вторжения.

Санхенис выхлопотал для Стерджиса в ЦРУ «почтовый ящик» и снабдил его нужными номерами телефонов, а Стерджис согласился координировать с Санхенисом свои операции и выполнять по контракту специальные

задания ЦРУ. Это деловое сотрудничество продолжалось в течение более десяти лет — пока Стерджис и еще несколько старых агентов Санхениса не были пойманы в «Уотергейте».

Стерджис сколотил диверсионную группу, которую напыщенно именовал «интернациональной антисоветической бригадой». Средства на ее содержание поступали от бывших владельцев казино через Нормана Ротмана, гангстера, знавшего Стерджиса еще по Гаване. «Норм выкладывал деньги и из собственного кармана, а также связал меня с хорошо обеспеченными кубинскими друзьями», — рассказывал Стерджис, имея в виду батистовских приятелей мафии. Стерджис начал муштровать банду кубинских и американских оборванцев, то бишь добровольцев, в укромном уголке на болотах Эверглейдса. Некоторые из этих кубинцев потом были включены Центральным разведывательным управлением в диверсионную группу, которая в составе 80 человек проникла на Кубу незадолго до высадки в Заливе свиней.

С ведома и одобрения ЦРУ Стерджис также засыпал агентов на Кубу: они либо прыгали с парашютом, либо высаживались на берег с катеров. На Багамских островах он «одолжил» риф Нормана, принадлежавший канадскому промышленнику. Там была создана передовая база снабжения горючим и провиантом и оборудована радиорубка для связи с диверсантами на Кубе. Стерджис обычно подходил на своем катере к южной оконечности большого острова Андрес, неподалеку от провинции Лас-Вильяс, и ждал наступления ночи. Затем устремлялся через пролив, часто прижимая катер в кильватер грузовому судну, чтобы его не засекли радары.

Эти вылазки Стерджиса были лишь частью операций ЦРУ по снабжению кубинского подполья. Оно обеспечивалось всем необходимым главным образом путем выброски с воздуха. Дэвид Филлипс вспоминал, как однажды на совещании в штаб-квартире ЦРУ генерал Чарльз Кейбел * обнаружил, что во время этих полетов грузоподъемность самолетов используется лишь на одну десятую. Он тут же приказал заполнять остающееся место мешками с рисом и фасолью. «Генерал, — пытался возразить руководитель операции по снабжению, — мы сбрасываем только конкретные предметы, которые от нас

* Генерал Ч. Кейбел — заместитель директора ЦРУ.

требуют группы по радио. В месте выброски будет всего несколько человек. Они не смогут унести все эти мешки».

«Давайте будем смотреть вперед», — заявил генерал, известный своим пристрастием к избитым фразам типа «Пусть знают, что мы всегда с ними». И, обернувшись к Филлипсу, многозначительно произнес: «Сынок, я не хочу, чтобы мне пришлось объяснять в соответствующей комиссии, почему мы посылаем почти пустые самолеты на Кубу. Сбрасывать рис и фасоль!»

В ту ночь пилоту удалось сбросить груз точно в заданную зону. От диверсионной группы поступила радиограмма: «Сукин ты сын! Нас чуть не поубивали мешками. Совсем спятил?» После этого случая за Кейбелом укрепилось прозвище Старина Рис с Фасолью.

А в это время в Майами Говард Хант трудился, как пчелка. Он снял квартиру на горе Брикелл-Пойнт, откуда обхаживал вверенных ему эмигрантов и надзирал за вербовочным пунктом в Диннер-Ки. Он был так загружен, что взял себе в помощники Бернарда Баркера, будущего утергейтского взломщика.

Кубино-американец по происхождению, Берни Баркер обосновался в Гаване. Во время второй мировой войны служил в корпусе армейской авиации США и был сбит над Германией. После войны поступил на службу в гаванскую полицию — по настоянию ЦРУ, которое желало иметь информацию о кубинской разведке из первых рук. Когда миссис Гарри Трумэн и ее дочь Маргарет посетили Гавану с визитом, Баркеру была вверена их охрана. Однако кто-то в американском посольстве обнаружил, что при поступлении в полицию Баркер подписал обязательство «хранить верность Кубе», и, когда там был получен его паспорт для продления срока действия, Баркера холодно информировали, что он утратил право на американское гражданство. ЦРУ, не желая разглашения своих связей с Баркером, отказалось помочь ему в этом деле. Прошли годы, прежде чем Баркер добился возобновления американского гражданства.

Поток посетителей «орлиного гнезда Ханта» на горе Брикелл-Пойнт вскоре стал таким плотным и оживленным, что домохозяйка стала принимать Ханта за букмекера. Он решил переехать, но, когда попытался снять

просторный дом на берегу залива в Корал-Габлс, предлагая заплатить авансом за год, владелец заподозрил в нем гангстера и уведомил полицию. В конце концов Хант устроился в тихой укромной части пригородной Кокосовой рощи, но и тут не обошлось без вмешательства в его личную жизнь. Как оц вспоминал потом, его соседка Лиз «спросила, почему его навещает столько иностранцев. Я объяснил, что принимаю участие в финансировании кубинского боксера и что мои гости — это деловые партнеры... Она, похоже, поверила».

Не совсем. Впоследствии Лиз призналась, что постоянный поток ночных визитеров мужского пола убедил ее в том, что Хант — гомосексуалист.

V

Охранники с мотающимися за плечами автоматами толкали вверх по ступеням президентского дворца инвалидное кресло, в котором трясясь американец. Он направлялся на встречу с Батистой. Его звали Лаймэн Киркпатрик. Он занимал пост генерального инспектора ЦРУ. Киркпатрик прибыл на Кубу инспектировать сотворенное им чудовище.

Этим Франкенштейном разведки было Бюро по борьбе с коммунистической деятельностью (БРАК), созданное на Кубе Центральным разведывательным управлением США. Столь блестящая идея принадлежала никому иному как государственному секретарю Джону Фостеру Даллесу, кардиналу Ришелье «холодной войны». Он предложил своему брату Аллену из ЦРУ одарить Кубу подобным учреждением, а тот в свою очередь перепоручил дело Киркпатрику, который лично во время встречи с Батистой в 1956 году всучил этот подарок диктатору.

Нельзя сказать, что Батисте в то время не хватало сил безопасности. По всему острову сновали головорезы в полицейских мундирах. Среди них были и те, кто входил в ненавистную всем военную разведку — СИМ, и в Бюро расследований, своего рода охвостье ФБР. Некоторых представителей батистовских спецслужб так и звали — «душители». Один из наиболее профессиональных слуг своего хозяина называл себя Дракулой (по имени героя обожаемых Батистой фильмов ужасов), похвастаясь что «сосет кровь» жертв, добиваясь от них признаний.

По мнению братьев Даллесов, эти силы безопасности мало на что годились, поскольку терроризировали всех и каждого без всякого разбора. Братьям нужны были на Кубе такие силы безопасности, которые специализировались бы на терроре исключительно против коммунистов. Так появилось БРАК, созданное с помощью ЦРУ. И вот теперь на Кубу с неприятным визитом прибыл генеральный инспектор Киркпатрик. Случилось это в сентябре 1958 года — за несколько месяцев до того, как Батиста бежал с Кубы, захватив с собой свои белые костюмы, коллекцию американских фильмов ужасов и награбленные богатства.

Киркпатрик обнаружил, что обученное по-американски БРАК использует свои методы против всей политической оппозиции. Эти методы не исключали пытки. Слово «пытки» не слишком часто употребляется в лексиконе ЦРУ, поэтому Киркпатрик предпочел заменить его фразой «насильие во время допросов». Поначалу генеральный инспектор отнесся к докладам о жестокостях и пытках весьма скептически. Он потребовал доказательств. Ему показали фотографии молодой женщины, школьной учительницы, которую арестовали по подозрению в заговоре против правительства. Когда ее выпустили, она была калекой. «Лечивший эту женщину доктор сказал, что никогда не видел более изуродованного человеческого тела». Представитель ЦРУ в инвалидной коляске внимательно изучал снимки. «Ужасные раны на теле женщины выглядели убедительно, столь же убедительными были доклады о юношах из знатных кубинских семей, вступивших в студенческую организацию или примкнувших к «Движению 26 июля» (во главе с Кастро), арестованных и затем убитых».

В 60-х и в 70-х годах в Корее, Вьетнаме, в Уругвае и Чили ЦРУ продолжало помогать спецслужбам кровавых диктатур и обучать их приспешников более изощренным методам пыток.

Киркпатрик направил из Гаваны телеграмму, которая вызвала переполох в штаб-квартире ЦРУ. Он предсказывал, что Батиста, вероятно, не продержится и до конца года.

В марте 1960 года, вскоре после победы революции, произошел инцидент, после которого в ЦРУ по поводу Кастро — по крайней мере в гаванской резидентуре — восторжествовало единое мнение. Резидентура пришла

к выводу о необходимости свержения Кастро. Дело касалось попыток ЦРУ выторговать жизнь кубинскому сотруднику БРАК.

Эту историю рассказал авторам Эндрю Сент-Джордж, журналист, искатель приключений, который сам, то ли благодаря своей сильной личности, то ли по воле судьбы, стал ее участником. За последние два десятилетия на него долю выпало немало злоключений, связанных с тайной войной.

Он был в горах Сьерры с Фиделем Кастро и Че Геварой, затем переметнулся в другой лагерь и стал писать об антикастровской деятельности кубинских эмигрантов. Сент-Джордж выскакивает на поверхность почти в любом месте этого суетного призрачного мира разведки. В 1968 году он был в Боливии, выступая в качестве посредника в неистовых торгах, затеянных алчными боливийскими генералами, пытавшимися с наибольшей выгодой продать боливийский дневник Че Гевары, которого эти же самые генералы с помощью ЦРУ схватили и казнили у подножия Анд.

Частые контакты Сент-Джорджа со всякими типами, имеющими явное отношение к разведке, привели теоретиков «нового левого» движения к выводу, что он работает на ЦРУ. (ЦРУ в свою очередь выступало с резкими обвинениями в адрес Сент-Джорджа во время слушаний в сенате, считая его кубинским агентом и цитируя в доказательство остросюжетные статьи в журналах для мужчин, в которых он бестактно развенчивал одну операцию ЦРУ за другой.)

Уроженец Венгрии, Сент-Джордж после второй мировой войны недолго проработал в военной разведке, затем переключился на журналистику и в конце концов попал на революционную Кубу теми же неведомыми путями, что помогли ирландским монахам открыть Америку. Он оказался с повстанцами в горах Сьерра-Маэсты и завоевывал доверие Фиделя.

Когда «бородачи» с гор вошли в Гавану, первое, что сделали счастливые толпы на улицах,— это вдребезги разбили автоматические счетчики на автомобильных стоянках и игровые автоматы в казино — наиболее явные для них символы американского присутствия. Первое, что сделали повстанцы,— это захватили здание БРАК — символ гнета и лыток, которым Батиста подвергал народ. Полковнику Пагете удалось скрыться

(впоследствии он объявился на службе у правительства Соединенных Штатов в Оупа-локе, где занимался проверкой прибывающих во Флориду кубинских беженцев, отсеивая из их числа тех, которые казались ему «розовыми»), но повстанцы вскоре задержали другого главаря БРАК, капитана по имени Хосе Кастаньо Кеведо. Он в свое время прошел обучение в Соединенных Штатах, в ФБР и служил своего рода связным между БРАК и гаванской резидентурой ЦРУ.

В шесть утра Сент-Джорджу позвонили из ЦРУ и потребовали прибыть немедленно. Он одолжил глоток чистого кислорода у корреспондента Эн-би-си*, который всегда держал у себя в гостиничном номере кислородный баллон в целях мгновенного протрезвления, и помчался в посольство. Людей ЦРУ была крупная дрожь. Их любимца Кеведо арестовали два дня назад и тут же на ночном заседании революционного суда приговорили к смертной казни. Кеведо все же изучал искусство шпионажа в Америке, и это было почти одно и то же, как если бы на смерть обрекли одного из людей ЦРУ. У Сент-Джорджа тесные связи с лидерами повстанцев, ЦРУ просит его пробиться к Фиделю или Че и уговорить отменить невероятный приговор.

«Это был крайне напряженный момент,— говорит Сент-Джордж,— и я считал, что Фиделю лучше всего ублажить ЦРУ именно таким способом».

Найти Фиделя Сент-Джордж не смог. Тогда он отправился к Че, с которым считал себя в дружеских отношениях: сколько ночей продолжали они в холодной грязи в горах. Журналист нашел Че в постели — его свалил приступ астмы.

Он намекнул Че, что было бы весьма «дипломатично» уступить просьбе ЦРУ относительно этого Кеведо.

«В горах мы не учились дипломатии»,— просипел Че, борясь с жестокой одышкой.

Они проспорили весь день. Когда Сент-Джордж ушел, было уже темно. «Я исчерпал все свои доводы»,— вспоминал Сент-Джордж. На прощанье Че распорядился: «Передай им мой ответ в точности, как я сказал».

Небольшая взъятованная группа сотрудников ЦРУ и посольства ждала Сент-Джорджа в конференц-зале посольства.

* Эн-би-си — американская радиовещательная компания.

«Что он сказал?» — нетерпеливо спросил Джим Ноуэлл, шеф резидентуры ЦРУ.

Сент-Джордж мрачно сообщил, что Че отказался пойти навстречу.

«Ну, а что он все-таки сказал?» — вновь потребовал Ноуэлл.

«Че просил передать вам, что если бы он не расстрелял Кеведо как батистовского бандита, то уж наверняка расстреляет его как американского агента», — ответил Сент-Джордж.

В зале повисла зловещая тишина. «Это объявление войны», — констатировал Ноуэлл.

На следующее утро Кеведо был расстрелян.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«...РЫБА КРАСНОГО ЦВЕТА»

Это должно было быть чисто латиноамериканское дело. «Мы позаботились,— заявлял заместитель директора ЦРУ Ричард Биссел,— чтобы ни одна белая физиономия не маячила на берегу, ни один современный самолет не появился в воздухе». Все преподносилось так, будто вторжение — патриотический порыв кубинских эмигрантов, финансируемых частными лицами.

ЦРУ поручило майамскому маклеру Чарльзу Миллсу приобрести на рынке военных излишков два судна десантирования пехоты. Они стоили тысяч тридцать каждое. К тому времени, когда их спустили на воду, ЦРУ израсходовало на них в общей сложности 480 тысяч долларов. «Барбара Дж.» и «Благер», приписанные к Ки-Уэсту, были зарегистрированы как собственность представной компании «Минерал кэрриерс лимитед», которая якобы искала нефть на близлежащих островах Маркесас. Приняв на борт оружие, взрывчатку и другие грузы со склада, в который был переоборудован причал парома Кэ-Уэст — Гавана (паромная переправа уже не функционировала), они кружили вокруг Кубы, снабжая контрреволюционное подполье. Перевозки на Кубу стали делом настолько обыденным, что Грейстон Линч, агент ЦРУ, командовавший «Благером», часто говорил, что ему кажется, будто он служит в почтовой компании.

Первоначально экипажи судов состояли только из кубинцев. Однако ЦРУ, демонстрируя расистское недоверие к своим кубинским подопечным — недоверие, которое будет существовать на всем протяжении подготовки и проведения провалившейся операции в Заливе свиней, — вскоре заменило кубинских шкиперов капитанами, откомандированными из военно-транспортной службы ВМС США. Капитанов предупредили: ЦРУ отречется от них, если «Минерал кэрриерс» будет разоблачена как шпионская «ширма».

Чтобы обеспечить морские перевозки в Гватемалу, ЦРУ обратилось за помощью к своему давнему партнеру — «Юнайтед фрут компани». Бывший вице-президент компании Томас Маккэнн пишет в своих мемуарах:

«Нам подробно рассказали о плане ЦРУ и, конечно, о том, что наемников в Гватемале и Никарагуа обучают кадровые военные Соединенных Штатов. Кульминацией разработанного плана должно было стать широкомасштабное вторжение на Кубу с воздуха и с моря. Тут как раз вступили в игру мы. Причем мы имели дело непосредственно с Робертом Кеннеди. От имени компании контакты осуществлял Артур Маркетт, сварливый новоорлеанец, прирожденный моряк, который, начав с матроса, дослужился до вице-президента компании. Маркетт говорил мне, что недолюбливает Роберта Кеннеди: ему в нем все противно — от надменного высокомерия до «немытых длинных косм». Но Роберт Кеннеди был министром юстиции; и он, и ЦРУ хотели, чтобы мы представили два наших грузовых судна для доставки людей и снаряжения во время вторжения. Мы сделали необходимые приготовления — все хранилось в строгой тайне: даже наш собственный совет директоров ничего не знал об этом. В компании лишь очень немногим были доверены столь секретные сведения».

«Армаду» для вторжения ЦРУ собрало в судоходной компании «Гарсиа лайн», имевшей представительства в Нью-Йорке и Гаване. Принадлежащие Альфреду Гарсиа и его пяти сыновьям старенькие грузовые суда курсировали между Кубой и портами Центральной Америки, перевозя рис и сахар. Эта судоходная линия была единственной, которая принадлежала кубинцу и которая еще функционировала в Гаване. Чтобы избежать подозрений, было условлено, что Альфред Гарсиа останется на Кубе до тех пор, пока не пройдет час вторжения.

ЦРУ уже располагало военно-воздушными силами; их нужно было лишь немного привести в порядок. Осуществляя секретные операции по всему земному шару, ЦРУ собрало множество самых разнообразных самолетов, сконцентрированных на военно-воздушной базе Эглин, которая находится на южной оконечности Флориды. На этой базе BBC США имеют Центр специальных методов ведения войны, где занимаются отработкой авиационной поддержки диверсионных операций. Эта авиадивизия

использовала в качестве транспортного самолета дальнего действия С-54, военный вариант «Дугласа DC-4».

Самолеты были специально приспособлены для диверсий: без опознавательных знаков, без клейма на двигателях, без фирменных знаков изготовителей. Зато на них установили новейшее электронное оборудование.

В качестве боевых машин ЦРУ выбрало легкие бомбардировщики В-26, поскольку они достаточно устарели и могли соответствовать разработанной «легенде», к тому же на них можно было нанести кубинские опознавательные знаки, так как Куба тоже располагала подобными самолетами. ЦРУ модернизировало свои В-26 еще в 1958 году, когда была предпринята неудавшаяся попытка свергнуть президента Индонезии Сукарно. Двигатели были форсированы, а в носовой части установлены восемь пулеметов 50-го калибра. В дополнение к уже имеющимся на базе в Аризоне В-26 механики ВВС США лихорадочно подновляли еще некоторое количество самолетов данного типа. Для этого спешно созданная в Вашингтоне подставная фирма «Фолкен аэроноутикл» скупала запасные части и оборудование.

В поисках пилотов-американцев, имеющих опыт управления этими устаревшими самолетами, фирма «Дабл-чек» — еще одна «ширма» ЦРУ, занимавшаяся вербовкой летчиков, — сосредоточила свои усилия на воздушных подразделениях Национальной гвардии Алабамы, Арканзаса и Вирджинии — именно там еще летали последние эскадрильи В-26. Весьма примечателен в этой связи рассказ Альберта «Бака» Персонса из Бирмингема, работавшего в то время пилотом в одной из строительных компаний. Персонс поведал о методах, которые применяло ЦРУ для тайной вербовки. Его вызвали к генерал-майору Джорджу Рейду Достеру, командующему 117-й авиабригадой тактической разведки ВВС Национальной гвардии Алабамы, кабинет которого находился в Бирмингемском аэропорту. «Бак, — сказал Достер, — у меня есть работа для шести летчиков на четырехмоторных самолетах и для шести — на В-26. У этих пилотов должен быть боевой опыт, но никаких связей с армией в настоящее время. Тебе хочу поручить С-54. О самой работе могу сказать только вот что: работать предстоит вне континентальной части Соединенных Штатов, но в этом полушарии; будет стрельба. Наше

правительство весьма заинтересовано в этой работе. Продлится она около трех месяцев».

Персонс сразу догадался, что мишенью является Куба. Он ухватился за предложение еще даже до того, как узнал, что жалованье составит 2800 долларов в месяц плюс премии. Он присутствовал на инструктаже, который проводили четыре неизвестных из Вашингтона, под руководством типа — на вид вылитого бандита, назвавшего себя Эл. Как вспоминал Персонс, «Эл заявил, что он и его трое приятелей являются уполномоченными группами состоятельных кубинцев, финансирующих операцию по отстранению Кастро от власти...»

На следующем совещании им приказали забыть всю эту историю с богатыми эмигрантами. «Нам сказали, что теперь мы работаем в электронной компании, расположенной в одном из штатов Новой Англии», — рассказывал Персонс. Пилоты выбрали город, который они знали достаточно хорошо, и ЦРУ подготовило им документы. Согласно документам, пилоты являлись жителями избранного ими города. Для переписки с семьями они использовали подставной «почтовый ящик» по адресу: «Джозеф Гринленд, п/я 7924, главный почтамт, Чикаго, Иллинойс» (он, возможно, принадлежал Роберту Ломанну, шефу отдела подготовки кадров ЦРУ, который занимал комнату № 302 в здании апелляционного суда США в Чикаго). Каждому пилоту в качестве аванса была вручена пухлая пачка 100-долларовых банкнот. Затем жалованье летчикам переводилось из банка Сент-Луиса на их банковские счета. Никаких чеков. Личность плавившего оставалась неизвестной.

После проверки на детекторе лжи в Майами летчиков перевезли ночью в нагло закрытом микроавтобусе, взятом напрокат в «Херце», на какой-то уединенный аэропром, где посадили в самолет С-54. Персонса привел в недоумение экипаж, члены которого переговаривались на иностранном — но не испанском — языке.

Перед самым взлетом в самолет загнали сорок взбудороженных кубинцев в новеньких пятнистых комбинезонах. На поясе их командира — явно англосаксонской внешности — многозначительно болтался пистолет. Он занял позицию у дверцы в пилотскую кабину — на всякий случай.

«Этому типу придется здорово попотеть, случись что на нашем С-54, битком набитом антикастровскими

мятежниками и наемными летчиками ЦРУ», — думал Персонс под монотонный гул моторов самолета, направлявшегося над Карибским морем к авиабазе Реталулеу в Гватемале.

Среди американских пилотов, выполнявших задания по снабжению с воздуха и летавших в нарушение закона о нейтралитете США прямо из Флориды, был Роберт Пламли. В свое время, чтобы выручить деньги на обучение в летной школе, он совершал рискованные прыжки в воду на потеху туристам на майамских пляжах. Первоначально он работал на «Движение 26 июля», снабжая отряды Кастро. Но позже, когда ЦРУ начало борьбу против Кастро, один из кубинских приятелей Пламли, Рауль Мартинес, завербовал его на службу в корпорации «Додж», располагавшейся на Флаглер-стрит в деловой части Майами. Эта фирма служила «ширмой» ЦРУ. «Название,озвучное автомобильной компании, выглядело вполне правдоподобно, в этом-то и была вся хитрость», — говорил Пламли. Ему платили 700 долларов в месяц плюс 300 долларов за каждое задание.

Близ Вильямсберга, штат Вирджиния, находится «Уэст Пойнт» ЦРУ — плохо замаскированная военная база под названием Кэмп-Пири. Выпускники этой школы часто называют ее просто «Ферма». В ее учебную программу входили весьма разнообразные предметы: оборудование тайников, средства связи, вербовка агентов, электронное и визуальное наблюдение, взлом замков, фотография, микрофильмирование, тайнопись. Практику будущие агенты проходили в «иностранным городе» Норфолке.

Кубинцев, отобранных для шпионской и подпольной деятельности по подготовке вторжения, доставляли на «Ферму». Тех, кого прочили в аквалангисты и подрывники, переправляли на разукомплектованную базу летающих лодок ВМС США на широкой реке Паскуоленк около города Элизабет-Сити, штат Северная Каролина, известную как «Изолейши тропик». Туда подвозились железнодорожные платформы, груженные старыми армейскими джипами и бронетранспортерами, на которых практиковались подрывники. Группы подрывников-подводников проходили обучение в теплых водах у берегов острова Вьекес в Пуэрто-Рико. Командный состав обучался в армейском центре военных действий в джунглях, неподалеку от Форт-Гулика (зона Панамского канала).

Близ Феникса, штат Аризона, эмигрантов учили прыгать с парашютом, сбрасывать с воздуха ударопрочные контейнеры, для чего они усваивали технику упаковки оружия, боеприпасов и раций, а также проходили тренировку на самолетах с укороченным пробегом при взлете и посадке. Как рассказывал бывший сотрудник ЦРУ Виктор Маркетти, небольшая авиакомпания в Фениксе, называвшаяся тогда «Интермаунтин эвайшн», выступала в роли «частной авиалинии общего назначения. Она получала контракты от министерства внутренних дел якобы на обучение воздушных пожарных. А чтобы подготовить таких пожарных, надо сделать из них парашютистов — именно для этого ЦРУ и использовало эту компанию».

Одновременно в Гватемалу во всевозрастающем числе прибывали рядовые бригады 2506 (это обозначение было принято в память одного из первых рекрутов, личный номер 2506, который погиб в результате несчастного случая; умники из ЦРУ начинали счет с двух тысяч, чтобы ввести в заблуждение кубинскую разведку относительно численного состава бригады). Командовал учебным лагерем под названием «База Трекс» суровый американский подполковник, который носил кличку полковник Фрэнк и которого ненавидели его кубинские ученики, не ладившие, впрочем, и с инструкторами из элитарных «зеленых беретов». Единственno, кто пришелся эмоциональным кубинцам по душе, были вольнонаемные специалисты, которых звали иногда «ковбоями».

Кандидатом на звание самого легендарного из этих флибустьеров был Уильям «Рип» Робертсон, которому было уже под пятьдесят, когда он появился в Гватемале. Громадный техасец — в колледже он играл в футбол — Робертсон во время второй мировой войны воевал на Тихом океане в чине капитана морской пехоты, но так никогда и не смог проникнуться идеей штурма побережий. После окончания войны он был переведен в ЦРУ. Робертсон недолюбливал бумажную работу и отзывался о сотрудниках штаб-квартиры ЦРУ как о «никчемных типах». Он носил вечно жеваную одежду, никогда не снимал бейсбольной кепки, очки были закреплены на затылке веревочкой, а из заднего кармана неизменно торчал дешевый детектив. Кубинцы обожали его. Для них он олицетворял настоящего янки. Робертсон был одним из тех немногих, кто оставался со своими кубинскими подопечными во время многих кампаний тайной войны.

В окрестностях Реталулеу бирмингемские пилоты и инструкторы ВВС США обучали бывших летчиков кубинской коммерческой авиации и военно-воздушных сил групповым полетам и стрельбе. База Реталулеу, конечно, охранялась, но по одну ее сторону проходила железная дорога, и пассажиры могли чуть ли не дотронуться до крыльев самолетов, выстроившихся ряд за рядом в полной боевой готовности. Это порождало слухи, которые гватемальские власти опровергали, правда не всегда достаточно эффективно.

Кубинское правительство, конечно, знало правду. Для этого ему не нужны были разведчики, хотя Кастро и имел их в достаточном количестве. К этому времени вся Латинская Америка, как о чем-то привычном, говорила о предстоящем вторжении на Кубу. Единственно, чего не знал Кастро,— это места, откуда начнется вторжение. Таким местом был Пуэрто-Кабесас на карibbeanском побережье Никарагуа. Правящее семейство Сомосы уже сотрудничало с ЦРУ во время переворота в Гватемале 1954 года, и сейчас ему не терпелось вновь заслужить у США галочку за хорошее поведение, оказав помощь в свержении Кастро. Секретный комплекс ЦРУ получил кодовое название «База Тайд». Аэродром, который был построен ВМС США во время второй мировой войны для противолодочных патрулей, назывался «Счастливой долиной».

Персонс вспоминал меры безопасности, которые принимались во время его полетов в Пуэрто-Кабесас, куда он доставлял различное военное снаряжение: «Чтобы обеспечить секретность этой базы, от нас требовали проверять карты перед началом каждого полета — и ни при каких условиях не допускать, чтобы в руки кубинца попала карта, на которой был бы отмечен курс на Пуэрто-Кабесас. Даже когда бригаду 2506 переводили с базы Трек в Пуэрто-Кабесас, кубинцам не говорили, куда они направляются. А когда они прибыли к месту назначения, то даже не знали, где находятся.

Вопрос о дате вторжения повис в воздухе. Несмотря на прежнюю решимость уйти с поста президента, предварительно сняв с Кастро голову, Эйзенхауэр пришлось отступиться, поскольку бригада 2506 даже и не приблизилась сколько-нибудь к состоянию боевой готовности. Уж в чем-чем, а в днях «Д» * Айк разбирался. Ничего

* День «Д» — на военном жаргоне — дата начала операции.

не оставалось другого, как оставить решение о дате вторжения на усмотрение Джону Кеннеди.

* * *

В пятницу 18 ноября 1960 года генеральный инспектор ЦРУ Лаймэн Киркпатрик выступал в клубе «Commonwealth» в Сан-Франциско. По обычанию особо почетным ораторам члены клуба задают вопросы в письменном виде. В тот день генеральному инспектору ЦРУ поступила записка: «Профессор Хилтон из Станфорда говорит, что в Гватемале существует финансируемая ЦРУ база, где разрабатываются планы нападения на Кубу. Правда ли это? Профессор Хилтон считает, что если нападение произойдет, то этот день станет черным днем для Латинской Америки и Соединенных Штатов».

Наступила долгая пауза. В конце концов Киркпатрик ответил: «Черный день настанет, если нас разоблачат».

Из многих поразительных причин, приведших к катастрофе в Заливе свиней, пожалуй, самой любопытной является роль американской свободной прессы. Чуть ли не вишистского сорта коллаборационизм средств массовой информации с правительством в замалчивании и извращении сообщений о готовящемся вторжении начисто устранил американское общественное мнение как фактор в выработке одного из наиболее катастрофических решений в области внешней политики Соединенных Штатов. Роль прессы в кубинском вопросе весьма сходна с «Большим Оцепением Журналистики» во время эскалации американской интервенции во Вьетнаме — сообщения о надвигающейся катастрофе либо игнорировались, либо пресса вторила правительственной пропаганде. В случае с Заливом свиней американские редакторы, можно сказать, были осведомлены обо всем заранее.

В своей книге «ЦРУ изнутри» журналист Эндрю Талли писал: «Практически каждый в Центральной Америке знал об этой учебной базе (в Реталулеу)». В конце концов о ней сообщили: 20 октября гватемальская ежедневная газета «Ора» опубликовала статью на первой странице. Ее с большим интересом прочитал профессор Рональд Хилтон, директор испано-американского института Станфордского университета и редактор престижного журнала «Хиспаник америкэн рипорт».

«Хиспэник америкэн рипорт» был независимым научным изданием, в нем давалось изложение событий в испано- и португальязычных странах. Его старые выпуски — один из лучших источников информации о том, что происходило в этом полушарии в 50—60-х годах.

Хилтон опубликовал заметку, в которой указывалось, что «все знают» о том, что ЦРУ обучает кубинских контрреволюционеров в Гватемале, готовя их к вторжению на Кубу. На основе этого сообщения Хилтона 19 ноября журнал «Нейшн» опубликовал редакционную статью, в которой охарактеризовал предстоящее вторжение как «опасное и опрометчивое предприятие» и настоятельно призвал «все средства массовой информации Соединенных Штатов» заняться проверкой этого сообщения. Чтобы быть уверенным, что его обращение не останется незамеченным, «Нейшн» разослал гранки редакционной статьи в АП, ЮПИ * и все крупные газеты Нью-Йорка. Четыре экземпляра были направлены в «Нью-Йорк таймс». Никакой реакции не последовало.

Журналисты, похоже, начинают действительно верить в то, что никто из сотрудников крупных изданий просто не заметил короткой редакционной статьи в «Нейшн» и поэтому, видите ли, не набросился на сенсационную новость, как это обычно делают репортеры в кино. Подобную выдумку совсем недавно повторил Питер Уайден в своей книге «Залив свиней», вышедшей в 1979 году. Уайден пишет, что в «Нью-Йорк таймс» ничего не знали о «малюсенькой» редакционной статье в скромном еженедельнике до тех пор, пока — по прошествии значительного времени — один из читателей не прислал вырезку из «Нейшн» бывшему в те дни помощником заместителя редактора «Нью-Йорк таймс» Клифтону Дэниелу, спрашивая, почему, если эта история — правда, она не попала в «Нью-Йорк таймс»? Однако Виктор Бернстайн, бывший в то время заместителем редактора «Нейшн», утверждает, что он буквально засыпал «Нью-Йорк таймс» копиями сообщений о подготовке вторжения, а затем неоднократно звонил в ее редакцию, обращаясь с просьбой их проверить. Ответ Бернстайн получил через девять дней: 20 ноября на 32-й странице «Нью-Йорк таймс» поместила без подписи заметку из Гватемалы, в которой

* АП, ЮПИ — сокращенные названия крупнейших информационных агентств США,

цитировалось заявление президента Мигуэля Идигораса Фуэнтеса, назвавшего сообщения о подготовке вторжения с территории Гватемалы «ложивыми» и утверждавшего, что новая база в горах принадлежит исключительно гватемальской армии. Печальную историю своих попыток привлечь внимание прессы к одной из крупнейших сенсаций десятилетия Бернстайн поведал в 1967 году, опубликовав материал в соавторстве с Джесси Гордоном в издании Колумбийского университета.

Заявления Кастро о том, что Соединенные Штаты готовятся вторгнуться на Кубу, были с негодованием отвергнуты американскими средствами массовой информации и охарактеризованы как «пропагандистская шумиха». Когда 3 января 1961 года Соединенные Штаты разорвали отношения с Кубой, «Нью-Йорк таймс» в воскресном выпуске «Обзора новостей за неделю» писала: «Что истощило терпение США, так это новое пропагандистское наступление Гаваны, обвиняющей Соединенные Штаты в подготовке «скорого вторжения» на Кубу».

10 января «Нью-Йорк таймс» по следам статей в «Сент-Луис пост диспетч» и лос-анджелесской «Таймс», утверждавших, что для сооружения таинственного аэродрома в гватемальских джунглях используются средства из американских фондов, опубликовала на первой странице статью о гватемальской базе. Статья, не содержавшая никакого упоминания о ЦРУ, создавала общее впечатление, будто Гватемала с помощью Соединенных Штатов ведет военные приготовления, чтобы отразить возможное вторжение с Кубы. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» довольно едко замечал, что базу, похоже, разместили несколько неудачно для обороны против кубинского наступления — на противоположной Карибскому побережью стороне Гватемалы. Нью-йоркская газета «Дейли ньюс» тут же выступила с серией статей, в которых утверждалось, что военные лагеря финансируются «американскими и кубинскими промышленниками» — то есть повторила слово в слово разработанную ЦРУ «легенду». Правду о происходящем неожиданно сообщил журнал «Тайм»: 27 января он писал, что всей операцией руководит агент ЦРУ, известный как мистер Б.

Сообщение доктора Хилтона наконец-то было подтверждено.

«Хиспэник америкэн рипорт» еще более обозлил ЦРУ, сообщив о весьма сомнительных «шалостях»

в Латинской Америке Американского института развития свободных профсоюзов, субсидируемого ЦРУ. Что касается профессора Хилтопа, то он в конце концов был вынужден прекратить издание журнала. Хилтон говорил, что руководители университета уведомили его о том, что он «оскорбляет влиятельных лиц, финансирующих университет».

К апрелю участие Соединенных Штатов в подготовке вторжения стало секретом Полишинеля. Издаваемая в Нью-Йорке на испанском языке газета «Диарио» опубликовала адреса местных вербовых пунктов для желающих принять участие во вторжении. 6 апреля «Нью-Йорк таймс» получила статью Тэда Шульца из Майами, которая недвусмысленно связывала ЦРУ с подготовкой вторжения и предсказывала, что нападение будет предпринято в «самом ближайшем будущем». В 1966 году в своей покаянной речи перед Международным институтом печати Клифтон Дэниел из «Нью-Йорк таймс» расскажет о том журналистском искусстве, с которым была обработана статья Тэда Шульца. Тогдашнего издателя газеты Орвила Драйфуса глубоко обеспокоило то, что статья Шульца разглашает секретную операцию. С другой стороны, Драйфус не исключал провала вторжения и понимал, что в этом случае «Нью-Йорк таймс» будут винить в молчании. Всевластное редакторское перо «почистило» упоминания Шульца о ЦРУ и «близости» вторжения. Статья была помещена в подвале первой страницы под незаметным заголовком — вместо первоначально предполагавшегося видного места под крупной шапкой на четыре колонки. Дэниел утверждал, что он и другие присутствовавшие при этом сотрудники «Нью-Йорк таймс» пытались протестовать против подобных несовместимых с традициями газеты и смахивающих на жульничество редакторских фокусов. По поводу этой печально знаменитой истории президент Кеннеди после Залива свиней скажет заместителю редактора «Нью-Йорк таймс»: «Если бы вы шире освещали операцию, вы бы спасли нас от колossalной ошибки...»

Такое отношение к свободе печати, однако, весьма нетипично для Белого дома времен Кеннеди. При любой возможности Кеннеди давил на издателей, чтобы не допустить просачивания в печать новостей, называя их «преждевременным разглашением секретной информации». В марте 1961 года Белому дому удалось убедить

либеральный журнал «Нью рипаблик» отказался от публикации весьма пространного материала о ведущихся в Майаме приготовлениях к вторжению. В этом случае маленькому журналу грозил большой президентской дубинкой Артур Шлезингер *, который впоследствии признавался, что «этот патриотический акт» вызвал у него «чувство неловкости».

Алан Гулд, бывший генеральным директором Ассошиэйтед Пресс как раз в то время, когда это высокочтимое информационное агентство, прямо скажем, не разрывалось на части от обилия сообщений о предстоящем провале вторжения, заявил после выхода в отставку: «Порой мы придерживали новости в национальных интересах. Когда звонит президент Соединенных Штатов и говорит, что дело касается жизненно важных вопросов государственной безопасности, приходится выполнять приказы».

Роль, которую сыграла пресса в истории «Кубинского проекта», выявила неодолимую склонность руководителей главных средств массовой информации в Соединенных Штатах чутко реагировать на пожелания Вашингтона. Белому дому в случае с Кубой и не приходилось уж очень усердствовать: частенько печать сама была рада стараться. Сразу после провала операции в Заливе свиней была опубликована статья в «Вашингтон пост». Она констатировала: «Это правда, что некоторые действия американской разведки и ее секретные операции были неумелыми и слишком уж открытыми. И все же мало кто может поставить под сомнение их необходимость».

Английский журналист Генри Фэйрлайт позднее писал: «„Вашингтон пост“ подстрекала администрацию действовать более осторожно, толкая ее именно к той секретности, за которую сама же — после опубликования документов Пентагона — будет осуждать администрацию Кеннеди».

II

Джон Кеннеди прогуливался по саду Белого дома со своим приятелем Джорджем Смазерсом, сенатором от Флориды, также известным как «сенатор от Кубы» — это прозвище он заслужил безоглядной поддержкой Батисты. Они говорили о Кастро. Согласно показаниям

* В 1961—1964 годах — специальный помощник президента США.

Смазерса, Кеннеди затронул тему политических убийств, поскольку ранее «обсуждал кое с кем эту и другие возможности применительно к Кубе». Смазерс предложил, чтобы любое покушение на убийство было предпринято одновременно с инсценированным инцидентом на военно-морской базе США в Гуантанамо, что послужило бы предлогом для интервенции американских войск.

Вскоре после этого Кеннеди, как отмечал биограф Смазерса журналист Хэнк Мессик, «узнал о связях Смазерса с правыми кругами, что заставило его пасторожиться. Он по-прежнему ценил сенатора как приятного компаньона на досуге, но приказал ему никогда более не касаться кубинской темы». Однако Смазерс, который был близок Бебе Ребозо, Карлосу Прио и другим эмигрантам, продолжал гнуть свою линию. Однажды за ужином на двоих в Белом доме застольная болтовня Смазерса о политических убийствах привела президента в такую ярость, что он швырнул вилку, разбив на кусочки свою тарелку. И только после этого Смазерс отступил.

В ту минуту гнева Кеннеди, видимо, не подозревал, что в неприлично короткое время после его вступления на пост ЦРУ узаконило политические убийства, создав группу «карательных акций». Дик Биссел вкратце обсуждал этот страшноватый предмет с Макджорджем Банди, своим бывшим студентом в Йельском университете, ставшим специальным помощником Кеннеди по делам национальной безопасности. У Банди не возникло никаких возражений. Но он не информировал президента о беседе, поскольку предполагал, как он впоследствии показывал, что ЦРУ прежде, чем «убить конкретное лицо», запросит соответствующее разрешение.

К этому времени ЦРУ по самые свои электронные уши поглязло в приготовлениях к политическим убийствам. У него существовало два основных плана, которые по времени были приурочены к моменту вторжения: один должен был осуществляться при помощи мафии, другой — в сотрудничестве с кубинским подпольем. Прямые попытки покушения на жизнь Кастро, по всей видимости, предпринимались и непосредственно самим управлением. Как свидетельствует писатель Рой Нортон, «группы убийц ЦРУ проходили обучение во Флориде, на болотах Эверглейдс, руководил ими выпускник террористической школы УСС. Ему помогали офицеры морской пехоты, прикомандированные к ЦРУ».

Полковник ВВС США Флетчер Праути утверждал, что ЦРУ «использовало специальный самолет «Хелио курриэр L-28», который, приземлившись близ Гаваны, доставил на Кубу особую группу, специально подготовленную для покушения на жизнь Фиделя Кастро. Мы тщательно разработали эту операцию, и самолету удалось вернуться в целости и сохранности. Пилот доложил, что высадил группу убийц точно в намеченном месте. Позднее мы узнали, что группа была окружена и захвачена солдатами Кастро».

План покушения руками кубинского контрреволюционного подполья ЦРУ разрабатывало в сотрудничестве с подпольной организацией «Унидад революсионариа». Эту организацию ЦРУ снабдило оружием, снаряжением и деньгами. Доставлены они были на борту морского охотника «Техана-3», переоборудованного после второй мировой войны в прогулочный катер богатым техасским нефтепромышленником. Затем «Техану-3» перекупил у него еще более богатый кубинский эмигрант Альберто Фернандес. Фернандес, бывший сахарный король, являлся координатором «Унидад» в Майами. Он зарегистрировал «Техану» в подставной фирме «Интер-Ки транспортэйшн компани», после чего ЦРУ переоборудовало судно по-своему в доке на острове Сток-Айленд. Оснащенная двигателями германского производства «Техана» даже в штормовую погоду могла развивать скорость выше тридцати узлов. На палубе, заполненной в целях маскировки котлами для хранения крабов, были оборудованы турели для мгновенного монтажа и демонтажа пулеметов 50-го и 30-го калибров. Экипаж «Теханы» состоял только из кубинцев. По ночам судно доставляло людей и технику из Ки-Уэста в укромные уголки на северном побережье Кубы. «Обычно того, что нам привозили, хватало на два грузовика,— говорил один из членов «Унидад».— «Техана» доставляла пулеметы 30-го и 50-го калибров, винтовки М-1, пластиковую взрывчатку С-3 и С-4, горючую смесь. Часть оружия распределялась между группами. Остальное прятали в тайниках про запас».

В руководство «Унидад» входили Умберто Сори Марин и Альдо Вера. Хотя они и знали о существовании эмигрантского лагеря в Гватемале, ЦРУ по своим соображениям не информировало их о предстоящем вторжении. Но тем не менее рассчитывало на то, что Сори Марин и К° устраниет Кастро до дня «Д».

Сори Марин планировал путч. Мятежные офицеры ВВС Кубы должны будут захватить военно-воздушную базу Сан-Антонио-де-лос-Баньос близ Гаваны, а корабли ВМС, подняв флаг восстания, выйдут из портов стоянки. «Директорат» — отчаянные ребята из студентов, которые поддерживали Карлоса Прио в недолгой послереволюционной борьбе с Фиделем Кастро, — атакует Гаванский университет. Альдо Вера отвечал за захват средств связи и коммунальных служб.

План предусматривал еще одну деталь, о которой знали лишь немногие вожаки заговора. Фидель и, возможно, его брат будут убиты, что вызовет хаос в оставшемся без руководства правительстве и войсках. Сори Марин, ведавший военными вопросами в «Унидад», знал, как это сделать. Что может быть проще, объяснял он своим дружкам из ЦРУ, чем подложить одну из «петакас» (пластиковых бомб), доставляемых «Теханой», под трибуну и взорвать все ядро режима разом?

18 марта в пригородном районе Мирамар, в доме, окрашенном в пастельные желтые тона, состоялось последнее, решающее совещание. Умберто Сори Марин, Рафаэль Хэнском, Роджер Гонсалес и еще пятеро его участников склонились над обеденным столом. Все они были воодушевлены недавними успехами: «петакас», сея панику, взорвались в театрах и других общественных местах столицы, зажигательные устройства спалили два крупных универсальных магазина Гаваны — «Эпока» и «Энканто». Куря одну за одной любимые сигареты «Кэмэл», Сори Марин водил костлявым пальцем по расстеленной на столе карте Гаваны.

В нескольких кварталах от них милицийский патруль, совершивший обычный обход, остановился у одного из домов. Постучали в парадную дверь. Перепуганная женщина выскочила черным ходом и бросилась бежать к желтому дому. Патруль заметил ее и ворвался следом за ней в комнату, где находились заговорщики. Сори Марин выхватил было пистолет, но был тяжело ранен автоматной очередью. Остальные покорно подняли руки.

Хребет «Унидад» был сломан, и ЦРУ пришлось отказаться от своих надежд на участие кубинского подполья в предстоящем вторжении. Теперь планы убийств связывались только с мафией.

* * *

Майами-Бич кишел гангстерами, собравшимися посмотреть бой тяжеловесов Флойда Паттерсона и Ингемара Йоханссона, намеченный на 13 марта 1961 года. Там были и Джонни Роселли, и Сэм Джанканы с Бобом Мэхью. Они остановились в многокомнатном номере отеля «Фонтенбло» вместе с Джозефом Шаймоном, полицейским детективом из Вашингтона. Джо Шаймон выполнял ряд конфиденциальных поручений для Мэхью, так он познакомился с Роселли и Джанканой, с «прекрасными парнями», по его словам, «самыми приятными ребятами, каких только можно пожелать встретить».

Обоих мафиози и Мэхью в городе занимало нечто большее, чем бой боксеров,— они готовили «нокаут» Фиделю Кастро. Пока Шаймон кутил в баре «Фонтенбло», их посетил босс флоридской мафии Сантос Траффикант. Его сопровождал неулыбчивый кубинец лет пятидесяти с коротко стриженными седеющими волосами, глаза скрыты за темными очками. Это был тот самый человек, которому мафия доверила «контракт» * на Кастро.

Как вспоминал впоследствии Роселли, Мэхью «открыл портфель и вывалил на колени кучу денег... затем достал капсулы (с ядом) и объяснил, как их следует применять. Насколько я помню, их нельзя было класть в горячий бульон, но можно было растворять в воде или в других напитках; срок их действия был ограничен».

Кубинец согласно кивнул головой. Он быстро пересчитал деньги — десять тысяч долларов — и сунул их вместе с упакованными в конверт капсулами в карман. Затем ушел.

Упомянутый кубинец был знатных кровей. Мануэль Антонио «Тони» де Варона, премьер-министр Кубы при Карлосе Прио, ныне координатор подставной политической организации — «ширмы» ЦРУ, руководимой Говардом Хантом. Хант, который постоянно докучал Дику Бисселу своим предложением об устранении Кастро одновременно с вторжением и с таким же постоянством слышал в ответ, что «все в руках специальной группы», не имел ни малейшего представления о том, что Варона

* «Контракт» — на жаргоне гангстеров означает договоренность об убийстве какого-либо лица,

привлечен к организации покушения. Более того, в штаб-квартире ЦРУ личность кубинца, завербованного мафией, вообще была не известна. И это приведет к совершенно невероятной развязке.

Тони Варона и Карлос Прио вместе вступили в партию аутентиков. Когда Прио избрали в 1950 году президентом, он назначил Варону премьер-министром. Через два года, когда Батиста осуществил переворот, они вместе бежали в Майами. Варона стал ближайшим помощником Прио в его борьбе за свержение Батисты. Когда же диктатор внезапно бежал в первый день нового, 1959 года, он вернулся с Прио в Гавану, где они принялись плести интриги против Фиделя. Но если Прио до начала 1961 года оставался в своем имении «Чата», Варона вскоре поспешил обратно в Майами.

В той контрреволюционной деятельности, которую развернули кубинские эмигранты во Флориде, Варона практически стал дублером Прио. Он сколотил небольшую группу под названием «Рескате», состоявшую преимущественно из верных Прио аутентиков. Благодаря видной роли в кубинской политической жизни, Варону ввели в «Демократический революционный фронт», и он был в числе тех его лидеров, которые тайно встречались с Джоном Кеннеди летом 1960 года. С Говардом Хантом, однако, Варона не ладил. Он считал, что ЦРУ слишком склонится на деньги и снаряжение для его группы «Рескате», и, к величайшей досаде Ханта, ратовал за избрание Кеннеди президентом, поскольку тот обещал во время предвыборной кампании поддержать кубинских эмигрантов. «Может быть, при Кеннеди мы получим помощь, в которой так нуждаемся,— язвительно говорил он Ханту.— Не то, что вы помогаете нам — по чайной ложке».

Хант пытался всучить Вароне свою стандартную «легенду» о том, что он, мол, представляет международную группу бизнесменов, стремящихся заполучить обратно свои владения на Кубе. Но Варона видел Ханта насквозь. Когда Варона набрался наглости и предложил, чтобы правительство Соединенных Штатов просто одолжило эмигрантам миллионов 10—20 долларов с тем, чтобы они все сделали сами, Хант напомнил, что у кубинцев нет способов «уладить дела» с федеральными органами, чтобы те не перехватывали самолеты и суда, направляющиеся на Кубу. Наставая на своем вымысле, Хант заявил Вароне: «Благодаря влиянию моих

покровителей, эти правительственные органы уже сотрудничают с нами».

Упрямый Варона начал искать другие источники финансирования своих операций. И вышел на Майера Лански.

В том, что бывший премьер-министр Кубы связался с «председателем правления» гангстерского синдиката, не было ничего неожиданного. Еще со времен президентства Прио, когда Кубу разъедала коррупция, Варону и Лански объединяли общие финансовые интересы. Как бы то ни было, согласно расследованиям сенатской комиссии, Варона «имел деловые связи с Лански, обещавшим ему покровительство. Лански и «передал» Варону Траффиканте». Это была, как говорится, услуга за услугу. В докладе сенатской комиссии 1975 года, предусмотрительно опустившей имя Вароны, говорится, что «Траффиканте и другие гангстеры» предоставляли ему денежные средства в надежде обеспечить себе «монополию на игорный бизнес, проституцию и торговлю наркотиками» на Кубе, избавленной от Кастро.

Варона сообщил Траффиканте, что у него есть надежный человек в одном из гаванских ресторанов, который часто посещают Кастро и его ближайшие помощники. Он сможет подложить им в пищу капсулы с ядом. Траффиканте проинформировал Роселли, а тот в свою очередь — Мэхью, выступавшего в данном случае связником между гангстерами и ЦРУ. Мэхью поспешил доложить своему шефу Джиму О'Коннеллу.

Чтобы изучить ситуацию, О'Коннелл лично встретился в Майами с Роселли и Вароной. Он представился последнему как Джим Олдс, член «группы промышленников», желающих возвратить свою собственность на Кубе. Варона уже слышал эти сказки — от Говарда Ханта. После встречи он бросил Роселли: «Слушай, что уж я, совсем не знаю ЦРУ? Не говори мне, что этот парень не из ЦРУ». Но О'Коннелл, который был связан с Говардом Хантом и его штурмовой группой, не узнал Варону. Он вернулся в штаб-квартиру и рекомендовал пойти навстречу требованиям кубинца, которого нашел Роселли, и выдать ему деньги и аппаратуру для поддержания связи стоимостью в тысячу долларов. Дик Биссел передал О'Коннелу 50 тысяч долларов в купюрах, источник

которых установить было невозможно, и распорядился, чтобы управление связи ЦРУ снабдило его необходимым оборудованием. По выполнении задания ему будут выплачены обещанные ранее 150 тысяч долларов.

Подобную плату за «подвиг» такого рода и масштаба едва ли можно назвать щедрой, но Варона, вероятно, также нацеливался на миллион долларов, который Майер Лански пообещал в награду за голову Кастро, когда игорный синдикат вышвырнули из Гаваны. В любом случае те 10 тысяч долларов, которые Мэхью передал Вароне в «Фонтенбло», были лишь авансом на покрытие расходов. Электронное оборудование Варона должен был забрать из автомобиля, оставленного Мэхью в условленном месте на пустыре.

Через несколько дней разъяренный Варона ворвался на конспиративную квартиру Говарда Ханта. Патруль морской пограничной службы задержал один из его каторов, направлявшихся на Кубу. Хант должен немедленно принять меры к его освобождению. «Ведешь двойную игру, Тони», — упрекнул его Хант, не знаяший, что в действительности игра-то была тройной — с участием еще и мафии. Хант погрозил пальцем: «Возглавляешь „Френте“ (созданный Хантом „Демократический революционный фронт“ — политический „фасад“ ЦРУ), а сам проводишь операции своей собственной группы „Рескате“».

Варона был в отчаянии. «Там люди ждут груз, — умолял он. — Они надеются на меня. Ты должен...»

«Твои радиограммы перехвачены», — прервал его Хант.

«Они закодированы», — возразил Варона.

«Твой код даже ребенок расшифрует. Мы же прочитали твои радиограммы, так неужели ты думаешь, что криптографы Кастро не сделают того же самого?» Хант обвинил Варону в своеобразии: «Ты это делаешь для того, чтобы потом в свободной Гаване, когда встанет вопрос о вкладе „Рескате“, иметь возможность перечислять морские операции».

Тем не менее Вароне удалось передать капсулы в Гавану — в надлежащие руки. Но, как указывал Мэхью, «следовало еще получить сигнал к действию, прежде чем пустить их в ход». ЦРУ хотело, чтобы убийство совпало с вторжением. Это было частью того самого «кое-чего другого», как выразится впоследствии Даллес, что, по расчетам ЦРУ, должно было произойти. Так обстояло

дело еще в ноябре, когда все надеялись, что вторжение начнется до истечения срока президентства Эйзенхауэра.

План был не лишен логики. Потрясение, которое постигло бы кубинский народ в результате утраты вождя, и растерянность лишившейся руководства армии неизмеримо повышали шансы бригады вторжения на военный успех. Но когда Варона получил капсулы, дата вторжения еще не была определена. Все понимали только, что начинать надо как можно скорее. В Чехословакии кубинские летчики завершали курс обучения пилотированию МиГов, современные самолеты на борту советских грузовых судов находились на пути к Кубе. Кастро знал о готовящемся вторжении. Свидетельством ускоренных приготовлений к отражению нападения стало размещение артиллерийских орудий на набережной Малекон.

Крайне важно было правильно рассчитать время. Действие смертельного ботулинического токсина, полученного в лабораториях ЦРУ, наступало через день-два, но зато он не оставлял никаких следов, никаких признаков отравления. Причину смерти отнесли бы к разряду естественных, и Соединенные Штаты остались бы вне подозрений.

Наиболее правдоподобное объяснение тому, почему одно только слово, способное решительнейшим образом изменить исход событий, так и не было произнесено, заключается в том, что ЦРУ не знало, что Тони Варона, военный министр марионеточного кабинета «Демократического революционного фронта», и есть тот самый кубинец, которому мафия поручила организацию убийства. Ибо за несколько дней до вторжения ЦРУ предприняло шаги, начисто лишившие Варону возможности передать своим сообщникам сигнал к действию. Меры сверхпредосторожности, принятые ЦРУ во имя «правдоподобно опровергаемого», обратили в прах наивернейший шанс убить Кастро.

Сомнительная слава инициатора этих шагов принадлежит Говарду Ханту. Несмотря на разногласия, Хант доверял Вароне, равно как и другим лидерам «Демократического революционного фронта», с которыми имел дело. Но либерал Мануэль Рэй, который в результате настоятельного требования администрации Кеннедиочно обосновался в руководстве фронта, доводил Ханта до беспечности. Хант считал Рэя воплощением «фиделизма без Фиделя» и полагал, что тот «сообщит врагу» о планах

вторжения. Чтобы предотвратить подобное предательство, он задумал в надлежащий момент под каким-либо предлогом собрать в Нью-Йорке всех лидеров эмиграции. «Когда они соберутся,— писал Хант,— им следует сказать, что близится день вторжения, и в целях безопасности — как их личной, так и самой операции — те, кто захочет ознакомиться с планом атаки, должны будут согласиться на немедленную и полную изоляцию». Под ней Хант имел в виду «отсутствие всяких контактов с внешним миром».

13 апреля, за четверо суток до дня «Д», шесть лидеров из эмигрантской верхушки собрались, согласно полученной инструкции, в отеле «Лексингтон», где прослушали краткую информацию Фрэнка Бендера. Затем ЦРУ взяло их под стражу. Накануне вторжения на борту принадлежащего ЦРУ самолета С-46 с наглухо заклеенными иллюминаторами их переправили на аэродром Оупа-лока близ Майами. Когда бригада вторжения шла пала по пояс в воде к берегу в Заливе свиней, временное правительство Кубы сидело под домашним арестом в дощатой хибаре на краю аэродрома.

Тони Вароне оставалось только мерить шагами свою клетушку и гадать, где он находится и что происходит. А в это время Кастро — целый и невредимый — готовил интервентам сокрушительный удар. Аллен Даллес, убежденный, что все учел, и уверенный в успехе, настоял, чтобы Джон Кеннеди начал вторжение. Если он не вторгнется на Кубу, убеждал Даллес Кеннеди, то перед ним встанет «проблема того, как избавиться» от всех этих вооруженных эмигрантов в Гватемале.

III

Мафия приготовилась ходить с козыреи, сданных ей ЦРУ. Накануне вторжения помощник Лански Джо Риверс ждал на Багамских островах, заранее приготовив набитый золотом мешок, чтобы ринуться на Кубу и овладеть бездействующими казино. Близ северного побережья Кубы в принадлежащем синдикату катере болтались на волнах вместе с агентом ЦРУ два приятеля Фрэнка Стерджиса по игорному бизнесу Джорджи Ливайн и Сэлли Бернс, а также босс пенсильванской мафии Рас-селл Буфалино и его подручный Джеймс Плюмери. Они готовились высадиться на берег и выкопать 750 тысяч

долларов, которые припрятали прежде, чем сбежать из Гаваны.

Гангстеры закормили ЦРУ обещаниями из кубинского подполья, в которых, по словам репортера Денни Уолша, утверждалось, что некоторые гаванцы «не питают особых симпатий к Кастро». Они, конечно, принимали желаемое за действительное, но ведь мафия страстно желала вернуться к своему бизнесу в Гаване, где только с азартных игр она ежегодно имела около ста миллионов чистого дохода. Всегда осторожный Сантос Траффиканте, даже несмотря на то, что ЦРУ было его негласным союзником, хотел исключить всякий риск. Он стал внедрять в «Операцию 40» людей синдиката.

Одним из них был Ричард Кейн, состоявший на побегушках у Сэма Джанканы. Бывший полицейский Кейн, бегло говоривший по-испански, находясь на посту детектива в чикагской полиции, одновременно шпионил там в пользу мафии. Его выгнали из полиции, когда поймали за установкой подслушивающего устройства в телефонном аппарате специального уполномоченного мэра по расследованиям Ричарда Дейли. Тогда журнал «Тайм» писал:

«С ведома ЦРУ, как утверждают источники из разведки, детектив Кейн начал вербовать говорящих по-испански головорезов. Некоторых из этих бандитов направляли в Майами и Центральную Америку, где их обучали тактике диверсионной войны... Американские источники утверждают, что ЦРУ истратило на эту операцию более ста тысяч долларов, еще 90 тысяч на расходы Кейну выложил из собственных фондов мафии Джанканана. Когда ряд боссов мафии пытались возразить против подобных выплат, Джанканана дал понять, что эти средства следует рассматривать как «лед» (деньги, расходуемые на обеспечение безопасности мафии)».

ЦРУ однажды уже доказало свою любовь, когда помогло Джанкане, Роселли и Мэхью отвязаться от полицейских — в случае с установкой подслушивающего устройства в телефоне актера Дэна Рауэна в Лас-Вегасе. Незадолго до вторжения Мэхью обратился с этой проблемой к полковнику Шеффилду Эдвардсу, утверждая, что расследование со стороны ФБР может повредить операции по подготовке покушения на Кастро. Эдвардс заявил Мэхью: «Если к вам придут из ФБР, сошлитесь на меня, а я объясню, что вы заняты в разведывательной операции, направленной против Кубы». Федеральному

бюро расследований Эдвардс объявил, что ЦРУ возражает против судебного преследования, поскольку оно может повлечь разглашение сугубо секретной информации по поводу вторжения. ЦРУ затем обратилось к министру юстиции Роберту Кеннеди, который согласился закрыть дело в «национальных интересах».

Слух о надвигающемся вторжении пополз по конторам американских корпораций, чья собственность на Кубе была экспроприирована, вызывая там оптимизм. Правда, бизнесмены расценивали свои перспективы более осторожно, чем мафия. Президент «Франсиско шугар компани» Рионда Брага заявил 9 февраля 1961 года корреспонденту «Уолл стрит джорнэл»: «Есть основания надеяться, что кубинское правительство падет и американские компании смогут возобновить свою деятельность».

«Франсиско шугар» служит примером взаимосвязи между миром бизнеса и подпольным миром разведки. Когда Белый дом дал наконец «зеленый свет» вторжению на Кубу, ряд сотрудников ЦРУ начал скучать акции «Франсиско» и других сахарных компаний, доходы которых упали в связи с утратой кубинских плантаций. Внезапный спрос (нельзя же не подсказать друзьям, что дешевые сейчас сахарные акции — дело верное) возбудил любопытство биржевых маклеров. Один из них — весьма проницательный тип — позвонил управляющему совместным фондом, который, как полагали, обслуживал вкладчиков именно того сорта, к какому можно отнести ЦРУ. Управляющий не стал скрывать, что фонд играет на сахарных акциях на повышение. Маклер тут же стал рекомендовать эти акции клиентам своей фирмы, что привело к еще большему на них спросу. Когда бригада вторжения только высадилась на берег, цены на сахарные акции уже стремительно летели вверх.

3 апреля государственный департамент выпустил «Белую книгу», имевшую целью подготовить американское общественное мнение к вторжению на Кубу. Книга обратилась к обычной для демократов риторике. Проект документа составлял Артур Шлезингер, бывший сотрудник УСС, чопорный профессор, любимец Джона Кеннеди. Осудив режим Батисты, «Белая книга» обвиняла правительство Кастро в том, что оно вопреки своим обещаниям «предало кубинскую революцию». Роль Соединенных

Штатов, которые препятствовали борьбе Кубы за национальную независимость, за социальное и экономическое равенство, была удостоена Шлезингером одного-единственного предложения: «Мы признаем упущения и ошибки прошлого». На следующий день Джон Кеннеди на совещании со своими помощниками дал сигнал к осуществлению вторжения.

За неделю до вторжения видавший виды банановоз «Санта-Ана», ходивший под коста-риканским флагом, отдал швартовы в военно-морской базе в Алджере на реке Миссисипи ниже Нового Орлеана и отплыл к Мексиканскому заливу. На борту находились Нино Диас, который воевал вместе с Че Геварой в Сьерре, советник из ЦРУ — американский морской пехотинец по имени Керли Санчес — и 168 солдат-контрреволюционеров. В трюмах лежал «груз» — оружие и боеприпасы. Пункт назначения — Баракоа, городок на кубинском побережье неподалеку от военно-морской базы Гуантанамо. ЦРУ арендовало «Санта-Ану» за семь тысяч долларов в месяц плюс сто тысяч долларов залога на случай повреждения судна. Диас и экспедиционный отряд его «Движения за возрождение революции» прошли обучение в лагере, расположеннем в дикой местности к северу от озера Поншартрен. Перед ними поставили задачу, как впоследствии указывалось в опубликованных отчетах, нанести отвлекающий удар в районе Баракоа и оттянуть на себя подразделения кубинской армии из Залива свиней.

Однако люди Диаса были обмундированы в форму армии Кастро. Это указывает на то, что их действительной целью была провокация иного рода. Недавно всплыла информация о том, что на самом деле ЦРУ пыталось инсценировать нападение на американскую базу Гуантанамо, чтобы представить Кастро агрессором и оправдать прямую американскую интервенцию. Морские пехотинцы Соединенных Штатов находились вблизи берегов Кубы, готовые к высадке, если затея удастся. Это — в дополнение к двум планам покушения на жизнь Кастро — и было то самое «кое-что другое», необходимое, по расчетам ЦРУ, для обеспечения успеха вторжения.

Эта информация стала достоянием гласности, когда бывший сотрудник ЦРУ Джеймс Уилкотт давал в 1978 году показания комиссии конгресса. Уилкотт,

с 1957 по 1966 год служивший в Токио, Вашингтоне и Майами, заявил, что гуантанамская провокация в свое время широко обсуждалась сотрудниками ЦРУ. Она была задумана, когда стало ясно, что на народное восстание на Кубе в поддержку вторжения рассчитывать нечего. «Тогда первоначальные планы вторжения подверглись изменениям: в них включили инсценировку инцидента, который стал бы предлогом для массированной атаки со стороны армии Соединенных Штатов,— заявил он.— Кеннеди не должен был знать об этих изменениях, и на совещании в ноябре 1960 года, посвященном деталям вторжения, они не обсуждались».

Согласно Уилкотту, «один из таких планов заключался в том, чтобы каким-либо способом заставить Кастро поверить, будто мятежники нападают из Гуантанамо, и вынудить его тем самым атаковать базу США. Другой план предусматривал подставить во время наступления мятежников американский корабль и взорвать его. От этой затеи пришлось отказаться, так как о ней прослыла военно-морская разведка и начала бурно возмущаться... Перед самым вторжением в Залив свиней, а некоторые утверждают, что еще раньше, круги военной разведки стали проявлять враждебность к ЦРУ, поскольку их не привлекали к подготовке вторжения в той степени, в которой, по их мнению, следовало бы».

Бывший сотрудник ЦРУ продолжал: «Лейтмотив оставался одним и тем же: только бы начать что-нибудь, что открыто призывало бы к военному вмешательству, а дальше осуществлять полный захват острова и установление желаемого режима. Как только начнется, Кеннеди придется смириться... Велись также споры по поводу того, насколько следует посвящать Даллеса в планы провокационного инцидента».

Ночью 10 апреля длинная вереница грузовиков перевозила по горным дорогам бригаду 2506 с базы Трекс в Реталулеу. Там солдаты садились в самолеты С-54, которые направлялись в Никарагуа. Воздушная переброска войск была завершена следующей ночью. Альберт Персонс, совершивший один из последних рейсов, вспоминает сцену, которую он наблюдал уже на аэродроме «Счастливая долина»: «С посадочной полосы нас направили на одну из стоянок. Все вокруг кишило сотрудниками Ком-

пании * и кубинскими контрреволюционерами в военной форме. Они сновали в свете фар полудюжины выстроившихся в ряд грузовиков. Их поспешно заполняли люди, которых мы доставили из Реталулеу. Ребята из Компании уселись в джипы и в сопровождении грузовиков умчались по взлетно-посадочной полосе в направлении побережья».

На аэродроме внезапно все стихло. «Длинная вереница В-26 притаялась в темноте на дальнем краю взлетной полосы. Проходя мимо них, мы заметили гроздья ракет, подвешенных к крыльям многих самолетов», — рассказывал Персонс.

На следующее утро Джон Кеннеди проводил свою обычную еженедельную пресс-конференцию. В Иерусалиме шел суд над Адольфом Эйхманом **. Юрий Гагарин взмыл в космос, став первым в мире человеком, совершившим орбитальный полет вокруг Земли. В Лаосе партизаны громили поддерживаемых ЦРУ роялистов. Но первый вопрос, заданный Кеннеди, касался интервенции на Кубе. Президент ответил, что он не предпримет «ни при каких условиях вооруженной интервенции Соединенных Штатов против Кубы». Говард Хант посчитал заявление Кеннеди «великолепной попыткой ввести всех в заблуждение».

В ЦРУ были убеждены, что, столкнувшись с реальными фактами, происходящими в ходе вторжения, Кеннеди, конечно же, скорее пошлет американские войска на Кубу, нежели проглотит пиллюлю поражения. Кубу ведь не придется даже подвергать атомной бомбардировке.

Во время окончательного инструктажа командного состава бригады вторжения их босс из ЦРУ дал понять, что они могут рассчитывать на поддержку, которую США обеспечат с воздуха. Войска Кастро, утверждал он, не смогут достичь Залива свиней, поскольку «каждые пять минут над всеми основными дорогами Кубы будет висеть по самолету». В действительности же этого вовсе и не предусматривалось. После того, как плацдарм на побережье будетдержан в течение 72 часов, объявил он, «мы будем там вместе с вами для следующего шага». Бравируя, он добавил последнюю тираду: «Но вы будете настолько сильны, к вам примкнет столько народу, что не станете нас дожидаться. Вы устремитесь вперед. Уце-

* Так Персонс и другие наемники называют ЦРУ.

** Адольф Эйхман — гитлеровский военный преступник.

пitezь за берег, развернетесь влево и — прямо на Гавану».

В четверг, на следующее утро после заявления Кеннеди о том, что США не предпримут интервенции, самолет «Локхид сьюпер-констеллэйшн» приземлился на аэродроме «Счастливая долина». Сквозь торопливо наложенную краску просвечивали опознавательные знаки BBC США. Среди пассажиров, многие из которых перед выходом из самолета сменили военную форму на штатское платье, находились Дик Биссел и Макджордж Банди, специальный помощник Джона Кеннеди по делам национальной безопасности. Всю группу провели под навес. Несмотря на жару, боковые брезентовые полотнища были опущены. Лео Бейкер, один из бирмингемских пилотов, поинтересовался, что происходит. Сотрудник ЦРУ ответил ему, что визитеры прибыли из Вашингтона для окончательной «проверки».

Группу встречал полковник морской пехоты Джек Хоукинс, американский командующий вторжением. Биссел отправил его сюда несколькими днями раньше для оценки боеготовности бригады. Хоукинс во время второй мировой войны участвовал в десанте на Иво Джима*. Хоукинс уже принял одно важнейшее решение — ничего не сообщать подполью на Кубе. «Тамошние тупицы раззвонят на весь город,— объяснил он бывшему шефу гаванской резидентуры ЦРУ Джеймсу Ноуэлу, лелеявшему антикастровское подполье с самых первых дней его существования.— Если мы сообщим им, что вторжение произойдет тогда-то и тогда-то, это сразу станет известно всему чертовому острову». Когда Ноуэл стал возражать, доказывая обратное, Хоукинс объявил: «Не доверяю я ни одному чертову кубинцу».

После четырехчасового совещания, во время которого входили и выходили кубинские офицеры бригады, группа отправилась инспектировать боевые самолеты. В штаб-квартиру ЦРУ была отправлена телеграмма-молния, в которой бригада с энтузиазмом называлась «поистине грозной силой», ее офицеры характеризовались как «смышленые и воодушевленные», а авиация бригады заслуживала

* Ныне остров Ио в составе японских островов Кадзан. Во время второй мировой войны на нем располагалась военно-воздушная база Японии, которую десант морской пехоты США взял штурмом в феврале — марте 1945 года.

всияческих похвал. В заключение подчеркивалось: «Офицеры бригады полагают, что не нуждаются в помощи вооруженных сил Соединенных Штатов». Телеграмма была подписана полковником Хоукинсом. Гости уселись в огромный самолет и улетели еще до наступления темноты.

Штаб-квартира ЦРУ срочно переправила телеграмму в Белый дом, где президент Кеннеди все еще был над вопросом, а не отменить ли ему вторжение вообще. Он помнил Хоукинса, этого закаленного в боях офицера с точным военным мышлением, принимавшего участие в обсуждении планов на многих совещаниях.

Потом Кеннеди скажет, что именно Хоукинс, подтвердив факт высокой боеготовности бригады, подтолкнул его к решению предпринять вторжение.

Фидель Кастро стал бодрствовать по ночам; он был убежден, что контрреволюционеры высадятся ранним утром, в предрассветной мгле. Впоследствии в одной из своих речей он перечислит признаки надвигающегося нападения: «Создание «Совета червяков» в эмиграции (этим выражением Кастро наградил «Кубинский революционный совет», он называл эмигрантов «гусанос», что переводится как «червяки»); постыдная «Белая книга» мистера Кеннеди плюс ряд фактов, просочившихся в прессу Соединенных Штатов, плюс некоторые разногласия в США по поводу того, какой стратегии придерживаться, указывали, что момент атаки приближается. Мы получили сообщение о том, что последний отряд десанта отбыл из Гватемалы, что силы противника пришли в движение, это заставило нас повысить бдительность».

В последнем можно было легко убедиться. За несколько недель до вторжения, 20 марта, восемь агентов Фрэнка Стерджиса, в том числе один американец, предприняли безуспешную попытку высадиться на берег в районе Пинар-дель-Рио, но диверсионная банда, к которой они предполагали присоединиться, оказалась захваченной, а весь район находился под усиленной охраной. Диверсанты были казнены. 5 апреля в районе бухты Моя несколько судов «Христианского демократического движения», одним из которых командовал ближайший соратник Стерджиса Педро Диас Ланс, пытались доставить заговорщикам большую партию оружия, но были отгнаны патрульными катерами.

Однако казалось, что ЦРУ совершенно не тревожило столь высокое состояние боеготовности на Кубе.

На длинном причале в Пуэрто-Кабесасе, по которому бригада 2506 промаршировала на корабли флота вторжения, происходила сцена из бродвейского шоу. Генерал Луис Сомоса, «сильный человек» Никарагуа, красовался в ярких лучах солнца, провожая проходивших солдат. «Он вырядился, как король в оперетке, на лице — толстый слой пудры. Его окружали вооруженные телохранители,— рассказывал корреспондент «Вашингтон пост» Хайнс Джонсон.— Он помахал рукой и выкрикнул: «Принесите мне пару волосков из бороды Кастро!», повернулся на каблуках и удалился в сопровождении своих лизоблюдов».

Едва командующий бригадой Пепе Сан-Роман приготовился ступить на лихтер, как его отвел в сторону сотрудник ЦРУ и передал любопытное распоряжение. Если поступит радиограмма «Возвращайтесь», это означает прямо противоположное. Но если в ней будет сказано: «Кетсаль* на ветвях дерева», это значит, что Кастро их поджидает и вторжение отменяется. Агент ЦРУ не сказал, что президент оставил за собой право аннулировать решение о вторжении за сутки до часа «Ч» ** для «Д», до которого теперь уже оставалось менее трех суток. Если президент решит воспользоваться своим правом, только ЦРУ сможет известить об этом.

В ночь отплытия флота вторжения «Санта-Ана» после долгого путешествия из Нового Орлеана прибыла в назначеннюю ей зону высадки близ Баракоа. Люди Нино Диаса натягивали кубинскую форму. Однако посланные на берег разведчики доложили о странных огнях, о множестве мерцающих в темноте сигарет и неожиданно оживленном автомобильном движении. Диас, никогда не отличавшийся смелостью, решил воздержаться от высадки своих солдат. Советник ЦРУ Керли Санчес затеял с ним жаркий спор. Но Диас был капитаном. Он приказал, чтобы «Санта-Ана» отошла мористее в ожидании следующей ночи.

В два часа ночи в субботу, 15 апреля, летчиков бригады с самолетов В-26 собрали в комнате для

* Кетсаль — птица, живущая в лесах Гватемалы.

** Час «Ч» — на военном жаргоне — время начала операции.

ицтруктажа на аэродроме «Счастливая долина» и сообщили, что им предстоит атаковать аэродромы в Сан-Антонио-де-лос-Баньос и Кампо-Колумбия близ Гаваны, а также в Сантьяго и Баракоа в провинции Ориенте.

Аэрофотосъемка, произведенная с самолета U-2 днем раньше, запечатлела военно-воздушные силы Кастро («Фуэрса аэrea революсионариа», или ФАР). Самолеты, стоявшие на аэродромах, тут же презрительно обозвали «сидячими утками». По оценкам ЦРУ, в ФАР насчитывалось около 15 самолетов B-26, штук шесть древних «Си фьюри» английского производства и три учебно-тренировочных, но вооруженных реактивных самолета «Локхид Т-33». Собравшимся пилотам было сказано, что в случае вынужденной посадки за пределами Кубы они должны выдавать себя за дезертировавших из ФАР летчиков.

За взлетающими B-26, несущими под крыльями 500-фунтовые бомбы и ракеты, наблюдал Эл Персонс. Он недоумевал. По его подсчетам, взлетело всего девять B-26. А для выполнения важнейшей задачи уничтожения самолетов ФАР на земле можно было бы отрядить все тридцать, имевшихся в распоряжении. В то время когда B-26, натужно ревя моторами, направлялись к Кубе, Фидель Кастро спешил в Кампо-Колумбия — он получил сообщение о том, что в районе Баракоа замечены какие-то суда. Объявив боевую тревогу, Кастро направил в Баракоа два батальона. С первыми лучами солнца B-26 с изображением кубинского флага на крыльях и надписью «ФАР» на хвосте пролетел над Кампо-Колумбия на небольшой высоте. Это был самолет бригады вторжения с фальшивыми опознавательными знаками. Кастро услышал глухие разрывы бомб и резкие залпы зениток.

«Это агрессия», — сказал он спокойно.

IV

В семь утра 15 апреля самолет B-26 с кубинскими опознавательными знаками совершил вынужденную посадку «на брюхо» на аэродроме авиабазы ВМС США в Ки-Уэсте. Его пилота спешно спрятали от любопытных глаз. Спустя какие-то минуты еще один B-26 запросил разрешения на вынужденную посадку и приземлился в международном аэропорту Майами. Лопасти одного из пропеллеров самолета были расщеплены. Хотя его пилот

также был изолирован, представителям печати разрешили осмотреть и сфотографировать аэроплан с опознавательными знаками ФАР. В капоте двигателя и фюзеляже зияли пулевые пробоины.

В штаб-квартире ЦРУ Дэвид Филлипс поднял телефонную трубку и позвонил Лему Джонсу. ЦРУ содержало его нью-йоркскую фирму по связям с общественностью в качестве рупора «Кубинского революционного совета». Филлипс продиктовал ему заявление для печати от имени председателя «Кубинского революционного совета» Хосе Миро Кардоны. В нем утверждалось, что два летчика дезертировали из ФАР и обстреляли кубинские аэродромы прежде, чем бежать во Флориду.

Постановкой спектакля с перебежчиками руководил Филлипс, который приказал обстрелять майамские B-26 из пулеметов до того, как они взлетели с аэродрома «Счастливая долина». В тот же день кубинский представитель Рауль Роа с трибуны ООН гневно обвинил Соединенные Штаты в поддержке «трусливого нападения из-за угла», которое было осуществлено наемниками, обученными «специалистами Пентагона и Центрального разведывательного управления». Роа заявил, что в результате этого налета семь человек убиты, многие ранены.

Эдлай Стивенсон поднялся, чтобы произнести речь в защиту. Два дня назад постоянный представитель США в ООН был информирован заместителем директора ЦРУ Трейси Бернсом, что эмигранты ведут военные приготовления и что на острове Суон начал работать их передатчик. Однако Бернс настаивал на том, что Соединенные Штаты к этому никоим образом не причастны. Позже Стивенсон будет вспоминать об этой минуте, как о самой унизительной в своей карьере: он высоко поднял телефон приземлившимся в Майами B-26, указывая на опознавательные знаки ФАР. «Насколько нам известно,— патетически заявил он,— эти два самолета принадлежали кубинским военно-воздушным силам и, как утверждают их пилоты, взлетели с аэродромов военно-воздушных сил самой Кубы».

Во Флориде некоторые проницательные репортеры подметили, что у продемонстрированных им B-26 остекление штурманских кабин сделано из прозрачного плексигласа — в то время как у машин ФАР они были затмнены для защиты от солнца,— что стволы их пулеметов

обмотаны тряпками, а бомбовые люки покрыты давней ржавчиной. Но в общем и целом американская печать проглотила дезинформацию ЦРУ и помогла ее распространить. Агентство Ассошиэйтед Пресс в сообщении из Гаваны раззвонило на весь мир: «Сегодня летчики военно-воздушных сил премьер-министра Кастро подняли восстание и подвергли три главных авиабазы режима Кастро бомбардировке и обстрелу ракетами».

Особенно отличилась в хоре дезинформаторов майамская газета «Ньюс», опубликовавшая броско поданную статью Хэла Хэндрикса, сотрудничавшего с ЦРУ. «Теперь совершенно ясно,— писал Хэндрикс 15 апреля,— что никакого массированного вторжения на Кубу со стороны антикастрровских сил, собравшихся на базах в Центральной Америке и в Соединенных Штатах, не будет. «Ньюс» утверждала это в течение уже нескольких месяцев».

В полдень воскресенья истекал срок, когда президент еще мог отменить вторжение. Когда он разрешил его начать, штаб-квартиру ЦРУ охватило ликование: все топали ногами, хлопали друг друга по спине, несмотря на дурное предзнаменование. Аэрофотосъемка с борта U-2, произведенная после налетов предыдущего дня, показала, что самолеты ФАР уничтожены далеко не полностью. Два B-26 и несколько «Си фьюри» оказались даже неповрежденными, а три реактивных T-33, самые опасные из всех, стояли в полной боевой готовности на аэродроме в Сантьяго. Чтобы покончить с этим делом, в понедельник на рассвете наметили совершить второй налет. Для успеха десантной операции было абсолютно необходимо полное превосходство в воздухе.

То, что за этим последовало, сделает Джона Кеннеди уязвимым для обвинений в том, что он отменил этот второй налет, сорвав таким образом вторжение. Эти обвинения будут отравлять ему всю оставшуюся жизнь, а для ЦРУ станут основным козырем для оправдания собственных действий. На занятиях с будущими агентами инструкторы ЦРУ станут говорить, что Кеннеди в Заливе свиней просто «перетрусили».

Но человек, находившийся в центре событий, представил совершенно иную версию. Согласно Говарду Ханту, которого нельзя обвинить в любви к Кеннеди, необходимость во втором налете возникла лишь после того,

как были изучены материалы аэрофотосъемки, полученные самолетом U-2. В то время как в штаб-квартире ЦРУ ответственный за действия авиации отдавал распоряжения относительно второго воздушного удара, к нему заглянул генерал Кейбел. «Погодите, погодите! Сдается мне, что нам разрешили только один налет на аэродромы», — произнес он.

«О, нет, сэр, — возразил ему тот. — Приказано было уничтожить кубинские военно-воздушные силы. А число ударов нам не ограничивали».

Но командовал здесь Кейбел. Аллен Даллес находился в Пуэрто-Рико — он решил, что наконец-то настал момент откликнуться на давнее приглашение и приехать туда с выступлениями: пусть ни у кого не возникнет подозрений, будто происходит что-то серьезное. Кейбел решил не рисковать и приказал повременить с налетом, пока он не получит одобрения сверху.

Кейбел направился к Дину Раску*, который позвонил Джону Кеннеди, уехавшему в Глен-Ора, свой загородный дом в Миддлберге, штат Вирджиния. Субботние воздушные рейды к этому времени уже вызвали ответную реакцию. Кастро, конечно, знал, что никто из его летчиков не дезертировал, и убедительно продемонстрировал всему миру, что эта уловка — дело рук Соединенных Штатов. Кеннеди, очевидно, осознал, что последующие рейды с помощью подобной хитрости прикрыть уже не удастся. Он категорически запретил второй налет. «Произошли небольшие изменения», — объявил Кейбел в штаб-квартире ЦРУ.

Говард Хант, считавший себя специалистом дезинформации, старательно сочинял радиограммы для трансляции на Кубу радиостанцией ЦРУ на острове Суон. Потом он признавался, что за образец брал передачи Би-би-си** военного времени, которые приводили в замешательство разведку противника. Продукция Ханта, возможно, и подошла бы для его дешевых шпионских романов, которые он стряпал на досуге. Ее передавали на Кубу на испанском языке накануне вторжения:

«Тревога! Тревога! Следите внимательно за радугой. Первая появится очень скоро. Малыш в доме. Навес-

* Дин Раск — в этот период государственный секретарь США.

** Би-би-си — английская радиовещательная компания.

тите его. Небо голубое. Извещение положите на дерево. Дерево зеленое и коричневое. Письма дошли хорошо. Письма белые. Рыбе не понадобится много времени, чтобы подняться. Рыба красного цвета».

Эта радиограмма Ханта должна была натолкнуть Кастро на мысль, что подполье готово поднять мятеж. Ввести Кастро в заблуждение не удалось.

Ближе к вечеру Ханту позвонил Фрэнк Бендер из Оупа-локи, где он только что взял все руководство «Кубинского революционного совета» под домашний арест. ЦРУ не желало, чтобы вожди «новой Кубы» говорили, пока не будет уверенности, что они скажут то, что нужно США. «Как дела в отеле „Медовый месяц“?» — спросил Хант с не свойственным ему юмором. Лидеры эмиграции не очень-то хотели мириться с карантином. По радио они услышали сообщения о воздушных налетах. Они хотели знать, что происходит. Они хотели позвонить своим семьям. Им до безумия осточертела их тюрьма. Больше всех хотел из нее вырваться Тони Варона.

Как только ночь опустилась на провинцию Ориенте, Нино Диас вновь направил «Санта-Ану» к берегу. Преждышней ночью они предприняли еще одну попытку высадиться на берег, которая, по словам находившегося на борту советника ЦРУ, «была сорвана из-за неумелого руководства». На этот раз вернувшиеся на судно разведчики доложили, что видели на дороге джипы, несомненно доставляющие солдат Кастро в этот район, где ночью в пятницу было замечено неизвестное судно. Диас радиовал на базу Тайд, что высадка равносильна самоубийству. Ему приказали десантироваться. Он отказался. После этого он получил приказ направить «Санта-Ану» в Залив свиней и ждать там инструкций. ЦРУ утратило запланированный предлог послать морских пехотинцев, корабль с которыми ждал неподалеку от берега.

Вскоре после наступления темноты армада вторжения встретилась у южного побережья Кубы с десантными судами «Барбара Дж.» и «Благер», которые прибыли с острова Вьееса с танками, тяжелой техникой и аквалангистами на борту. Неподалеку по приказу адмирала Арли Бэрка находился отряд особого назначения Атлантического флота США во главе с авианосцем «Боксер». На борту входившего в отряд эсминца в полной боевой готовности находился батальон морской пехоты.

Бэрк и его коллеги из ЦРУ были убеждены, что Джон Кеннеди, дай ему только удобный предлог, разрешит интервенцию. Говард Хант, как это часто случается в ЦРУ, ничего, очевидно, не знал о плане инсценировать нападение Кастро на Гуантанамо и так никогда и не смог понять, почему морские пехотинцы все же не высадились на Кубу. «Если армаде не было дано задание обеспечить победу,— вопрошал он в 1973 году,— зачем же ее было собирать?»

Около полуночи «Благер» подкрался к берегу, и диверсант ЦРУ Грейстон Линч, натянув костюм для подводного плавания, маску и ласты, уселся с пятью кубинцами в черный надувной плотик. Они пошли к берегу на веслах: в их задачу входило установить разноцветные сигнальные огни, обозначающие зону высадки. Ни одной белой физиономии на берегу — так, что ли, говорил Дик Биссел? Вместо обещанных экспертами-гидрографами из ЦРУ гладкого пологого пляжа диверсанты наткнулись на острые коралловые рифы и скалистый берег.

В некотором отдалении другой американец, Уильям «Рип» Робертсон, которого из-за морщинистой кожи кубинцы прозвали Аллигатором, высадился во главе второй группы аквалангистов и установил знак, светящийся желтой люминесцентной краской: «Добро пожаловать, освободители!» Обе группы были обнаружены и обстреляны патрулями милиции.

Элемент внезапности был утрачен.

В Гаване в 3.15 ночи разбудили Фиделя Кастро. Ему доложили, что, согласно сообщениям двух УКВ-передатчиков, в Заливе свиней происходит высадка десанта крупными силами (шпионам ЦРУ обнаружить эти радиостанции не удалось). Премьер-министр приказал немедленно бросить в бой батальон в составе 900 человек, расквартированный на сахарном заводе в районе десантирования противника. Он также распорядился, чтобы с рассветом самолеты ФАР атаковали флот вторжения.

Получив извещение, что высадка началась, Дэвид Филлипс разбудил телефонным звонком Лема Джонса в

Нью-Йорке и продиктовал от имени так называемого «Кубинского революционного совета» военную сводку № 1, предназначенную для срочного распространения в печати: «Как сообщается, повстанческие силы начали вторжение на Кубу. Миро Кардона заявляет, что сотни человек уже высадились на берег в провинции Ориенте».

Сводка должна была сфокусировать внимание Кастро на отвлекающем ударе (который совпал бы с провокационным нападением на Гуантанамо) в Баракоа. В штаб-квартире ЦРУ еще не знали, что «Санта-Ана», не выполнив своего задания, направляется к Заливу свиней.

Кейбел и Биссел позвонили Дину Раску, умоляя его, чтобы реактивные самолеты на борту «Боксера», находившегося в море неподалеку от района высадки, оказали помощь. Раск был настроен резко отрицательно, но в конце концов согласился соединить их с президентом. Слушая Кейбела, Кеннеди, должно быть, пытался понять, каким образом его первоначальное согласие оказать тайную поддержку контрреволюционерам превратилось в необходимость предпринять полномасштабную вооруженную интервенцию.

«Не пойдет, говорит президент, — объявил Кейбел, повесив трубку. — Сдается, нам придется справляться самим».

На рассвете, когда бригада расширяла плацдарм, захватывая болотистые берега Залива свиней, прибыли самолеты ФАР. Один B-26 был сразу сбит огнем с борта «Хьюстона», но два T-33 прямыми попаданиями ракет тут же отправили корабль на дно. Затем выскочивший со стороны солнца «Си фьюри» утопил «Рио-Эскондидо», а вместе с ним и большую часть боеприпасов, снаряжения и провианта.

К полудню начали прибывать парами B-26, спешно отправленные из «Счастливой долины» для борьбы с самолетами ФАР и огневой поддержки десантников.

Однако за долгий перелет из Никарагуа B-26 израсходовали почти все горючее — они не могли оставаться над плацдармом, а отсутствие хвостовых стрелков (ради экономии веса) делало их уязвимыми для атак истребителей. Один из T-33 сумел зайти в хвост самолету Чиррино Пиедры, шурина будущей утергейтской знаменитости Фелипе де Диего, и тот рухнул в море. Самолеты ФАР сбили еще четыре B-26. Кастро потерял только два.

К вечеру бригада удерживала периметр протяженностью около 36 миль. Но летчики ФАР господствовали в воздухе, а гибель «Хьюстона» и «Рио-Эскандидо» лишила десантников снабжения. Видя, как тонут эти два судна, остальной флот с запасами на борту рассеялся. После одного лишь дня боевых действий Пепе Сан-Роман остался практически без боеприпасов.

Джон Кеннеди понял: если не будут уничтожены самолеты ФАР, произойдет катастрофа. Он дал добро на воздушный налет. Согласно разведывательным донесениям, грозные Т-33 в настоящее время базировались в Сан-Антонио-де-лос-Баньосе — гораздо ближе к фронту, чем Сантьяго. Во вторник на рассвете над Сан-Антонио появились шесть В-26 из «Счастливой долины». Но аэродром застилали плотные облака. Горючего, чтобы кружить над заданным районом, дожидаясь прояснения облачности, у самолетов не было. И они вернулись в «Счастливую долину».

В 8.45 утра Пепе Сан-Роман собрал свой штаб и объявил, что, если ситуация самым решительным образом не изменится, бригаду вот-вот постигнет Дюнкерк*. Кастро повел наступление по трем направлениям, и захваченный плацдарм стал неуклонно сужаться.

Один из помощников Сан-Романа предложил направить бригаду на восток по прибрежному шоссе и с боем прорваться в спасительные горы Эскамбрай. Однако бригада никуда не двинулась, поскольку никто в ней не знал, что такой план выхода из боевых действий существовал и даже был уже одобрен Джоном Кеннеди и его помощниками. ЦРУ намеренно не информировало кубинских контрреволюционеров об этом плане, опасаясь подорвать решимость бригады продолжать сражение, если ей придется туда.

В середине утра «Благер» восстановил радиосвязь с Сан-Романом, который в отборных выражениях высказал им все, что о них думает. Грейстон Линч сам подошел к микрофону, обещая, что той же ночью доставит на берег

* Дюнкерк — портовый город на севере Франции, где в период второй мировой войны в результате прорыва немецко-фашистских танковых соединений 20 мая 1940 года оказалась отрезанной и прижатой к морю крупная группировка союзных (английских и частично французских и бельгийских) войск.

всё необходимое. «К вам летят реактивные», — объявил агент ЦРУ, и это известие приободрило Сан-Романа. Около трех часов дня появились два самолета «Сейбр» с закрашенными опознавательными знаками. Они пронеслись на бреющем полете над линией фронта и исчезли. В их задачи входила всего лишь разведка.

Ситуация со снабжением была отчаянной. В тот день несколько С-54 из «Счастливой долины» сбросили груз, но неточность пилотов и переменчивый ветер привели к тому, что большинство парашютов упали в болото и в море. Ночью «Благер» и «Барбара Дж.» встретились милях в 50 от берега и начали перегружать тонны боеприпасов, снаряжения и провианта на десантные баржи для доставки на берег. Но матросы, набранные из эмигрантов, которых одна мысль о возвращении в зону боевых действий приводила в ужас, еле волочили ноги, и разгрузка шла крайне медленно. «Благер» радиовал на базу Тайд, что до рассвета закончить ее не сможет. «Если к утру нас не прикроют с воздуха, — подчеркивалось в заключение в радиограмме, — мы потеряем все суда».

В Белом доме шел прием, традиционно устраиваемый президентом для конгрессменов и их жен. Появление Джона Кеннеди и Жаклин оркестр морской пехоты встретил бравурной мелодией. Около полуночи все обратили внимание на отсутствие хозяина, хотя Джеки как ни в чем не бывало продолжала переходить от одной группы гостей к другой. Кеннеди — все еще в смокинге — проводил экстренное совещание в Овальном кабинете. Ричард Биссел сообщил ему о панической радиограмме с борта «Благера». Биссел и адмирал Бэрк выдвинули целый ряд предложений: высадить роту морской пехоты; приказать эсминцу обстрелять позиции Кастро; направить самолеты «Сейбр» пикетировать вдоль линии трехмильной зоны — на границе нейтральных вод. Кеннеди отклонил все предложения. Тогда Бэрк подал идею: находящимся на борту «Эссекса» самолетам «Сейбр» с закрашенными опознавательными знаками следует прикрыть бригаду с воздуха. Кеннеди объявил: самолеты «Сейбр» прикроют атаку B-26 из Никарагуа. Это будет «пассивное прикрытие» — американские пилоты вклиняются между B-26 и самолетами ФАР, но открывать огонь не имеют права до тех пор, пока не будут обстреляны сами.

В «Счастливой долине» уже планировалось оказать плацдарму поддержку извне, но летчиков-эмигрантов не хватало. Десять были убиты, оставшиеся в живых были вымотаны до предела. Некоторые просто отказались лететь. Тогда созрело решение посадить на самолеты, оставшиеся без экипажей, семерых бирмингемских инструкторов. С трех часов утра шесть B-26 начали взлетать парами с получасовым интервалом. После того как улетела первая четверка, поступила «молния» из штаб-квартиры ЦРУ, в которой говорилось: «С 6.30 до 7.30 небо будет чистым». Генерал Достер, командовавший бирмингемским подразделением, бросился на взлетную полосу и взобрался на крыло одного из двух последних B-26, готовившихся к взлому. Достер радостно сообщил пилоту, своему другу Райли Шембергеру, что их будут прикрывать реактивные самолеты ВМС США.

Светало, когда над Заливом свиней появился первый B-26, пилотируемый Гонсало Эррерой. Эррера был одинокий и одиннадцати лет. Пока самолет выруливал в «Счастливой долине» на взлетную полосу, его второй пилот выпрыгнул из кабины и скрылся в лесу. Летевший в паре B-26 вернулся на аэродром из-за неполадок в двигателе. Эррера заметил скопление милиции в голубой форме и пошел в атаку.

Вскоре прибыли еще два B-26, пилотируемых американскими экипажами из Бирмингема. Летчики Томас «Пит» Рэй и Билл Петерсон выбрали цели и начали обрабатывать их бомбами и огнем из бортового оружия. Немного спустя к ним присоединились Дон Гордон, Райли Шембергер и Хэл Макдже.

Самолет Эрреры подбили, но он сумел дотянуть до своего аэродрома, а вот Питу Рэю и его наблюдателю Лео Бейкеру повезло меньше. «Нам конец!» — только успел крикнуть Рэй за миг до того, как его машина врезалась в землю неподалеку от взлетно-посадочной полосы в Заливе свиней.

Шембергера начало тревожить отсутствие реактивных самолетов ВМС США. «Как там насчет наших маленьких друзей? — запросил он по радио у Гордона. — Видел их?»

«Какие еще маленькие друзья?» — Дон Гордон недоумевал: сообщение о самолетах прикрытия пришло в «Счастливую долину» после его отлета,

«Обещали, что с нами будут маленькие друзья,— объяснил Шембергер.— Ну, эти, знаешь, наши ребята».

«Никого я не видел»,— ответил Гордон, так и не попав, о чём говорил Шембергер.

Хэл Макджи видел, как это случилось. Два Т-33 пристроились в хвост самолёта Шембергера, когда тот на бреющем полете строчил из пулеметов по наземной цели. Две цепочки трассирующих пуль сошлись на В-26, и его правый двигатель пыхнул пламенем. На крутом правом вираже он вошел в пике и врезался в море, подняв фонтан брызг.

«Прилетели птички «Т»,— прокричал в микрофон Хэл Макджи,— они прикончили Райли!» Дон Гордон услышал эту новость в своих наушниках. Огнем с земли у его самолёта был поврежден правый двигатель, и сейчас он находился уже в 50 милях к югу, возвращаясь в «Счастливую долину». Он взглянул на часы: 6.18. Гордон не знал, что самолёты «Сейбр» должны появиться над плацдармом в 6.30. И тут к нему слева пристроился «Сейбр» без опознавательных знаков. Его летчик приветственно помахал изумлённому Гордону. Гордон попытался связаться с ним по радио, но их рации работали на разных частотах. Он начал энергично жестикулировать, показывая пилоту реактивного самолёта, что ему надо развернуться и лететь к берегу. Тот понял и ушел крутым виражом. Гордон увидел, что за ним последовали еще два «Сейбра», которые летели чуть позади и выше.

Но было слишком поздно. Суда не могли пойти на самоубийственно рискованную попытку разгрузиться среди бела дня.

В 8.30 утра радио Гаваны объявило, что среди обломков В-26 в Заливе свиней обнаружены тела двух американских летчиков. Установлена личность одного из них — Лео Фрэнсис Белл — и «адрес этого пилота-янки: 48, Бикон-стрит, Бостон», — говорилось в радиопередаче. Под псевдонимом Лео Фрэнсис Белл, придуманном в ЦРУ, скрывался Лео Бейкер.

Летчики бригады слушали передачу в мрачном молчании. Они только что получили задание обеспечить поддержку плацдарма с воздуха и теперь начали осознавать, что положение там быстро ухудшается. Они хотели знать, почему их заданию придается столь важное значение.

«Нам надо продержаться еще 24 часа,— объяснил им советник ЦРУ.— Не надо об этом трезвонить, но еще кое-что должно произойти».

Это был намек на 72-часовой период, по истечении которого следующим утром можно было бы объявить о создании повстанческого правительства, правомочного обратиться за военной помощью извне. Об этом прекрасно знал и Кастро. Впоследствии он скажет иностранным журналистам: «Неотложной политической проблемой для нас было вышвырнуть их оттуда как можно скорее, чтобы они не смогли создать там правительство».

Бригада вторжения, действительно, захватила аэродром в Заливе свиней, и еще в то самое утро там приземлился С-46, доставивший необходимые грузы и принявший на борт раненых для эвакуации. Как только наступит заветный час, временное правительство «Кубинского революционного совета», находящееся в Оупа-локе, будет переправлено в Залив свиней, чтобы объявить там о создании нового правительства Кубы. А уж когда это случится, убеждали себя стратеги ЦРУ, Джон Кеннеди уступит и даст согласие на высадку морской пехоты.

Последнюю отчаянную попытку спасти плацдарм было намечено осуществить при помощи шести истребителей «Мустанг Р-51», принадлежащих BBC Никарагуа и любезно одолженных генералом Сомосой. Пока никарагуанские летчики, только что перегнавшие самолеты из Манагуа, праздно слонялись по аэродрому, наземный обслуживающий персонал лихорадочно закрашивал опознавательные знаки, устанавливал дополнительные бензобаки, пулеметы и ракеты. Возглавлять желторотых летчиков бригады, никогда в жизни не садившихся в «Мустанг», должен был Бак Персонс, который имел боевой опыт полетов на этом истребителе во время второй мировой войны. Они планировали сесть на аэродроме в Заливе свиней и дозаправиться там горючим из ранее сброшенных бочек.

Незадолго до полудня самолеты и пилоты были готовы к вылету. Но тут по взлетной полосе промчался джип. «Отставить, Бак,— сказал выскочивший из него агент ЦРУ Персонсу,— у них больше нет плацдарма».

Сообщение о падении плацдарма пришло в Белый дом к полудню. Роберт Кеннеди вспоминал:

«В предыдущие три часа президент предпринимал невероятные усилия, чтобы организовать эвакуацию. К тому

времени, когда мы получили это сообщение, люди там уже были в воде. Было слишком поздно посыпать эсминцы, поскольку их уничтожили бы артиллерийским огнем. Он приказал тем не менее эсминцам курсировать вдоль берега на возможно близком расстоянии, чтобы попытаться подобрать хотя бы некоторых оставшихся в живых».

В «Счастливой долине» в последней попытке оттянуть полное поражение поставили под погрузку боеприпасами и провиантом для бригады самолет С-54. Поскольку кубинский экипаж отказался лететь, добровольцами выполнить это задание вызвались Персонс и еще один бирмингемский летчик. Когда наконец около 2 часов дня последний тюк уложили в самолет и Персонс выбивал ногой колодки из-под его колес, к нему снова подлетел джип. На этот раз это был сотрудник ЦРУ, называвший себя полковником Фрэнком. Он привез дурные вести. «Их всех выбили,— сообщил Фрэнк.— Будешь сбрасывать груз прямо в чужие руки».

В 4.32 дня Пепе Сан-Роман вызвал по радио базу Тайд. «У меня нечем воевать,— сообщил он.— Ухожу в болота. Ждать вас не могу». На «Благере» перехватили передачу и включились в радиообмен, упрашивая Сан-Романа продержаться еще немного: «Мы идем к вам со всем необходимым». Когда ему сказали, что на это потребуется три-четыре часа, Сан-Роман отрывисто бросил: «Не успеете». И отключился от связи.

В 5.30 члены несостоявшегося временного правительства Кубы с застывшими в шоке лицами гуськом тянулись в Овальный кабинет, обмениваясь рукопожатиями с президентом. Церемония была устроена для того, чтобы как-то улестить их после домашнего ареста в Оупа-локе.

Через несколько часов в штаб-квартире ЦРУ Говард Хант диктовал Лему Джонсу в Нью-Йорке последнюю фальшивку. Распространенная в 9 вечера как бюллетень «Кубинского революционного совета» № 6, она гласила:

«Недавнюю высадку на Кубе постоянно, хотя и неправильно, называли вторжением. В действительности же имела место переброска на берег необходимых грузов и подкреплений для наших патриотов, борющихся на Кубе уже на протяжении месяцев... К сожалению, мы должны признать трагические потери, которые в сегодняшней

операции понесла небольшая группа прикрытия... героическое мужество которой позволило большей части наших высадившихся сил достичь гор Эскамбрай».

* * *

Спустя несколько недель после катастрофы в Заливе свиней Аллен Даллес вновь появился на публике, выступив в телевизионной программе Эн-би-си «Встреча с прессой». «Мистер Даллес,— спросил ведущий,— начиная вторжение в Заливе свиней, вы, очевидно, ожидали, что оно будет поддержано всеобщим восстанием. Но этого не произошло. Как вы могли так ошибиться?»

«Всеобщее восстание? — переспросил Даллес, с удивленным видом попыхивая трубкой.— Это всеобщее заблуждение. Нет, я бы не сказал, что мы рассчитывали на всеобщее восстание. Мы ждали, что на Кубе произойдет кое-что другое... что так и не осуществилось».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОПЕРАЦИЯ «МАНГУСТА»

Все повторяется — так учит история.

Генерал Эдвард Лансдейл

I

«Ты провалил все дело!» — так приветствовал Джозеф Кеннеди-старший своего сына, когда тот прибыл в семейные владения в Уэст-Палм-Биче. Джозеф Кеннеди понес ощутимые убытки. Ему на пару с ирландским тенором Мортоном Дауни принадлежала монополия на производство кока-колы на батистовской Кубе. После революции все это досталось народу. И вот теперь Кастро наглядно демонстрирует иностранным корреспондентам в Заливе свиней, как его войска уничижили захватчиков — ставленников янки. Джо Кеннеди был вне себя от ярости. По его убеждению, сын доверился не тем людям. «Я знаю эту лавочку,— сказал он, имея в виду ЦРУ,— и я бы не стал платить им по сотне долларов в неделю».

Пока в Уэст-Палм-Биче отец вразумлял сына, получавшие по сотне долларов в неделю люди ЦРУ были по горло заняты тем, что Аллен Даллес со свойственной ему страстью к эвфемизмам называл «ремонтом». С аэродрома в «Счастливой долине» взлетел С-46 и направился в сторону Карибского моря. В ста милях от берега он плавно накренился на крыло, и экипаж выбросил десятки ящиков, автоматически открывающихся в воздухе. Белое бумажное облако — листовки Дэвида Филлипса с лозунгом «Кубинцы, вы будете свободны!» — медленно кружась, начало опадать в море.

На базе Трекс агенты ЦРУ выкопали яму, свалили в нее документы бригады 2506 и пустили бульдозер. Гватемальские солдаты и вольнонаемные рабочие снесли лагерь и увезли на тачках весь мусор, в том числе и обломки бетонных фундаментов казарменных бараков. Ведущая в лагерь дорога была перепахана. Скоро джунгли возьмут свое, и от базы Трекс не останется и следа.

В городе Майами спешно прилетевшие из Вашингтона агенты ЦРУ обрабатывали родных и близких солдат бригады. Они заклинали их молчать о роли ЦРУ во

имя самого что ни на есть святого: национальной безопасности и освобождения Кубы. На реке Майами другие агенты ЦРУ срезали автогеном орудийные лафеты, установленные на палубе торгового судна, которое должно было участвовать во вторжении, но не было подготовлено к сроку.

В Вашингтоне штаб-квартира ЦРУ получила вахтенные журналы двух судов компании «Юнайтед фрут», которые во время вторжения обеспечивали спабжение. Через некоторое время, рассказывал бывший вице-президент компании Томас Маккэнн, вахтенные журналы были возвращены, «все обляпанные сургучными печатями. Насколько мне известно, они и по сей день лежат в сейфах компании, навсегда скрытые от глаз общественности, эти официальные свидетельства нашей причастности к фиаско».

В Бирмингеме Алексу Карлсону, адвокату, представляющему «Дабл-чек корпорэйшн», выпала малоприятная задача — сохранить в тайне гибель американцев во время вторжения. Он навестил вдов Пита Рэя, Райли Шембертера, Лео Бейкера и Уэйда Грея и сообщил, что их мужья пропали во время перевозки грузов на самолете С-46 в Центральной Америке. «Он сказал, что муж мертв, и мне надо начинать новую жизнь,— вспоминает миссис Грей.— Он также сказал, что был среди тех, кто видел один из моторов самолета плавающим в море. Не думаю, чтобы моторы могли плавать».

Вдовы с негодованием отвергают любые предположения, что их мужья были обычновенными наемниками. Однако, сколько они ни старались узнать что-либо в Вашингтоне, ничего определенного, кроме уклончивых ответов, добиться не смогли. Вскоре каждая из них стала получать по почте чеки — на общую сумму шесть тысяч долларов в год. Сначала они поступали из банка «Майами спрингс» и были подписаны Карлсоном. Затем их стала отправлять нью-йоркская фирма «Банкерс траст компани» от имени фонда, учрежденного анонимными лицами.

Генеральный инспектор ЦРУ Лаймэн Киркпатрик разъезжал в своем кресле на колесах по коридорам штаб-квартиры ЦРУ, проводя служебное расследование, как и полагалось ему по должности, когда какая-нибудь операция срывалась. Он подготовил доклад, в котором вся тяжесть ответственности возлагалась на «неумелых руководителей», обвиняющий перст прямо указывал на Аллена

Даллеса. Эти «руководители», отмечал Киркпатрик, «предпочли действовать вне организационной структуры как ЦРУ, так и разведывательной системы в целом».

В заключение Киркпатрик подчеркивал, что с самого начала вся операция в Заливе свиней была обречена на провал. Опросив более трехсот сотрудников ЦРУ, привлеченных к «Кубинскому проекту», он обнаружил, что никто «серьезно не задумывался», насколько реальна возможность свергнуть Кастро и не является ли она плодом вздорных фантазий эмигрантов. «Согласно разведывательным данным, поступающим из союзнических источников, Кастро пользуется поддержкой большинства кубинского народа».

«Если сопротивление Фиделю Кастро и существовало,— отмечал генеральный инспектор ЦРУ,— то главным образом в Майами».

Подобные выводы противоречили всем правилам «ремонта». Даллес вызвал Киркпатрика и предложил ему написать смягченный вариант доклада. Киркпатрик переписал доклад, однако и в новом варианте он не стал для Даллеса более приемлемым. Верным соратникам Даллеса удалось похоронить доклад в архивах ЦРУ, он так и остался документом, не подлежащим рассекречиванию.

* * *

Глубоко в недрах Пентагона в кабинете без окон Бобби Кеннеди лихорадочно записывал в блокноте показания проходящих перед ним печальной чередой свидетелей бойни в Заливе свиней. Среди них были Роберто Сан-Роман, брат Пепе, которому удалось спастись на весельной лодке, Грейстон Линч и Уильям Робертсон, диверсанты ЦРУ, которые высадились на берег первыми и отступили последними. Среди них были Джейк Эстерлейн, отвечавший за «Кубинский проект», Дин Раск, Макджордж Банди и вереница различных чинов Пентагона.

Роберт Кеннеди возглавлял закрытое расследование, которое проводила «группа изучения Кубы» — своеобразный чрезвычайный трибунал, созданный его братом. Даже на этой первоначальной стадии — работа группы продолжалась в течение почти всего мая — братья Кеннеди были исполнены решимости расkvитаться с Кастро. «После Залива свиней и Джек, и Бобби считали себя опозоренными и ни о чем другом не могли думать, кроме как

о Кубе,— говорил бывший заместитель директора ЦРУ Рэй Клайн.— Они оба понимали, что дали маху... Их истинно ирландская воинственность всеми возможными путями искала выхода».

Генерал Эдвард Лансдейл, которому было поручено руководить «Кубинским проектом» в его новой фазе, отмечал, что Куба безраздельно овладела всеми помыслами братьев Кеннеди. «Причем Бобби переживал гораздо сильнее, чем Джек,— говорил генерал.— Он всегда старался защитить брата и сейчас, считая, что Джеку в Заливе свиней нанесли оскорбление, стремился отплатить за него как можно скорее».

Братьям Кеннеди удалось избежать такой крайности, как публичное расследование, поскольку в катастрофе в Заливе свиней были повинны обе партии*. 1 мая бывший президент Эйзенхауэр высказался против расследования по типу «охоты за ведьмами». «Что нам теперь меньше всего нужно, так это детальное и официально запротоколированное разбирательство»,— заявил он.

Возглавил «группу изучения Кубы» генерал Максуэлл Тейлор, известный поборник идеи «гибкого реагирования». В ее состав вошли Аллен Даллес, Арли Бэрк, Роберт Кеннеди, полковник Джеймс Кинг и полковник Флетчер Праути, осуществлявший связь между Пентагоном и ЦРУ. Праути был ярым ненавистником ЦРУ и рассматривал создание этой группы как «операцию СЧА». На долю Говарда Ханта выпало давать показания членам группы от имени ЦРУ. Он считал, что они поставили перед собой задачу «обелить новую администрацию и свалить всю вину на ЦРУ».

Роберта Кеннеди, кажется, потрясли факты двуличия ЦРУ, вскрывшиеся во время слушаний за закрытой дверью. Согласно показаниям Макджорджа Банди, Даллес и Биссел заставили Белый дом поверить, будто вторжение ускорит всеобщее восстание на Кубе. «Успех этой операции всегда ставился в зависимость от взаимодействия внутренних кубинских сил»,— заявил Банди. И в то же время выяснилось: всего за четыре месяца до вторжения в специальном прогнозе ЦРУ отмечало, что нет никаких оснований предполагать «сколько-нибудь существенного сдвига общественного мнения в худшую для Кастро сторону».

* Имеются в виду республиканская и демократическая партии США.

ЦРУ также ввело Белый дом в заблуждение относительно уровня боеготовности, боеспособности и морального состояния кубинских вооруженных сил (Роберт Кеннеди нацарапал в своем блокноте: «...никогда бы не пошли на эту операцию, если бы (мы) знали, что кубинские войска столь хороши и окажут сопротивление»). Первыми американцами, высадившимися в Заливе свиней, были Линч и Робертсон. Очевидно, в ЦРУ твердо верили, что Джон Кеннеди передумает, когда ход будет сделан. Сан-Роман и другие оставшиеся в живых свидетели утверждали в своих показаниях, что советники ЦРУ еще в Гватемале обещали вооруженную помощь со стороны Соединенных Штатов, если таковая потребуется.

Лишь два года спустя, когда была распущена бригада вторжения, всплыл факт о наличии у ЦРУ резервного плана. В ту пору, когда бригада находилась еще на базе Трекс, полковник Фрэнк собрал ее командиров и признался, что «определенные силы в администрации» пытаются отменить повторное вторжение. Если это случится, бригада должна продолжать подготовку. Фрэнк в этом случае известит их, когда и как следует переправиться в Никарагуа, и посвятит «в детали плана».

Но главный секрет ЦРУ остался за семью замками. На протяжении всего расследования Аллен Даллес не обронил ни словечка о террористическом заговоре ЦРУ и мафии, целью которого было убить Кастро до высадки в Заливе свиней.

«Группа изучения Кубы» не отказалась от милитаристских устремлений. Один из оставшихся в живых участников десанта, А. Эстрада, вспоминает, что на следующий же день после того, как он и несколько его товарищей давали показания в комиссии, их пригласили в Белый дом на встречу с президентом. На ней также присутствовали Роберт Кеннеди и агенты ЦРУ, известные как Рип и Грей — Уильям Робертсон и Грейстон Линч. «Роберт Кеннеди спросил меня, не хочу ли я снова работать против Кубы», — сказал Эстрада.

Многие разделы доклада «группы изучения Кубы», который подготовил генерал Тейлор, остаются засекреченными и по сей день. «Рекомендуется оценить ситуацию на Кубе в свете всех известных в настоящее время факторов,— подчеркивал генерал,— и выработать новое на-

правление в политической, военной, экономической и пропагандистской деятельности против Кастро».

Тейлор рекомендовал произвести радикальную реорганизацию правительства, чтобы расширять «холодную войну» на всех фронтах. «Мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть», — писал он. С присущим ему воинствующим шовинизмом генерал предложил президенту обдумать вопрос о введении в стране чрезвычайного положения, пересмотреть договоры, препятствующие «максимально полному использованию всех ресурсов в «холодной войне», и изучить адекватность президентских „чрезвычайных полномочий“».

Это был жесткий курс. Бобби Кеннеди, которого один из хороших знакомых характеризовал как «несгибаемого ястреба», одобрил его с энтузиазмом. Джон Кеннеди избрал компромиссное решение. Он не реорганизовал правительство. Но зато реорганизовал тайную войну.

Президент стремился подлатать «Кубинский проект». Из Белого дома посыпались меморандумы. Номером 55 Комитету начальников штабов предписывалось досконально изучить имеющиеся «военные и полувоенные силы и средства», оценить их боеготовность и резервы совершенствования. «Я надеюсь, что начальники штабов проявят себя как творческие руководители и внесут свой вклад в успешное осуществление военных и полувоенных аспектов программ „холодной войны“», — объявил он.

В номере 57 речь шла о ЦРУ. Кеннеди еще раз подчеркнул тот главный принцип, что тайные операции должны быть действительно секретными и легко опровергаемыми. В этой связи он критически заметил, что операции в Заливе свиней не было присуще ни то, ни другое. Отныне любая операция, которая по своим масштабам потребует тылового обеспечения со стороны армии, немедленно переподчиняется Пентагону — кстати, то же рекомендовал в своем докладе Тейлор.

Как бы Кеннеди ни был зол на двуличие ЦРУ, он все равно нуждался в его услугах, дабы осуществлять свои тщеславные планы подавления освободительного движения по всему миру. Ужесточая контроль над ЦРУ, он одновременно принимал меры по укреплению управления. Как-то президент сказал Артуру Шлезингеру: «Из всего этого дела я понял одно — без ЦРУ нам не обойтись».

Следить за деятельностью ЦРУ президент назначил человека, которому доверял больше всех, — своего брата.

Это были трудные времена для министерства юстиции: на Юге нарастала волна выступлений за гражданские права, только-только набирала силы кампания борьбы против организованной преступности. Но ЦРУ для Роберта Кеннеди стало делом первостепенной важности, ежедневная «текучка» в министерстве юстиции была перепоручена Байрону Уайту, бывшему футбольному асу.

Белый дом изводил эмигрантов намеками о новом выступлении против Кастро. 4 мая президент «Кубинского революционного совета» Хосе Миро Кардона имел встречу с президентом, уходя с которой так и светился улыбкой. Позже он заявит, что президент лично «официально утвердил соглашение, предусматривающее новое вторжение». Последующие встречи с Кеннеди способствовали тому, что Миро Кардона объявил о согласии Содиненных Штатов предоставить средства и военных специалистов для обучения, вооружения и снаряжения эмигрантской армии, организации саботажа внутри Кубы и поддержки «партизанских групп» с тем, чтобы они были способны оказать помощь, когда «будет нанесен основной удар».

II

Шло типичное для Белого дома совещание. Главный вопрос — Куба. Президент сидел в любимом кресле-качалке. Вместе с ним в Овальном кабинете были Тэд Шульц, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», и Ричард Гудвин, автор президентских речей и верный сторонник лагеря братьев Кеннеди.

Вдруг президент спросил: «Что бы вы подумали, если бы я приказал убить Кастро?»

Шульц был поражен. Он промямлил, что в принципе выступает против политических убийств. Ликвидация Кастро вряд ли поможет решению проблемы.

Кеннеди, вспоминает Шульц, откинулся на спинку кресла, расплылся в улыбке и заявил, что он только испытывал своих собеседников, поскольку советники из разведки, имена которых он называть не будет, оказывают на него сильный нажим, требуя убрать Кастро. Кеннеди сказал, что сам он решительно возражает против политических убийств, поскольку Соединенные Штаты по моральным соображениям никогда не должны быть к ним причастны. «Рад, что вы думаете так же», — объявил он.

Позже Шульц много раз спрашивал себя, не хитрил ли с ним Кеннеди. «Затрудняюсь сказать,— писал он,— насколько тогда, в ноябре, он был осведомлен о плане, разработанном офицерами разведки ВМС вскоре после Залива свиней (и о котором в то время я знал лишь в самых общих чертах). Целью плана были убийства Кастро и его брата Рауля, заместителя премьер-министра и министра обороны. Предполагалось воспользоваться помощью снайперов из кубинских эмигрантов, которых намеревались переправить на Кубу через военно-морскую базу США в Гуантанамо на юго-восточном побережье острова».

Подробности гуантанамской проделки остаются скрытыми за темной и весьма удобной завесой многочисленных заговоров Белого дома, однако разнообразные источники предоставляют достаточно фактов, чтобы обрисовать ее общие черты. Двойное убийство намечалось на 26 июля, день революционного праздника — не прошло и трех месяцев после вторжения в Заливе свиней. В этот день оба брата Кастро появлялись на народных митингах. Фидель находился в Гаване на торжествах по случаю приезда в страну советского космического героя Юрия Гагарина. Рауль отправился в Сантьяго. Он собирался выступить там в связи с восьмой годовщиной штурма казармы Монкада.

Сведения, которыми располагал Тэд Шульц, вполне достоверны. Военная разведка оказалась замешана. Вернее, одно из ее подразделений — ONI, управление военно-морской разведки. После того как в январе 1961 года было закрыто американское посольство в Гаване, значение военно-морской базы в Гуантанамо возросло вдвое, так как она превратилась и в разведывательную резиденцию, и в центр подпольных действий. ЦРУ тесно сотрудничало с хозяевами-моряками, но данным заговором с целью убийства, очевидно, заправляло ONI. Непосредственным руководителем являлся лейтенант ВМС, а один из убийц, Луис Балбуэна по кличке Эль Гордо (Толстяк), являлся давним агентом ONI. Балбуэна до того, как стал работать на базе Гуантанамо, был театральным кассиром в провинции Ориенте. В свое время он присоединился к организации «Движение 26 июля», боровшейся против режима Батисты. Балбуэна лично знал Фиделя и Рауля. Следователь майамской полиции, который допрашивал его в 1963 году, докладывал: «В начале 1959 года он

включился в антиправительственную деятельность, стал связным между разведкой ВМС США и подпольем в Ориенте». Балбуэну избрали в антикастровский совет кубинских служащих базы Гуантанамо, который вел контрреволюционную деятельность.

Другого снайпера звали Алонсо Гонсалес. О нем известно только то, что он был священником епископальной церкви и рассчитывал после устранения Кастро стать епископом Кубы. Как утверждают, Гонсалес прошел обучение в «академии» ЦРУ в Вирджинии, известной как «Ферма». Во время сенатского расследования Балбуэна признался, что в 1961 году работал вместе с Гонсалесом в Гуантанамо, и подтвердил, что тщеславный священник весьма искусно обращался с огнестрельным оружием. Прочие подробности Балбуэна согласился рассказать только при условии сохранения их в полной тайне.

Гонсалесу удалось тайком выскользнуть из Гуантанамо. Но по пути в Гавану он бесследно исчез. Что касается Балбуэны, то он заявил полиции Майами о своей причастности к «попытке покушения на жизнь Рауля Кастро», которая была «раскрыта кубинским правительством». Он признался, что был вынужден в связи с этим укрыться на военно-морской базе (его вывезли в Майами в 1962 году).

Каким образом кубинцам удалось раскрыть заговор, так и осталось неизвестным, но, видимо, знали они многое. Через две недели после празднеств 26 июля, которые не омрачили ни единый инцидент, министр промышленности Че Гевара на сессии Межамериканского экономического и социального совета* в Уругвае огласил длинный список актов американской агрессии против Кубы. В их числе фигурировало обвинение в том, что Соединенные Штаты организовали попытку покушения на жизнь Рауля Кастро (имя Фиделя не упоминалось) 26 июля. Следы заговора ведут на базу Гуантанамо. Организаторы заговора, заявил Гевара, планировали после убийства обстрелять базу из минометов, чтобы создать впечатление, будто разъяренные кубинцы мстят за гибель Рауля от рук контрреволюционеров. Это «неопровергнутое свидетельство

* Межамериканский экономический и социальный совет — один из специализированных органов Организации американских государств; создан в 1945 году, с 1948 года функционирует в структуре ОАГ.

во» кубинской агрессии явилось бы предлогом для вооруженного вмешательства Соединенных Штатов.

* * *

Для Дика Биссела настали тяжелые времена. На протяжении лета ЦРУ предпринимало спорадические рейды против Кастро. Но делалось это как-то по инерции — словно для отвода глаз. Братья Кеннеди вызвали Биссела на ковер. В Белом доме и президент, и министр юстиции «вкатили» Бисселу по первое число за то, что... он просиживает штаны и ничего не делает для того, чтобы избавиться от Кастро и его режима».

Вскоре после этой головомойки были разработаны два параллельных плана убийства Кастро. Один осуществлялся отделением ЦРУ в Майами, другой — кубинскими подпольными группами, хотя ЦРУ о нем и знало.

Главным действующим лицом по майамскому плану был некто Луис Тороэлья, бывший служащий кубинского казначейства, который прошел курс обучения во Флориде и ко времени вторжения в Залив свиней прибыл в Сантьяго-де-Куба, где стал членом подпольной группы под кодовым названием «Амблад». ЦРУ снабдило ее деньгами, оружием и предоставило яхту. Связь с ЦРУ «Амблад» поддерживала через подставной «почтовый ящик» в Кито, Эквадор. Для передачи срочных сообщений Тороэлья пользовался прямой радиосвязью с отделением ЦРУ в Майами, что было менее надежно и более опасно.

24 сентября кубинское правительство объявило о разоблачении группы «Амблад». Что там произошло, выявить так никогда и не удалось. 12 членам группы предъявили обвинение в том, что они намеревались, укрывшись в гараже напротив гаванского стадиона, обстрелять Фиделя Кастро из базук во время его выступления на митинге. Кроме Тороэльи, которого затем казнили, в списке значились Октавио Барросо из действовавшего в провинции Ориенте отделения «Унидад» — подпольной коалиции, сколоченной ЦРУ, и бывший губернатор Ориенте Сегундо Варгес.

Вскоре был раскрыт и второй заговор. Роль снайпера в данном случае исполнял Рейнол Гонсалес (однофамилец Алонсо Гонсалеса, участника гуантанамского заговора), член подпольной группировки Мануэля Рэя. Его аре-

стовали 24 октября, когда он скрывался на пригородной ферме, принадлежавшей сторонникам Рэя. Разработал этот план Антонио Весьяна Бланш, бухгалтер, который, по сообщению журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «вступив вговор с другими бухгалтерами, расхищал правительственные средства в Гаване с тем, чтобы фипансировать антикастровское подполье». В квартире, которую мать Весьяны снимала неподалеку от президентского дворца, было обнаружено оружие. Весьяне и его матери удалось бежать и добраться до Майами. Он стал первым руководителем «Альфы 66», одной из самых воинственных и живучих эмигрантских группировок. Это была не последняя его попытка покушения на жизнь Кастро.

Что знала администрация Кеннеди о множающихся в геометрической прогрессии террористических заговорах? Специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов во время слушаний 1975 года этого вопроса не касалась. Комиссия тщательно изучала террористические планы ЦРУ и мафии. Но о гуантанамском заговоре, заговорах с участием «Амблад» и Весьяны не было даже упомянуто.

Представляется, что комиссия сделала это сознательно. Хотя члены комиссии с удовольствием выслушали рассказ Тэда Шульца о том, с какой неприязнью отзывался Кеннеди о политических убийствах, информацию того же Шульца о гуантанамском заговоре, которая незадолго до этого появилась на страницах журнала «Эсквайр», они пропустили мимо ушей. Комиссия игнорировала заявление Че Гевары на сессии в Уругвае точно так же, как и чрезвычайно важные подробности гуантанамского заговора, к которым относится деятельность, да и сама личность Луиса Балбуэны.

Большинство в комиссии составляли демократы. Им удалось сохранить репутацию демократической администрации незапятнанной. Дик Биссел заявил сенаторам о своем глубоком убеждении в том, что Аллен Даллес «по тем или иным каналам» информировал Джона Кеннеди о «подпольном заговоре», чтобы президент всегда имел про запас «правдоподобно опровергаемое». Кеннеди ринулся в осуществление планов устранения Кастро со скоростью торпедного катера. Он распорядился подготовить доклад,

в котором была бы дана оценка последствий смерти Кастро и перспектив вооруженной интервенции. Специальная сенатская комиссия указывала в 1975 году:

«Были подготовлены два документа. Меморандумом за номером 100 государственному департаменту поручалось изучить новые направления действий, открывающиеся перед Соединенными Штатами в случае устранения Кастро с кубинской сцены, и совместно с министерством обороны подготовить план на случай непредвиденных обстоятельств, предусматривающий вооруженную интервенцию... Упор в этих документах делался на возможных направлениях действий, открывающихся перед Соединенными Штатами на послекастровской Кубе, а не на способах устранения Кастро. Однако убийство не исключалось из числа возможных средств, с помощью которых можно было бы устранить Кастро».

ЦРУ подготовило прогноз под названием «Если бы Кастро умер», в заключительной части которого говорилось: «Его смерть сейчас — в результате убийства или естественных причин — будет иметь дестабилизирующий эффект, но, почти наверняка, не окажется фатальной для режима». То есть сама по себе смерть Кастро не принесет ничего, если не предпринять шагов, чтобы воспользоваться ею с выгодой. Военный план на случай непредвиденных обстоятельств был разработан весьма тщательно. Вот как описывал его Флетчер Кнебел в журнале «Лук»:

«В октябре 1961 года президент Кеннеди, все еще не пришедший в себя после катастрофы (в Заливе свиней), отдал Комитету начальников штабов секретный приказ подготовить план вторжения на Кубу. На разработку этого совершенно секретного плана ушли месяцы, но, когда стратеги и компьютеры завершили работу по учету каждого потребного самолета, корабля и штурмовой группы, было подсчитано, что первые подразделения смогут достичь кубинских берегов через восемь дней после сигнала к атаке».

Похоже, что в Белом доме определенные силы пришли к согласию в случае чего взвалить всю вину на Бобби Кеннеди. Обнаружилось это в марте 1967 года, когда Дрю Пирсон и Джек Андерсон указали на Бобби Кеннеди как на человека, одобравшего планы убийства:

«Опрошенные нами высокопоставленные официальные лица согласились, что заговор с целью убийства Фиделя

Кастро «обсуждался» на высшем уровне в Центральном разведывательном управлении как раз в то время, когда за ЦРУ надзирал Бобби... И действительно, в одном из источников прямо указывается на то, что Бобби, жаждущий отомстить за фиаско в Заливе свиней, играл ключевую роль в разработке этих планов».

Нигде не задокументировано, что Роберт Кеннеди был инициатором подобных планов или даже утверждал какой-либо из них. Принцип «правдоподобно опровергаемого» продолжал действовать. Ричард Хелмс, ставший впоследствии директором ЦРУ, в своих показаниях заявил, что «каждому, привлеченному к операции, дали ясно понять, что цель ее — избавиться от режима Кастро и от него самого... подчеркивалось, что для исполнения этого приказа все средства хороши».

III

Шла весна 1960 года. Хозяева званого обеда — сенатор Джон Кеннеди с супругой. Среди приглашенных — журналист Джозеф Олсон, художник Уильям Уолтон, несколько представителей высшего света Вашингтона и человек из ЦРУ. Почетным гостем был любимый писатель Джона Кеннеди Ян Флеминг.

За кофе, который разливали из серебряных кофейников, Кеннеди спросил Флеминга, что бы сделал его Джеймс Бонд, получи он задание избавиться от Кастро. Флеминг служил в британской разведке и был автором проекта документа, который лег в основу организационной структуры УСС. Он не задержался с ответом. Как пишет его биограф Джон Пирсон, Флеминг решил немного позабавиться. Он заявил, что Соединенные Штаты преувеличивают значение фигуры Кастро. Сенатор Кеннеди спросил тогда, какой подход избрал бы сам Флеминг. «Подверг бы его осмеянию», — ответил тот.

Затем, многозначительно подмигнув, Флеминг изрек, что для кубинцев только три вещи имеют значение: деньги, религия и секс. Поэтому и удар надо нанести по трем направлениям.

Флеминг в тот свой приезд в США останавливался в доме английского журналиста Генри Брэндона. На следующий же день Брэндону позвонил директор ЦРУ Аллен Даллес и попросил к телефону Флеминга. Журналист ответил, что его гость уже уехал из Вашингтона.

Даллес выразил величайшее сожаление: он слышал о потрясающих идеях Флеминга о расправе с Кастро; очень жаль, что он не может обсудить их с Флемингом лично.

Вдохнуть жизнь в деятельность ЦРУ, направленную против Кубы, президент Джон Кеннеди призвал генерал-майора ВВС США Эдварда Лансдейла, который называл свою задачу не иначе, как «заставить американский гений работать» на уничтожение Фиделя Кастро. Генерал обладал достаточно широкими взглядами, чтобы осознавать, что Кастро, как он выражался, «снискал значительную любовь к себе лично среди кубинского населения». А после вторжения в Залив свиней его положение еще более упрочилось.

Идея Лансдейла заключалась в том, чтобы «коренным образом изменить курс» осуществления «Кубинского проекта» и перейти от «беспокоящих» операций к попыткам взломать режим Кастро изнутри. Теоретик подавления освободительных движений предложил создать «необходимую политическую базу», то есть руководящее ядро кубинской эмиграции, и одновременно использовать «все способы успешного внедрения на Кубу», для организации «деятельности внутри страны». Самое главное — добиться свержения режима Кастро «самим народом, а не в результате усилий Соединенных Штатов». Основная линия подобной стратегии заключалась в том, чтобы лишить Кастро популярности, хотя сам Лансдейл не очень-то представлял, как это сделать.

Предложенный Лансдейлом подход к проблеме давал возможность избежать лишней шумихи. В тот момент это как нельзя лучше подходило Кеннеди. Как бы страстно он ни желал убрать Кастро с пути, он не мог сделать это открыто. 30 ноября появился меморандум. Программа Лансдейла, говорилось в нем, может «использовать все имеющиеся у нас ресурсы, чтобы... помочь Кубе свергнуть коммунистический режим». На языке Лансдейла это называлось операцией «Мангуста». Мангуста — похожее на хорька животное, известное своей свирепостью в исполнении ядовитых змей.

За два дня до этой директивы, 28 ноября, автомобиль увозил Аллена Даллеса из сверкающей новизной штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Он был уволен после восьми лет

пребывания на посту директора ЦРУ. На торжествах по случаю открытия этого огромного здания выступил Кеннеди. В его словах, адресованных собравшимся сотрудникам ЦРУ, для Даллеса таилась особая ирония. «О ваших успехах,— сказал президент,— молчат, зато трубят о ваших неудачах». Самой шумной неудачей Даллеса стал Залив свиней: «кое-что другое», на что он расчитывал, так и не произошло.

Даллес предчувствовал, что придется уйти. Ему вежливо ограничили доступ в Овальный кабинет. Его не приглашали на чрезвычайные заседания специальной группы. Бобби Кеннеди, готовя Даллеса к закланию, обращался с ним чуть ли не подобострастно. Словом, все было обставлено в классическом для Кеннеди стиле. Президент выждал приличествующее время. В последний день пребывания Даллеса на посту Джон Кеннеди наградил его «медалью национальной безопасности». Ему предоставили статус консультанта ЦРУ для проведения «исторических исследований» и разрешили продолжать пользоваться пуленепробиваемым кадиллаком.

Свое неудовольствие работой ЦРУ Кеннеди выразил тем, что назначил директором человека со стороны. На место Даллеса пришел Джон Маккоун, республиканец, промышленник, сколотивший в судостроении огромное состояние. С 1958 года он возглавил Комиссию по атомной энергии. Но смещение Даллеса было лишь одним прутником в большой метле Кеннеди. Чарльза Кейбела, чья лояльность Белому дому стала вызывать сомнения, сменил генерал Маршалл Картер. Генерал Лаймэн Лемнитцер был отправлен в Париж командовать войсками НАТО, а его место председателя Комитета начальников штабов занял Максуэлл Тейлор. Последним убрали Ричарда Биссела, предложив ему синекуру в Институте оборонного анализа — кладезе военной мысли.

Преемником Биссела на посту шефа тайных операций стал Ричард Хелмс, вышедший из передряги провалившегося вторжения без единой царапины. («Представляете, в ЦРУ нет ни единого клочка бумаги, связывающего Дика Хелмса с Заливом свиней»,— восхищенно сказал однажды своим коллегам один из сотрудников ЦРУ.) Высокого роста, с редеющими волосами, Хелмс в свои 48 лет пробился на верх иерархической лестницы ЦРУ, в совершенстве играя роль законченного бюрократа. Его стилем были расплывчатые формулировки, ни к чему не

обязывающие словесные увертки. Он избегал наживать себе врагов: если какая-либо операция ему не нравилась, он предпочитал медленно удушить ее, нежели рубить с плеча.

Хелмс вступил на пост заместителя директора ЦРУ по оперативной части в феврале 1962 года. Это на него была возложена задача привести «Мангусту» в действие.

* * *

Дом № 6312 по Ривьера-драйв в Корал-Габлс был одним из солидных зданий, выстроившихся по обе стороны тихой, окаймленной пальмами улицы в нескольких кварталах от Университета Майами. Приходящих и уходящих в самые неурочные часы кубинцев принимали за слуг, которых в большом количестве поставляла «Малая Гавана». От посторонних глаз двухэтажное здание с черепичной крышей скрывали каменная стена с железными воротами. Крышу дома венчал купол. Задний двор выходил на протоку Корал-Габлс, впадающую в Бискейнский залив. Пассажиры проплывающих мимо прогулочных судов скользили рассеянным взглядом по совершенно невинному с виду катеру, ошвартованному в крытом эллинге. Этот катер был специально переоборудованным и вооруженным рейдером, принадлежащим ЦРУ, а дом № 6312 по Ривьера-драйв — «военно-морской базой», используемой состоявшими на службе ЦРУ кубинскими катерниками-асами. Среди них был и Эухенио Мартинес, которому через десять лет предстояло стать матросом «уотергейтского флота».

В районе дороги Тэймайами-трейл в самом сердце национального парка Эверглейдс извивающаяся к северу тропинка обрывается у болота. Здесь установлен знак «Охотничий лагерь «Уоллус глайдс». Частная собственность. Проход воспрещен». На поляне — два сборных цельнометаллических дома казарменного типа. Частенько здесь приземляется вертолет «Белл Н-13», доставляющий «очень важных лиц». Этот «охотничий лагерь» — одна из оперативных баз ЦРУ.

Среди коралловых рифов неподалеку от островка Эллиот-Ки группа кубинцев толпится на песчаном пляже у ветхой хибары. Эти кубинцы — подразделение десантников, лачуга — их конспиративная квартира. В углу гостиной — скульптура непорочной девы из Кобре: в память

о павших товарища. Раз в неделю кубинцы отправляются катером в Майами на свидание с семьями.

Упомянутые «заведения» — лишь небольшая часть многочисленных замаскированных баз, которые создавало ЦРУ по всей Южной Флориде по мере того, как разворачивалась операция «Мангуста». Агенты ЦРУ толпами валили в Майами, и его местное отделение стало крупнейшим в мире. Ежегодный бюджет отделения превышал 500 миллионов долларов, штат сотрудников-американцев составлял 500—600 человек. Во всех основных зарубежных резидентурах ЦРУ по меньшей мере один сотрудник получил задание заниматься исключительно сбором разведывательной информации, имеющей отношение к Кубе, распространять враждебные Кастро слухи в стране пребывания и шпионить за кубинскими официальными лицами с целью их вербовки. Донесения этой разветвленной сети сходились в майамском отделении ЦРУ для сравнения, координации и выработки плана действий.

Дневной рейс авиакомпании «Истерн эйрлайнс» из Вашингтона в Майами стал считаться в ЦРУ «своим», поскольку обычно не менее половины его пассажиров составляли штатные сотрудники управления. Агенты ЦРУ, которых переводили в Майами для участия в операции «Мангуста» (многие прибывали с семьями), буквально наводнили город, вызвав бум на местном рынке недвижимости.

Отделение ЦРУ прикрывалось теперь бессмысленным кодовым названием JM/WAVE. Оно переехало из Корал-Габлс на пустующую авиабазу ВМС Ричмонд к югу от Майами. Во время второй мировой войны база Ричмонд использовалась для электронного обнаружения германских подводных лодок во Флоридском проливе. Огромные ангары были разрушены ураганом, обнажившиеся фундаменты и торчащие во все стороны балки создавали фантастическую картину. ВМС передали этот участок земли Университету Майами для полевых изысканий и последующей застройки. На картах он значился как «Южный университетский городок». В свою очередь Университет услужливо впустил ЦРУ на правах арендатора. Окруженное колоннами белое каркасное здание штаба, приведенное в порядок и подновленное, превратилось в «главную контору» подставной компании «Зенит текникл энтерпрайз

сиз», служившей ЦРУ «ширмой» во время вторжения.

ЦРУ не пожалело усилий, чтобы придать достоверность фирме «Зенит», которая по идеи должна была заниматься исследованиями в области электроники. Капитан Бредли Эрл Айерс, прикомандированный к JM/WAVE из армии, вспоминал:

«Я убедился, что они не упустили ни малейшей детали, устраивая «ширму» — «Зенит техникл энтерпрайз». На стенах были развесаны фальшивые графики производства и сбыта продукции, лицензии федерального правительства и правительства штата. Около входной двери висело объявление для коммивояжеров, уведомляющее о приемных часах в различных отделах. Последним — и таким эффективным — мазком была почетная грамота, которой Объединенный благотворительный фонд наградил «Зенит» за активное участие в сборе пожертвований».

Главой отделения JM/WAVE был Теодор Шекли. Высокий, с изысканным бостонским выговором, Шекли руководил резидентурами ЦРУ в Лаосе и Сайгоне — в излюбленном районе генерала Лансдейла, затем был откомандирован в Берлин под начало Уильяма Харви. Вскоре после Залива свиней его отзывали в штаб-квартиру ЦРУ и включили в группу, которая изучала «слабые и сильные стороны» режима Кастро. В феврале 1962 года Шекли прибыл в отделение JM/WAVE.

Заместителем шефа отделения был Гордон Кемпбелл, щеголявший военной выпправкой. Кемпбелл курировал морские операции, имеющие решающее значение в действиях против острова Куба. Он и жил на яхте, стоявшей на якоре у эспланады Диннер-Ки в южном Майами. Вернувшись из штата Нью-Мексико по имени Дэйв держал в ежовых рукавицах оперативный отдел.

По мере расширения JM/WAVE начало напоминать своего бюрократического прародителя в Лэнгли. «Я ожидал увидеть гибко и бесперебойно действующую организацию, — говорит Бредли Айерс, — но она оказалась растищим на глазах бюрократическим монстром». В общей сложности автомобильный парк JM/WAVE насчитывал более сотни машин, для обслуживания которых отделение располагало собственной бензоколонкой.

Самой многочисленной группой в штабе отделения были «гувернеры», под бдительным надзором которых

находилось почти три тысячи агентов, кубинцев по национальности. Многих из них рекомендовали родственники или друзья, уже находившиеся на службе ЦРУ. Но ненасытному управлению требовалось еще и еще. Новички, прошедшие через фильтрационный центр ЦРУ в Оупалоке, заполняли самые разнообразные вакансии: от рулевых-мотористов катеров и лодок до поваров и уборщиков в лагерях десантников.

В целях маскировки ЦРУ создавало подставные корпорации и частные компании в таком количестве, что их едва успевали ставить на учет. Таких «ширм» было 55. В ряде случаев были просто заменены вывески на входных дверях подставных компаний, учрежденных еще во времена подготовки вторжения в Заливе свиней. А с «Радио Суона», пропагандистской радиостанцией ЦРУ в районе Карибского моря, произошло чудесное превращение, однако для этого потребовались большие усилия. В сентябре 1961 года центральная контора подставной фирмы «Гибралтар стимшип корпорэйшн», дочерней компанией которой числилось «Радио Суона», переехала из Нью-Йорка в «Лэнгфорд билдинг» в деловой части Майами. Любопытные репортеры заметили, что багаж, который грузчики вносили в помещение конторы, был помечен именем Джорджа Уэсса, предположительно сотрудника «Радио Суона». После этого «Гибралтар стимшип корпорэйшн» бесследно исчезла с лица земли, но зато появилась фирма «Вэнгард сервис корпорэйшн», предлагавшая услуги в качестве «консультанта». Исчезло и «Радио Суона», чтобы возникнуть в качестве «Радио Америкас», дочернего предприятия фирмы «Вэнгард».

Действовало в данном случае ЦРУ весьма неуклюже. «Вэнгард» сохранила за собой помещение компании «Гибралтар» и ее номер телефона — несмотря на полную смену штата и руководства. Президентом стал хорошо известный во Флориде бизнесмен Уильям Уэст, которого, впрочем, очень скоро сменил Рузвелт Хаузер, директор крупного Национального банка Майами. Руководитель «Радио Америкас» Роджер Баттс характеризовал свое заведение как «принадлежащую частным лицам коммерческую радиостанцию на острове Суон», которая финансируется за счет «поступлений от заказчиков рекламных программ». Однако радиостанция не передавала рекламы и даже не имела соответствующей лицензии Федеральной комиссии связи США.

Еще одну подставную фирму «Пэрегенэйр сервис» учредили в штате Делавэр. Бредли Айерс, прикомандированный к «Пэреген эйр сервис» под псевдонимом Дэниел Уильямс, рассказывал:

«Деятельность компании по своим масштабам являлась международной и сосредоточивалась в Южной Флориде и бассейне Карибского моря. Компания располагала конторой в Майами, номером телефона и почтовым адресом, банковскими счетами, адвокатами, бухгалтерами и другими атрибутами взаપравдашнего бизнеса. В «Пэреген эйр сервис» можно было позвонить по телефону, к аппарату, установленному в отделе прикрытия (отделения JM/WAVE), подходил один из сотрудников отделения. Мой псевдоним Д. Уильямс подкрепляли служебной список, карточка социального страхования, характеристика и кредитная карточка на это имя».

Айерс пользовался то настоящим, то вымышленным именем, и, как сейчас говорит, ему «порой было трудновато упомянуть», под которым из них он «выступал в той или иной конкретной ситуации».

Для переброски десантных групп на Кубу ЦРУ собрали целый флот модифицированных катеров, которые базировались на эспланаде Хоумстед, неподалеку от отделения JM/WAVE, и других причалах, разбросанных по бесчисленным флоридским островкам. Катера были зарегистрированы, как принадлежавшие компании «Эйс картографи», учрежденной в июле 1962 года в качестве фирмы, ведущей «морские изыскания». Значившийся на бумагах компании адрес, как оказалось, принадлежал некоему майамскому адвокату, числившемуся ее вице-президентом. Гораздо больший, однако, интерес представляют имена ее зарегистрированных, как того требовали законы Флориды, агентов. Ими были не кто иные, как Уильям Робертсон и Грейстон Линч — «Рип» и «Грей», первые янки, высадившиеся на берег в Заливе свиней.

Операция «Мангуста» предусматривала беспрерывные диверсионные рейды на Кубу, поэтому ЦРУ набрало из числа контрреволюционеров группу аквалангистов, обученных подводным взрывным работам. Они числились в штате подставной компании «Марин инжениринг энд трейнинг», созданной вслед за «Эйс картографи». В качестве адреса компании указывался адрес адвокатской конторы в пригородном Хоумстеде, а финансирование

осуществлялось через Федеральный резервный банк в Атланте. Экономить деньги американских налогоплательщиков ЦРУ старалось только в одном: контрреволюционеры получали 275 долларов в месяц в период обучения и 325 долларов — во время выполнения заданий.

Операции тайной войны из Флориды предполагали сотрудничество с представителями местного истэблишмента. Десантники-эмигранты могли получать жалованье чеками, выписанными из фондов заработной платы местных частных фирм и универсальных магазинов Майами. Эти и другие «особые» чеки оплачивались — «вопросов не задаем» — Первым национальным банком Майами на бульваре Бискейн. В других банках смотрели сквозь пальцы на откровенно липовую информацию в заявлениях о предоставлении займов.

Неограниченные услуги оказывал существующий на частные пожертвования Университет Майами. Его факультеты служили «крышой» для агентов ЦРУ, а ряд армейских офицеров, прикомандированных к ЦРУ, числился в несуществующей группе, которая якобы вела в Университете научно-исследовательские работы в области подводного и другого секретного оружия.

Газеты Майами, как и во время подготовки вторжения в Залив свиней, неизменно оказывали услуги. Бывший сотрудник отделения JM/WAVE вспоминает:

«В какой-нибудь газете вроде «Геральд» один-два репортера специализировались по Кубе. Им был открыт доступ в отделение. Таким образом мы снабжали их нужной нам информацией, а они делали карьеру на наших готовых текстах. Эти парни быстрым научились не вредить нам. Время от времени, когда на то были важные причины, мы запускали им здоровенную «утку». А вообще газеты всегда старались с нами ладить».

Редактор майамской «Ньюс» Билл Боггс являлся близким другом братьев Кеннеди, а ведущий репортер по латинской Америке Хэл Хендрикс был тесно связан с ЦРУ. Тесная взаимосвязь федеральных властей с властями штата была необходима еще и потому, что ЦРУ нарушало все существующие законы. Документы частных компаний содержали заведомо ложные сведения. При уплате подоходных налогов сообщались фиктивные источники дохода. В нарушение правил Федерального авиационного управления подавались липовые карты полетов,

заклеивались регистрационные номера самолетов. Перевозка взрывчатки по дорогам Флориды осуществлялась вопреки законодательству штата. Противоречили существующим законам и нелегальное хранение взрывчатых веществ и других военных материалов, приобретение автоматического оружия. Каждый раз, когда катер отплывал на Кубу, нарушаясь закон о нейтралитете США, каждый раз, когда он возвращался, обходились правила таможенной и иммиграционной служб.

ЦРУ негласно добилось того, что на него действие законов не распространялось. Полиция и шерифы от Майами до Ки-Уэста тут же отпускали сотрудников ЦРУ независимо от того, за что они были задержаны: будь то нарушение границ частных владений или управление автомобилем в нетрезвом состоянии.

Точно так же закрывали глаза на проделки людей ЦРУ и чиновники таможни, иммиграционной службы, казначейства, агенты ФБР. Была разработана целая система опознавания, предусмотрены особые номера телефонов, по которым следовало звонить в случае затруднений. Экипажам катеров, например, сообщался пароль, которым они могли воспользоваться при задержании морской пограничной службой.

Роберт Пламли, числившийся пилотом в подставной фирме «Додж корпорэйшн», рассказал авторам этой книги, как ему благодаря контактам ЦРУ с армией удавалось избегать обнаружения радарами. Вместе с заданием лететь на Кубу он получал от служащего фирмы «Додж» пакет с инструкциями, картами и координатами укромного места на Кубе, где ему предстояло приземлиться. Пламли перелетал на островки Мэресен-Ки или Локсахатчи и выжидал там точно предписанного момента взлета. Разработанный для него маршрут вел через временную «мертвую зону» на экранах радаров, которая возникала, когда огромные самолеты «Локхид констеллэйшн» разворачивались и ложились на обратный курс на границе района патрулирования. «„Додж“ получала расчеты времени от военных», — утверждал Пламли.

Фрэнк Стерджис являлся одним из многих «сезонников» тайной войны. Номер его телефона был засекречен. Обычно ему звонил Хоакин Санхенис, командир группы «Операция 40». Стерджис выполнял «ознакомительные

полеты», как их называли на той стадии операции «Мангуста», когда велась интенсивная разведка. После звонка Санхениса он отправлялся в аэропорт, взлетал на своем самолете и следовал определенным маршрутом, сознательно вторгаясь в воздушное пространство Кубы. Стерджис был «подопытным кроликом». В его задачу входило привести в действие систему береговой обороны. Растревоженные гулом моторов его самолета и «зайчиком» на экранах радаров, кубинцы начинали переговариваться по радио, включали следящие устройства и принимались прогревать двигатели ночных истребителей МиГ. По темному небу начинали шарить стволы страшных счетверенных зениток, управляемых радаром, а ракетчики усиленно «ловили» нарушителя на экранах слежения за целью.

Электронные сигналы, возникавшие в результате этих приготовлений, перехватывались американскими шпионскими кораблями «Оксфорд» и «Поконо», которые по очереди дежурили в нейтральных водах неподалеку от кубинских берегов. Благодаря изучению этих сигналов в Вашингтоне удавалось многое выяснить о характере и эффективности обороны. За службу в качестве летающей «приманки» (Стерджис рассказывал, что не раз попадал под обстрел) ему платили 600 долларов за вылет, на случай гибели предусматривалась двойная выплата вдове — и только.

Стерджис также был привлечен к операции «Фантасма» — от испанского слова, означающего «призрак», — которая проводилась в рамках операции «Мангуста». Он и другие летчики, нанятые ЦРУ по контракту, разбрасывали листовки над провинциями Камагуэй, Сьенфуэгос и Матансас (Центральная Куба), призывающие кубинцев объединяться в подпольные «ячейки» для осуществления саботажа и диверсий. Членам «ячеек» полагалось всегда иметь при себе спички, чтобы при любой возможности поджигать плантации сахарного тростника, оставлять снятыми трубы телефонов-автоматов, чтобы нарушать телефонную связь, и любыми иными способами досаждать правительству. К тому же призывали в передачах «Радио Америкас» с острова Суон.

Один из полетов в рамках операции «Фантасма» окончился трагически. 14 декабря 1961 года самолет «Пайпер апаш» вылетел из аэропорта Форт-Лоудердейл в восточном направлении. На борту находились пилот Роберт Томпсон, второй пилот Роберт Суоннер и Стерджис.

Чтобы их не обнаружили, перешли на бреющий полет. Приземлились на рифе Нормана (Багамские острова), где Стерджис устроил перевалочную базу. Самолет загрузили листовками, после чего Томпсон и Суоннер снова взлетели, направляясь на Кубу. И не вернулись.

Через три дня после исчезновения самолета Стерджис позвонил жене Томпсона и сообщил ей, что «Пайпер апаш» пропал в открытом море. Незадолго до рождества она получила по телеграфу анонимный денежный перевод на 500 долларов. «Веселого рождества», — было написано на бланке. «Я знала, что деньги посланы... Стерджисом и ЦРУ, потому что это была точная сумма, которую выплатили бы мужу, если бы он вернулся», — говорит миссис Томпсон. Муж признался ей, что он один из пилотов, завербованных для выполнения секретных заданий.

Эухенио Мартинес, катерник ЦРУ, тоже был «сезонником». Ежедневно он отправлялся из своего дома в Майами на «военно-морскую базу» ЦРУ на Ривьера-драйв или на один из рассыпанных по островкам мелких причалов, где стоял флот ЦРУ. Экспансивный жгучий брюнет с блестящими черными глазами, Мартинес был когда-то владельцем больницы, отеля и мебельной фабрики в своей родной провинции Пинар-дель-Рио. Теперь его снедала жажда разделаться с Кастро. Пытаясь свести до минимума причастность ЦРУ к «Уотергейту», Ричард Хелмс принизил роль Мартинеса, назвав его осведомителем, который «вел беседы с эмигрантами» и поставлял скучную информацию за какие-то сто долларов в месяц. Такой отзыв о друге, которого он называет «Роландо», привел Фрэнка Стерджиса в ярость. «Роландо получал двенадцать сотен в месяц, и если бы Компания платила ему двенадцать тысяч, то и этого было бы мало. Роландо никогда не был никаким осведомителем. Он командовал катером ЦРУ, который нелегально доставлял агентов на Кубу или забирал их оттуда и переправлял в Ки-Уэст. Более опасной работы не сыщешь. А Роландо занимался ею десять лет — дольше всех... Вот вам и осведомитель!»

Мартинес — один из тех контрреволюционеров, занятых на оперативной работе, которые знают береговую линию, как свои пять пальцев. «Я лично выполнил по заданию ЦРУ 350 рейсов на Кубу», — с гордостью заявил Мартинес после «Уотергейта». Мартинес хотел вывезти с

Кубы своих родителей, но не добился разрешения от ЦРУ. Там боялись, что его могут схватить, а это затруднило бы морские операции.

Высадив десантников, экипажи катеров поддерживали с ними связь посредством портативных радиоэфирных станций «уокитоки» с тем, чтобы подобрать их по окончании рейда. У катерников были свои винтовки, и они могли, если возникла необходимость, обеспечить огневое прикрытие. Иногда они и сами сходили на берег. Их снабжали кубинскими песо и подложными документами на тот случай, если их отрежут от судна. При задержании им было приказано говорить, что они ведут «изучение морских ресурсов». Самым опасным и рискованным заданием считалось снятие ранее высаженного десанта: всегда существовала возможность, что группа будет схвачена и принуждена открыть время и место встречи с катером.

В нескольких милях к югу от отделения JM/WAVE пыльная дорожка ведет через сосновую рощу от Кузэйл руст-драйв к невзрачному бледно-голубому строению. Здесь размещалась школа кубинских агентов-новобранцев.

Эта школа — один из многих разбросанных по Южной Флориде учебных лагерей, где преподавались самые разнообразные предметы — от тайных средств связи до приемов партизанской войны. Их выпускники пополняли быстро растущую подпольную армию, снабжение и оснащение которой требовало больших усилий. Близ штаб-квартиры отделения JM/WAVE в Южном университете скопом городке располагался полувоенный «супермаркет» — огромный склад, в котором было все, что может представить себе воображение: от формы армии Кастро до гробов. В старых бункерах, когда-то принадлежавших ВМС США, лежали тонны военного снаряжения и оружия. Планируя операцию, ее руководитель имел возможность составить список необходимого оружия, руководствуясь 54 страницами каталога. Чтобы облегчить составление и выполнение заказа, все «товары» были разбиты по категориям, указывался номер каждого из них по каталогу. Не были проставлены только цены.

Начало операции «Мангуста» не предвещало ничего хорошего. ЦРУ спешно обучило оставшийся личный со-

став бригады 2506 тактике диверсионных действий на базе близ Ки-Уэста и направило одну из групп с заданием взорвать железнодорожное депо и мост на северном побережье. Десантники, проходившие подготовку под руководством Грейстона Линча, должны были высадиться в ночные время совершенно не замеченными с тем, чтобы, согласно сценарию операции «Мангуста», диверсию отнести на счет местного подполья. Но кубинский сторожевик обнаружил их судно, и вылазка сорвалась. «Мы не имели права обстрелять их, потому что получили приказ тайком высадиться на Кубе, взорвать мост и атаковать депо,— объяснял Роберто Сан-Роман.— Нападение предполагалось осуществить таким образом, чтобы создать впечатление, будто это дело рук самих кубинцев».

Затем был разработан куда более дерзкий план: взорвать огромный медедобывающий комплекс Матаамбре в провинции Пинар-дель-Рио. Вывести из строя эти рудники — значит нанести жесточайший удар по экономике Кубы. «Они здорово нас подготовили,— говорит Сан-Роман.— На моделях-копиях шахт мы изучали, как руда подается на-гора. У нас было специальное взрывное оборудование для крупных объектов. Тренировались в течение двух недель. И вот после этого они дают нам никуда не годное судно. Уже в море сел аккумулятор, вышел из строя один двигатель, открылась течь, рация отказалась». Грейстон Линч вынужден был пересесть в катамаран, который они вели на буксире, и отправиться за помощью. Его подобрало проходящее грузовое судно, с борта которого Линч радиировал морской пограничной службе о бедственном положении дрейфующих десантников.

Такое положение вещей никого не устраивало. Братья Кеннеди решили подстегнуть операцию «Мангуста». В состав специальной группы были введены Бобби Кеннеди и Максуэлл Тейлор. Она стала называться расширенной специальной группой и занималась теперь почти исключительно Кубой. Согласно заметкам, которые сделал сотрудник ЦРУ во время заседания специальной группы 19 января 1961 года, Роберт Кеннеди витиевато объявил, что «решению кубинской проблемы правительство Соединенных Штатов придает первостепенное значение. Мы не пожалеем ни времени, ни денег, ни усилий, ни людских ресурсов. Вчера президент указал ему, что последняя глава еще не написана, но она должна быть и будет написана».

В то время как Белый дом ужесточал экономическое эмбарго против Кубы, агенты ЦРУ в Европе оказывали нажим на судовладельцев, стремясь вынудить их откаться от перевозки кубинских грузов. Специальная техническая группа в штаб-квартире ЦРУ занималась разработкой акций — от блокирования кубинских кредитов за границей до отравления экспортируемого Кубой сахара. Во Франкфурте-на-Майне одного из владельцев шарикоподшипникового завода уговорили поставить на Кубу децентрированные шарикоподшипники; в Англии автобусы марки «Лейланд», изготовленные по заказу Кубы, были выведены из строя в доках.

Однако братья Кеннеди считали все это недостаточным. Стремясь получить более ощутимые результаты, они оказывали постоянный нажим на Лансдейла, которого чуть ли не ежедневно вызывали к министру юстиции. Лансдейл намекал, что «нам, возможно, придется добиваться результата вне утвержденной программы, осуществление которой мы сейчас форсируем». Хотя впоследствии он и отрицал, что под этим высказыванием он имел в виду террор, вопрос о политических убийствах часто обсуждался постоянной группой. На ранней стадии разработки операции «Мангуста» Лансдейл представил план «Основные направления действий», в котором предлагал убивать руководителей революционной Кубы, а также сотрудников кубинской разведки, советских и чехословацких специалистов. Однако, поскольку недовольство безрезультатностью операции «Мангуста» росло, министр обороны США Роберт Макнамара однажды напрямик спросил: «А не обсудить ли нам устранение или убийство Кастро?»

IV

Джим О'Коннелл притаился за кустом, откуда был виден оставленный на пустыре через дорогу трейлер. Рядом с ним склонился Джонни Роселли. Было это апрельским утром 1962 года в Майами. Начинало припекать солнце, но они хотели убедиться, что трейлер попадет в надлежащие руки. В него было загружено добра на пять тысяч долларов: взрывчатка, детонаторы, винтовки, пистолеты, рации и судовой радар.

Забрать трейлер должен был Тони Варона или кто-нибудь из его людей. Роселли, все еще пользовавшийся

изрядно затащенной «легендой» о том, что он действует от имени дельцов с Уолл-стрит, уговорил Тони Варону возобновить попытки убить Кастро в обмен на упомянутое снаряжение. Он уже передал Вароне ключи от трейлера. Трейлер был арендован Тедом Шекли, начальником отделения JM/WAVE, и Уильямом Харви, руководившим теперь «особой кубинской группой W» и прибывшим вместе с О'Коннеллом из Вашингтона, чтобы помочь раскрутить операцию «Мангуста».

О'Коннелл обливался потом и беспрерывно поглядывал на часы. Наконец на пустыре медленно вполз автомобиль. Озираясь, из него выбрался кубинец. Роселли тронул агента ЦРУ за плечо и молча кивнул: все в порядке. Кубинец прицепил трейлер и поспешно укатил с пустыря.

Операцию самовольно предпринял Билл Харви, которому были не по нраву существующие ограничения. Специальная группа установила жесткий контроль за «Мангустой», отложив осуществление плана Лансдейла, в котором, в частности, предлагалось использовать «гангстерские элементы» для нападения на «главных руководителей» Кубы. Харви восстал против этих ограничений. Он жаловался директору ЦРУ Маккоуну, что не может проводить сколько-нибудь «серезных операций, выходящих за рамки сбора разведывательной информации», без предварительного утверждения расширенной специальной группой.

Харви был нескованно рад, когда получил, по его выражению, «совершенно определенный приказ» от Ричарда Хелмса возродить к жизни проект Роселли, не обращаясь за разрешением в расширенную специальную группу. В своих показаниях специальной сенатской комиссии в 1975 году Хелмс признался, что не получил распоряжений поступить именно так, но в то же время никто ему этого не запрещал. Хелмс не посвятил в свои планы даже Маккоуна. «Дело выглядело не совсем благовидно: речь шла о связях с мафией,— объяснил он,— а мистер Маккоун пришел в нашу организацию сравнительно недавно...»

После поездки в Майами Харви решил, что Мэхью и Джанканы «ненадежны» и только «мешают», и отстранил их от операции. Его недоверие к этой парочке, похоже, было вызвано печально известным эпизодом с неудав-

щейся установкой подслушивающего устройства в Лас-Вегасе.

21 апреля Харви вновь прибыл в Майами и привез с собой четыре таблетки с ядом, изготовленным отделом технической поддержки ЦРУ. Он заявил Роселли, что они «сработают в чем угодно, в любом месте и в любое время». Роселли передал таблетки Тони Вароне, после чего доложил Харви, что исполнители нацелились не только на Фиделя, но и на Рауля Кастро и Че Гевару. Харви одобрил их замысел, сказав: «Хорошо, пусть что хотят, то и делают».

Тот, кому доводилось стать объектом ярости Бобби Кеннеди, помнил это долго. «Если вы видели, как глаза мистера Кеннеди приобретают стальной оттенок, как он стискивает челюсти, слышали, как его голос становится тихим и размеренным,— вспоминал бывший генеральный советник ЦРУ Лоуренс Хьюстон,— вы чувствовали, что душа у вас уходит в пятки». В мае полковник Шеффилд Эдвардс, один из инициаторов планов убийства Кастро, был вызван к министру юстиции после того, как кто-то донес Роберту Кеннеди, что ЦРУ и мафия заключили союз. Эдвардса сопровождал Хьюстон. Перетрусивший полковник «выложил все», даже тот факт, что Мэхью поручили «предложить Джанкане 150 тысяч долларов, чтобы нанять какого-нибудь бандита, который отправился бы на Кубу и убил Кастро». Кеннеди вышел из себя, так как ему ничего не сказали об этом.

Совместные проделки ЦРУ и мафии приводили к осложнениям. Незадолго до Залива свиней Эдвардс воспрепятствовал расследованию ФБР дела об установке подслушивающего устройства в Лас-Вегасе, имеющего отношение к подружке Сэма Джанканы, на том основании, что следствие не только раскроет «разведывательную операцию», связанную с вторжением, но и сорвет планы на будущее, которые еще «принесут плоды». Эдгар Гувер злорадно направил меморандум Кеннеди, сообщая о вмешательстве Эдвардса и о том, что ЦРУ использует Мэхью в качестве «посредника» в сделке с Джанканой, который помогает в «тайных усилиях» против правительства Кастро, имеющих неопределенный характер. Эдвардс, правда, не открыл, с какой целью устанавливался подслушивающий аппарат в Лас-Вегасе.

Меморандум Гувера создал проблему. Кампания Роберта Кеннеди против организованной преступности начинала набирать силу, а Сэм Джанкан в списке числящихся в розыске занимал одно из первых мест. Теперь же оказывалось, что гангстер сотрудничал с федеральным учреждением,— ситуация, которая подразумевала, что он защищен от судебного преследования за любое преступление, кроме, разве что, измены или особенно злодейского убийства. Однако, по формулировкам меморандума Гувера, можно было предположить, что альянса между ЦРУ и мафией более не существует. И Роберт Кеннеди написал на полях меморандума: «Надеюсь, будут приняты самые энергичные меры».

ФБР с готовностью подчинилось, установив суровую слежку за Джанканой, которая вскрыла еще один подводный камень — амурную историю как раз для бульварных газеток. Некая женщина по имени Джудит Кемпбелл регулярно звонила в Белый дом из чикагской квартиры гангстера. Далее обнаружилось, что звонила она самому президенту. Мисс Кемпбелл была представлена Джону Кеннеди Фрэнком Синатрой и, по ее собственному признанию, встречалась с ним на протяжении нескольких месяцев. Однако неизмеримо более огорчительным был тот факт, что подружка президента продолжала одновременно видеться и со своими старыми приятелями из мафии — Джанканой и Роселли. Нетрудно представить, к каким неприятным последствиям могло все это привести.

В феврале 1962 года Эдгар Гувер забил тревогу, информировав обо всем Бобби Кеннеди и помощника президента Кеннета О'Доннелла. Через месяц директор ФБР устроил неофициальный завтрак для Джона Кеннеди, во время которого, вероятно, они и обсудили эту проблему. Согласно докладу специальной сенатской комиссии 1975 года, «последний телефонный контакт между Белым домом и другой президента имел место через несколько часов после завтрака».

И если на этом с мисс Кемпбелл было покончено, то немаловажная проблема Джанканы оставалась нерешенной: вполне вероятно, что в случае судебного преследования он выложит все, что знает о любовнице президента. Последовала кропотливая работа, направленная на то, чтобы заставить ЦРУ расхлебывать эту кашу.

На следующий день после завтрака с президентом

Гувер направил Эдварду меморандум, в котором извещал, что министерство юстиции хотело бы знать, будет ли ЦРУ «возражать или нет против возбуждения уголовного преследования» за установку подслушивающего аппарата против Мэхью и того, кто был непосредственным исполнителем. Имя Джанканы в меморандуме не упоминалось. Ответ Эдварда можно было предсказать заранее. ЦРУ будет возражать, поскольку, как докладывал потом Гувер, «преследование Мэхью, несомненно, приведет к разглашению совершенно секретной информации, связанной с неудавшимся вторжением на Кубу в апреле 1961 года, в результате чего будет нанесен огромный ущерб правительству Соединенных Штатов».

Вооруженное этим затрагивающим «национальную безопасность» протестом, министерство юстиции уведомило ЦРУ, что не предвидит «серьезных трудностей в прекращении судебного преследования». Никаких трудностей, естественно, и не возникло. Именно в этот момент Бобби Кеннеди вызвал Эдварда на ковер для объяснений по поводу того, как ЦРУ ухитрилось спутаться с мафией. Во время этой беседы Кеннеди узнал и о заговорах с целью убийства. И хотя Билл Харви передал Роселли содержащие яд таблетки всего двумя неделями раньше, Эдвард заявил Роберту Кеннеди, что ЦРУ от проектов убийства отказалось. Так что поводом для ярости Роберта Кеннеди послужило лишь то, что его не информировали о Джанкане. Он не осудил политические убийства как аморальные, не запретил ЦРУ иметь дело с мафией в дальнейшем. Он просто потребовал, чтобы ему сообщили первому, если ЦРУ опять свяжется с гангстерами. «Я настаиваю на том, чтобы вы держали меня в курсе подобных дел», — цитировал Эдвардс Роберта Кеннеди.

Эдвардс понял, что сам себя загнал в угол, но теперь уже не мог повиниться министру юстиции в обмане. Вернувшись в Лэнгли, он вызвал Харви и в общих словах изложил ему содержание беседы. Однако, дабы обезопасить себя, Эдвардс пишет служебный меморандум, в котором заявляет: «Сегодня меня посетил мистер Харви. Он дал понять, что отказывается от каких-либо планов использовать объект (Роселли) в будущем». Харви узнал об этом документе только во время допроса в специальной сенатской комиссии в 1975 году. Его возмущение не знало границ. Он тут же объявил, что «это не-

правда, и полковник Эдвардс знает, что это неправда». Цель подобной фальсификации — продемонстрировать, что Эдвардс «уже не несет ответственности», если операция сорвется.

Буквально через несколько дней Харви получил первое донесение от Роселли о ходе операции: таблетки и оружие благополучно переправлены на Кубу. В июне гангстер сообщил об отправке туда группы из трех убийц, а в сентябре — о готовности второй группы проникнуть в Гавану и попытаться внедриться в охрану Кастро. «Лекарство» — имеются в виду таблетки — по-прежнему находится на Кубе «в целости и сохранности».

V

Выходящая в уругвайском приморском курортном городе Пунта-дель-Эсте ежедневная газета «Диа» однажды февральским утром 1962 года преподнесла читателям интересную новость: «Посол Моррисон представил отчет о расходах за день: завтрак — 1,5 доллара; такси утром — 2 доллара; второй завтрак — 2,5 доллара; такси днем — 3 доллара; обед с министром иностранных дел Гаити — 5 000 000 долларов».

Речь в заметке шла о представителе Соединенных Штатов в Организации американских государств (ОАГ) Делессепсе Моррисоне. Несколько дороговатый обед на самом деле был обязательством перед Гаити построить в Порт-о-Пренс современный аэропорт. А фактически это было взяткой за то, чтобы Гаити проголосовало за исключение Кубы из ОАГ. Именно на Делессепса Моррисона администрацией Кеннеди была возложена немаловажная задача — изолировать Кубу от других государств Западного полушария. Выполнение этой задачи в ходе тайной войны требовало как наступательной дипломатии, так и некоторых закулисных манипуляций.

Хотя Моррисон и носил титул посла, фактически же он был у Джона Кеннеди «разъездным аварийным монтером». После убийства Трухильо он оказался в Сьюад-Трухильо, где по поручению Джона Кеннеди лично присматривал за тем, чтобы сын Трухильо при разделе власти, не дай бог, не подпустил коммунистов к «сладкому пирогу».

В августе 1961 года Моррисон возглавлял делегацию Соединенных Штатов на сессии Межамериканского

экономического и социального совета в Пунта-дель-Эсте. Главной ее темой был Союз ради прогресса*, который, как обещал Джон Кеннеди, «поможет свободным людям и свободным правительствам сбросить оковы нищеты». Было намечено в первый год существования Союза оказать экономическую помощь в размере миллиарда долларов — ожидалось, что такая соблазнительная приманка окажется неотразимой для слаборазвитых стран. Повесив перед их носом столь солидную золотую морковку, Соединенные Штаты рассчитывали нанести сокрушительный удар по широко распространенному в Латинской Америке мнению, что, как сформулировал Эдлай Стивенсон ** после своей ознакомительной поездки в июне, «кубинский крестьянин обрел свое место под солнцем».

В составе американской делегации был и Ричард Гудвин, автор речей Кеннеди, который стал в Белом доме «специалистом» по Латинской Америке. Моррисон любил повторять анекдот о Гудвине: вскоре после того, как Гудвин пришел в Белый дом, он как-то остановил одного из журналистов и спросил: «Меня собираются назначить на высокий пост в Латинскую Америку. Не посоветуете ли, какие стоящие книги прочитать?»

К неудовольствию Моррисона, его молодой коллега проявил интерес к Че Геваре, главе кубинской делегации.

«Хотел бы я знать, чем он дышит», — обронил Гудвин, наблюдая за Че, окруженным толпой восхищенных поклонников в фойе перед залом заседаний.

«Дик, я бы держался от него подальше, — ответил Моррисон неодобрительно. — Мы просто не должны иметь ничего общего с этой компанией».

«Ну, не знаю, не знаю, — гнул свое Гудвин, жуя сигару. — А мне все равно интересно, что за личность эта борода».

Гевара пошел ему навстречу. Во время пленарного заседания он передал коробку кубинских сигар, упакованную национальным гербом. «В ней лежала написанная по-испански записка от Че, — вспоминает Гудвин. — Там

* Союз ради прогресса — правительственная программа США предоставления помощи странам Латинской Америки, предложенная в марте 1961 года президентом Кеннеди и принятая в августе того же года 20 латиноамериканскими государствами; инструмент экономического шантажа и укрепления влияния США в странах Латинской Америки.

** В тот период постоянный представитель США в ООН,

говорилось: „Поскольку у меня нет визитной карточки, приходится писать от руки. Поскольку трудно говорить с врагом, я протягиваю руку”».

Позже, на приеме, устроенном для делегатов конференции представителем Бразилии, Че пригласил Гудвина в отдельную комнату. Гевара улыбнулся: «Будем вести эту встречу, как враги на нейтральной территории или как два частных лица, желающих обсудить общие проблемы?»

«Как враги,— ответил Гудвин.— Хочу также напомнить, что я не уполномочен говорить от имени президента Кеннеди или от имени американского народа».

Че выразил желание вести переговоры с Соединенными Штатами без предварительных условий, однако Гудвин сомневался, что администрация Кеннеди на это согласится. Че Гевара объявил, что Куба не вступает ни в политические, ни в военные союзы ни с какой страной, и никогда не вступит, если США возьмут на себя обязательство не предпринимать нового вторжения. Их беседа длилась час.

Моррисон осудил эту закулисную встречу, которая едва не разрушила все его планы добиться «исключения Кубы Организацией американских государств из межамериканского сообщества». После беседы с Гудвином Че тайно встретился с президентом Аргентины Фрондиси и призвал к существованию. Каким-то образом об этом стало известно, произошел невероятный скандал. Отбиваясь от нападок, Фрондиси упрямо твердил: «Если Соединенные Штаты сочли возможным встречаться с майором Геварой, как мог отказаться я?»

Конференция в Пунта-дель-Эсте завершилась принятием странами — членами ОАГ хартии Союза ради прогресса. Ставя подпись за Соединенные Штаты, Дуглас Диллон, щепетильный делец с Уолл-стрит, занимавший пост министра финансов, предупредил, что Куба не получит никаких денег до тех пор, пока находится «под контролем иностранной державы, а именно Советского Союза».

Докладывая Джону Кеннеди о своей поездке, Гудвин передал ему коробку сигар, подаренную Че Геварой. «Он взял одну и начал ее раскуривать,— вспоминал Гудвин.— Потом посмотрел на меня и сказал: „Первую сигару должен был выкурить ты”».

Кубинский консул в Буэнос-Айресе, карьерный дипломат Виталио де ла Торре неожиданно подал в отставку после того, как много лет занимал свой пост — при режимах Прио и Батисты. Из сейфа посольства Кубы он прихватил 82 документа, которые и передал эмиссару «Кубинского революционного совета» в Майами. Документы до мельчайших деталей подтверждали существование разработанного в Гаване плана свержения правительства Фрондиси путем внедрения мятежников в деловую и политическую жизнь Аргентины.

«Кубинский революционный совет» придержал документы, намереваясь использовать их с максимальным пропагандистским эффектом во время государственного визита Фрондиси в Соединенные Штаты. Однако за неделю до выезда аргентинского главы государства выходящая в Буэнос-Айресе газета «Насьон» опубликовала пространную статью, иллюстрировав ее фотокопиями документов.

Статья вызвала бурю возмущения против Кубы, однако революционное правительство заявило, что документы подделаны кубинскими эмигрантами, действующими в союзе с ЦРУ. Так оно и было. Подделка этих документов явилась началом кампании, ставившей своей задачей «доказать», что Куба «экспортирует» революцию, осуществляя подрывную деятельность против стран ОАГ. Главной же целью было помочь Моррисону добиться исключения Кубы из ОАГ.

Однако «Аванс», журнал кубинских контрреволюционеров, ненароком сболтнул лишнего. Он сообщил, что де ла Торре предпочел просить политического убежища, нежели подчиниться распоряжению Гаваны встретиться с Че Геварой во время предстоявшей конференции в Пунта-дель-Эсте. Указывалось, что де ла Торре взял документы из консульства в тот самый день, когда подал в отставку, и передал их Тони Вароне, который «совершенно случайно» находился в это время в Буэнос-Айресе. Но настоящей уликой стало хвастливое заявление журнала о том, что де ла Торре уже более года был связан с кубинской эмиграцией в Аргентине. И если консул столь долго был агентом-двойником, то его побег с разоблачительными документами как раз накануне важнейшей конференции едва ли можно считать простой случайностью.

После исчерпывающих допросов де ла Торре государственный департамент США пришел к выводу, что документы «являются подлинными». Аргентина, пытавшаяся после Залива свиней придерживаться нейтрального курса, была настроена скептически. Она сама хотела тщательно изучить документы. «Кубинский революционный совет» передал аргентинцам фотокопии, но наотрез отказался представить оригиналы. Аргентина настаивала на том, что для экспертизы необходимы подлинники. В итоге «Кубинский революционный совет» передал 33 документа, которые, как он заявил, имеют прямое отношение к делу.

Аргентинских экспертов изумила грубость подделки. Лишь один из 33 документов соответствовал ранее присланным фотокопиям, но и на нем красовалась фальшивая подпись, да и отношения к делам государственным он не имел никакого. Тони Варона весьма бессвязно объяснял, что «Кубинский революционный совет» не выдал всех документов Аргентине, поскольку не доверяет ее министерству иностранных дел и не одобряет того, что между Буэнос-Айресом и Гаваной сохраняются дипломатические отношения.

В то же время Куба представила собственные доказательства подделки. 9 октября заместитель министра иностранных дел Карлос Оливарес, чья «подпись» фигурировала на многих документах, встретился в Гаване с главами ряда дипломатических миссий и подчеркнул, что обычно корреспонденцию подписывает не он, а глава министерства иностранных дел. Далее, указал Оливарес, когда министр иностранных дел Рауль Роа или он сам подписывает документ, их подписи скрепляются особой сургучной печатью. В дополнение к этому, подчеркнул он, перепутан порядок регистрационных номеров, что подтверждает книга регистрации министерства.

Аргентина объявила дело закрытым. В нем чувствовалось что-то знакомое: уж очень это все напоминало действия антикастровской группировки, которая год назад в Перу «выкрала» из кубинского посольства в Лиме письмо, «доказывавшее», что Гавана готовит в Перу мятеж. (Это было именно то самое поддельное письмо, с помощью которого Уильям Поули добился обещания предоставить перуанских морских пехотинцев для участия во вторжении в Залив свиней. Ходили упорные

слухи, что к изготовлению подложного письма приложил руку Говард Хант.)

Однако для Моррисона, посла Соединенных Штатов, подозрительные аргентинские документы были чистое золото. 13 октября Перу по поручению Соединенных Штатов предложила созвать совещание министров иностранных дел стран ОАГ для обсуждения вопроса об исключении Кубы в связи с ее подрывной деятельностью. Моррисон направил письмо генеральному секретарю ОАГ, в котором поддержал позицию Перу, приложив к нему «вещественные доказательства». В этом качестве фигурировали поддельные документы.

Конференция в уругвайском курортном городе открылась 30 января 1962 года. С самого ее начала стало ясно, что легкой победы Моррисону ждать нечего. Он был откровенно разочарован, когда бразильский делегат «начал распространяться о „существовании“», пользуясь аналогией: «Почему мы не можем считать для себя Кубу тем же, чем Финляндия является для Советов?» Мексика и Аргентина, которые вместе с Бразилией представляли две трети населения Латинской Америки, придерживались того же мнения. Моррисон, столь рьяно ратовавший за демократию, обнаружил, что должен обожигать такие репрессивные режимы, как парагвайский, никарагуанский и гаитянский, чтобы заполучить необходимое для исключения Кубы большинство в две трети голосов.

Именно в этот момент Моррисон и устроил министру иностранных дел Гаити обед стоимостью в пять миллионов долларов. Гаити подала решающий голос за исключение Кубы.

Это был волнующий момент для Чепа Моррисона. Дин Раск произнес прочувственную речь. На глаза Моррисона навернулись слезы. «Должен признаться — никогда не был более горд тем, что я американец», — заявил он.

VI

Ровно в 22 часа 30 минут 24 августа 1962 года два катера, на борту которых находилась группа «Директората», проскользнули под лучом радара, охранявшего Гаванский залив, потом мимо двух сторожевиков. Их целью была гостиница «Икар», расположенная на берегу в при-

городном районе Мирамар. Подпольная организация «Директората» на Кубе донесла, что вечером каждой пятницы вновь прибывшие иностранные советники и технические специалисты встречались в пустующем театре «Бланкита», потом пешком шли в близлежащую гостиницу «Икар», где проводили вечер. Частенько к ним присоединялся Фидель Кастро. Один из катеров был вооружен 20-миллиметровой пушкой. Другой — крупнокалиберным пулеметом. Если все будет хорошо, Кастро умрет под градом пуль и снарядов. Не тут-то было.

«Все шло гладко, пока мы не подошли достаточно близко,—говорит Хосе Басулто, стрелок на катере «Хуанин».— Но тут дал течь один из запасных пластиковых бензобаков, и горючее растеклось по всей палубе. Мы не знали, что делать. Бензин плескался прямо под пушкой, а я-то уж собрался из нее стрелять. Теперь мы боялись, что из-за какой-нибудь искры при выстрелах мы все взлетим на воздух. Но Куба — вот она, рукой подать, мы зашли слишком далеко, чтобы отступать».

Медленно скользя по мелководью, катера вышли на ударную позицию. Налетчики уже различали силуэты людей в форме, расхаживавших взад и вперед перед гостиницей. Катера открыли огонь. Чехословацкий врач, гулявший по гостиничному газону, увидел цветные цепочки трассирующих пуль. «Стреляли они из рук воин плохо, и пули летели далеко мимо цели,— рассказывал он журналистам.— Но вскоре началось столпотворение. Обитатели гостиницы в пижамах иочных сорочках ринулись из здания на улицу. И паника представляла большую опасность, чем сам обстрел». Стены «Икара» зияли пробоинами от снарядов, в холле царил невероятный ка-вардак, но жертв не было.

Через пять минут катера пустились наутек. Бросившиеся в погоню кубинские реактивные самолеты потеряли их из-за плохой видимости, и налетчики сумели добраться до своей базы на островке Мэресен-Ки во Флориде. Кастро обвинил Соединенные Штаты в причастности к попытке покушения на его жизнь. Государственный департамент ответил, что инцидент является актом частных лиц, предпринятым без ведома правительства.

На деле же налет был тщательно спланирован и одобрен отделением JM/WAVE. Связи «Директората» с ЦРУ имеют давнюю историю. Во время революции его

члены, большинство которых составляли студенты Гаванского университета, боролись при поддержке бывшего президента Карлоса Прио против Батисты в горах Эскамбрай. Открыв там своего рода второй фронт, они надеялись войти в Гавану прежде, чем это сумеет сделать Кастро. В период подготовки к вторжению в Залив свиней группы внедрения, сколоченные из числа членов «Директората» и обученные Центральным разведывательным управлением, высаживались на Кубу, но там они оказывались буквально брошенными на произвол судьбы. 74 человека были схвачены: грузы, которые им обещали сбросить с самолетов, так и не прибыли. ЦРУ «никогда не обеспечивало обещанных нам поставок, никогда не делало того, что ему следовало», — жаловался один из лидеров «Директората».

Хотя «Директорат» был обижен на ЦРУ, не тянуться к его «сладкому пирогу» он не мог. Один из служебных документов ЦРУ сетовал на непредсказуемость поведения группировки, лидеры которой выделялись только своей изворотливостью в добывании денег любыми путями. Однако «Директорат» располагал единственным подпольем на Кубе, а именно это имело жизненно важное значение для операции «Мангуста». ЦРУ обучало студентов шпионскому и диверсионному искусству в майамском мотеле «Модерн», а взрывным работам — неподалеку от крупной строительной площадки. Затем их на катерах отправляли на Кубу.

Завершившийся с военной точки зрения полным провалом налет на гостиницу «Икар» тем не менее дал «Директорату» возможность устроить пресс-конференцию. Основатель «Директората» Хуан Салват, пухленький кротышка с детским лициком, который возглавлял дерзкую вылазку, и шкиперы катеров в мельчайших деталях поведали о своих «подвигах». Их рассказ был опубликован газетой «Нью-Йорк таймс». Герои «Директората» были приглашены в Вашингтон на аудиенцию к Бобби Кеннеди и Дику Хелмсу, мастеру «правдоподобно опровергаемого». Рекламная шумиха принесла щедрые пожертвования — в общей сложности около 200 тысяч долларов — и поддержку расчетливого Уильяма Поули. Бывший посол возлагал на «Директорат» большие надежды. Он и его друг Джастин Маккарти сумели уговорить нескольких своих хорошо обеспеченных знакомых пожертвовать средства: каждый из них согласился

приобрести по катеру и взять на содержание его экипаж.

10 октября 1962 года Кеннет Китинг, сенатор-республиканец от Нью-Йорка, получавший разведывательную информацию от подполья «Директората», заявил, что он убежден в том, что Советский Союз разместил на Кубе наступательные ракеты. Через четыре дня «U-2», пилотируемый Рудольфом Андерсоном, кружил над Кубой на высоте 13 миль и производил аэрофотосъемку. Как только он приземлился на военно-воздушной базе Лоулин в Техасе, кассеты с фотопленкой были переправлены самолетом в Вашингтон.

В то время, как специалисты хлопотали над отснятыми Андерсоном фотоматериалами, Рип Робертсон на базе Саммерленд-Ки близ Ки-Уэста проводил инструктаж экипажа катера, которым командовал Эухенио Мартинес. Их целью снова был медедобывающий комплекс Матаамбре в Пинар-дель-Рио. Если уничтожить гигантские башни-опоры канатной дороги, по которой руда доставляется в порт Санта-Лусия, работа рудников остановится на целый год. Мартинесу и его людям внушали, что этому заданию придается чрезвычайное значение. «Вы или сделяете дело,— сказал им Робертсон,— или живыми не возвращайтесь».

На следующее утро, когда Джону Кеннеди докладывали, что произведенная Андерсоном аэрофотосъемка обнаружила русскую ракетную установку, Мартинес, экипаж его катера и восемь десантников отплыли с Саммерленд-Ки на 45-метровом корабле-матке ЦРУ «Эксплуорер II». В район Санта-Лусии они прибыли после наступления темноты. Мартинес переправил десантников на берег на своем катере, который привели сюда на буксире. Десантники попозли к башням-опорам, чтобы заложить взрывчатку С-4, но были обнаружены милицейским патрулем и под огнем отступили. Двое так и не вернулись на катер. Мартинес каждую ночь подбирался к берегу, надеясь — хотя с каждым разом все меньше и меньше — установить контакт с пропавшими без вести десантниками.

22 октября Мартинес вновь крался в сумерках к берегу, выжидая наступления темноты, когда его радиостроился на Майами и узнал, что президент Кеннеди

будет выступать с речью. Мартинес и его экипаж слушали, как Кеннеди объявил о блокаде Кубы. Мартинес и его люди пришли в неописуемый восторг. Они были уверены, что вот-вот начнется вторжение на Кубу. Когда Мартинес вернулся с Саммерленд-Ки, сотрудник ЦРУ сообщил ему, что вторжение не за горами. Агент ЦРУ спросил, не вызовется ли Мартинес спрыгнуть с парашютом в родную провинцию Пинар-дель-Рио перед приходом американских войск. Мартинес согласился.

Вооруженные силы США уже были приведены в боевую готовность. В начале месяца, когда сенатор Китинг выступил со своим заявлением, Джон Кеннеди на пресс-конференции обронил любопытную фразу: «Я против вторжения на Кубу — сейчас», вызвав смех присутствующих. Дела президента опровергли его слова. В зоне Панамского канала и на юге Соединенных Штатов были развернуты даже амфибийные дивизии, а Атлантический флот готовился к «учениям» в Карибском море. В день знаменитого полета «U-2» лидеры так называемого «Кубинского революционного совета» встречались с представителями Пентагона и государственного департамента. Как заявил Миро Кардона, они потребовали «массовой мобилизации всех кубинцев подходящих для военной службы возрастов», в том числе и вновь прибывших, «которые должны поступить на военную службу прежде, чем будут зарегистрированы в качестве беженцев».

По мнению Билла Харви, не было никаких сомнений в том, что ракеты придется убрать только силой. Он отправил на Кубу несколько групп агентов, приказав им готовиться поддержать американские военные операции. Когда об этом узнал Бобби Кеннеди, произошла ужасная сцена. Кеннеди считал, что самовольные действия ЦРУ могут сорвать переговоры с Москвой. Как деликатно потом сформулировал в показаниях специальной сенатской комиссии Харви, во время имевшего место «обмена мнениями» у министра юстиции «возникло множество возражений». Это навсегда рассорило Харви с братьями Кеннеди. Один из сотрудников ЦРУ говорил, что Харви «заработал еще одну плохую отметку за недисциплинированность».

После завершения «ракетного кризиса» Джон Кеннеди и не думал прекращать враждебных акций против Кубы.

Операция «Мангуста» была приостановлена, но только потому, что проводилась, по мнению Бобби Кеннеди, уж слишком «благовоспитанно». На заседании специальной группы накануне «ракетного кризиса» Роберт Кеннеди выразил разочарование отсутствием ощутимых результатов — два налета на рулники Матаамбре и те провалились — и пообещал уделять «больше личного внимания» операции. Расширенная специальная группа была заменена межведомственным «Кубинским координационным комитетом», которому поручили разработку секретных акций.

Важность этой новой меры была подчеркнута созданием внутри Совета национальной безопасности Постоянного комитета по делам Кубы, которому вменялось в обязанности подготовка будущих операций тайной войны. Председателем ее стал брат президента. Как выразился генерал Лансдейл, Бобби Кеннеди хотел устроить «трамтарам» на острове Куба.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ТАЙНА БРАТЬЕВ КЕННЕДИ

Прощать в моей семье умеет каждый —
кроме Бобби.

Джозеф Кеннеди-старший

I

Длинный черный «кадиллак» подкатил к дальнему пирсу порта Палм-Бич, когда уже начало смеркаться и вода во флоридских протоках из прозрачно-голубой стала свинцово-серой. Луны этой ночью не будет, да и солнце весь день выполняло свою работу без особого усердия. Гордон Кемпбелл вылез из автомобиля и зашагал по слегка покачивающемуся трапу на ожидавшее его судно. В руке он нес портфель мягкой кожи. Кемпбелл руководил военно-морскими операциями ЦРУ в Карибском море.

С открытого мостика «Рекса» за ним наблюдал капитан Александро Брукс. Обычно невозмутимый, в этот вечер капитан Брукс заметно нервничал. Несколько часов назад автобусы доставили экипаж — сорок кубинских контрреволюционеров, а Кемпбелл с инструкциями и приказом на выход в море запаздывал. Команда судна высыпала на палубу, громко переговариваясь по-испански. Брукс уже дважды вмешивался, пытаясь их утихомирить. Ведь от того места, где стоял на якоре «Рекс», до дома семьи Кеннеди в Палм-Биче рукой подать. А не далее, как два месяца назад, президент пришел в бешенство, узнав, что рейдер ЦРУ стал на стоянку в Уэст-Палм-Биче как раз в то время, когда он находился там на отдыхе.

Поэтому капитан Брукс был не в восторге от того, что «Рекс» в полной боевой готовности торчит в порту. И едва Кемпбелл успел шагнуть с трапа на палубу, капитан приказал отчаливать. На мачте корабля ЦРУ, взявшего курс в открытое море и все дальше и дальше оставлявшего за кормой весело перемигивающиеся огоньки Уэст-Палм-Бича, развевался сине-белый флаг Никарагуа.

52-метровый «Рекс» был флагманом тайного военно-морского флота ЦРУ в Карибском море. Сторожевик постройки начала сороковых годов, он в прошлом исполь-

зовался в качестве корабля противолодочной обороны. ЦРУ извлекло его с кладбища законсервированных кораблей ВМС США в Глен-Коув и перекрасило в классический темно-синий цвет. В центре палубы были установлены огромные прожекторы и сложное электронное оборудование, а в кормовой части — морской кран, способный спускать на воду и поднимать на борт шестиметровые скрытые катера. Дизели мощностью 3600 лошадиных сил позволяли «Рексу» развивать приличную скорость — до двадцати узлов.

Содержание «Рекса» с экипажем обходилось ЦРУ в полмиллиона долларов в год. В состав флота ЦРУ входили «Леда» — родная сестра «Рекса», еще четыре корабля той же серии, а также дюжина посудин меньших размеров, но столь же хорошо вооруженных.

Кубинские предатели из экипажа «Рекса» получали по 300 долларов в месяц — чеками, выписанными от имени коммерческой рыболовецкой компании. Большинство из них имело опыт службы в кубинских ВМС или торговом флоте. Завербовала их группа бывших батистовских военных моряков, работавших на ЦРУ. Политическая благонадежность считалась столь же важным условием, что и квалификация, и весь экипаж был подвергнут проверке на детекторе лжи, дабы убедиться в отсутствии у его членов тайных симпатий к Кастро.

В море, на полпути между Уэст-Палм-Бич и Майами, кубинский экипаж вынес из трюмов оружие и установил на палубе «тяжелую артиллерию» — две 40-миллиметровых морских пушки, безоткатное орудие 57-го калибра и два пулемета 50-го калибра. Океанографическое научное судно превратилось в боевой корабль.

Капитан Брукс стоял на мостице в непроглядной тьме карибской ночи. Он вскрыл опечатанный пакет с инструкциями, который его сухопутный командир из ЦРУ достал из портфеля и вручил, небрежно взяв под козырек. Чтобы прочитать распоряжения, ему пришлось включить карманный фонарь. То, что он прочитал, отнюдь не успокоило его расходившиеся нервы. Обычно «Рекс» стопорил машины в полутора милях от кубинских берегов, далее десантники добирались на своих катерах. Сегодня, 21 октября 1963 года, на «Рекса» возлагалось особое задание. Всего полмили будут отделять его от берега — весьма опасная, мягко говоря, зона досягаемости средствами береговой обороны Кубы.

В районе островка Эллиот-Ки, едва заметного пятнышка в Карибском море пониже Майами, было назначено randevu. Капитан напряженно взглядался в темноту, пытаясь различить плоты. Они появились внезапно. Два надувных плота из черной резины, одежда на сидевших в них людях была тоже черной, натянутые на головы черные чулки скрывали их лица. В полном молчании они поребрились на борт «Рекса».

Их было двенадцать. Все — из отряда «Мамбисес», элиты антикастровских командос ЦРУ. Название отряда они позаимствовали у партизан, сражавшихся против Испании за независимость Кубы. Это были «зеленые береты» тайной войны.

В полумиле от цели капитан Брукс застопорил машины. На горизонте виднелась Куба. Он взглянул на светящийся циферблат полученного в ЦРУ «роллекса»*: до полуночи четыре минуты. Брукс различил контуры провинции Пинар-дель-Рио на западной оконечности острова. Маяк на мысе Корриентес сегодня был потущен. И вновь в душе капитана шевельнулось дурное предчувствие. Он помотал головой, словно отгоняя сомнения, и отдал команду.

Два катера из стекловолокна с плеском соскользнули с установленных на корме специальных скоростных шлюпбалок на воду.

Под едва слышное ворчание двигателей, работавших на холостом ходу, десантники спускались с «Рекса» в катера по сброшенным грузовым сеткам. Затем осторожно перегрузили рюкзаки, набитые пластиковой взрывчаткой С-4. На полной скорости катера рванулись от «Рекса», стоявшего с потущенными ходовыми огнями.

Они остановились в устье реки с крутыми берегами. Для последнего рывка вверх по руслу десантники надули плоты, оснащенные бесшумными подвесными моторами. Им предстояла встреча с двумя «мамбисес», которые проникли на Кубу неделей раньше. Плоты медленно шли против течения, и вскоре десантники начали подавать на берег сигналы инфракрасным фонарем. Через показавшуюся мучительно долгой минуту им ответили, но код был незнакомым. Засада! Разворачивая плоты и устремляясь к оставленным в устье реки катерам, «мамбисес»

* «Роллекс» — марка швейцарских часов.

открыли беспорядочный огонь из своих скорострельных М-3 по берегам, которые мгновенно полыхнули в ответ красными и голубыми вспышками пулеметных и автоматных очередей. Один из плотов был тут же разорван в клочья трассирующими пулями; убитые и раненые попадали в воду. Прежде чем второй плот достиг моря, катера уже рванулись к «Рексу», преследуемые кубинскими сторожевиками. Брошенные на произвол судьбы десантники повернули к берегу, где их ждала кубинская милиция.

На головном катере пулями разнесло штурвал. Старшина-рулевой Луис Монтеро Каррансана мертвый хваткой вцепился в разбитую рулевую колонку. Внезапно сторожевик поймал Каррансану лучом прожектора, и для него тайная война была кончена. Второй катер мчался в открытое море — к тому месту, где должен был находиться «Рекс». Его командир сумел на полной скорости вывести катер в международные воды, остановил торговое судно, послав пулеметную очередь поверх его мостика, и был спасен. Сам «Рекс» исчез.

Когда капитан Брукс услышал перестрелку, душа у него ушла в пятки. Он понял, что десантники попали в ловушку, и немедленно приказал дать полный вперед. Пусть старшины-рулевые на катерах и десантники на своих плотах выпнутываются сами: капитан следовал первейшему закону моря — закону выживания, и приказу ЦРУ — жертвовать всем, по не допустить захвата «Рекса».

Сначала Брукс совершил ложный маневр и направил корабль в открытое море. Потом круто развернулся и повел «Рекс», прижимая его вплотную к берегу, чтобы избежать обнаружения радарами. Корабль шел в полной темноте с погашенными огнями.

Маневр капитана Брукса удался. Через считанные минуты после начала перестрелки прибыли два кубинских вертолета. Они повисли в полукиле от берега — в зоне, где «Рекс» обычно ждал возвращения десантников, и сбросили осветительные ракеты, залив светом большой участок моря. О том, что затем произошло, рассказал Непе, помощник комендора с «Рекса»: «Едва мы обогнули мыс, я увидел ходовые огни какого-то «купца». Я сразу понял, что сейчас случится. «Купец» попал прямо в освещенную зону. Кубинцы решили, что это мы. И открыли по нему огонь».

Этим «купцом» было судно «Дж. Луис» водоизмещением 32,5 тысячи тонн. Оно плавало под либерийским флагом и сейчас шло с грузом бокситов с Ямайки в Корпус-Кристи, штат Техас. Было 12 часов 40 минут ночи. Пять кубинских МиГ-21, специально оборудованных для ночных полетов, делали заход за заходом, обстреливая «Дж. Луис» ракетами и поливая его пулеметными очередями. Крупнокалиберные пули изрешетили палубу и корпус; только через три часа удалось ликвидировать пожары, возникшие на баке и в надстройках. Каким-то чудом никто из экипажа не был даже ранен.

Как только судно подверглось нападению, капитан Герхард Краузе передал по радио международный сигнал бедствия «SOS», добавив: «Истребители МиГ атакуют безоружное торговое судно у берегов Кубы». Милих в двухстах к северу, в Ки-Уэст, летчики ВМС США забрались в кабины своих «Фантомов» и подняли машины в воздух, направляясь к месту нападения.

Всего за шесть недель до этого Советский Союз предупредил, что он «не потерпит» дальнейших налетов на Кубу, предпринимаемых американскими наемниками, «вооруженными североамериканским оружием». Москва недвусмысленно дала понять, что ей известно о нарушении Центральным разведывательным управлением достигнутого после «ракетного кризиса» соглашения, по которому Соединенные Штаты обязались воздерживаться от поддержки военных авантюров против Кубы.

Теперь же по вине ЦРУ возникла ситуация, когда американские и кубинские истребители едва не вступили в воздушный бой.

Однако уже в непосредственной близости от Кубы американские «Фантомы» были отозваны на базу. Совершенно ясно, что такой приказ был отдан по инициативе ЦРУ, но почему — остается неизвестным. На командном пункте ЦРУ по управлению кубинскими операциями в Южном университете городке Майами — замаскированном под электронно-исследовательскую фирму «Зенит техникл энтерпрайзис» — была установлена гигантская ромбовидная антенна, постоянно нацеленная на Карибское море. Из беспорядочного радиообмена операторы ЦРУ, возможно, предположили, что нападению подвергся «Рекс». Сам «Рекс» хранил радиомолчание, дабы избежать обнаружения. Но вполне вероятно, что операторы ЦРУ догадались об ошибке кубинских истребителей

и только хотели, чтобы атаки на другое судно продолжались до тех пор, пока «Рекс» не уйдет в безопасное место.

Пока МиГи были заняты «Дж. Луисом», «Рексу» удалось выскользнуть за пределы кубинских территориальных вод.

Однако, как только кубинское командование поняло свою ошибку, в погоню за «Рексом» были посланы две канонерки. Перед лицом превосходящих сил капитан Брукс прервал радиомолчание и запросил у «Зенита» инструкции. «Действуйте по обстановке», — получил он уклончивый ответ.

Брукс решил прорываться к мексиканскому полуострову Юкатан, от которого он находился милях в семидесяти. Ему это удалось: «Рекс» вошел в территориальные воды Мексики в районе острова Косумель. Канонерки, не решаясь нарушить границу, подстерегали «Рекса» в течение двух дней, но затем ушли. Тогда капитан Брукс направил корабль к Ки-Уэсту, сделав по дороге крюк, чтобы взять на буксир летающую лодку «Катарина» без опознавательных знаков, совершившую во время выполнения задания ЦРУ вынужденную посадку в море из-за повреждения двигателя. Тайная война продолжалась как ни в чем не бывало.

На следующее утро после того, как в Карибском море едва не вспыхнула война, обнаружилось, что расстрелянный «Дж. Луис» плавал под либерийским флагом лишь в целях экономии на налогах. На самом деле владельцем судна была американская корпорация, принадлежащая миллиардеру Дэниелу Людвигу. Эта новость была подхвачена в соответствующих кругах с необыкновенной готовностью. Уже в полдень официальный представитель государственного департамента заявил: поскольку судно принадлежит Соединенным Штатам, в Вашингтоне изучают факты, чтобы определить, последует ли протест со стороны США «против подобного акта насилия».

Еще через два дня представитель государственного департамента по связям с прессой Роберт Макклоски привел инцидент с «Дж. Луисом» в качестве причины для отказа от требования Фиделя Кастро прекратить американскую экономическую блокаду Кубы. «Агрессивный курс» Кубы, заявил Макклоски, не оставляет Соединенным Штатам иного выхода,

* * *

18 августа 1963 года Рафаэль Мартинес Пупо, банковский служащий, сгибаясь под тяжестью заявлений для печати, обходил иностранные информационные агентства в гватемальской столице.

Листочки, которые он вручал с благоговейным трепетом, были украшены эмблемой «Мамбисес». Так, благодаря усилиям сеньора Пупо, в тот день стало известно о существовании новой организации. Заявление для печати воспевало «победу», которую «мамбисес», члены этой организации, одержали при нападении на кубинский порт Касильда, где они подожгли нефтехранилище вместимостью 8 тысяч галлонов *.

Сеньор Пупо не стал отвечать на расспросы корреспондентов. Он поспешил к телефону, чтобы позвонить в Майами Сальвадору Лью, журналисту. Лью, падкий до сенсаций, немедленно распространил полученную новость через любимую радиостанцию ЦРУ в Майами WMIE (ныне WQBA).

Вручая заявления для печати, восхваляющие первую атаку «мамбисес», Пупо предсказывал, что коммандос в скором времени нападут на портовый город Санта-Лусия в провинции Пинар-дель-Рио. Видимо, он знал, что говорил.

Когда Сальвадор Лью, журналист, пользующийся репутацией эмигрантского пропагандиста, только начал петь дифирамбы этой новой совершенно независимой организации, отряд «мамбисес» кралялся по кубинскому берегу, чтобы взорвать медные рудники Матаамбре, соединенные с Санта-Лусией канатной дорогой. Его обнаружили, и командир десантников, бывший лейтенант батистовской армии, был взят в плен и затем казнен. Однако десантникам удалось заложить достаточно пластиковой взрывчатки, чтобы сеньор Пупо смог объявить в Гватемале о взрыве, который «услышал весь мир».

Лью утверждает, что он не знал о связях «мамбисес» с ЦРУ. «Я предполагал, что их финансируют состоятельные кубинцы», — заявил он авторам этой книги. Джей Моллин, бывший корреспондент журнала «Тайм» в Гаване и Майами, напротив, признает, что «„мамбисес“ с самого начала действовали под началом ЦРУ. И доб-

* Галлон — 3,78 литра (амер.).

браться до них самих пресса не могла — Сальвадор Лью просто распространял полученные тексты».

Отряд «мамбисес» был сколочен ЦРУ. Десантники обучались на базе ЦРУ близ Нового Орлеана. Их запустили в качестве «пробного шара», чтобы проверить, как будет реагировать мировое общественное мнение на эмигрантские налеты, осуществляемые якобы без американского участия и поддержки. Если «мамбисес» получат хорошую прессу, ЦРУ пойдет дальше.

Создание этой группы можно отнести ко времени заседаний Постоянного комитета по делам Кубы весной 1963 года. Согласно его протоколам, все участники согласились с Робертом Кеннеди, что «Соединенные Штаты должны что-то предпринимать против Кастро, даже если мы не надеемся, что наши действия приведут к его свержению».

Требование «что-то предпринимать» было утверждено президентом Кеннеди 19 июня 1963 года. Он утвердил весьма широкую программу саботажа и диверсий на нефтехранилищах, автомобильном и железнодорожном транспорте, на предприятиях энергетики и связи Кубы. Это и привело к созданию тайного карibbeanского флота ЦРУ и группы десантников «Мамбисес». Впервые Белый дом разрешил ЦРУ нарушать святая святых и выбирать в качестве мишени для налетов ранее запретные цели — предприятия, которые в свое время принадлежали американским компаниям. Это было свидетельством серьезнейшей эскалации тайной войны.

II

В телевизионной студии CMQ в Гаване царило необычное оживление. Фидель Кастро проводил пресс-конференцию. Говорил в основном сам. И только о корабле ЦРУ «Рекс».

Два дня назад, 28 октября, «Рекс» возвратился в родной порт Уэст-Палм-Бич из плавания в Карибском море, ускользнув от погони после инцидента с «Дж. Луисом». Этого-то и ждал Кастро. Он объявил, что Куба захватила четырех людей с «Рекса», и представил факты, разоблачающие пиратские рейдеры ЦРУ. Он рассказал всему миру, в каком месте швартуется «Рекс» в Уэст-Палм-Биче, и подробно описал флагманский корабль флота ЦРУ — вплоть до его электронных приборов в центре палубы и синей окраски.

Вслед за первой пресс-конференцией Кастро провел вторую, во время которой посадил перед телевизионными камерами в Гаване пленных с «Рекса».

В Белом доме Пьер Сэлинджер * не был настроен разговаривать. «Нам нечего сказать», — заявил он. Пленникам Кастро, напротив, было что сказать. Луис Монтеро Каррансана заявил, что он служил старшиной-рулевым на «Рексе» и управлял одним из катеров, когда началась перестрелка. Он также признался, что по заданию ЦРУ принимал участие в целом ряде рейдов, включая нападение «мамбисес» на медные рудники и высадку с яхты дюжины диверсантов. «Я сам много раз высаживался на кубинский берег, — рассказывал Монтеро. — Доставлял туда грузы. Мы бросали якорь в пяти-шести милях от берега и добирались до него на двух катерах. Там мы высаживали, как правило, человек шесть и оставляли 25—30 мест груза. Я не знаю, с какими заданиями направлялись эти люди. Потом мы возвращались на корабль. Еще затемно мы возвращались в Ки-Уэст или Майами». Монтеро сообщил, что поначалу ему платили 250 долларов в месяц, потом жалование повысили до 275 долларов.

Другой «звездой» гаванского телевидения в тот день стал д-р Клементе Инклан Вернер, в свое время известный кубинский яхтсмен. Он рассказал, что ЦРУ завербовало его в свой ударный отряд «мамбисес». Его обучили обращению с огнестрельным оружием и взрывчаткой, а также изящному искусству тайнописи в школе ЦРУ, расположенной в пригороде Майами. Его жалование составляло 400 долларов в месяц.

Затем эти четверо были преданы суду и приговорены к тридцати годам тюремного заключения каждый. После инцидента с «Рексом» и переполоха, вызванного пресс-конференцией Кастро, полностью разоблаченная группа «мамбисес» исчезла столь же быстро, как и появилась. Кастро выпустил воздух из «пробного шара» ЦРУ.

Передача гаванского телевидения на короткий — пусть и не очень приятный — момент сфокусировала внимание конкурирующих между собой американских газет на кораблях ЦРУ. Журналисты толпами валили в Уэст-Палм-Бич поглазеть на «Рекс». «Корабль периодически

* Пьер Сэлинджер — в упоминаемый период секретарь Белого дома по вопросам печати.

приходит и уходит. Матросов мы не спрашиваем, а они сами ничего не говорят», — заявил управляющий портовыми операциями Сонни Джоудон. Дж. Белчер из «Белчер ойл компани», номинально владеющий кораблем, мог только пробормотать что-то вроде «будь я проклят, если знаю что-нибудь об этом таинственном судне».

«Я не знаю, имеет ли оно отношение к ЦРУ, а если имеет, то какое», — заявил он.

В порту Эверглейдс, где, по словам Кастро, находилась стоянка другого корабля ЦРУ «Леды», репортеры без труда нашли этот выкрашенный в оранжевый и зеленый цвета бывший сторожевик с двумя укрепленными в центре палубы катерами из стекловолокна, хитросплетением сложных антенн и строительным краном, смонтированным на корме, с обвисшим на мачте никарагуанским флагом. «Леда» была зарегистрирована в Грейтауне в Никарагуа как принадлежащая фирме «Лейк кей компани», занимавшейся якобы «океанографическими исследованиями». Капитаном на ней был Гаспар Брукс, брат капитана «Рекса». Официальный представитель порта Эверглейдс жаловался, что сотрудники портовой службы безопасности не допускаются на борт «Леды» даже для самой обычной проверки и что люди с багажом «постоянно садятся на корабль или сходят с него, словно пассажиры коммерческой линии». Но таможенные чиновники их никогда не останавливают, хотя известно, что «они выезжают из страны». «Они могут пронести наркотиков на миллион долларов, а мы и не узнаем», — говорил он.

Доутергейтская склонность свободной американской прессы к собственным расследованиям длилась примерно столько же, сколько лето в Англии. Секретный флот ЦРУ был полностью разоблачен, но желающих воспользоваться сенсационным материалом оказалось немного. Печать так и не осознала подлинных размеров и назначения флота ЦРУ.

Правда, один репортер пытался заняться этим флотом. Репортера звали Эдна Бучэнэн. Она работала в выходящей в Майами-Бич газете «Дейли сан». В Форт-Пирсе Бучэнэн нашла корабль ЦРУ «Вилларо». «Это странное судно, — рассказывал ей приятель одного из моряков с «Вилларо». — Его все время перекрашивают. То корпус у него синий, а палуба — зеленая. То палуба оранжевая, а корпус — серый».

Бучэнэн разыскала еще один корабль ЦРУ, «Эксплуер II», ошвартованный прямо на глазах у всех у одного из причалов в майамском порту. Судно было выкрашено в черную и серую краску, треногая мачта оптических приборов ощетинивалась радиолокационным и другим оборудованием, двигатели постоянно работали на холостом ходу. Корабль резко выделялся среди облупившихся грузовых судов и щеголеватых пассажирских лайнеров. «По его виду и не скажешь, что в море за ним никто не угонится», — сказал журналистке один из морских пограничников.

Бучэнэн удалось установить, что говорящий на испанском языке экипаж «Эксплуера II» насчитывает свыше двадцати четырех человек — намного больше, чем требуется на гражданском судне. Корабль был зарегистрирован в Гондурасе, в списках морской пограничной службы ее владельцем числилась компания «Эксплорейшн» с адресом в Майами-Шорс. «Номер телефона фирмы нигде не значится,— писала Бучэнэн.— Более того, указанного адреса в Майами-Шорс не существует».

Бучэнэн выяснила, что корабль «дважды или трижды в месяц тайком ускользает из гавани и через несколько дней также незаметно возвращается».

Однажды ночью Бучэнэн попыталась расспросить вахтенного на палубе «Эксплуера II». «Он ответил, что не знает, кто владелец корабля, и только покачал головой, когда я спросила имя хозяина, у которого он работает». На следующий день она пришла уже с фотоаппаратом и увидела, что ее саму фотографирует один из членов экипажа. «Этот фотограф заявил, что он связан с Флоридским атлантическим университетом в Боук-Рейтоне», — рассказывала она. На ломаном английском языке он сообщил, что «Эксплуер» является «оceanографическим судном, собирающим образцы морской флоры и фауны».

Владелец причала, которому поступала плата за стоянку этого корабля, словно воды в рот набрал. «Мы имеем дело с одним из посредников в Джексонвиле,— говорил он.— Это все, что я вам скажу». Поиски в Джексонвиле привели к компании «Саусистери шипинг корпорейшн», которая, судя по бумагам, занималась «исследованиями». Это была стандартная «ширма» для военно-морских сил, о которых никто не знал. Все усилия Бучэнэн были, можно сказать, тщетны: редактор вознаградил

ее, сопроводив статью большим и выразительным вопросительным знаком. «Корабль ЦРУ?» — такой заголовок приспособил он к ее материалу, помещенному в газете.

Менее крупные суда флота ЦРУ включали прочные 15-метровые катера типа «Свифт», которые использовались ВМС США во Вьетнаме. Они выполняли самые различные задания: от высадки аквалангистов на Кубу до разбрасывания рулонов фольги с целью ввести в заблуждение кубинские береговые радары. Один из таких катеров был зарегистрирован как принадлежащий фирме «Эйс марин сервей», президентом которой являлся некий агент по рекламе из Нового Орлеана, оказавший услуги таким финансируемым ЦРУ группировкам, как «Друзья демократической Кубы». Любой, кто захотел бы найти «Эйс марин сервей» по указанному майами адресу, обнаружил бы, что фирма находится точно посреди реки Майами. Эта забавная ситуация так заинтересовала обозревателя местной газеты, что он набрал номер телефона компании, значившийся в справочнике. Диалог, долгое время пользовавшийся популярностью у журналистов, начался, когда обозреватель сообщил ответившей ему секретарше, что она находится под водой, и попросил сообщить адрес компании.

Секретарша. Зачем он вам?

Обозреватель. Ну, а где же вы находитесь?

Секретарша. Не знаю.

Обозреватель. А кто-нибудь знает?

Секретарша. Минутку, я спрошу. (Пауза). Здесь никто не знает.

Обозреватель. А как же вы попадаете на работу?

Секретарша. Меня привозят.

III

Три лыжника медленными — а один из них просто неуклюжими — виражами спускались по пологим склонам горы Нью-Хэмпшир. Бобби и Этель Кеннеди совершали одну из своих обычных по уик-эндам лыжных прогулок. На этот раз они взяли с собой человека, который никогда прежде не видел снега.

Шел январь 1963 года. Всего несколько недель назад Мануэль Артиме, любимчик ЦРУ из бригады 2506, находился в тропиках, в тюрьме Модело на острове Пинос. Освобождением Артиме был обязан инициатору этой

лыжной прогулки, лично собравшему миллион долларов выкупа, который выплатил через кардинала Кашина, священника семьи Кеннеди.

Беседа у камина в тот уик-энд велась главным образом о новых способах борьбы против «того парня с бородой», как Кеннеди часто называл Кастро.

С лыжной прогулки Артиме вернулся в Майами полностью реабилитированным лидером эмиграции. Роберт Кеннеди позаботился и о его материальном благополучии. Еще в середине недели Артиме был нищим и жил за счет своей подружки в «Малой Гаване». Теперь с помощью Бобби Артиме получал в ЦРУ полторы тысячи долларов в месяц, выполняя задание по оживлению своего «Движения за возрождение революции». Вскоре «Движение» стало регулярно получать 250 тысяч долларов в месяц на осуществление претенциозной операции под кодовым названием «Вторая морская партизанская война».

Ее целью была организация нападений на торговые суда Кубы и на различные объекты в прибрежной зоне. ЦРУ взяло на себя финансирование и тыловое обеспечение, разведку и общее руководство. Артиме предстояло действовать, в общем, самостоятельно и независимо, по каждой операции утверждать в ЦРУ.

В «Малую Гавану» вновь вернулись добрые старые времена. Боевое знамя «Движения» — золотой трезубец на голубом поле — развевалось перед новой штаб-квартирой. В ней с личной инспекцией побывал генерал Эдвард Лансдейл. В дверь штаб-квартиры стучали рекрутцы, велись розыски ветеранов Залива свиней: военная лихорадка охватила эмигрантскую общину. Бойцы одного из отрядов, проводившие учения в поле, с гордостью заявили любопытным майамским полицейским, что они «готовятся к новому вторжению на Кубу».

После «ракетного кризиса» не могло быть и речи о сколько-нибудь широкой военной подготовке на территории Соединенных Штатов, поэтому Артиме летом 1963 года отправился искать какую-либо латиноамериканскую страну, которая разрешила бы ему создать на своей территории военную базу. Когда Артиме намекнул Луису Сомосе, что ему может понадобиться еще одна база на территории другой страны, участливый никарагуанец связался со своим южным соседом — президентом Коста-Рики Франсиско Орличем. Он объяснил, что Сое-

диппенные Штаты хотят поддержать новую антикастровскую операцию, осуществляемую с территории третьей страны. Орлич не посмел отказать. Всего несколько месяцев назад президент Кеннеди оказал ему высокую честь, посетив Коста-Рику с визитом, во время которого обязался предоставить дополнительную помощь в рамках Союза ради прогресса, подчеркнув при этом необходимость «остановить поток агентов, денег, оружия и пропаганды из Кубы в Центральную Америку».

Два лагеря были устроены в джунглях Коста-Рики на землях, принадлежащих полковнику Вико Старки Хименесу. В Манки-Пойнт, Никарагуа, откуда два года назад бригада 2506 отправлялась в Залив свиней, была создана военно-морская база. Денежные средства поступали окольными путями. Репортер майамской газеты «Геральд» Эл Барт писал:

«Звонит американец и говорит, что определенная сумма положена на счет в майамском банке на определенное имя. «Движение» затем снимало эти деньги с указанного счета. Один из чиновников в Коста-Рике заявил, что чеки, выписанные подлинными американскими фирмами, пересылались, как правило, из нью-йоркских банков по почте. Чиновник вспоминает, что однажды он получил чек на 167 784 доллара в обычном белом конверте с американским штемпелем, но без обратного адреса. Он переслал этот чек, как было договорено, нью-йоркской судоходной компании в уплату за два торпедных катера времен второй мировой войны. В его записях зарегулирована дата выдачи чека -- 19 ноября 1963 года, номер чека, название банка и американской компании. Он говорит, что суммы, на которые поступали чеки, бывали самыми различными, один из них, на сумму 450 тысяч долларов, пошел на приобретение современного военного снаряжения».

Щедрость ЦРУ позволяла «Движению» приобретать все самого лучшего качества: от новейших немецких аппаратов аквалангистов до модного стирального порошка. Произведенное в Соединенных Штатах снаряжение подвергалось «доработке», с тем чтобы скрыть источник, откуда оно поступило; с ранцев парашютов спарывались опознавательные знаки, а на их место пришивались чистые полосы ткани. Большинство оружия закупалось в Западной Германии и доставлялось на баржах через Атлантику завернутым в западногерманские газеты.

Если операция «Движения» сорвется, у Кастро не будет серьезных доказательств обвинить в причастности к ней Соединенные Штаты.

Аналогичными способами был «обезличен» флот, занятый в операции «Вторая морская партизанская война». В него входили два 54-метровых десантно-транспортных судна времен второй мировой войны, «Джоани» и «Санта-Мария», вооруженные 20-миллиметровыми морскими пушками, пулеметами 50-го калибра и безоткатными орудиями. Эти суда плавали под либерийским флагом, но имели на борту целый набор флагов других государств, которыми пользовались применительно к ситуации. ЦРУ также одолжило «Движению» быстроходный бывший морской охотник «Техана II», который использовался для налетов на Кубу до Залива свиней. Среди более мелких судов флота были два катера типа «Свифт».

Осмотр собранного в Манки-Пойнт флота настолько воодушевил генерала Сомосу, что он объявил, что «в ноябре обучаемые нами группы начнут наносить кубинскому премьер-министру Фиделю Кастро кренкие удары». 15 ноября 1963 года первый отряд десантников «Движения», подготовленных на «Ферме» в Вирджинии и на базе «Изолейшн тропик» в Северной Каролине, отбыл на «Джоанне» из Норфолка. Обычно эмигрант может выехать за пределы Соединенных Штатов только с разрешения иммиграционных властей, но для экспедиционных отрядов было сделано исключение. В коста-риканских лагерях под ружьем находилось около трехсот человек (в Майами «Движение» выплачивало их женам жалование и надбавки на детей наличными). Их командиром был грозный Пепе Сан-Роман, ставший неофициальным военным советником Бобби Кеннеди.

* * *

Месяцев за шесть до этого Пепе Сан-Роман встречал в международном аэропорту Майами самолет, прибывший специальным — и к тому же весьма необычным — рейсом из Гаваны. Открылась дверь авиалайнера, и по трапу заковыляли шестьдесят самых тяжело раненных бойцов бригады 2506. Последним по ступеням трапа спустился Энрике «Гарри» Руис-Уильямс из батальона тяжелой артиллерии. И сразу же попал в объятия своего бывшего командира Пепе Сан-Романа, ныне одного из командос

тайной войны. Покончив с воспоминаниями, Сан-Роман позвонил Роберту Кеннеди. Он сказал: «Я бы хотел, чтобы вы встретились с этим парнем, который может рассказать, что за чертовщина там происходит».

Через несколько дней Уильямс и Сан-Роман вылетели в Вашингтон на встречу с министром юстиции. «Я здорово нервничал: еще бы — второй человек в стране, — вспоминает Уильямс. — А когда вошел в кабинет, увидел молодого человека без пиджака, рукава рубашки закатаны, узел галстука распущен». Они понравились друг другу с первого взгляда.

Так же как и Кеннеди, Гарри Уильямс обладал крутым нравом, либеральными взглядами и так же слепо ненавидел коммунизм.

По профессии Уильямс был геологом, образование получил в Соединенных Штатах. Жил он в провинции Орненте, где и установил связи с повстанческими отрядами Рауля Кастро и Че Гевары. Он снабжал их проишантом, динамитом, грузовиками и тракторами. Кубу Уильямс покинул еще до победы революции. Вернулся после бегства Батисты, но уже через несколько месяцев решил, что правительство прибрало к рукам коммунисты. Он посчитал, что самым простым способом покончить с этим будет избавиться от Кастро.

В Заливе свиней, даже когда стал очевиден провал вторжения, Уильямс был полон решимости продолжать бой. «Иди на передовую и корректируй огонь, — приказал он своему подчиненному. — Я хочу, чтобы в истории Кубы было записано, сколько людей мы перебьем сегодня». Едва он успел выговорить эту фразу, как рядом разорвался снаряд. Шрапнель изрешетила все его тело, но, как Уильямс говорил потом Пепе Сан-Роману, «паршивый бык не умирает». Когда бригада обратилась в бегство, Уильямса вместе с другими ранеными оставили в коттедже на берегу моря. На следующий день к ним вдруг пришел Фидель Кастро. Уильямс потянулся к спрятанному под матрацем пистолету. Заметив это движение, Кастро спокойно упрекнул его: «Ты что же, хочешь меня убить?»

«Именно для этого я сюда добирался! — выкрикнул Уильямс. — Три дня мы только и делали, что пытались убить тебя». Кастро распорядился отправить раненых в госпиталь.

Уильямс объяснил Бобби Кеннеди, что его главная забота — освободить и эвакуировать с Кубы пленных бригады 2506. Кеннеди связал его с нью-йоркским адвокатом Джеймсом Донованом и своим помощником Джоном Ноланом, которые вели переговоры с представителями кубинского правительства. Однако переговоры затягивались, а Уильямс все больше и больше сомневался относительно искренности намерений Кеннеди. Несколько раз он получал приглашения в Хикори-Хилл, поместье Кеннеди в Вирджинии, но каждый раз под тем или иным предлогом отклонял их. Согласился погостить в Хикори-Хилл Уильям только после того, как за бригаду был выплачен выкуп.

«Что же так долго не приезжали? Может быть, мы вам не нравимся?» — поддразнила его Этель Кеннеди.

«Я не знал, кем стану вашему мужу — другом или врагом», — ответил Уильямс.

Возвратившиеся из плена солдаты бригады прибыли в Майами накануне рождества 1962 года. Через несколько дней должна была состояться церемония торжественной встречи. Джон Кеннеди получил приглашение, но сомневался, нужно ли ему на ней присутствовать. Один из членов его «ирландской мафии», Кеннет О’Доннелл предупреждал: «Не надо туда ездить. После того, что у тебя было с Кастро, тебе нельзя появляться там и воздавать почести этим мятежникам. Это будет выглядеть так, словно ты намерен поддерживать их следующее вторжение на Кубу».

«Ты абсолютно прав, — согласился Джон Кеннеди. — Я не поеду».

Но он поехал. Когда Пепе Сан-Роман вручал ему боевое знамя бригады, Кеннеди заявил: «Заверю вас, что верну это знамя вашей бригаде в свободной Гаване». Бригада ответила восторженным ревом. Солдаты посчитали, что президент связал себя обещанием.

Однако в секретном плане все выглядело несколько по-другому. Джек Кеннеди вернет знамя солдатам в Гаване, но не обязательно именно этой бригаде. Второе сражение за Кубу братья Кеннеди не собирались проигрывать. Они отберут своих собственных людей, людей Кеннеди, и второй акт кубинской драмы будет разыгран по сценарию Белого дома, а не Лэнгли или Майами.

Так братья Кеннеди думали, но не произносили этого вслух. Они не отвергали услуг всех без исключения контрреволюционных группировок, но за их спиной привлекали к осуществлению упомянутого секретного плана других. С течением времени это приведет к самым печальным последствиям.

Кеннеди обхаживал Гарри Уильямса по высшему разряду. Он рассыпал улыбки, заявляя, что Уильямс избран возглавить вновь формируемые для очередного вторжения на Кубу эмигрантские силы. Почти через пятнадцать лет в беседе с авторами этой книги Уильямс слово в слово вспомнит, что сказал ему Роберт Кеннеди: «Мы выбрали именно вас, поскольку, скажем так, доверяем вам больше всех среди эмигрантов, но в то же время вы должны понять, что руководить будем мы». Уильямс спросил, что это значит. Кеннеди ответил, что интересы Соединенных Штатов и эмигрантов не всегда и не во всем могут совпадать, ведь существуют еще и другие планы, которые нельзя не учитывать при разработке их секретного плана. Но цель у них одна — ликвидация Кастро. Когда президент решит, что час настал, они нанесут удар. А задача эмигрантов — быть наготове. Ни о чем не беспокойтесь, заявил Бобби Уильямсу, «мы сделаем свое дело».

Когда разрабатывались детали вербовки добровольцев из состава бригады, Кеннеди устроил так, чтобы Уильямс был связан напрямую с Сайрусом Вэнсом, тогда заместителем министра обороны США. «В кабинете Бобби состоялось по меньшей мере три или четыре долгих совместных совещания с руководителями бригады и Вэнсом», — рассказывал Уильямс. — На них присутствовал и Джо Калифано, работавший с Макнамарой». Почти половина из вернувшихся солдат бригады вступила в новую «армию», их отправили в Форт-Джексон, штат Южная Каролина. Триста человек, которых прочили на офицерские должности, послали в школу командиров в Форт-Бенninge. Одним из них был Фелипе де Диего, которому накопленный в группировке «Операция 40» опыт помогал исполнять обязанности офицера разведки.

К Уильямсу прикомандировали двух агентов ЦРУ — Говарда Ханта и Джеймса Маккорда — будущих утергейтцев. «Я совсем запутался,— вспоминает Уильямс.— Каждый из них просил меня называть его «Дон Эдуардо». Оба сразу — и Хант, и Маккорд». Хант осуществлял

связь между Уильямсом и Лэнгли, а Маккорд — с ветеранами бригады в Форт-Джексоне. С начала 1963 года у Уильямса состоялись десятки встреч и телефонных переговоров с Хантом и Маккордом. Встречи проводились в Вашингтоне или Нью-Йорке — подальше от падкого на слухи Майами. Обычно эта парочка из ЦРУ заезжала за Уильямсом в отель и увозила куда-нибудь обедать или навещала его в номере поздним вечером. «Странно, как работают эти профессиональные разведчики,— говорил Уильямс о Ханте.— Он никогда не открывался мне, хотя мы частенько выпивали вместе. Но я никогда не доверял ему, а он — мне».

План, разработанный Уильямсом, предусматривал высадку в провинции Ориенте десанта с базы в Доминиканской Республике. Хотя отприску Трухильо пришлось под наjjимом Соединенных Штатов эмигрировать, страна находилась в руках марионетки клана Трухильо президента Хуана Балагера. Провинция Ориенте имела ряд стратегических преимуществ (гористая местность, редкие автодороги, удаленность от Гаваны). Выбор пал на нее, поскольку с точки зрения обороны это для Кастро самая «трудная» провинция. А жизненно важная линия снабжения из Доминиканской Республики будет сравнительно короткой. Таким образом, Уильямс надеялся избежать ошибок и просчетов, допущенных при вторжении в Залив свиней.

IV

В ЦРУ ему присвоили псевдоним Морис Бишоп. Ему было за сорок, рост — свыше 190 сантиметров, вес — более 90 килограммов, волосы темные, высокий лоб изборожден глубокими морщинами, скулы под голубыми глазами усыпаны веснушками. Голос негромкий, спокойный. Одеваться предпочитал в костюмы спортивного покрова. Бегло говорил по-французски, жил по поддельному бельгийскому паспорту. Когда речь заходила о внешней политике Соединенных Штатов, Бишоп удостаивал ее лишь непристойного жеста.

Работая в 1960 году в гаванской резидентуре ЦРУ, Бишоп завербовал ярого контрреволюционера Антонио Весьяну, бухгалтера, который был инициатором неудав-

шегося покушения на жизнь Кастро в октябре 1961 года. После бегства Весьяны в Майами Бишоп снова разыскал его. Под руководством агента ЦРУ Весьяна создал группу «Альфа 66». Название было образовано по первой букве греческого алфавита, что должно было символизировать новое начало, а цифры обозначали число членов-учредителей. Поддерживая связи с ЦРУ, «Альфа 66» считала себя тем не менее автономной. Ее ядро составляли кубинские эмигранты: адвокаты, врачи, бухгалтеры, не примирившиеся с новой властью на Кубе.

«Альфа 66» поставила перед собой долгосрочную цель: проникнуть в кубинский военный и политический истеблишмент и подорвать его изнутри, что, быть может, приведет к восстанию. Шли месяцы, а видимых результатов все не было, к тому же «Альфа 66» обнаружила, что ей придется бороться с конкурирующими группировками за общественное признание и поддержку. Ее соперники предпринимали налеты на Кубу, всякий раз бесстыдно преувеличивая их результаты в коммюнике для печати. «Альфа 66» решила наверстать упущенное.

Первый рейд состоялся 10 сентября 1962 года. Бывший гаванский бизнесмен Тони Кеста провел в предрасветных сумерках свой катер к порту Каибариен на северном побережье Кубы. Экипаж Кесты открыл огонь по первому же попавшемуся на глаза объекту, который оказался дряхлым пароходом «Сан-Паскуэль», вытащенным на берег и установленным на бетонный фундамент,— он использовался как хранилище для патоки. Затем они обстреляли английское торговое судно «Нью-Лайн» и, когда вертолеты таможенной охраны погнали их в открытое море, дали прощальный залп по каботажному судну «Сан-Блас».

Гаванское радио назвало налетчиков «преступниками, вооруженными и оплачиваемыми Соединенными Штатами Америки». 10 октября налетчики из группировки «Альфа 66» высадились на берег в районе Исаибела-де-Сагуа, примерно в 150 милях к востоку от Гаваны, и убили 20 человек.

Обещание оставить Кубу в покое, которое Джон Кеннеди дал Советам, хранили в тайне от эмигрантов, но Морис Бишоп о нем знал. Бишоп, однако, не знал, что Кеннеди не собирался своего обещания сдерживать. Временное затишье после провала операции «Мангуста» он ошибочно истолковал как доказательство того, что американцы

отступились. Он решил нажать на президента, чтобы вынудить его действовать. «Бишоп считал, что Кеннеди и Советы заключили секретное соглашение не предпринимать ничего в отношении Кубы,— признался не так давно Весьяна.— Он продолжал твердить, что нужно заставить Кеннеди принять решение, а сделать это можно было, только загнав его в угол».

Бишоп сознательно выбрал своей мишенью русские суда, надеясь подтолкнуть русских к новому конфликту с Соединенными Штатами. Очередной налет был предпринят 18 марта 1963 года — и снова в районе Исаабела-де-Сагуа.

Два катера с десантниками «Альфы 66» и «Второго фронта» на борту обстреляли стоявшее на якоре торговое судно «Львов», причинив ему серьезные повреждения. Затем они устроили в Вашингтоне пресс-конференцию, на которой вовсю похвалялись своими «подвигами».

Однажды ночью 13-метровая яхта «Алисан» отдала швартовы и отошла от одного из причалов в Майами в направлении Гольфстрима. Взяв там на буксир скоростной катер «Феникс», «Алисан» направилась к островку Ангилла в Карибском море, где были припрятаны 20-миллиметровая пушка и другое оружие.

Днем 27 марта Кеста внезапно приказал выступать. Около одиннадцати вечера на «Фениксе» увидели огни Каибариена. Осторожно пробираясь к гавани, Кеста заметил силуэт русского торгового судна «Баку». Коменддор Рамон Фонт открыл огонь из 20-миллиметровой пушки. Десять снарядов обрушились на мостик судна, прошив борт «Баку».

Результаты подобных провокаций были прямо противоположными тому, что ожидал Бишоп. Джон Кеннеди немедленно сделал ряд примирительных заявлений, имевших целью заверить Советы в том, что соглашение «руки прочь» остается в силе. Для внутреннего потребления он предупредил, что, если налеты будут продолжаться, они «вызовут ответные акции», возможно, против американских судов. У Белого дома появились свои собственные планы в отношении Кастро — всем остальным эмигрантам, по выражению одного из агентов Центрального разведывательного управления, «было велено заткнуться», но не было объяснено почему.

Усилия найти кубинца, способного убить Кастро, возобновились. Тони Вароне не удалось использовать яд. Хотя он снова и снова повторял, что изготовленные в ЦРУ смертоносные пилюли все еще находятся на Кубе в целости и сохранности, его группа из трех человек по-прежнему откладывала свой отъезд, ссылаясь то на одни, то на другие «неблагоприятные обстоятельства». Билл Харви пришел к выводу, что Варона водит их за нос, и приказал Роселли отстранить его от операции.

В то время Роселли жил в роскошном мотеле в Ки-Бискейне. В 1971 году он рассказывал обозревателю Джеку Андерсону, что раздобыл винтовки с оптическими прицелами, но ЦРУ настояло на их замене «улучшенными» бельгийскими штурмовыми винтовками FAL, которые находились на вооружении в кубинской армии, чтобы в случае провала невозможно было доказать, что убийцы посланы из Соединенных Штатов.

Завербованную Роселли группу снайперов расквартировали в укромном местечке Пойнт-Мэри на островке Ки-Ларго. Бредли Айерс, армейский специалист-диверсант, прикомандированный к ЦРУ, вспоминает, что во время ознакомительной поездки весной 1963 года Рип Робертсон доставил его на катере в Пойнт-Мэри, где они остались ночевать. Лидером находившихся там эмигрантов был высоченный кубинец по имени Хулио, который похвастался, что его группы действуют совершенно самостоятельно и независимо. «Однако время от времени,— писал Айерс в своих мемуарах,— человек, которого называли «полковник» Джон Роселли, работавший от штаб-квартиры ЦРУ в Вашингтоне, привлекал эти группы к налетам и другим секретным операциям. Роселли, как и Робертсон, был одним из немногих американцев, которым разрешалось принимать непосредственное участие в акциях десантников на Кубе». В то время Айерс понятия не имел, что лихой «полковник» Роселли из ЦРУ был на самом деле одним из «донов» * мафии.

Характер «других» операций стал ясен Айерсу уже

* «Дон» — так по-итальянски в мафии называли боссов территориальных групп, или, по принятой среди гангстеров терминологии, «семей».

следующим утром, когда он чуть не упал с кровати, внезапно разбуженный винтовочным выстрелом. «Да это наш снайпер тренируется,— объяснил Хулио.— Он стреляет по воронам». К величайшему изумлению Айерса, стрелку удалось с 500-метрового расстояния сбить трех птиц кряду. Хулио не без гордости заявил, что меткий стрелок готовит себя к «встрече» с Фиделем Кастро.

13 марта на Кубу проникла группа из трех убийц. Они оборудовали укрытие для снайпера на территории Гаванского университета и ждали появления Кастро. Буквально за считанные минуты до его прибытия группа была обнаружена и арестована.

Айерс вспоминает, что примерно в это время он с женой пригласил на обед своего армейского друга, также работавшего на ЦРУ, майора по кличке Вес, который оказался необыкновенно разговорчивым. «Вес выпил до того, как пришел к нам,— рассказывал Айерс.— В тот вечер он здорово кутнулся с Джоном Роселли, франтоватым американским агентом, которому была поручена организация покушений на жизнь Фиделя Кастро. Совместная работа крепко их сдружила, и, поскольку Роселли был холостяком, а Вес жил в Майами без семьи, их скрепленная бутылкой дружба была естественным продолжением служебных отношений». Вес рассказал Айерсу, что «готовятся новые попытки убрать Кастро». Страдающий от одиночества вояка тоже не знал, что его дружок в действительности был гангстером.

Роселли рассказывал Джеку Андерсону, что он еще дважды пытал счастье с группами снайперов, но Кастро, казалось, был заговорен. От Боба Пламли, летчика ЦРУ, авторы этой книги узнали много интересного. Пламли несколько раз доставлял Роселли на тихий островок Бимини (Багамы), где тот встречался с бывшим президентом Кубы Карлосом Прио, ветераном ЦРУ Бобом Роджерсом и заместителем полковника Кинга Биллом Карром. Пламли утверждает, что все эти встречи на Бимини имели отношение к еще одной попытке убить Кастро. К берегам Кубы готовилась отправиться очередная частная яхта.

В июне 1963 года яхта «Тор» покинула Мэрессен-Ки и направилась в район провинции Ориенте. Она принад-

лежала другу Карлоса Прио, майамскому промышленнику Элтону Свитингу, который в 1958 году высаживал с нее партизан для того, чтобы поддержать президента, предпринявшего неудачную попытку вернуть себе власть. У штурвала стоял сам Свитинг. На борту находился диверсант ЦРУ по кличке Ковбой (его резиденцией была американская база в Гуантанамо) и отряд десантников «Второго Фронта/Альфы 66».

«Тор» высадила десантников на берег неподалеку от Баракоа и вернулась на Мэресен-Ки. Через две недели Боб Роджерс поручил Пламли «вывезти» отряд с Кубы. Пламли и второй пилот вылетели на DC-3 владельцем которого числилась загадочная фирма под названием «Реджина эйрлайнс», и, следуя обозначенному на врученной им Роджерсом карте курсу, отыскали укромную взлетно-посадочную полосу на Кубе. Там их ждали пятеро, в одном из которых Пламли узнал десантника «Альфы 66» с «Тора». Пламли доставил их на остров Саус-Бимини, где они пересели на яхту «Уинджеммер II» и отправились в Майами. ЦРУ, очевидно, никак не могло отказаться от идеи использования частных яхт.

VI

Во время второй мировой войны немцы изготовили тонны фальшивых английских банкнот, с помощью которых рассчитывали вывести из строя британскую экономику. Военные действия были прекращены до того, как эти банкноты удалось пустить в дело. Экстремист Марио Гарсиа Коули был уверен, что ему удастся подорвать кубинскую экономику тем же способом.

Коули, тощий коротышка, пробился в верха антикастровского движения при помощи Ричарда Никсона, тогда вице-президента. Коули сколотил правительство Кубы в эмиграции и заявил Никсону, что оно пользуется широчайшей поддержкой. Никсон внимательно выслушал Коули, набросавшего в общих чертах свой собственный план вторжения на Кубу под названием операция «Озеро». План произвел на вице-президента столь сильное впечатление, что он призвал ЦРУ к сотрудничеству с Коули.

Ранее ЦРУ отвергало Коули как пустозвона, обладающего необыкновенным самомнением. Однако вмешатель-

ство Никсона вынудило ЦРУ провести с Коули серию встреч. В результате у Коули появились «основания полагать, что благодаря его широкому и хорошо организованному подполью на Кубе» и положению среди эмигрантов ЦРУ сделает его первым человеком в эмигрантском руководстве. Но этого так и не произошло. Коули вечно перечил ЦРУ, к тому же цели его операции «Озеро» во многом совпадали с первоначальным планом вторжения, разработанным в ЦРУ под кодовым названием «Тринидад». Коули со злой говорил, что ЦРУ «украло его идеи», а потом потребовало, чтобы он вошел в «Демократический революционный фронт» — правительство в эмиграции, созданное ЦРУ. Для Коули это предложение было невыносимо оскорбительным. По его мнению, такие типы из «Демократического революционного фронта», как Миро Кардона и Санчес Аранго, бывший министр в правительстве Прио, были «левоцентристскими кастрюльщиками». Коули утверждал, что, когда он отказался, ЦРУ пыталось подкупить его, посулив взятку в 500 тысяч долларов.

С этого момента Коули стал совершенно неуправляемым. Он буквально преследовал каждого, кто, по его мнению, имел доступ в верх администрации Кеннеди, и в конце концов добился, чтобы его выслушал кардинал Кашиング — близкий друг клана Кеннеди. Коули заявил Кашингу, что вторжение ЦРУ на Кубу неизбежно привалится, поскольку им командуют коммунисты и им сочувствующие. Говорят, что священник передал это предупреждение Джону Кеннеди и даже пытался отговорить его от осуществления операции.

После провала в Заливе свиней Коули снял дом на 32-й улице в Джорджаунском районе Вашингтона — недалеко от резиденции Аллена Даллеса. Коули сколачивал новую группировку. На этот раз он назвал ее «Объединенными организациями за освобождение Кубы». Человеку, страдающему манией величия в столь тяжелой форме, как Коули, казалось, что осуществление плана выпуска фальшивых денег нанесет решительный удар по Кубе и приведет его к власти.

Проект изготовления фальшивой валюты подготовил Роберт Морроу, который работал в подставной фирме ЦРУ «Комкор». Как рассказывает Морроу, ему поручили под «крышой» фирмы «Комкор» оказывать помощь организации Коули.

Морроу рассчитывал, что, изготавляя крупные партии фальшивых песо, они не только смогут «стереть кубинскую экономику с лица земли», но и обеспечат подполью Коули на Кубе возможность закупать оружие. Последнее Коули считал просто превосходной идеей. Его руководитель в ЦРУ Эд Кендрикс после соответствующей проверки сообщил, что, хотя их проект и повлечет за собой нарушение федеральных законов, «разрешение» на его осуществление получено. Через несколько месяцев Морроу с гордостью демонстрировал Коули партию безупречных с виду десятиpesовых банкнот, отпечатанных, по его словам, с матриц, которые были изготовлены с помощью искусственных мастеров Гравировально-печатного бюро Соединенных Штатов.

Вскоре Морроу и Кендрикс вызвал генерал Чарльз Кейбел, заместитель директора ЦРУ. Как рассказывал Морроу, Кейбел признался, что ЦРУ «немножко враждует» с Белым домом и порой управлению приходится действовать самостоятельно.

Генерал показал Морроу и Кендриксу копию рукописного меморандума президента, полученного, по его словам, от одного из президентских телохранителей из секретной службы. Морроу утверждает, что запомнил его почти дословно:

«Меморандум министру юстиции

Старайтесь задерживать по возможности всех кубинцев и американцев, занимающихся в настоящее время изготавлением фальшивой кубинской валюты. Как вам известно, пытаясь свергнуть режим Кастро, ЦРУ игнорировало наши прямые указания и поставило нас в политически неловкое положение. Имена всех участников заговора имеются в досье ЦРУ.

Вероятно, вам также следует рассмотреть возможность утечки информации, чтобы дать знать кубинским властям о том, что замышляется план массового выпуска фальшивых денег, способный дезорганизовать кубинскую экономику».

Кейбел заявил, что его предупредили достаточно заблаговременно, чтобы он смог предотвратить аресты. Однако именно в это самое утро он получил донесение от агента из Гаваны: Кастро отдал указание печатать новые денежные знаки. (6 августа 1961 года кубинское правительство на самом деле распорядилось

обменять один к одному все имеющиеся в обращении песо на новые, заявив, что эта мера принята для ликвидации инфляционного бремени «сотен миллионов песо», находящихся за пределами Кубы.) Поэтому придется начать все заново.

— Работу надо довести до совершенства,— подчеркнул Кейбел.— И тогда можно начинать печатать. Я думаю, что мы сумеем выпустить достаточное для более или менее крупной операции количество валюты не раньше сентября 1963 года.

Фальшивые песо печатались в одном из бунгало в Балтиморе, которое уже использовалось для электронных исследований: операция финансировалась ЦРУ посредством липовых контрактов. Однако «Вашингтон обсервер», правая газета, которая следила за «делом» Коули, сообщила о том, что весной 1963 года Морроу выразил Коули свое желание обходиться без помощи ЦРУ. «Морроу заверил, что его жена может гравировать клише новых кубинских денег,— писала «Обсервер»,— но ему нужно 15 тысяч долларов на расходы». Коули достал эту сумму через Луиса Берланти, состоятельного майамского подрядчика, имевшего на Кубе кое-какую собственность, отобрранную у него после революции.

Видимо, в этот момент правительство решило устроить ловушку. Некий адвокат из Мэриленда, громогласно рекламировавший желание помочь группировке Коули, твердо заявил ему, что изготовление фальшивых песо не является противозаконным, если они будут использованы исключительно для подрыва режима Кастро. Он даже вызвался свести Коули с владельцем типографии из Нью-Йорка, который мог бы печатать банкноты. В июне 1963 года Коули и Морроу прибыли в Нью-Йорк на встречу с типографом Уильямом Мартином. На обратном пути Морроу обронил: «Это самый странный печатник, которого я когда-либо видел. Полагаю, вы заметили, что он носит пистолет?»

Вечером 16 августа Луис Берланти и его сын Фред вылетели с аэропорта в Майами в своем сине-белом самолете «Бич бонanza», указав в полетном маршруте в качестве пункта назначения Сент-Питерсберг. И исчезли. Через несколько дней их трупы обнаружили в озере Окичоби к северу от Майами; были найдены также обломки самолета. Причина катастрофы так и осталась неустановленной.

Естественно, поползли слухи о диверсии. Лагерь Коули раскололся на тех, кто считал, что это дело рук агента Кастро, и тех, кто был уверен, что бомбу замедленного действия в самолет Берланти подложил агент Кеннеди с тем, чтобы лишить их источника финансовых средств.

2 октября капкан захлопнулся. Морроу закончил работу над клише трехпесовых банкнот и переправил их с курьером в Нью-Йорк Коули. Коули договорился о встрече с Уильямом Мартином в номере одной из гостиниц, но, как только вручил тому клише, Мартин объявил, что он является агентом секретной службы и что Коули арестован. Одновременно агенты секретной службы в Балтиморе задержали Морроу и его жену. Всем троим было предъявлено обвинение в заговоре с целью изготовления фальшивой валюты иностранного государства. Коули заявил репортерам, что в его планы входил нелегальный ввоз на Кубу 50 миллионов фальшивых песо.

Супруги Морроу в связи с чистосердечным признанием получили условное наказание. Коули отказался признать себя виновным и был приговорен судом к тюремному заключению сроком на два года. Подав апелляцию и будучи отпущенными под залог до ее рассмотрения, он перешел на нелегальное положение и продолжал вести свою частную войну. Через девять месяцев он сдался властям, затем подал прошение о сокращении срока заключения. В суде у него оказался могущественный друг в лице Ричарда Никсона, который 9 марта 1965 года писал судье Эдварду Уэйкфилду, что Коули, имеющему «добрую репутацию», и его группе Соединенные Штаты «оказывали поддержку и помочь в их усилиях свергнуть кубинское правительство, а такие усилия должны были быть тайными и порой противозаконными». Будущий президент — отец закона и порядка — настоятельно призывал судью принять во внимание эти «исключительные обстоятельства».

Коули отсидел всего девять месяцев, после чего был досрочно освобожден Линдоном Джонсоном.

VII

Паулино Сьерра Мартинес, чикагский адвокат, появился в Майами весной 1963 года. Высокий, одетый с иголочки Сьерра приглашал по очереди лидеров эмиграции в роскошные гостиничные апартаменты и предлагал свою

поддержку. Он заявил, что говорит от лица «американских заинтересованных кругов» — при этом делались туманные намеки на коллегию адвокатов и американских банкиров,— которые могли бы ссудить эмигрантскому движению финансовые средства, притом огромные. Все, что требуется от отдельных лидеров эмиграции,— это объединиться вокруг временного правительства Кубы. Во главе его в качестве президента встанет Карлос Прио, а он, Паулино Сьерра Мартинес, станет генеральным секретарем.

Майамская колония эмигрантов Сьера не знала. При диктатуре Батисты он был помощником одного из кубинских сенаторов. В 1960 году Сьера эмигрировал в Майами и зарабатывал на жизнь преподаванием дзюдо и переводами с испанского, французского, итальянского и английского языков. Затем предпримчивый Сьера перебрался в Чикаго, где вступил в коллегию адвокатов Иллинойса и стал работать в юридическом отделе фирмы «Юнион тэнк кар компани», крупного железнодорожного перевозчика. Он также основал кубинскую коллегию адвокатов, филиал в эмиграции.

10 марта в «Чикаго трибюн» появилась статья о том, какое влиятельное положение занимает Сьера в иллинайских кругах кубинских эмигрантов. На следующий день к Сесару Бланко, президенту основанной Сьерой кубинской коллегии адвокатов, обратился некто из Лос-Анджеlesa и спросил, сколько потребуется денег на разработку программы освобождения Кубы. Неизвестный заявил, что помочь окажет «невадская группа». Он даже предложил Бланко пост шефа полиции Кубы. В донесении ЦРУ, основанном, возможно, на информации Бланко, указывается, что это предложение поступило от «боссов игорного бизнеса с Запада» и что Сьера упоминал первоначальный капитал в размере 10 миллионов долларов в обмен на права содержания казино.

В мае Сьера вновь приехал в Майами — с еще более заманчивыми предложениями. Он заявил лидерам кубинской эмиграции, что чикагские покровители готовы выложить 30 миллионов долларов. Чтобы произвести впечатление, Сьера запросто бросался названиями таких гигантских корпораций, как «Юнайтед фрут», «Эссо», «Стандард ойл», «Дюпон», «Юнайтед стил компани»... Сьера сообщил также, что высшие офицеры армии и флота обеспечат его оружием для учебно-тренировочных

лагерей в одной из латиноамериканских стран, где будет готовиться вторжение на Кубу.

В июне чикагское отделение ФБР допросило Сьерру. Никаких доказательств того, что Сьерра располагает хоть сколько-нибудь жизнеспособной организацией, агентам ФБР обнаружить не удалось. ФБР пришло к выводу, что Сьерра просто-напросто мошенник, и закрыло свое досье на него. Шаг этот оказался преждевременным.

Помимо гангстеров, нашлись и другие заинтересованные лица, которые строили определенные планы в отношении Кубы. Вскоре после допроса в ФБР Сьерра сидел в кабинете вице-президента «Юнион тэнк кар компани» Дж. У. Ван Горкама. Здесь же был и шеф Сьерры Уильям Браудер, юрисконсульт фирмы. Адвокат-кубинец доложил, что его «хунта», как он теперь называл свое правительство в эмиграции, быстро приобретает организационные формы.

Боссы выразили желание, чтобы их компания приняла участие в усилиях по свержению правительства Кубы. Они заявили, что Сьерра, сколачивая свою «хунту», будет и в дальнейшем получать в компании жалованье. Более того, «Юнион тэнк кар» берет на себя обязательство оплачивать расходы Сьерры по переездам и на личные нужды. Впоследствии Браудер заявил в ФБР, что, хотя он и не знал, кто именно финансирует Сьерру, он настаивал, чтобы фонды «хунты» находились под его личным контролем во избежание возможных обвинений в злоупотреблении. Браудер отказался назвать точную сумму, которая таким образом попала под его контроль, но заявил, что она была «значительной».

Сьерра поспешил в Майами сколачивать свое эмигрантское правительство. Он заручился твердым согласием Карлоса Прио и обещанием сотрудничества со стороны Хосе «Пепина» Боша, представляющего фирму—производителя знаменитого рома «Бакарди». Он также получил письменные согласия от разнообразных контрреволюционных группировок, в том числе от «Движения 30 ноября», «Второго фронта/Альфы 66», «Коммандос Л*» и воинственного «Повстанческого движения за возрождение революции» во главе с Орландо Башем.

* *Л* — начальная буква английского слова «liberation», что значит «освобождение».

Затем Сьерра отправился в Никарагуа, чтобы упросить генерала Луиса Сомосу предоставить одну из военных баз, потом — в Колумбию, чтобы вести переговоры об использовании острова Андрес у карибского побережья, потом в турне по восточным городам США для встреч с потенциальными попечителями. Его расходы по переездам превысили 11 тысяч долларов.

После этого Сьерра начал вооружаться. Он заказал оружие в иллинойском магазине Рича Лоучли, где его получил Стив Уилсон, инструктор «Интерпена». В Детройте на приобретение оружия Сьерра выбросил 7 тысяч долларов и вызвал Денниса Харбера, чтобы тот помог доставить его в Майами. Сьерра даже заказал в калифорнийской компании двухместную подводную лодку.

С ребятами из «Интерпена» Сьерра познакомился через «министра внутренних дел» временного правительства Карлоса Родригеса Кесаду, который к тому моменту уже был связан с Джерри Хеммингом, лидером этой контрреволюционной группировки. Сьерра предложил затем «Малышу» Джо Гармэну, члену «Интерпена», 11 тысяч долларов за то, чтобы тот возглавил налет на провинцию Ориенте. Это должно было стать частью его величественных планов завоевания популярности при помощи шумных рейдов в качестве подготовки к настоящей войне.

Во время частых наездов в Майами Сьерра признавался доверенным кубинцам, что, несмотря на дымовую завесу болтовни о помощи американских корпораций, главную поддержку он получает от игорного синдиката, жаждущего возобновить свою деятельность в Гаване. Капиталовложения такого рода были весьма предусмотрительным шагом со стороны мафии. Альянс мафия — ЦРУ все еще продолжал свои террористические акции, и если Кастро будет убит, а его режим падет, то образуется вакuum власти, который может заполнить «хунту» Сьерры. Тот факт, что выбор Сьерры пал на Карлоса Прио в качестве главы государства, едва ли мог вызвать возражения у гангстеров. Прио был близким другом Джозефа Меролы, «лейтенанта» * Габриэля «Келли» Маннарино, который в свое время продал гаванское казино «Сан-Суси» Сантосу Траффиканте.

* «Лейтенант» — по принятой в мафии терминологии, глава группы рядовых гангстеров, или «солдат».

К осени 1963 года Сьерра развернул такую кипучую деятельность, что все чуть не кончилось плачевно. Деньги текли сквозь пальцы, но видимых результатов не было. Министр иностранных дел «хунты» Мануэль Лоса-ио Пино возмущился и подал в отставку, как он выразился, из-за расточительного расходования средств, а также в связи с привлечением таких левых группировок, как «Второй фронт/Альфа 66». Изгнанный Сьеррой «военный координатор» Хильберто Родригес Фернандо навестил Ван Горкама и Браудера и настаивал на их подчиненного.

Сьерру вызвали на ковер в Чикаго. Браудер, изучив счета, обвинил его в том, что он промотал около 50 тысяч долларов. Он приказал Сьерре передать все оставшиеся у того деньги и имущество «Второму фронту/Альфе 66». Однако Сьерра все же остался в центре плетущихся в Майами интриг. «Хотя с марта 1963 года он постоянно трется среди эмигрантских лидеров в Майами,— указывается в меморандуме ЦРУ, написанном за два дня до убийства президента Кеннеди,— его источники средств к существованию и действительные цели остаются загадкой. Возможно, его таинственные попечители обеспечивают ему в настоящее время достаточные средства для того, чтобы продолжать энергичную деятельность».

VIII

Катер V-20 мчался на randevu с кораблем-маткой, стоявшим на якоре милях в семи от Исламорады в группе островов Флорида-Кис. «Наш рулевой-кубинец искусно развернул катер и подошел с подветренной стороны, затем подвел его под нависший корпус вздымавшегося над нами корабля,— вспоминает капитан армии США Бредли Айерс.— Нас окружала непроглядная тьма. Через борт сбросили грузовую сеть. Мы вскарабкались по ней и через холодный скользкий леер перебрались на палубу модифицированного минного тральщика времен второй мировой войны».

Заработали корабельные дизели, и тральщик помчал на Кубу отряд десантников с заданием, которое только этим утром было утверждено специальной группой в Вашингтоне. На севере переливался разноцветными сполохами Майами, в районе судоходного фарватера Гольфстрема виднелись ходовые огни большого танкера.

Для тайного флота ЦРУ это было пробное плавание. Шел июнь 1963 года. Несколько дней тому назад Джон Кеннеди одобрил резкую эскалацию тайной войны. ЦРУ еще только предстояло приспособить «Рекса», «Леду» и другие свои корабли к службе в Карибском море. Тральщик плавал под коста-риканским флагом и был зарегистрирован как спасательное судно. На его носу и корме установили 40-миллиметровые пушки и два пулемета 50-го калибра. Ходовая рубка была забита новейшими навигационным оборудованием и аппаратами связи.

Тральщик направлялся к заданной точке в трех милях от северо-западного побережья Кубы в районе Баия-Онда, неподалеку от Гаваны. Группа десантников состояла из немногочисленных ветеранов существовавшего под эгидой «Кубинского революционного совета» отряда, который под командованием Рипа Робертсона безуспешно пытался вскоре после Залива свиней совершить налет на медные рудники Матаамбре. Предполагалось, что они доберутся до берега на надувных плотах и закопают в условленном месте четыре контейнера для скрывавшихся на Кубе диверсантов. На тральщик они рассчитывали вернуться следующей ночью.

Район Баия-Онда находился под усиленной охраной, но капитан тральщика «располагал информацией о часто меняющихся маршрутах и расписании береговых патрулей менее чем 24-часовой давности. Он также знал точное расположение мощного берегового прожектора и огневых точек в районе, куда должен был проникнуть отряд». Об этом рассказал капитан Айерс, откомандированный с должности офицера армейского учебно-тренировочного лагеря на авиабазе Эглин в распоряжение ЦРУ, где он должен был обучать кубинских эмигрантов.

Предполагалось, что в ожидании возвращения десантников тральщик в течение суток будет циркулировать в международных водах. Когда тральщик подкрадывался к берегам Кубы, Айерс заметил еще одно судно, меньших размеров, сверкающее сигнальными мигалками. Это было быстроходное 22-метровое вахтовое судно, первоначально предназначенное для челночной перевозки смен нефтяников, работающих на морских буровых установках. Его владельцем числилась подставная нефтяная компания в Делавэре. Предполагалось, что судно занимается морской разведкой на нефть и картографическими изы-

сканиями. На самом деле в его задачу входило отвлекать на себя кубинские патрульные катера в то время, когда тральщик будет высаживать, а потом принимать на борт десантников.

Поначалу все шло хорошо. Сверкая ослепительными огнями, завывая двигателями, судно-приманка дефилировало на границе кубинских территориальных вод, а в это время в нескольких милях от него минный тральщик готовился к высадке десанта. «Корабль был погружен в полную тьму — освещение выключили, мерцал только жутковатый красный отблеск аварийных фонарей», — рассказывал Айерс. Десантники натянули темную одежду, нахлобучили бейсбольные шапочки или фуражки.

«Двое из них взяли по рюкзаку: в одном был провизант, в другом — специально сконструированная портативная мощная радиация. С ее помощью они могли переговариваться с кораблем-маткой и даже, при оптимальных условиях, с радиостанциями ЦРУ, расположенными в различных районах бассейна Карибского моря. У командира отряда под мышкой висела кобура с пистолетом 45-го калибра, десантники были вооружены стандартными автоматическими винтовками М-3, каждый имел по четыре обоймы. Со снаряжения были удалены все фабричные знаки и этикетки».

Каждый десантник имел особый набор, в который, помимо кубинских денег, входила «специальная капсула, содержащая быстро и безболезненно действующий яд». ЦРУ поощряло самоубийство как альтернативу пленению.

Десантники высадились без всяких происшествий. На следующий день тральщик и судно-приманка устроили свой «научно-исследовательский спектакль». К полуночи десантники не возвратились. Только спустя два часа их надувные плоты вышли в зону встречи в километре от берега. И тут их настиг луч берегового прожектора. Воду всиороли очереди из крупнокалиберного пулемета. Одному плоту удалось добраться до тральщика. Второй был расстрелян и затонул. Экипаж тральщика подобрал нескольких оставшихся в живых, и корабль скрылся.

Капитан тральщика радиировал в JM/WAVE и получил разрешение пересадить спасенных десантников и Айреса на судно-приманку, которое ходило под американским флагом. Затем полным ходом помчался в Коста-Рику.

Несмотря на тяжелые потери, задание было выполнено. После того как судно-приманка благополучно прибыло на остров Сток-Айленд, ЦРУ обеспечило «утечку» информации с тем, чтобы детали операции стали известны «Кубинскому революционному совету». Результат этого можно было предсказать заранее. «Кубинский революционный совет», еле сводящий концы с концами без субсидий, аннулированных администрацией Кеннеди, ухватился за возможность присвоить себе честь успешной акции по доставке оружия.

Эмигранты, которых держали в неведении, так и не догадались, что Кеннеди вел с ними двойную игру. На следующий день газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что рекламная пожальба «Кубинского революционного совета» поразила Уолл-стрит припадком «カリбского страха», акции на бирже резко упали.

Бредли Айерс представился высокому кубинцу по имени Мартинес (однофамилец Эухенио Мартинеса), встретившему его у двери ветхого деревянного строения рыбообрабатывающей фирмы в Тампе, под своим псевдонимом: Дэн Уильямс из «Шереген эир сервies». Мартинес пригласил его наверх, в квартиру, выходящую окнами на гавань. Там Айерс, как его проинструктировали в JM/WAVE, передал кубинцу потертый чемодан. Пока Мартинес открывал чемодан и доставал из него стопки бумаг и пачки денег, армейский капитан разглядывал пришвартованные под окнами лодки. Внезапно он узнал их: штурмовые катера ЦРУ V-20, тщательно замаскированные под рыбакские суденышки. Рыбообрабатывающая компания служила «ширмой» для тайной военно-морской базы.

«Не желаете остаться на кубинский ужин? — улыбнулся Мартинес.— Здесь написано, что вам разрешается поехать с нами на рыбалку завтра ночью, если вам еще не Раехотелось».

В ответ Айерс улыбнулся. Он-то думал, что в Тампе ему предстоит всего лишь короткая остановка во время перелета на авиабазу Эглин, где он должен был осмотреть новый самолет. А этот приказ оказался лишь предлогом для того, чтобы он вылетел из Майами, не зная истинного пункта назначения. После рейда минного тральщика три недели назад ЦРУ убедилось: кораблю-матке

слишком опасно подходить к берегу так близко, чтобы десант мог добраться до него на надувных плотах. В ЦРУ решили попытать счастья с быстроходными катерами V-20, которые легко уходили от кубинских патрульных катеров и располагали достаточным радиусом действия, чтобы самостоятельно вернуться на острова Флорида-Кис.

Айерс возглавлял группу инструкторов, преподававших эмигрантам ускоренный курс судоходства. Учебная база располагалась в старом особняке на острове Линдемэн-Ки, известном более как «Логово пирата», который был передан Университету Майами, в свою очередь сдавшему его в аренду ЦРУ. Лабиринт узких заросших каналов представлял идеальное укрытие для катеров V-20.

Айерс не был удовлетворен ходом обучения. Он хотел пойти на V-20 в рейд на Кубу, чтобы посмотреть на своих подопечных в деле. Он досаждал своим начальникам в JM/WAVE просьбами разрешить ему участвовать в боевых действиях вместе с кубинцами. ЦРУ не могло уступить требованию Айерса открыто, поскольку это противоречило бы всем правилам и было бы слишком рискованно для «правдоподобно опровергаемого». Однако ЦРУ нашло окольный путь выполнить его просьбу.

Они отбыли из Тампы на двух крупных траулерах, принадлежащих рыболовной компании. На борту находился тот же самый отряд десантников, который в свое время привлекал к своей операции Джонни Роселли. Четыре катера V-20 тянулись за траулерами на буксире. «В подтверждение нашей легенды о коммерческой рыболовной экспедиции,—рассказывал Айерс,—мы дважды в день метали огромные сети и вытаскивали под скрежет лебедок множество угрей, скатов, акул и других причудливых морских рыб, которых сваливали в трюм».

Траулеры потихоньку продвигались к востоку вдоль береговой линии Кубы, пока не достигли точки в двенадцати милях от Исадела-де-Сагуа. В эту ночь десантники погрузились в три катера V-20. Айерс и Мартинес, одетый в крикливую гавайскую рубашку и бермудские шорты, сели в четвертый.

Миниатюрная армада промчалась мимо застигнутого врасплох патрульного катера, который стерег вход в гавань, но затем два V-20 один за другим налетели на коралловые рифы, сидевшие в них десантники попадали в

воду. К счастью, повреждения оказались незначительными, катера остались на ходу, и рейд был-таки осуществлен. На следующий день Фидель Кастро объявил о пленении после морского боя катера с эмигрантскими налетчиками. Кастро имел в виду рейд Мартинеса. Трем другим V-20, включая и катер с Айерсом на борту, удалось скрыться после того, как десантники повредили железнодорожный мост и линии телефонной связи.

Рейд подтвердил эффективность катеров V-20. Они остались целы, после того как налетели на коралловые рифы, они превосходили кубинские патрульные катера в скорости, могли преодолевать значительные расстояния.

Военно-морской флот ЦРУ быстро набирал силы. Находящиеся в плавании корабли ЦРУ становились на стоянку на острове Сток-Айленд, где ЦРУ располагало огромным складом.

Флот катеров V-20 и подобных им небольших быстроногих судов расширялся, и ЦРУ устроило ремонтную мастерскую на 117-й улице в Южном Майами.

«В течение всего нескольких часов,— рассказывал Айерс,— они могли превратить стандартный катер любой конструкции, изготовленный для широкого потребления, в боевой корабль. После переделки катера красили и маскировали под обычные рыбакские или прогулочные суденышки».

«Масштабы и разносторонность программы превзошли все ожидания Айерса. Людские резервы, военное оборудование, огромные полигоны для обучения и тренировок,— отмечал Айерс,— могли бы сделать честь крупной операции на любой военной базе. Самое поразительное, что мы все это проделывали в полной тайне в гуще очень оживленной городской общине».

К лету 1963 года военно-морской флот ЦРУ достиг состояния боевой готовности, JM/WAVE будоражили слухи о том, что предстоят большие дела. Так оно и было.

IX

Сидя за бутылкой, Джонни Роселли и Билл Харви как могли утешали друг друга. Все «удары» гангстера прошли мимо цели, у него просто опускаются руки. Агента ЦРУ также отстранили от дела — сместили с поста шефа

«особой кубинской группы W» за его проделки во времена «ракетного кризиса». Оба не стеснялись в выражениях и кляли на чем свет стоит Бобби Кеннеди. Проводимая Кеннеди кампания против организованной преступности была нацелена сейчас на Сэма Джанкану и его подручных, включая Роселли. ФБР усилило слежку за Роселли, и вот сейчас ничего не подозревающие Роселли и Харви также находились под наблюдением.

Когда в досье ФБР легло донесение о том, что агент ЦРУ и гангстер пьянистуют вместе, Сэм Пейпич, осуществляющий связь между ФБР и ЦРУ, предупредил Харви о том, что в самое ближайшее время Эдгару Гуверу станет известно об альянсе ЦРУ и мафии. Внешне Харви воспринял это предостережение совершенно спокойно. Он только попросил Пейпича дать ему знать, намерен ли Гувер сообщить о полученных сведениях Джону Маккоуну. В то же время он постарался убедить Дика Хелмса оставить Маккоуна в неведении — во всяком случае, до тех пор пока руководитель ФБР сам не захочет просветить его.

Гувер не стал ничего сообщать Маккоуну, по крайней мере прямо. Старая мудрая бюрократическая сова, Гувер уже с давних пор с отвращением воспринимал сам факт существования ЦРУ, функции которого он когда-то хотел заполучить, и не упускал ни одного шанса публично ему досадить. ФБР поэтому позаботилось об «утечке» информации, попавшей в руки репортера чикагской газеты «Сан-Таймс» Сэнди Смита, «доброго делового знакомого» ФБР. 16 августа Смит, ссылаясь на «источники в министерстве юстиции», предал гласности существование связей между Сэном Джанканой и ЦРУ. Видимо, ничего не подозревавший о террористическом характере зданий Джанканы, Смит писал, что тот не принимает никакого участия в разведывательной деятельности, но прикидывается помощником ЦРУ только «в надежде, что при помощи этой уловки — мнимого сотрудничества с правительственной организацией — ему удастся если не ослабить, то хоть как-то повлиять на стремление министерства юстиции упрятать его за решетку».

Разразился скандал. Негодование вызвал не факт существования непривлекательного альянса, а утверждение автора статьи, что гангстер дурачит ЦРУ. Маккоун вызвал Хелмса для объяснений. Новоиспеченного директора ЦРУ ждал еще один удар. Хелмс представил

единственный экземпляр меморандума полковника Эдварда Роберту Кеннеди от мая 1962 года, создававшего ложное впечатление, что ЦРУ уже тогда отказалось от территористических планов. Так Маккоун впервые узнал о том, что его управление связано с мафией соглашением об убийстве. «Н-да,— только и вымолвил Маккоун, считая, что проект был похоронен еще до того, как он вступил на пост,— но все это происходило не при мне».

Хелмс не стал возражать. Он не стал рассказывать еще об одном — совершенно особом — плане убийства Кастро, разработанном уже после того, как Маккоун был назначен директором ЦРУ.

Джеймс Донован, нью-йоркский адвокат, который в свое время вел переговоры об освобождении пленных из бригады вторжения, и помощник Роберта Кеннеди Джон Нолан, прикрывая глаза от беспощадного карибского солнца, наблюдали за плывущим к яхте бородатым ныряльщиком, который показывал им крупную рыбу, нанизанную на гарпун. Это был Фидель Кастро, приехавший на подводную охоту на пляж Варадеро к востоку от Гаваны, где обычно проводил свой досуг. Неподалеку медленно кружил патрульный катер.

Было начало апреля 1963 года. Донован и Нолан возобновили челночную дипломатию, выступая от имени 24 американцев (в том числе троих внештатных сотрудников ЦРУ, задержанных за установкой подслушивающей аппаратуры в помещении китайского информационного агентства Синьхуа в 1960 году), которые все еще находились в кубинских тюрьмах. Нолан знал, что ЦРУ «осуществляет что-то вроде программы» против Кастро: разведывательные донесения, упоминающие о налетах десантников, часто проходили через его руки, к тому же Гарри Уильямс наведывался к нему всякий раз, когда приезжал в Вашингтон на встречи с агентами ЦРУ. Однако ни Нолан, ни Донован и не подозревали, что ЦРУ намерено вслепую использовать их в качестве «болванов» в осуществлении фантастического замысла убить их гостеприимного хозяина.

Замысел был плодом озарения, постигшего Десмонда Фитцджеральда, только что сменившего Билла Харви на посту шефа «особой кубинской группы W». Дес Фитц, как его обычно звали, закончил юридический факультет

Гарвардского университета, во время второй мировой войны служил в УСС в Китае. Вскоре после поступления на работу в одну из юридических фирм был приглашен в ЦРУ и в 50-е годы возглавлял секретные службы на Дальнем Востоке.

Фитцджеральд был естественным кандидатом на пост руководителя «Кубинского проекта» на той стадии, когда братья Кеннеди всерьез взялись за его осуществление. На Востоке он заслужил репутацию человека решительных действий, не подкачал Фитц и сейчас. Он сразу же пришел к выводу о необходимости убить Кастро.

Фитцджеральд предложил начинить взрывчаткой какую-нибудь экзотическую раковину, подложить ее на пляж Варадеро и взорвать с помощью дистанционного управления, когда Кастро будет находиться поблизости от нее. Отдел технической поддержки ЦРУ отверг идею как практически неосуществимую. Тогда Фитцджеральд вспомнил кое-что из классической литературы — о греках, дары приносящих. Доновану и Нолану отводилась роль эллинов поневоле. Костюм для подводного плавания был обработан изнутри грибком, вызывающим хроническое кожное заболевание, а баллоны со сжатым воздухом заражены туберкулезной палочкой. Снаряжение намечалось подсунуть Доновану, который вручит его Кастро в качестве дружеского дара. От плана пришлось отказаться, поскольку, как указывала сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов в 1975 году, ничего не знаяший об этих планах «Донован по собственной инициативе подарил Кастро другой костюм для подводного плавания».

* * *

7 сентября Фидель Кастро присутствовал на приеме в бразильском посольстве в Гаване. Он отозвал в сторону Дэниела Харкера из американского информационного агентства Ассошиэйтед Пресс и предупредил об опасности, которой чреваты «террористические планы ликвидации кубинских руководителей».

Телеграмма Харкера, цитировавшего Кастро, повергла мозговой трест ЦРУ в смятение. Ведь буквально в этот же день от бразильской резидентуры ЦРУ поступило донесение, в котором говорилось отайной встрече

в Сан-Паулу с Роландо Кубелой, кубинским правительственным служащим, агентом ЦРУ. Кубела заявил, что готов предпринять попытку покушения на жизнь Кастро в качестве первого и необходимого шага к перевороту. Было ли предостережение Кастро в бразильском посольстве сигналом о том, что он знает о встрече в Сан-Паулу? Не двойник ли Кубела?

Майор Роландо Кубела после падения Батисты вошел в Гавану во главе вооруженных отрядов студенческого «Директората». Он рассчитывал получить высокий пост в революционном правительстве. Но его патрон Карлос Прио был отстранен от дел, самого же Кубелу перебрасывали с одного второстепенного поста на другой—пока не назначили представителем Кубы в Международном союзе студентов. Такое унижение было непереносимо для его чрезмерного самолюбия. К 1961 году Кубела был готов к измене и бегству.

Однако у ЦРУ была идея получше. Имея доступ к Кастро, Кубела мог получать весьма ценные сведения о режиме. Он мог бы также организовать переворот и стать в этом случае большим человеком в новом правительстве. Кубела дал себя уговорить. Ему присвоили кодовую кличку Амлэш.

После принятого в июне 1963 года решения об эскалации тайной войны ЦРУ вновь поставило на Кубелу. После встречи в Сан-Паулу руководитель Кубели в ЦРУ сообщил ему, что выдвинутое им предложение об убийстве и перевороте рассматривается на «самом высшем уровне».

В общем, так оно и было, но лишь в узкоограниченном кругу в Лэнгли. Дик Хелмс был «за», так же как и Десмонд Фитцджеральд. С Маккоуном не советовались. Против — и весьма решительно — выступал шеф контрразведки, считавший, что неумеренное пьянство и болтливость Кубели представляют серьезную угрозу сохранению тайны.

Утечка секретной информации уже имела место. Осведомитель ФБР доносил из Майами о встрече Кубели с агентами ЦРУ, называя ее точное место и время. Эти сведения, по-видимому, поступили к нему от одного из эмигрантов, который был другом Кубели еще с детских лет. Даже учитывая, что ФБР считалось «дружественной» организацией, серьезное нарушение секретности было налицо. Как указывалось в докладе сенатской ко-

миссии, друг Кубелы был связан «с антикастровскими эмигрантами и преступными элементами, которые устроили учебный партизанский лагерь в Новом Орлеане». Определить, насколько широко распространилась эта информация и в чьи еще руки попала, было невозможно.

Поскольку ФБР не сочло нужным уведомить ЦРУ о возникшей проблеме, Хелмс и Фитцджеральд сообщили Кубеле, что все в порядке и он может приступить к осуществлению своего плана. Однако предатель-кубинец, вероятно не доверявший обещаниям ЦРУ, настаивал на встрече лично с Бобби Кеннеди. О подобном свидании не могло быть и речи. Выход нашел Хелмс: на встречу с Кубелой отправится Фитцджеральд — в качестве «личного представителя» Кеннеди. Спрашивать согласия Кеннеди нет нужды: он уже открыл им «зеленую улицу».

Они встретились 29 октября в Париже, где кубинец находился по делам Международного союза студентов. Фитцджеральд без тени смущения заверил Кубелу в том, что министр юстиции от имени правительства Соединенных Штатов одобрил проект. Кубела потребовал оборудовать на Кубе тайник с оружием, доставить туда гранаты и дальнобойную винтовку. Потом, словно спохватившись, попросил разработать какое-нибудь техническое устройство, чтобы убийство Кастро не стоило бы ему, Кубелу, его собственной жизни.

X

Затевалось что-то серьезно: Бредли Айерс почувствовал это по царящей в JM/WAVE напряженной атмосфере. Он терялся в догадках, пока ехал по дороге Тэймайами-трейл в глубь национального парка Эверглейдс. Шофер-кубинец из ЦРУ был нем как рыба. ЦРУ, по всей видимости, не пожалело усилий, чтобы держать Айерса в неведении как можно дольше. Все, что было сказано в полученных им инструкциях,— это прибыть в летнюю школу в аэропорту Тэймайами. Там он должен был ждать автомобиль с условленным номером. За ним приехал вот этот самый сидевший за рулем кубинец, который за те два часа, что они были в пути, не проронил ни слова.

Уже сгущались сумерки, когда шофер свернул с шоссе на грунтовую дорогу, тянувшуюся вдоль канала. Там ждала летающая лодка. Через полчаса гидросамолет

совершил посадку на небольшом водоеме. На берегу стоял знак: «Охотничий лагерь «Уоллус глайдс». Частная собственность. Проход воспрещен».

Перед Айерсом открылась поляна, на которой стояли два сборных цельнометаллических домика казарменного типа. В тени приютились два вертолета. Один—военный «Белл Н-13» с заклеенными регистрационными номерами, другой — гражданский, на его хвостовой балке значилось: «Уэст-Палм-Бич эйр сервис». К нему навстречушли двое. Это были Гордон Кемпбелл, заместитель шефа JM/WAVE, отделения ЦРУ в Майами, и министр юстиции Соединенных Штатов.

Айерс уже однажды встречал Роберта Кеннеди—на коктейле, устроенном JM/WAVE после того, как в июне была утверждена широкая программа действий против Кастро. Очевидно, Кеннеди прилетел сюда из фамильного владения в Уэст-Палм-Биче для того, чтобы проинспектировать ход подготовки в лагере, устроенном в болотах Эверглейдс. Он пожал Айерсу руку и пожелал ему успешного выполнения задания. Айерс все еще не понимал что к чему. Потом Кеннеди забрался в гражданский вертолет и улетел.

Кемпбелл пригласил Айерса в дом, ярко освещенный фонарями. Стол был завален картами, схемами, бумагами. «Только что получили сверху разрешение на осуществление операций, которые мы разрабатывали»,—сообщил ему Кемпбелл. Разрешено было, в частности, использовать двухместные подводные лодки для нападения на кубинские суда, стоящие в гавани. Предполагалось, что в этих налетах примут участие некоторые аквалангисты Айерса. Готовятся также воздушные десанты, сказал Кемпбелл, и группа Рипа Робертсона собирается отбыть для тренировок на авиабазу Эглин. Айерсу надлежит ускоренными темпами довести до конца подготовку отряда из двенадцати десантников, которым в середине декабря предстоит палет на одно из главных нефтеперерабатывающих предприятий. «Поймите, управление не может допустить, чтобы эта операция провалилась,—втолковывал Кемпбелл Айерсу.—На вас смотрят все, начиная с президента и специальной группы.—Это первый объект, нападение на который они разрешили после стольких месяцев наших уговоров. Если мы нанесем Кастро пару таких ударов, как этот, его режим падет... а именно этого и ждет президент».

Они принялись изучать планы нефтеперерабатывающего завода, полученные от его бывших американских владельцев. Кемпбелл выложил также фотоснимки объекта, нелегально доставленные с Кубы, и последние материалы аэрофотосъемки нужного им района, произведенной самолетом U-2. Операция представлялась более сложной, нежели предыдущие налеты. Корабли-матки подойдут к объекту на милю и спустят на воду три катера V-20. Под прикрытием темноты одно подразделение десанта высадится на берег, прокрадется по длинному пирсу, который поддерживает трубопровод, предназначенный для разгрузки танкеров, и бесшумно снимет часовых. Инфракрасным сигнальным фонарем они подадут знак оставшимся V-20 причалить к пирсу. Затем десантники дадут залп из минометов по ярко освещенным башням крекинга и нефтехранилищам, в результате чего произойдет мощнейший взрыв. Прежде чем отступить, они установят мины замедленного действия на пирсе и нефтепроводе.

План был изучен вплоть до мельчайших деталей и одобрен Бобби Кеннеди.

То, что министр юстиции Соединенных Штатов, советник президента по юридическим вопросам, человек, определяющий политику администрации, шлепает по болотам и при свете фонаря водит пальцем по карте военных действий, может быть, и выглядит нелепо. Но именно в этом весь Роберт Кеннеди, который, как говорил бывший заместитель государственного секретаря Джордж Болл, был «очарован всей этой секретной мурой». Именно в этом суть Роберта Кеннеди, который, объявив войну организованной преступности, любил раскатывать по улицам Нью-Йорка в патрульных автомобилях ФБР. Он был столь же преисполнен решимости ускорить конец Кастро, что и мафия. Самому прочувствовать акцию, лично воодушевить войска полностью соответствовало складу его души.

Для Джека Кеннеди рейды сулили определенные политические выгоды в ходе предстоящей борьбы за голоса перед выборами 1964 года. История повторялась. В 1960 году Джон Кеннеди, используя Кубу, шел в наступление, а у Никсона, посвященного в тайну готовящегося вторжения, были связанны руки. Теперь же Никсон, лидер республиканцев, и выдвинутый кандидатом в президенты Барри Голдуотер шествовали с высоко поднятой головой, используя против Кеннеди такие трескучие

фразы, как «советский плацдарм» и «экспорт революции Кастро». Куба определенно станет главным вопросом предвыборной борьбы, и рейды могли бы значительно укрепить политические позиции Кеннеди.

Программа была близка к началу осуществления. Флот ЦРУ уже действовал в Карибском море. Мануэль Артиме завершал в Центральной Америке подготовку к операции «Вторая морская партизанская война». Гарри Уильямс сновал между Майами и Вашингтоном, утрясая последние детали, связанные с его передовыми штурмовыми отрядами, базирующимиися в Доминиканской Республике. Они будут введены в действие тогда, когда все усиливающиеся налеты настолько обострят ситуацию на Кубе, что революционное правительство утратит контроль над событиями.

В то же время Белым домом проводилась еще одна секретная операция, от которой ЦРУ было сознательно отстранено. Она представляла собой альтернативное решение кубинской проблемы, которое его инициатор Макджордж Банди называл «особым путем».

Идея «особого пути» впервые оформилась в апреле предыдущего года, когда Банди представил постоянной группе по Кубе Совета национальной безопасности меморандум, в котором предлагал «возможные новые направления» американской политики, в том числе и шаги «в направлении постепенного достижения определенного компромисса с Кастро». В начале июня специальная группа также сочла, что было бы полезно изучить «различные возможности установления каналов общения с Кастро». Но через две недели президент распорядился активизировать диверсионную деятельность, тем дело и закончилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗАГАДКА КЭМП-СТРИТ, 544

«Теперь я окончательно осознал, что, лишь обладая полномочиями президента, можно раскрыть тайну смерти моего брата».

*Роберт Кеннеди,
3 июня 1968 года, за
два дня до того, как он
был смертельно ранен*

I

Справедливости ради, а вовсе не для того, чтобы подорвать репутацию Нового Орлеана как центра развлечений Юга США, следует отметить, что летом 1963 года для постоянных читателей новоорлеанской «Таймс-Пикэюн» ее сообщения были, в общем-то, невеселые. Страницы газеты заполняли материалы о новом курсе Джона Кеннеди в области гражданских прав, который в целом не встречал одобрения в этом городе, и телеграммы о ходе переговоров о контроле над вооружениями между Вашингтоном и Москвой.

Однако 1 августа в первом выпуске «Таймс-Пикэюн» появилась-таки заметка на местные темы, но имеющая международное значение, которая, на первый взгляд, могла внести оживление. Заголовок гласил: «Захвачен тайник с компонентами для бомб». В своем предварительном заявлении по этому поводу ФБР указывало, что обыск и конфискация упомянутой нелегальщины были предприняты в связи с ведущимся расследованием заговора с целью «осуществить военную операцию против страны, с которой Соединенные Штаты живут в мире». Радость читателей была существенно омрачена, когда из последующих выпусков газеты стало ясно, что речь идет о Кубе.

Накануне агенты ФБР обыскали розовый коттедж в малонаселенном курортном районе к северу от озера Поншартрен и конфисковали более тонны динамита, двадцать корпусов 100-фунтовых* авиабомб, множество взрывателей, все необходимые компоненты для изготовления напалма.

* Фунт — 453,6 г (англ.).

Шеф новоорлеанского отделения ФБР Гарри Мейнард, брюнет с квадратным подбородком и расчесанными на прямой пробор прилизанными волосами, изложив эти сухие факты, наотрез отказался от каких-либо комментариев. Он не будет обсуждать вопрос о том, являлась ли объектом заговора Куба. Он не желает сообщить, будут ли произведены аресты. Для этого у него имелись серьезные основания, поскольку ФБР уже освободило подозреваемых преступников, водворив их в родную среду обитания — в шпионское болото ЦРУ.

То, что мишенью была Куба, выяснилось после беседы журналистов с женой хозяина коттеджа Уильяма Джгулиуса Маклейни, бизнесмена, имевшего в прошлом прямое отношение к игорному бизнесу в Гаване. Миссис Маклейни рассказала, что они с мужем уступили на время свою летнюю резиденцию недавно прибывшему в Новый Орлеан кубинцу по имени Хосе Хуарес. Она лично не знакома с Хосе Хуаресом. Сдав коттедж, они оказали «услугу друзьям», которых знали с добрых старых времен в Гаване. Что же касается людей, с которыми мог быть связан мистер Хуарес, то миссис Маклейни прямо заявила: муж «такой добряк, он не задавал никаких вопросов».

В импровизированном бомбохранилище ФБР задержало одиннадцать человек, которых затем освободило без предъявления каких бы то ни было обвинений. В состав «поншартренской сборной», отпущенной ФБР, входил и Сэм Бентон, посредник между заправилами игорного бизнеса и кубинскими эмигрантами, связанный с гангстерами.

В 50-е годы Бентон работал в гаванских казино и называл себя «торговцем латиноамериканскими товарами» — в том числе и такими, что не фигурировали ни на одной бирже. В показаниях сенатской комиссии по расследованию рэкета* его характеризовали как «торговца фальшивой валютой, американской и иностранной, замешанного в купле-продаже ценных бумаг, как ворованных, так и имеющих прямое отношение к... игорному бизнесу в Майами».

Другим лицом, которого ненадолго побеспокоило ФБР, был Рич Лоучли. Один из основателей фанатичной

* *Рэкет* — одна из форм шантажа и вымогательства, широко используемая гангстерами.

группировки «Минитмен», Лоучли в свое время спабжал оружием временное кубинское эмиграционное правительство, созданное Паулино Сьеррой в Чикаго.

Это правительство финансировали гангстеры. Остальные задержанные ФБР были в основном кубинцами. Таинственного гостя миссис Маклейни, мистера Хуареса, так и не нашли.

События на озере Поншартрен показали, что в ходе тайной войны самые воинственные эмигранты, считая, что Кеннеди их предал, начали обращаться к мафии и правым экстремистам в США за поддержкой, а также к ЦРУ, которое оказалось им большую помощь.

Поншартренский заговор был гораздо шире, чем пытался его представить Мейнард из ФБР. К его раскрытию привела целая цепь событий, начавшихся в Майами. Тогда, 14 июня, осведомитель ФБР донес «о планах группы кубинских эмигрантов взорвать нефтеперерабатывающий завод компании «Шелл» на Кубе». На следующий же день агенты таможенной службы, очевидно уведомленные ФБР, нагрянули на заброшенный аэродром к югу от Майами как раз в тот момент, когда двухмоторный самолет «Бичкрафт» готовился принять на борт две 250-фунтовые бомбы, 300 палочек динамита, 55 галлонов напалма, большое количество гранат и винтовки M-1. Возле самолета суетился Бентон и еще четверо из тех пяти кубинцев, которых впоследствии застигли врасплох в коттедже Маклейни. Их задержали, но ненадолго.

Сообщения об этом рейде тоже попали в газеты. Как писала майамская «Геральд», пилот прилетел из другого штата. По пути в «одну из дружественных центрально-американских стран» он собирался сбросить парочку бомб на промышленный комплекс на Кубе. В донесении ФБР из Майами в штаб-квартиру от 3 октября 1963 года указывалось: «Установлено, что деньги и взрывчатку для этой операции предоставил Майк Маклейни». Майк Маклейни — бывший управляющий в одном из гаванских казино. Бентон являлся связником Маклейни.

19 июля осведомитель ФБР сообщил что «существует новый план бомбардировки Кубы начиненными динамитом оболочками авиабомб, хранящихся на окраинах Нового Орлеана». Эта информация и была той нитью, которая привела ФБР к коттеджу Маклейни. После ареста заговорщиков поспешно эвакуировался близлежащий

учебный лагерь эмигрантов, о котором ФБР, по всей видимости, ничего не знал. Лагерь по просьбе новоорлеанского отделения «Кубинского революционного совета» организовали за год до описываемых событий Джерри Хемминг и Фрэнк Стерджис.

Во время рейда ФБР учебный лагерь под предлогом подготовки охранников для лесопилки в Гватемале занимала группировка «Христианская демократическая движение». Впоследствии военный руководитель «Христианского демократического движения» Лауреано Батиста признался окружному прокурору Нового Орлеана, что в действительности курсантов готовили для устроенной ЦРУ военно-морской «партизанской» базы Мануэля Артиме в Гватемале.

А вообще лагерь использовали различные правоэкстремистские группировки эмигрантов: «Директорат», «Движение 30 ноября», «Повстанческое движение за возрождение революции» — все, кого взял под крылья Павлино Сьерра со своим недолговечным, связанным с гангстерами времененным правительством. В 1976 году специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов установила, что руководство лагерем «осуществляли те же самые лица, которые были причастны к приобретению динамита, конфискованного ФБР», — имеются в виду Лоучли, Сэм Бентон и его кубинцы-контрреволюционеры, которые переместились из хижающей группировки «Трипл А» в набирающее силы «Повстанческое движение за возрождение революции». Эту группировку возглавлял доктор Орландо Бош, бывший педиатр, разделявший крайне правые взгляды; даже майамскую «Геральд» он считал местной «Дейли уоркер»*. До Залива свиней боевики «Повстанческого движения», обученные в ЦРУ искусству диверсий, проникали в горы Эскамбрай. Всем необходимым их снабжал Фрэнк Стерджис, совершивший на катерах рейды на Кубу.

В то время, как другие эмигрантские лидеры стремились быть в центре внимания, Бош старался держаться в тени. Особенно тесно он был связан с группировкой «Операция 40», отличавшейся особой жестокостью. Быст-

* «Дейли уоркер» — под таким названием в упоминаемый период выходила газета «Дейли уорлд» — орган Компартии США.

ро убедившись, что ЦРУ не полностью и малоэффективно использует возможности эмигрантов, Бош открыто восстал в 1963 году, когда ЦРУ урезало состав участников его важнейшей операции по впредрению на Кубу, оставив в группе всего пять человек. «Мы согласны, если пошлете с нами свою мамашу», — заявил он своему шефу в ЦРУ.

Свои операции Бош проводил совместно с «Интернациональной антикоммунистической бригадой» Фрэнка Стерджиса. Всего Бош и Стерджис совершили одиннадцать воздушных налетов на Кубу, первый из которых состоялся 25 апреля, когда были сброшены бомбы на нефтеперерабатывающие заводы «Шелл» и «Эссо» близ Гаваны. Этот инцидент газета «Нью-Йорк таймс» назвала «первой бомбардировкой после Залива свиней». Однако облавы ФБР на флоридском аэродроме и озере Поншартрен насторожили Боша. Он решил держаться подальше от правительства, обрушающегося на своих. Бош объявил, что отныне «Повстанческое движение» будет осуществлять воздушные налеты силами трех двухмоторных самолетов с площадок одной из стран Латинской Америки, «ничего не имеющей против». Позже бывший летчик «Повстанческого движения» Карл Дэвис внес ясность: этой страной была Гватемала. Там, где-то в джунглях на огромном участке в полмиллиона акров*, принадлежащем компании «Юнайтед фрут», была расчищена взлетно-посадочная полоса.

Командовал авиацией у Боша друг Стерджиса, который одновременно выполнял по контракту задания ЦРУ. Этот приятель Стерджиса набрал летчиков, выплачивая им по две тысячи долларов за полет (С Боша же он брал по четыре тысячи), и самолично выбирал цели: авиабазу в Санта-Кларе, нефтехранилище близ Касильды, крупный сахарный завод. Бошу надлежало также доставать самолеты, и это ему влетало в копеечку. Никто не знал, откуда у него деньги. Кое-какие средства Бош получал от временного правительства Паулино Сьерры и его попечителей — боссов игорного бизнеса, но их было явно недостаточно, чтобы Бош сохранял постоянную боевую

* Akr — 0,4 га.

форму. Некоторое время считали, что деньги дает Карлос Прио, открыто поддерживавший Боша.

В конце концов стало известно, что главным попечителем является Г. Хант из Далласа. Хант был благодетелем бесчисленных правых группировок. Тони Весьяна вспоминал случай, когда его связник из ЦРУ Морис Бишоп вызвал его в Лас-Вегас. «Мы сидели в гостиничном номере, и Бишоп зачем-то вышел,— рассказывал Весьяна.— В его раскрытом чемоданчике я увидел бумагу с описанием всего, что мы делаем, наших планов, контактов, деятельности отрядов командос в Техасе. На бумаге значилось «Для Г. Х.». В Техасе был один такой миллионер, весьма консервативный. И я подумал, что Бишоп, сам крайне правых взглядов, вероятно связан с этим миллионером. Порой мне приходило в голову, что он работает с Говардом Хьюзом (который к тому времени еще не переехал в Лас-Вегас)». Во время судебного процесса над группой Боша была воспроизведена магнитофонная запись телефонного разговора, в котором Бош намекнул, что его финансирует мистер Хант.

Орландо Бош представлял собой загадочную фигуру, закулисного манипулятора, то и дело покидавшего страну со смертельно опасными заданиями. Многие из партнеров Боша погибли или насильтственной смертью, или при невыясненных обстоятельствах. Среди них был Алекс Рорк. 30 сентября он вылетел из аэропорта Форт-Лоудердейла в южном направлении. С ним в его бело-голубом двухмоторном «Бичкрафте» находились летчик Джоффри Салливан и кубинский эмигрант. В полетном листе Рорк указал курс на Панаму, хотя же сказал, что летит в Никарагуа на встречу с генералом Сомосой по важному делу. Позднее ходили слухи, что он выполнял задание Боша.

Через несколько часов «Бичкрафт» приземлился на мексиканском острове Косумель у берегов полуострова Юкатан для заправки горючим. Затем взлетел — и бесследно исчез. Никто так никогда и не узнал, что случилось с Рорком. До Фрэнка Стерджиса дошли слухи, что самолет сбили кубинские ВВС. Джерри Хемминг убежден, что пассажир-кубинец был агентом-двойником, который угнал самолет на Кубу. Существует версия, согласно которой Рорк — анонимный осведомитель, донесший ФБР об экспедиции «Вайолинн III», о готовившемся на флоридском аэродроме воздушном налете

на Кубу, о тайнике оружия на озере Поншартрен — короче, о всех заговорах, подготовленных Бошем. Бош каким-то образом узнал об этом, считают сторонники этой версии, и отправил Рорка в последний полет.

Среди многих загадок озера Поншартрен остается еще одна: почему ФБР, которое в других случаях беспрекословно выполняло приказ Джона Кеннеди не щадить нарушителей закона о нейтралитете США, освободило одиннадцать заговорщиков, более того, пыталось скрыть сам факт их задержания. Чтобы ответить на этот вопрос, следует выяснить, что за связь существовала между летним коттеджем Маклейни и близлежащим учебным лагерем эмигрантов, с одной стороны, и закоптелым административным зданием в деловом центре Нового Орлеана — с другой.

II

До выхода в отставку в 1955 году въедливый и раздражительный Гай Бэнистер был шефом чикагского отделения ФБР. Он не отвечал обычным представлениям о сотрудниках этого учреждения. В наплечной кобуре под пиджаком носил длинноствольный револьвер, позволял себе дерзкие высказывания о начальстве («бюро и уголовники давным-давно живут в адольтере»). После выхода в отставку служил в полиции Нового Орлеана, откуда был уволен за стрельбу в баре. Тогда он открыл частное детективное агентство по адресу Кэмп-стрит, 544.

Одни из его бывших сотрудников так описывал бизнес Бэнистера: «Гай принимал участие во многих антикоммунистических переворотах в Южной и Центральной Америке; был причастен к антикоммунистическим выступлениям в Латинской Америке, которые поддерживало правительство Соединенных Штатов».

В период вторжения в Залив свиней Бэнистер сотрудничал с представителем Нового Орлеана в «Кубинском революционном совете» Серхио Аркачой Смитом, в свое время служившим в дипломатическом корпусе Батисты. По весьма благоприятному стечению обстоятельств контора Аркачи помещалась прямо напротив агентства Бэнистера в том же вестибюле дома № 544 по Кэмп-стрит. В целях получения пожертвований от англосаксонской общины Аркача учредил «Крестовый поход за освобождение Кубы». А на паях с Бэнистером, но из

тех же высоких побуждений сколотил организацию «Друзья демократической Кубы». По словам Рони Кэйра, исполнявшего в то время при Аркаче обязанности координатора по связям с общественностью, «Друзья демократической Кубы» — это «организация, которую сколотили ФБР и ЦРУ. «Друзья» осуществляли перевозку людей и материалов на Кубу и обратно».

Адрес «Кэмп-стрит, 544» фигурировал в планах отвлякающего удара во время вторжения в Заливе свиней. Снаряжение, находившееся на борту «Санта-Аны», было поставлено Аркачой и Бэнистером. За неделю до ее отплытия Аркача и два агента ЦРУ, Дэвид Ферри и Гордон Ноувел, забрали его из бункера компании «Шламбергер уэлл сервисиз» на окраине Нового Орлеана. Впоследствии Ноувел описывал бункер как «перевалочную базу ЦРУ для снаряжения, предназначенного к использованию во время провалившегося нападения в Заливе свиней». После этого снаряжение временно хранилось дома у Ноувела и Ферри и в агентстве Бэнистера. Близкий друг Бэнистера вспоминал, что видел там множество деревянных ящиков с маркировкой «Шламбергер». «Пять или шесть ящиков были вскрыты,— рассказывал он.— В них лежали гранаты для гранатометов, противопехотные мины и еще какие-то снаряды, каких я прежде и не видывал. Когда кто-то из знакомых предупредил Бэнистера о возможных неприятностях из-за хранения боеприпасов, Бэнистер заявил: «Ничего, все в порядке», у него есть разрешение от кого-то. Он сказал, что все эти штуковины останутся только на ночь, а потом их заберут. Его, мол, попросили подержать их недолго одни ребята, связанные с кубинским делом».

Миссия «Санта-Аны» провалилась, когда самозваные повстанцы перетрусили и отказались атаковать американские войска, что должно было создать предлог для широкомасштабной интервенции со стороны Соединенных Штатов. После Залива свиней Бэнистер активизировал свою подпольную деятельность. В его агентство на Кэмп-стрит частенько наведывался полковник Орландо Пиедра, бывший шеф тайной полиции Батисты, наводивший на окружающих ужас. Возможно он был связан с «Операцией 40». Пиедро и Буш часто обсуждали планы убийства Кастро. Как вспоминал эмигрант, присутствовавший на одной из встреч Бэнистера с Пиедрой, обсуждалось предложение «вспрынуть отравляющее вещество

в вентиляционные каналы системы кондиционирования воздуха в гаванском президентском дворце и прикончить всех его обитателей».

Джерри Милтон Брукс, в прошлом член группировки «Минитмен», затем политический советник Бэнистера, рассказывал, что бывший сотрудник ФБР стал координатором деятельности «Минитмен» в Луизиане. Бэнистер сотрудничал также и в «Карибской антикоммунистической лиге», организации, деятельность которой поощрял никарагуанский генерал Сомоса. «Карибская антикоммунистическая лига» влилась в международную «семью», которая вела свой род от «Антикоммунистической лиги азиатских народов», созданной по инициативе тайваньских лидеров. В эту «семейку» входили также пробатистовская «Антикоммунистическая лига Кубы» и базировавшаяся в Чикаго «Антикоммунистическая лига Америки». Соратник Бэнистера, новоорлеанский адвокат Морис Гэтлин, был юрисконсультом «Карибской антикоммунистической лиги» и вместе с близким другом Ричарда Никсона Альфредом Колбергом входил в руководство «Всемирной антикоммунистической лиги». Ее филиалы занимались пропагандистской и лоббистской деятельностью и активно сотрудничали с разведывательными органами своих правительств.

Бэнистер не скрывал своих расистских взглядов. Он издавал грязный погромный листок под названием «Луизиана интеллидженс дайджест», в котором клеймил движение за гражданские права как вдохновляемое коммунистами и обрушился на Джона Кеннеди за его «розовую» поддержку «черных». Бывший шеф чикагского отделения ФБР располагал разветвленной сетью юных осведомителей в ряде университетских городков штата Луизиана. Бэнистер похвалялся, что собрал самое подробное досье «антикоммунистических разведывательных данных» на всем Юге. Джерри Брукс регулярно переправлял добытую Бэнистером информацию в новоорлеанское отделение ФБР, которое подшивало ее в свои досье.

Летом 1963 года на улицах деловой части Нового Орлеана появился бывший морской пехотинец с аккуратной короткой стрижкой по имени Ли Харви Освальд, который раздавал прохожим прокастровскую литературу. На одной партии брошюра был проштемпелеван обратный

адрес: «„Комитет за справедливость для Кубы“, Луизиана, Новый Орлеан, Кэмп-стрит, 544». По этому адресу, на углу Кэмп-стрит и Лафайет-стрит, находилось обветшавшее здание, на первом этаже которого разместился ресторан «Манкусо». На втором этаже располагалось помещение «Кубинского революционного совета», пынне пустующее: год назад Аркача отбыл в Техас после скандала из-за невесть куда пропавших денег из фонда «Совета». На этом же этаже помещалось детективное агентство Бэнистера. Правда, хитрец Бэнистер в целях секретности предпочитал пользоваться угловым расположением дома и указывал свой адрес как «Лафайет-стрит, 531».

Как же объяснить то противоречивое обстоятельство, что Освальд получал левую литературу в логове правых экстремистов на Кэмп-стрит? Недостающим звеном между Освальдом и правыми экстремистами являлся Дэвид Уильям Ферри, в свое время агент ЦРУ, который помогал в перевозке военного снаряжения из бункера Шламбергера и был весьма тесно связан с Гаем Бэнистером. Бывший новоорлеанский окружной прокурор Джим Гаррисон, склонный к преувеличениям, однажды назвал Ферри «одним из самых важных людей в истории». Бессспорно лишь то, что Ферри был одним из самых странных людей в истории. Как мотылек на свет, Ферри бросался в любую антикоммунистическую авантюру. В 1950 году он предложил свои услуги BBC США, заявив: «Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем рвать на клочки каждого чертового русского, коммуниста, красного или кого там еще». Пилот авиакомпании «Истерн эйрлайнс» Ферри стал командиром учебной эскадрильи. В 1956 году под его командование попал юнец по имени Ли Харви Освальд. На фотографии подразделения Ферри запечатлен мрачноватый Освальд в мундире и фуражке.

Ферри уже давно принимал участие в антикастровской деятельности. Еще в 1959 году он совершал воздушные бомбардировки, за которые ему платил бывший кубинский конгрессмен Эладио дель Валле, сколотивший состояние на контрабандной торговле в сотрудничестве с Сантосом Траффиканте, одним из видных боссов мафии. Поражение в Заливе свиней глубоко потрясло Ферри. Он никак не унимался, утверждая, что ЦРУ провалило вторжение, и частенько набрасывал на грифельной доске схемы боевых

действий, объясняя своим соседям по комнате, в чем были допущены ошибки. Как рассказывал его коллега по «Истерн эйрлайнс», Ферри постоянно твердил, что его преследуют «коммунисты», стремящиеся с ним расправиться.

Вскоре после Залива свиней Аркача Смит написал капитану Эдди Рикенбекеру, президенту «Истерн эйрлайнс» письмо. В нем он давал высокую оценку деятельности Ферри по чистке инакомыслящих, которой тот занимался в «Кубинском революционном совете». Аркача настоятельно просил Рикенбекера предоставить пилоту длительный оплачиваемый отпуск с тем, чтобы тот смог «завершить свою работу». Надобность в отпуске отпала, поскольку «Истерн эйрлайнс» уволила Ферри, обнаружив, что он гомосексуалист. Гай Бэпистер летал в Майами, чтобы замолвить за него словечко во время служебного расследования.

После этого Бэпистер взял Ферри в свое детективное агентство. Талантами Ферри обладал разносторонними: медик-дилетант, специалист по классической греческой филологии, подзaborный адвокат. Одним из клиентов Ферри был Карлос Марчелло, главарь новоорлеанской мафии. В 1961 году иммиграционная служба депортировала Марчелло в Гватемалу. Но в феврале 1962 года ему удалось проскользнуть обратно в Соединенные Штаты. «Малыш», как называли низкорослого Марчелло, в декабре 1963 года должен был предстать перед судом, и Ферри помогал готовить защиту на процессе.

Когда на озере Поншартрен открылся эмигрантский учебный лагерь, Ферри стал там инструктором. Своим приятелям он рассказывал, что обучает кубинских «партизан» и летает на Кубу и обратно, перевозя «пассажиров». А однажды обмолвился, что «под руководством морской пехоты Соединенных Штатов» обучает группы по пять человек каждая «тактике партизанской войны для акций на Кубе».

5 августа, всего через пять дней после облавы ФБР на озере Поншартрен, Освальд появился в магазине, принадлежащем Карлосу Бриньери, местному представителю эмигрантского студенческого «Директората», который помогал «Христианскому демократическому движению» эвакуировать своих курсантов из учебного лагеря. Освальд заявил Бриньери, что «служил в морской пехоте и хотел бы обучать кубинцев воевать против Кастро».

При этом разговоре присутствовал приятель Брингьера, вспоминавший потом, что Освальд хвастался тем, что «знает кое-что о партизанской войне... Он заявил, что больше всего ему понравилось учиться взрывать мосты».

Поэтому Брингьер глазам своим не поверил, когда через несколько дней столкнулся на улице с Освальдом, совавшим прохожим прокастровскую литературу. Последовала перебранка, а затем и драка. Оба были арестованы за нарушение общественного порядка.

После драки Мануэль Гил, занимавшийся в «Кубинском революционном совете» связями с общественностью, организовал 21 августа знаменитый радиодиспут между Освальдом и Брингьером, в ходе которого Освальд объявил: «Я — марксист». Через три месяца после убийства Кеннеди, эти слова будут воспроизведены по радио и прозвучат на всю страну.

Джордж Хиггенботэн, один из секретных агентов Бэнистера, вспоминает, как однажды, когда он стал поддразнивать босса за то, что тот делит кров с людьми, засоряющими улицы левой литературой, Бэнистер одернул его: «Спокойно, один из них — мой человек».

В 1979 году специальная комиссия палаты представителей установила, что Джек Манкусо, владелец ресторана, над которым располагалось детективное агентство Бэнистера, частенько кормил Освальда и Бэнистера — оба были завсегдатаями. А Делфайн Робертс, секретарша Бэнистера, заявила в специальной комиссии палаты представителей в 1978 году, что «несколько раз видела Освальда в конторе Бэнистера, а впервые встретила его там летом 1963 года, когда он пришеланиматься на работу». И вряд ли можно объяснить случайным совпадением тот факт, что Освальд получил работу в «Рейли коффи компани», находившейся менее чем за квартал от агентства Бэнистера. Управляющим в «Рейли коффи» был бывший агент ФБР.

Среди служащих «Рейли коффи» Освальда выделяло только одно: он постоянно отсутствовал. В конце июля его уволили, и он тут же приступил к своим проповедям на улицах, хотя вскоре отказался от обратного адреса «Кэмп-стрит, 544» в пользу нового почтового абонементного ящика, снятого под вымышленным именем. В конце августа его видели в Клинтоне, штат Луизиана. Освальд стоял в очереди, чтобы принять участие в кампании регистрации голосов, проводившейся в этом районе «Конгрес-

сом по расовому равенству». В числе шестерых, видевших там Освальда, были член законодательного собрания штата Ривс Морган, заместитель шерифа и регистратор голосов, которые обратили на Освальда внимание, поскольку он приехал в огромном черном автомобиле. С ним, утверждают свидетели, были Дэвид Ферри и Клэй Шоу из Нового Орлеана. Последний известен своими давними связями с ЦРУ.

Любые сомнения в том, что Освальд намеренно предпринял мистификацию в Новом Орлеане, демонстративно щеголяя своими левыми взглядами, были развеяны показаниями Делфайн Робертс в специальной комиссии палаты представителей и ее подробным рассказом британскому журналисту Энтони Саммерсу, автору недавно выпущенной книги «Заговор».

Ей было известно, что ее босс получает деньги от ЦРУ и что он руководит сетью молодых агентов. Когда появился Ли Освальд и заполнил «бланк агента», а потом долго беседовал с Бэнистером за закрытой дверью, у нее создалось впечатление, будто эти двое давно знают друг друга. После этого Освальд частенько наведывался к Бэнистеру. Вместе с Дэвидом Ферри он ездил в учебный лагерь на озере Поншартрен «поупражняться с винтовкой». Поэтому Робертс была потрясена, когда увидела на улице Освальда, раздающего проакастровскую литературу. «Он с нами,— успокоил ее Бэнистер.— Он из нашей конторы». Робертс поняла. «Я ведь имела представление о таких вещах, как шпионаж и контрразведка,— заявила она,— и сознавала их важность».

Освальд вторгся в смертельно опасный мир. Он разыгрывал проакастровскую пантомиму по антиакастровскому сценарию, который создали агенты разведки и гангстеры.

В «Директорате» относились к Ли Харви Освальду с подозрением. Полагали, что он старается внедриться в его ряды. Одного из помощников Брингьера отрядили с заданием проникнуть в «ячейку» Освальда. По мнению вернувшегося помощника, никакого отделения «Комитета за справедливость для Кубы» у Освальда не существовало и в помине. «Директорат» считал, что для действительного сторонника Кастро Освальд ведет себя весьма странно: предлагает свои услуги в качестве убий-

цы главы кубинского правительства, похваляясь, будто может подстрелить любого. Так, он упоминал, что его возможной мишенью будет Джон Конноли, в то время морской министр США. Потом в «Директорате» узнали, что Освальд получил какие-то деньги и исчез.

На самом же деле Освальд был на пути в Мехико. 25 сентября он сел в автобус, чтобы начать первый этап своего долгого путешествия. В тот же вечер произошел примечательный случай. В Далласе трое неизвестных явились без приглашения в дом к Сильвии Одис, известной кубинской эмигрантке, которая поддерживала группировку Мануэля Рэя. Один из трио, игравший, вероятно, в нем роль лидера, по виду латиноамериканец, представился как Леопольдо, признавшись, что это его «военная кличка». Своего смуглого, атлетического сложения товарища он назвал Анхело. Третий, скромно державшийся немного позади, был представлен как Леон Освальд.

Леопольдо заявил, что они только что прибыли из Нового Орлеана и собираются «продолжить поездку». Он также сообщил, что все они связаны с группировкой Рэя. В доказательство этого он сообщил Сильвии немало свежих подробностей о ее родителях, которые находились в кубинской тюрьме на острове Пинос за укрывательство одного из несостоявшихся убийц, посланных Тони Весьянной. Леопольдо обратился к Сильвии Одис с просьбой дать им денег «на покупку оружия для Кубы и свержения Кастро». Одис, не будучи уверенной, с кем имеет дело, никакими обещаниями себя не связала.

Через день, когда Освальд уже ехал на автобусе по Мексике, рассказывая двум австралийским туристам о своих намерениях посетить Кубу в надежде встретиться лично с Кастро, Леопольдо позвонил Сильвии Одис. Он, захлебываясь от восторга, говорил о Леоне, о том, что тот служил в американской морской пехоте и стреляет без промаха. «Леон просто великолепен. Он заявил нам, что мы, кубинцы, мол, трусы. Ведь после Залива свиней надо было прикончить президента Кеннеди... Это так легко — так он нам сказал».

Освальд прибыл в Мехико с томиком Ленина под мышкой. Сразу же отправился в кубинское посольство и обратился с просьбой о выдаче визы для поездки на Кубу по пути в Советский Союз. Он всячески старался распо-

ложить к себе сотрудников консульского отдела. Показывал вырезки из газет с сообщениями о драке с Брингьером, американский паспорт, где было зафиксировано, что он уже бывал в СССР, а также подложные документы, «свидетельствующие», что он является секретарем новоорлеанского отделения «Комитета за справедливость для Кубы». Освальд страшно торопился. Как «друг кубинской революции» он потребовал немедленной выдачи визы для въезда на Кубу. Освальду сообщили, что это невозможно, так как сначала необходимо получить советскую визу. Он поднял такой шум, что пришлось вызвать консула Эусебио Аске. Аске заявил, что «подобные типы больше вредят кубинской революции, нежели помогают». Освальда выставили из посольства — естественно, без визы.

Освальд тем не менее не унимался. Он сновал из кубинского посольства в советское и обратно. Ни то, ни другое не уступало. Добивался он главным образом того, чтобы все время быть на виду. Строились разного рода домыслы относительно странного поведения Освальда в Мехико. Согласно одному из объяснений, имевшему определенные основания, Освальд — а возможно, и Освальды (существует множество доказательств, что некто, выдававший себя за Освальда, мог появляться в Мехико) — стремился утвердить себя в качестве левого с тем, чтобы инкриминировать Кубе участие в преступлении в Далласе.

III

Эдвард Артур был одним из тех, кого принято называть «отпетыми». Он получил образование в исправительных школах, а завершил его за решеткой, став «выпускником» тюрьмы. Эд Артур был также патриотом. В четырнадцать лет он обманутым путем вступил в армию и даже добрался до школы парашютистов, где его нежный возраст все-таки разоблачили. Во время «ракетного кризиса» Артур отправился в Майами и записался в «Коммандос Л», союзную с «Повстанческим движением за возрождение революции» группировку. Вскоре он заработал репутацию «индейского головореза».

Коротко стриженный брюнет могучего сложения, Артур и впрямь выглядел вылитым палачом. Может быть, поэтому Сэм Бентон, один из неугомонных прожекторов

мафии, отобрал его для задуманного дела. Стоял сентябрь, не прошло и месяца, как ФБР задержало Бентона на озере Поншартрен. Бентон познакомился с Артуром всего две недели назад через адвоката Чарльза Эшмана, юриста, одного из зачинателей антикастровского движения. Он пригласил Артура в отель «Мейфлауэр», где и сообщил о выгодном для него деле.

Они поехали в направлении Майами-Бич. По дороге Бентон свернул на извилистый проселок, ведущий к великолепному, но запущенному участку. Он остановил автомобиль и пригласил Артура во впечатительный особняк. Окна гостиной, в которой сразу бросался в глаза огромный мраморный камин, выходили на обширный газон с плавательным бассейном посередине.

На необъятном диване сидел смуглолицый человек. Двое помоложе, одетые с вызывающим щегольством, стояли у окна в классических для «торпед» * позах. В комнату вошла белокурая красотка в облегающем платье. Артуру показалось, что он попал в гангстерский фильм. Зазвонил телефон, блондинка, сняв трубку, объявила, что на проводе Чикаго. Смуглолицый подошел к телефону. «Ага, он сейчас как раз у нас,— сказал он в трубку.— Девяносто. Посмотрим, что удастся сделать». Он пообещал перезвонить и повесил трубку.

У смуглолицего было деловое предложение. Он хотел, чтобы Артур убил Кастро. За девяносто тысяч долларов. «Мы можем раздобыть самолет, 500-фунтовые авиабомбы и другие боеприпасы,— сообщил он.— Как насчет того, чтобы слетать к президентскому дворцу и сбросить на него парочку-другую бомб?»

Но Кастро может не оказаться во дворце, он много ездит, заметил Артур. «Лучше я возьму винтовку с телескопическим прицелом и засяду в отеле напротив, уж это будет наверняка»,— предложил он. Смуглолицый кивнул. Он и Бентон старались произвести на Артура впечатление, называя гаванскиеочные клубы, владельцы которых, по их словам, оказывают поддержку: «Хаф мун клаб», «Трошикан». Артур сказал, что ему надо подумать. «Я вспомнил, что этими клубами владел синдикат,— рассказывал он потом.— Меня не пугала мысль о том, чтобы убить Кастро, но с синдикатом дела иметь не хотел».

* «Торпеда» — на гангстерском жаргоне — паемый убийца.

На обратном пути Бентон говорил без умолку. Артур-де упустит «блестящую возможность», если откажется от предложения убить Кастро. План убийства одобрен «в Вашингтоне людьми со связями», — заявил он. Распахнув пиджак, чтобы был виден револьвер, он обмолвился, что должен ехать в Нью-Йорк повидаться с «Малышом». И еще раз со значением повторил это имя. Артур не сомневался, что Бентон говорит о Карлосе Марчелло.

Артур, как ни ломал голову, так и не смог додуматься, почему ему предложили такую странную сумму — девяносто тысяч. Мафия обычно оперировала круглыми цифрами. Кое-кто из гангстеров поговаривал, что Бентон являлся своего рода «комиссионером» и брал десять процентов с общей суммы, чем и объясняется итоговый размер вознаграждения, предложенный Артуру.

Когда авторы этой книги беседовали с Артуром, он, увидев фотографию Майка Маклейни, вроде бы признал в нем человека, предлагавшего ему «дело». В то время Маклейни жил в двух кварталах от особняка, который, как авторы узнали из подробного описания Артура, находится по адресу Пайн-Три-драйв, 4609, Майами-Бич. Он был приобретен в 1960 году Маркосом Пересом Хименесом, бывшим диктатором Венесуэлы. Хименес бежал из Венесуэлы, прихватив с собой добрую часть государственной казны. Карлос Марчелло, часто бывавший в Венесуэле во времена правления Переса, по слухам, являлся совладельцем этого участка на Пайн-Три-драйв. Перес был тесно связан с игорным бизнесом — его дочь вышла замуж за одного из управляющих казино Майера Лапски — и финансировал крестовые походы «Интерпена» против Кастро. В особняке у плотного лысущего Переса жила его любовница — не кто иная, как очаровательная шпионка Фрэнка Стерджиса Мари Лоренц.

Но к тому времени, когда Эд Артур побывал в особняке, Перес и Лоренц его уже покинули. Лишь двумя месяцами раньше Бобби Кеннеди выслал Переса в Венесуэлу, где тот должен был предстать перед судом по обвинению в мошенничестве. В 1974 году присматривавший за домом слуга Переса вспоминал, что Маклейни частенько бывал там в «добрые старые времена».

Когда авторы этой книги беседовали с Маклейни, который в настоящее время содержит казино «Интернась-

паль» на Ганти, он не изъявил никакого желания обсуждать тему политических убийств. Маклейни до сих пор испытывает жгучую обиду из-за предъявленных осенью 1973 года в сенатской подкомиссии обвинений в том, что он пытался устроить в 1968 году убийство багамского премьера Линдена Пиндлинга. Обвинения были выдвинуты осужденным торговцем крадеными цепными бумагами Лунсом Мастираной, который утверждал, что сын Франклина Рузвельта Эллиот, в то время мэр Майами-Бич, выступал в роли посредника. Маклейни был страшно зол на Пиндлинга: тот «надул» их на игорных концессиях после того, как Майер Лански при посредничестве Маклейни вложил миллион долларов в выборную кампанию премьера. Мастирана заявил, что ему предложили сто тысяч долларов за то, чтобы «прихлопнуть» Пиндлинга.

«Если бы я собирался убрать Пиндлинга,— задает риторический вопрос Маклейни,— стал бы я связываться с таким болваном, как Рузвельт?» В равной степени его обзывают предположения о связях с преступной организацией. «Слушайте,— грозит он мясистым пальцем.— Я видел Майера Лански раз в жизни, да и то в течение тридцати секунд». По поводу эпизода на озере Поншартрен он может сказать только то, что «там делали какой-то напалм». Маклейни не видит ни малейшего смысла обсуждать другие аспекты его кампании против Кастро. «Давайте лучше выпьем,— предлагает профессиональный игрок.— Они там, в Вашингтоне, может, еще не понимают, что время ограничений прошло».

* * *

Двоих мужчин стояли под неоновой вывеской «Керусел клаб». Заведение это пользовалось сомнительной репутацией и относилось к разряду как раз таких, где далласский адвокат Кэролл Джарнаджин надеялся найти работу для одного из своих клиентов, исполнителя экзотических танцев, выступавшего под псевдонимом Робин Гуд. Джарнаджин и его безработный клиент прошли в зал и расположились в отдельной кабинке. Джарнаджин воспроизводит этот визит в ночной клуб Джека Руби в мельчайших подробностях.

На следующий день после убийства Джона Кеннеди Джарнаджин написал письмо Эдгару Гуверу, в котором сообщил о встрече Руби и Освальда. Джарнаджин вспо-

минает, как молодой человек в помятой одежде появился у ярко освещенного входа и спросил Руби. Адвокат уверен, что узнал в нем Ли Харви Освальда. Освальд только прошлой ночью вернулся из Мехико.

Джарнаджин слышал разговор между предполагаемым Освальдом и Руби, которые сидели в соседней кабинке. Освальду нужны были деньги. «Деньги получишь, когда сделаешь дело», — отрезал Руби и добавил: если дело сорвется, «они» потребуют все деньги назад. «Дело», вспоминает Джарнаджин, предполагало убийство губернатора Техаса Джона Коннолли, который, по словам Руби, «не пускает» рэкетиров в свой штат. «Ребятам из Чикаго просто негде развернуться, — жаловался Руби. — В Чикаго их совсем прижали, Куба закрыта».

Руби знал, что говорил. «Ребят» в Чикаго действительно прижали. Роберт Кеннеди всерьез взялся за организованную преступность — и Сэм Джанкане оказался на его пути. Джанкане, понятно, испытывал досаду. Он полагал, что его вклад в избрание Джона Кеннеди обеспечивает безопасность (чикагская мафия автоматически вставала горой за кандидатов, одобренных мэр-демократом Ричардом Дейли, и Джанкане хвастал своей общей с Джоном Кеннеди подружкой Джудит Кемпбелл, что это он посадил ее приятеля в Белый дом). Тем летом Джанкане подал в суд на агентов ФБР, обвинив их в чересчур назойливой слежке — они ходили за ним по пятам повсюду: в бары, в церковь, на могилу покойной жены, даже на площадку для игры в гольф. Федеральный судья вынес постановление об ослаблении режима наблюдения, точно указав расстояние, на котором должны держаться агенты — числом не более четырех, — пока Джанкане забавляется гольфом. Бобби Кеннеди также проталкивал через конгресс законопроект, предусматривающий тюремное заключение любому, кто отказывается давать показания суду присяжных, злоупотребляя юридическими лазейками. Сэм Джанкане, частенько прибегающий к спасительной пятой поправке, был в числе первых, на кого обрушился бы подобный закон.

Как рассказывает Джарнаджин, Освальд предложил «кокнуть» Бобби Кеннеди. Руби не согласился: в Вашингтоне хорошо налажена охрана, к тому же Джон Кеннеди ни перед чем не остановится и найдет убийц. Нет, кончать надо Коннолли. Когда же Освальд возразил, что после

убийства губернатора тоже станет «жарко», Руби ответил: «Вовсе нет, они подумают, что это сделал какой-нибудь псих или коммунист, и спишут дело как еще одно нераскрытое преступление». Существуют и другие вполне достоверные сведения о связях Освальда с Руби. Так, по свидетельству владельца гаража Освальд пользовался автомобилем Руби, а механик сообщил, что Освальд пригонял машину Руби для ремонта.

Джек Руби был питомцем чикагской мафии. В свое время его частенько видели в компании Сэма Джанканы, Ленни Патрика и Дэйва Яраса. После войны Руби открыл ночной клуб в Далласе, это совпало с широким вторжением чикагцев на территорию техасского рэкета. Руби поручили обеспечивать выплату откупных полиции. Во-преки существующему в синдикате протоколу он заключил мир с Джо Чивелло, который враждовал с Марчелло и Траффиканте.

Когда в конце 50-х годов синдикат превратил Гавану в игорный рай, специальная сенатская комиссия Макклеллана, главным юрисконсультом которой был Роберт Кеннеди, пришла к заключению: в гаванских кругах мафии важную роль играет Дэйв Ярас. Комиссия установила также, что он был причастен к махинациям разъедаемого коррупцией майамского филиала профсоюза водителей грузовых машин. Да и сам Руби не остался в стороне от этих дел. Руби был особенно близок с Льюисом Макуилли — видной фигурой в игорном бизнесе. Он наведывался к нему на Кубу летом 1959 года. Макуилли, называвший Руби «братьем», в погоне за барышом перебрался в Гавану, где работал у Нормана Ротмана в казино «Сан-Суси». Затем стал управляющим казино «Тропикана», принадлежавшим Майеру Лански. По имеющимся в ФБР документам, «Макуилли укрепил свои связи в синдикате, сотрудничая в Гаване с Сантосом Траффиканте... Майером и Джейком Лански, Дино Челлини, которые были членами или компаниями «синдиката».

Когда специальная комиссия палаты представителей по расследованию убийств изучала междугородние телефонные переговоры Руби, предшествовавшие убийству Кеннеди, она обнаружила, что он поддерживал связь с такими личностями, как Роберт «Барни» Бейкер, доверен-

ное лицо Джимми Хоффы* в Чикаго, Ирвин Уэйнер, хорошо известный в Чикаго «как подставное лицо организованных преступников и профсоюза водителей», Маррей «Дасти» Миллер, заместитель Хоффы и «компаньон различных боссов преступного мира», Нофио Пекора, один из ближайших помощников Карлоса Марчелло и коллега Дэйва Яраса, наемный убийца Ленини Патрик.

Сэм Джанкане нетерпеливо покачивал носком ботинка. «Проект Кастро» трещал по всем швам, и это подрывало авторитет Джанканы в ЦРУ, которое помогало ему импортировать проституток из Марселя. Джонни Роселли надо гнать в шею. В октябре, незадолго до возвращения Освальда из Мехико, Джанкане созвал в Майами совещание на высшем уровне.

Оно состоялось в уединенном особняке на Пайн-Трайдрайв. В соответствии с принятыми в мафии понятиями о демократии Джанкане предложил присутствующим высказываться — из тех же соображений никто не возражал ни против его приговора, гласившего, что Роселли необходимо заменить, ни против кандидатуры его преемника, Чарльза Николетти. Николетти был ставленником Аль Капоне, за ним числилось столько трупов, что никто и не брался подсчитывать. Когда ему поручали «контракт», жертву автоматически считали уже мертвой.

Однако в тот день гангстеры говорили не только о Фиделе Кастро. Как и Джанкане, Траффиканте стал одним из первоочередных объектов в войне Бобби Кеннеди против преступности. Это еще более разожгло давнюю ненависть Траффиканте к братьям Кеннеди. Годом раньше он встречался в майамском отеле «Скотт Брайан» с бизнесменом Хосе Алеманом. (Его отец, бывший приближенный Батисты, прославился тем, что вывез миллионы государственных денег в чемоданах). Они обсуждали детали одного дела: профсоюз водителей грузовых машин собирался дать заем Алеману в размере полутора миллионов долларов, что в принципе «уже было одобрено самим Джимми Хоффой». Траффиканте со злобой говорил о президенте: «Видел, как его брат преследует Хоффу, а ведь Хоффа не миллионер, он сам рабочий...

* Джеймс Хоффа — председатель профсоюза водителей грузовых машин, тесно связанный с боссами организованной преступности.

Попомни мои слова, этот парень Кеннеди напрашивается на неприятности, и он их получит».

Алеман сказал, что Кеннеди наверняка будет переизбран.

«Нет, Хосе,— поправил Траффиканте будничным голосом.— Его прикончат».

IV

Бредли Айерс проводил инструктаж своей группы десантников-убийц на базе ЦРУ, расположенной на островке Эллиот-Ки близ Майами. Внезапно чуть ли не над их головами пролетел одномоторный самолет «Сессна». Айерс подумал было, что это журналисты разыскивают эмигрантские учебные базы. Он приказал десантникам укрыться в доме. Но когда «Сессна», описав круг, вернулась обратно, Айерс узнал в ней один из самолетов ЦРУ. С самолета выбросили какой-то белый предмет. Это был рулон туалетной бумаги, который падал, раскручиваясь в воздухе. Внутри картонной трубы находилась записка, написанная рукой Гордона Кемпбелла:

«22 ноября 1963 года. Президент Кеннеди застрелен убийцей. Приостановить всю деятельность. Людей с острова не выпускать. Сами выезжайте без промедления».

Французский журналист Жан Даниэль проводил интервью с Фиделем Кастро на его вилле. За три недели до этого Билл Эттвуд организовал Даниэлю интервью с Джоном Кеннеди, который дал понять: более всего его заботит примирение с Кубой. Кеннеди попросил Даниэля проинформировать его о результатах беседы с Кастро.

Их прервал помощник, вошедший доложить срочное сообщение из Далласа.

«Для Кубы это плохо»,— сказал Кастро.

Потом, узнав, что Линдона Джонсона в аэропорту привели к присяге в качестве президента, Кастро спросил: «Какою властью он пользуется над ЦРУ?»

Выходя из зала федерального суда в Новом Орлеане, Дэвид Ферри светился улыбкой. Все его поездки в Гватемалу оккупились. Только что Карлос Марчелло был оправдан.

Ферри и два его юных спутника забрались в автомобиль и сломя голову помчались под сильнейшим ливнем в Хьюстон.

Гарри Уильямс рассказывал авторам этой книги, что в тот день он встречался на конспиративной квартире ЦРУ в северо-западной части Вашингтона с Ричардом Хелмсом, Говардом Хантом и рядом других сотрудников ЦРУ. Это было, по выражению Уильямса, «самое важное совещание по проблеме Кубы, на котором я когда-либо присутствовал». Уильямс ликовал. Планы вторжения с территории Доминиканской Республики обретали плоть и кровь. У Мануэля Артиме «в Центральной Америке все готово», они с Уильямсом могли «совместно проделать эту всю штуку».

Уильямс и его шефы из ЦРУ только собирались пойти перекусить, как получили сообщение: в Далласе убит президент.

В Париже наступил вечер. Десмонд Фитцджеральд и местный агент ЦРУ встречались с Роландо Кубелой, кодовая кличка Амлэш. Агент заверил Кубелу: речь президента Кеннеди четыре дня назад в Майами свидетельствует о том, что тот поддерживает переворот. Кеннеди назвал режим Кастро «кучкой заговорщиков». Правительство Кубы представляет собой «барьер», устранение которого обеспечит делу прогресса на Кубе поддержку США. Агент ЦРУ указал на прямое участие Фитцджеральда в составлении этой речи. Это было ложью.

Фитцджеральд передал Кубеле обычную с виду шариковую авторучку, оснащенную инъекционной иглой — столь тонкой, что жертва даже не почувствует укола. Он рекомендовал Кубеле использовать «Блэклиф-40», смертельный яд, поступавший в открытую продажу.

Уходя с этой встречи, Фитцджеральд и агент ЦРУ узнали об убийстве президента.

В Вашингтоне, в штаб-квартире профсоюза водителей грузовых машин, Гарольд Гиббенс, правая рука Джимми Хоффы, услышав сообщение из Далласа, прервал свой ленч. Самого Хоффы в городе не было. Гиббенс приказал

приспустить флаги и послал телеграмму соболезнования миссис Кеннеди.

Хоффа вышел из себя, когда узнал об этом. «Он начал орать на меня: „Какого дьявола ты для него это делаешь?“ и „Кто он вообще такой?“», — вспоминал Гибенс.

Сильвия Одио и ее сестра Анни Лаура Одио не отрывали глаз от телевизора в своей далласской квартире: следили за сообщениями об убийстве. Задержан подозреваемый по имени Ли Харви Освальд. Когда его фотография появилась на телеэкране, Сильвия упала в обморок. Она узнала в нем того третьего молчаливого незнакомца, который явился к ней домой два месяца назад, и был представлен как Леон Освальд. Того самого, которого цитировал Леопольдо: «После Залива свиней президента Кеннеди нужно было убить».

Анни Лаура, которая также видела эту тройку, согласилась, что это в точности был Освальд.

Токийская резидентура ЦРУ ликовала. «Все пришли в страшное возбуждение, говорили, не слушая и перебивая друг друга. Консерваторы были явно рады, поговаривали о вторжении на Кубу», — вспоминал Джим Уилкотт, бывший в 1963 году сотрудником финансового аппарата резидентуры ЦРУ в Токио. Как рассказывал Уилкотт, сторонники жесткого курса в ЦРУ «ненавидели Джека Кеннеди», поскольку считали, что в Заливе свиней он предал ЦРУ. Агенты открывали бутылки и пили за Освальда. Языки развязались, и все начали говорить о связях Освальда с ЦРУ. То, что Освальд работал на ЦРУ, само собой разумелось.

Как рассказывал Уилкотт авторам этой книги, он сначала не мог примириться с тем, что человек, который, как говорили, застрелил президента, работал на ЦРУ. «А потом я узнавал о все большем и большем числе сотрудников, которые в конце 50-х годов работали над проектом „Освальд“». В обязанности Уилкотта, в частности, входила выдача наличных денег, необходимых для тайных операций ЦРУ, «Когда чувствовали, что я все же не верю, мне говорили: «Ну, как же, Джим, такой-то и такой-то получали у тебя аванс для Освальда» или „Ты

выдавал деньги для проекта «Освальд» по такой-то и такой-то шифровке»».

Гай Бэнистер пил рюмку за рюмкой в баре неподалеку от своего детективного агентства. С ним был один из его сыщиков, Джек Мартин, вместе с Дэвидом Ферри входивший в религиозную секту «Апостолическая ортодоксальная старая католическая церковь». Через некоторое время оба вернулись в контору. Между ними вспыхнула ссора. Бэнистер выхватил свой украшенный монограммой пистолет и нещадно отдал Мартина рукояткой. Мартина с ранениями головы отвезли в больницу. Однако он отказался предъявить обвинение. Он заявил полицейским, что Бэнистер для него — как отец родной и что они просто спорили из-за «политики и прочего».

На пресс-конференции, устроенной уже поздно ночью, далласский окружной прокурор Генри Уэйд сообщил, что «Освальд был членом „Комитета за свободную Кубу“». Его немедленно «поправил» Джек Руби, толкавшийся среди репортеров. «Нет,— заявил Руби,— он член „Комитета за справедливость для Кубы“».

В субботу утром агенты секретной службы заявились по адресу Кэмп-стрит, 544, обозначеному на распространявшихся Освальдом брошюрах «Комитета за справедливость для Кубы». Они хотели выяснить, располагал ли там далласский подозреваемый «конторским помещением». Агенты узнали от бухгалтера-эмигранта, что до недавнего времени в доме квартировали кубинские контрреволюционеры — члены организаций «Комитет крестового похода за освобождение Кубы» и «Кубинский революционный совет». По свидетельству бухгалтера, полномочиями подписывать чеки от имени обеих организаций облечены некто Серхио Аркача Смит, находившийся в то время в Техасе.

В Далласе заместитель шерифа Бадди Уолтерс отпечатал «дополнительное следственное донесение», в котором уведомлял секретную службу, что «на протяжении

нескольких последних недель в здании по адресу Харлендейл, 3128 проводили собрания кубинцы, возможно связанные с «Партией свободы для Кубы», членом которой являлся Освальд». Позднее один из осведомителей сообщил Уолтерсу, что «Освальд прежде бывал в этом здании» и что кубинцы внезапно выехали.

Джек Мартин позвонил своему приятелю в аппарате новоорлеанского окружного прокурора Герману Колману. Он заявил, что располагает информацией о причастности Гая Бэнистера и Дэвида Ферри к убийству. Мартин сообщил, что Освальд служил в учебной эскадрилье, которой командовал Ферри. Он обучал Освальда стрелять из винтовки с телескопическим прицелом. У Ферри была задача, считал Мартин, вывезти на самолете участников убийства через техасскую границу в Матаморос, Мексика.

Колман воспринял эти утверждения всерьез. Следователи окружной прокуратуры нагрянули по всем известным адресам, где мог скрываться Ферри, чтобы пригласить его на допрос. Но Ферри нигде не застали.

Дэвид Ферри стоял у телефона-автомата на катке в Хьюстоне. Владельцу катка Чаку Ролланду это показалось несколько странным. Накануне Ферри звонил из Нового Орлеана, заявив, что желает покататься на коньках, и спрашивался о часах работы катка. Теперь, проделав на автомобиле такой путь, он и не думал выходить на лед.

В половине шестого вечера, после того, как Ферри проторчал в телефонной будке два часа, ему, наконец, позвонили. Переговорив с неизвестным абонентом, он ушел.

В Майами «Директорат» распространил экстренный выпуск своего издания «Тринчера», в котором сообщалось о приезде Освальда в Майами во время «ракетного кризиса» и еще один раз в марте 1963 года. В первом случае Освальд раздавал литературу, оплаченную чеками «Комитета за справедливость для Кубы», участникам антикастровского митинга в парке Бэйфонт

и тем самым «спровоцировал столкновения». В «Тринчере» также утверждалось, что Освальд прибыл во Флориду, чтобы попытаться проникнуть в эмигрантские группировки.

В воскресенье в 11 часов 20 минут Джек Руби, протолкавшись через толпу репортеров, заполнивших подвал далласской тюрьмы, смертельно ранил Освальда, которого вели к бронированному автомобилю, чтобы перевезти в другое место заключения.

После полудня в Сан-Франциско Сеймуру Эллисону, адвокату и компаньону Мелвина Белли, позвонили из Лас-Вегаса. Эллисон, который оказывал юридические услуги Моу Далитцу, совладельцу отеля «Дезерт-инн», принадлежавшего кливлендским гангстерам, знал, что его абонент связан с изгнанными с Кубы хозяевами казино. «Сай,— сказал человек из Лас-Вегаса,— только что один из наших ребят пристукнул того сукина сына, который застрелил президента». Он хотел, чтобы Белли, который в это время в Риверсайде выступал защитником на судебном процессе Мики Коэна, связанного с мафией и обвинявшегося в убийстве, взял на себя защиту Джека Руби. Официально клиентом адвоката будет значиться брат Джека Эрл Руби. Эллисон позвонил Белли. Тот выразил радость, что будет участвовать в столь громком процессе. Лас-вегасская группа прислала 25 тысяч долларов в качестве аванса, но обещанных по ходу дела больших денег Белли так и не дождался. Он не только проиграл процесс по делу Руби, но и потерял определенную сумму из собственного кармана.

В понедельник Гаю Бэннстеру позвонил Эрнст Уолл из ФБР, которому президент Джонсон только что поручил вести следствие по делу об убийстве. Ему не надо было представляться своему собеседнику. Уолл, хорошо знавший испанский, длительное время осуществлял связь между ФБР и антикастровскими группировками, в том числе с «Друзьями демократической Кубы», сколоченной Бэннстером и Аркачой Смитом. Его звонок, очевидно, был вызван тем фактом, что имя Аркачи Смита всплыло

в результате посещения агентами секретной службы дома № 544 по Кэмп-стрит.

В данном случае Уолл просто-напросто соблюдал формальность — поскольку можно судить по его докладу. Доклад этот состоит из одного-единственного параграфа гласящего, что Бэнистер «сообщил, что Серджо (sic!) Аркача Смит из „Кубинского революционного совета”, который некоторое время тому назад... возглавлял эту организацию, однажды говорил Бэнистеру, что его, Смита, контора помещается в доме № 544 по Кэмп-стрит. Мистер Бэнистер заявил, что несколько раз видел в окрестностях Кэмп-стрит, 544, в компании со Смитом молодого кубинца, но не может припомнить его имени». Вот и весь доклад. Так предотвратили разгадку тайны Кэмп-стрит, 544.

По возвращении в Новый Орлеан из Хьюстона Ферри добровольно явился в окружную прокуратуру. Согласно его утверждениям, поездка была предпринята исключительно ради отдыха, мысль о ней возникла внезапно, под влиянием нахлынувшего на него чувства радости после победы Карлоса Марчелло в суде. Ферри настаивал на том, что в субботу он и его спутники катались на коньках в Хьюстоне, а в воскресенье охотились близ Галвестона.

Окружной прокурор Джим Гаррисон посчитал эту историю нелепой. Он приказал задержать Ферри по обвинению в « побеге из Техаса » и передал его в ФБР. Подозреваемого допросил Эрист Уолл, тот же самый агент ФБР, который ранее звонил Бэнистеру. Ферри был освобожден. В докладе ФБР отмечалось: Ферри признался, что « публично и в частном порядке » критиковал Кеннеди за отказ обеспечить авиаподдержку вторжению в Заливе свиней и употреблял такие выражения, как « пристрелить его мало ». ФБР, однако, подчеркивало, что не следует понимать эту угрозу буквально.

С помощью подслушивающего аппарата ФБР зафиксировало беседу в Чикаго между Сэмом Джанканой и одним из его помощников. Тот обронил, что Освальд был « анархистом » и « марксистом-коммунистом ». Джанкано спокойно возразил: « Он был просто отличным снайпером ».

Наконец-то во всей этой непрятливой истории о том, как Ли Харви Освальд барахтался в трясине разведки, факты начали вставать на свои места. Проявился механизм, в котором каждая шестеренка дезинформации относительно Освальда работала в одном направлении: возбудить подозрение о причастности к убийству президента левых вообще и Кубы — в частности. Демонстративные действия Освальда в Новом Орлеане и Мехико, рассчитанные на то, чтобы привлечь к себе внимание, подготовили сцену к спектаклю. Затем одно за другим произошли следующие события.

Во вторник Джон Мартино, технический эксперт мафии, заявил в передаче майамского радио, что Освальд распространял литературу «Комитета за справедливость для Кубы» и в сентябре побывал на Кубе, попав туда через Мексику.

В соответствии с показаниями Мартино, допрошенного агентом ФБР Джеймсом О'Коннором, эту информацию он получил из кубинского источника. Из этого же источника он узнал, что Освальд «звонил из майамской частной квартиры на Кубу, в кубинскую разведку», а в Хьюстоне «пытался торговать марихуаной и менял кубинские песо на американские доллары».

В тот же день выходящая в Помпано-Бич газета «Сан-Сентинел», ссылаясь на Фрэнка Стерджиса, сообщила, что Освальд поддерживал телефонную связь с кубинской разведкой и «имел контакты с кубинским правительством в Мехико и Новом Орлеане, штат Луизиана». Под статьей стояла подпись Джеймса Бучэнэна, брат которого, Джерри, принадлежал к «Международной антикоммунистической бригаде» Стерджиса.

Агент ФБР О'Коннор беседовал со Стерджисом, признавшим, что, возможно, «обмолвился ненароком кое о чем» в разговоре с Бучэнэном, но ведь это были «догадки, домыслы и слухи».

В Далласе секретная служба, как и следовало ожидать, перехватила письмо, отправленное из Гаваны и адресованное Освальду. Как сформулировала секретная служба, из письма, датированного 10 ноября и подписанного неким Педро Чарльзом, можно было сделать вывод: «Чарльз заплатил Освальду за выполнение оставшегося невыясненным задания, требовавшего снайперских навыков». В Вашингтоне министерство юстиции

получило аналогичное письмо на имя Роберта Кеннеди, подписанное «Марио дель Росарио Молина». В нем утверждалось, что Освальд «убил президента Кеннеди по приказу Педро Чарльза, кубинского агента, разъезжавшего по Соединенным Штатам под различными псевдонимами», и что Освальд «несколько месяцев назад встречался в Майами с Чарльзом, который выплатил ему семь тысяч долларов».

Судя по почтовым штемпелям, оба письма были отправлены из Гаваны на следующий после убийства день.

Лабораторный анализ показал, что оба письма отпечатаны на одной пишущей машинке. Их посчитали неуклюже попыткой неизвестных лиц на Кубе обвинить в преступлении Кастро.

В Вашингтоне Эдгар Гувер и Николас Катценбах, присматривавший за министерством юстиции в отсутствие Бобби Кеннеди, были крайне озабочены тем пагубным эффектом, который производили слухи о зарубежных связях Освальда. Гувер отчаянно стремился отвести подозрения, будто ФБР не справилось со своими обязанностями. Катценбах и другие официальные лица боялись, как бы прозрачные намеки на руководимый из-за границы заговор не вызвали международной напряженности. Накануне Катценбах в меморандуме Биллу Мойерсу, специальному помощнику нового президента, указывал:

«Общественность должна поверить, что убийцей был Освальд, что у него не было сообщников, которые до сих пор могут находиться на свободе... Слухи о побуждениях и мотивах Освальда нужно решительно пресекать, и нам следовало бы найти какие-то основания опровергать мнение, будто это был коммунистический заговор или заговор правых с целью свалить вину на коммунистов».

Обсуждая создавшуюся ситуацию, Гувер и Катценбах пришли к единому мнению: весь мир следует убедить в том, что Освальд действовал в одиночку. Катценбах сообщил шефу ФБР о приказе президента подготовить доклад, который бы раз и навсегда «унял шумиху вокруг Освальда и его деятельности...».

Морис Мартино, который исполнял обязанности специального агента, возглавляющего чикагское отделение секретной службы, получил важную информацию: за день до убийства один кубинский эмигрант похвальялся, будто его группа получила «кучу денег» и оплатит покупку оружия, «как только позаботится о Кеннеди». Этот эмигрант, Омер Эчеверриа, клял президента на чем свет стоит.

Срочно связавшись со штаб-квартирой, Мартино сообщил, что начинает следствие по наиважнейшему делу. В ходе последующих встреч, проходивших уже под наблюдением секретной службы, поступил целый ряд подробностей: оказывается, Эчеверриа связан с «Движением 30 ноября», а его сообщник по имени Хуан Франсиско Бланко Фернандес является военным руководителем «Директората».

События принимали серьезный оборот. Мартино уже готовился внедрить тайного агента в группировку Эчеверриа. Может быть, следствие и вскрыло бы связи группы с лагерем на озере Поншартрен, с мафией и с заговорами с целью убийства Кастро, а это в свою очередь привело бы к Руби и Освальду. Однако ФБР решительно пресекло расследование. После того как Линдон Джонсон приказал передать дело Джона Кеннеди в ведение ФБР, оно, как сформулировала специальная комиссия палаты представителей по расследованию политических убийств, «совершенно недвусмысленно распорядилось о прекращении следствия, которое вела секретная служба». Все досье были переданы ФБР. А ФБР по имевшимся у секретной службы фактам продолжать расследование не стало.

3 декабря информационное агентство ЮПИ распространило сообщение: «Как стало сегодня известно из правительственныеых источников, ФБР готово передать Белому дому подробнейший доклад. Согласно докладу, убийца президента Ли Харви Освальд действовал в одиночку и сообщников не имел». Эту новость опубликовали все американские газеты. «Утечку» информации для ЮПИ организовали по распоряжению Эдгара Гувера.

9 декабря Гувер вручил президенту Джонсону итоговый доклад ФБР, в котором утверждалось, что и

Освальд, и Руби действовали в одиночку. Каким-то образом его содержание получило огласку.

16 декабря комиссия Уоррена, созданная Линдоном Джонсоном для подтверждения выводов ФБР, собралась на свое второе пленарное заседание. Среди членов комиссии был конгрессмен Джеральд Форд, который поделился неприятной новостью. Ему позвонил шеф информационного агентства, его знакомый: «Послушай, Джерри, я удивлен: мы и другие информационные агентства получили эти сообщения в один и тот же день». Форд знал, о чем идет речь и чего хочет его приятель. «Как только он это сказал,— заявил конгрессмен,— я понял, на что он намекает — на сознательно подстроенную утечку информации из какого-то ведомства федерального правительства. Теперь они хотят, чтобы мы на заседаниях комиссии подтвердили те сведения, которые ранее были переданы огласке».

Попросту говоря, членам комиссии некуда было деться от навязанной им точки зрения ФБР. «Я не вижу в этом докладе (ФБР) ничего такого, что не просочилось бы уже в прессу», — жаловался Эрл Уоррен.

Аллен Даллес бесстрастно попыхивал своей неизменной трубкой. Он не собирался делиться с комиссией известными ему фактами. По предложению Даллеса все материалы о пребывании Освальда в Советском Союзе следовало передать в ЦРУ для изучения. Это вызвало явительное замечание сенатора Ричарда Рассела: «Вижу, вы им доверяете больше, чем я. Думаю, они должны образом препарируют все, что нам передадут».

19 декабря агенты ФБР, разбившись на пары и сменяя друг друга, вели в Эль-Пасо, штат Техас, непрерывный допрос Ричарда Нейджелла, подозреваемого в ограблении банка. Худощавый, с глубоким шрамом через весь лоб, Нейджелл оказался на редкость перазговорчив. В итоговый документ, подготовленный ФБР на основании допросов, легла только одна фраза: «Для протокола он имеет заявить следующее: его отношения с Освальдом (имеется в виду Ли Харви Освальд) ограничивались простым знакомством, встречал он его в Мехико и Техасе».

Комедия с ограблением была разыграна Нейджеллом 20 сентября.

Он зашел в один из банков в Эль-Пасо, вытащил пистолет 45-го калибра и дважды выстрелил в потолок. Не потребовав ни цента, он вышел на улицу, усевшись на бровке тротуара и стал ждать, когда его арестуют. Впоследствии он объяснил, что проделал все это «с единственной целью добиться ареста и заключения под стражу федеральными властями». Стремился Нейджелл в объятия закона ради собственной безопасности, поскольку «влиял в разработанный и финансируемый внутренними силами заговор» с целью убийства Джона Кеннеди.

Все это можно было бы принять за выходку ненормального, если бы не впечатляющее прошлое Нейджелла. Во время корейской войны он отличился в боях, затем весьма успешно окончил армейскую школу разведки в Форт-Хоулаберде, штат Мэриленд. После демобилизации из армии Нейджелла завербовало ЦРУ, которое во время «ракетного кризиса» направило его в Мехико следить за самыми фанатичными кубинскими эмигрантами.

Во время пребывания в Мехико Нейджелл столкнулся с Освальдом, которого знал под именем Алексей Хайделл. Нейджелл утверждает, что Освальда «использовали» заговорщики, задумавшие выдать убийцу за агента Кастро с тем, чтобы спровоцировать интервенцию Соединенных Штатов против Кубы.

В начале сентября Освальд хвастал Нейджеллу: «Мы прикончим его еще до конца месяца». Нейджелл в панике поспешил предупредить о заговоре своего руководителя в ЦРУ, которого он знал под именем Роберт Грэм. Нейджелл рассказывал, что Грэм приказал ему «позаботиться» об Освальде, с тем, чтобы «остановить часовой механизм», однако Нейджелл не решился пойти на убийство. Вместо этого 13 сентября он отправил Эдгару Гуверу письмо, в котором изложил ФБР все подробности заговора с целью убийства Кеннеди. Через неделю после этого он решительным шагом вошел в первый попавшийся банк в Эль-Пасо, куда он прибыл по пути из Мехико.

Когда Нейджелл услышал об убийстве Кеннеди, он передал тюремному надзирателю записку, в которой просил встречи с представителем секретной службы по неотложному вопросу. Явился агент ФБР, однако Нейджелл, возмущенный тем, что ФБР игнорировало его

предупреждение, разговаривать с ним отказался. Он и потом продолжал бойкотировать ФБР. На судебном процессе Найджелл заявил только, что попытка ограбления обеспечила по крайней мере «временное решение» его «непереносимой проблемы».

Судья определил ему максимальный срок тюремного заключения — десять лет. Это был суровый приговор герою войны, человеку, ранее не судимому и к тому же даже не пытавшемуся взять деньги. Пять лет спустя апелляционный суд отменил приговор.

Стрелявший в банке человек вышел из тюрьмы, унося с собой все известные ему тайны, связанные с убийством Джона Кеннеди.

13 мая шеф контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон позвонил шефу внутренней разведки ФБР Уильяму Салливену и предложил, чтобы ФБР последовало примеру ЦРУ и тщательно отрепетировало показания своих руководителей в комиссии Уоррена. «И Маккоуну, и Гуверу,— сказал Энглтон,— следует учесть, что комиссия может задавать им одни и те же вопросы. И попробует выяснить, не получит ли она на них противоречивые ответы от глав двух учреждений». Энглтон даже привел Салливену примерные варианты вопросов, которые, как он полагал, будут заданы Маккоуну, и «ответов, которые будут получены».

Вопрос. Был ли Освальд когда-либо агентом ЦРУ?

Ответ. Нет.

Вопрос. Есть ли у ЦРУ какие-либо доказательства существования заговора с целью убийства президента Кеннеди?

Ответ. Нет.

Выход, к которому пришла специальная комиссия по расследованию политических убийств в 1979 году, гласил: заговор, скорее всего, существовал, а ФБР и ЦРУ, не расследовав его, пренебрегли своими обязанностями. Комиссия обвиняла Гувера, у которого «было личное, заранее сложившееся мнение об Освальде как убийце-одиночке» и который закрыл следствие с невероятной беспечностью. Один из помощников директора ФБР заявил в комиссии, что версия заговора рассматривалась

как «второстепенная». «Мы словно ждали, когда кто-нибудь положит информацию нам прямо в карман», — образно описал он позицию ФБР.

Комиссия также обнаружила, что после появления доклада Уоррена ФБР упорно отказывался расследовать новые обстоятельства, указывающие на существование заговора. ФБР оставило без внимания информацию Эрла Уоррена, «касающуюся Джона Роселли, видной фигуры в мире организованной преступности, утверждавшего, что он лично знает о причастности кубинцев и уголовного подполья к заговору». ФБР «неоднократно пыталось дискредитировать источник», вместо того чтобы расследовать сообщение о том, что «главарь новоорлеанской мафии Карлос Марчелло угрожал смертью президенту Кеннеди».

Комиссия также упрекала ЦРУ в пассивности, во многом повторяя критические замечания специальной сенатской комиссии по расследованию деятельности разведывательных органов в 1967 году. Тогда в докладе сенатской комиссии язвительно отмечалось:

«Если даже те, кто вели в ЦРУ расследование, не знали о замыслах ЦРУ убить Кастро, им, конечно, было известно, что начиная с 1960 года управление проводит массированную секретную операцию против Кубы. Атмосфера насилия, которая установилась в результате трех лет операций ЦРУ и кубинских эмигрантов, должна была бы заставить следователей ЦРУ поинтересоваться, не оказала ли эта атмосфера влияния на Ли Харви Ос瓦льда и Джека Руби, которые, как известно, соприкасались с кубинской общиной. Что касается аргументов об ограниченности внутренней юрисдикции ЦРУ, то они не соответствуют фактам. Кубинские операции ЦРУ привели к созданию гигантского внутреннего аппарата, который управление использовало как для сбора разведывательной информации внутри страны, так и для осуществления операций против Кубы».

Комиссия Уоррена, связанная по рукам и ногам зависимостью от ФБР и «уклончивостью» ЦРУ, делала все, что могла. Члены комиссии кропотливо изучили прошлое Освальда, но так и не смогли обнаружить сколько-нибудь правдоподобных мотивов, которые толкнули бы его на убийство Кеннеди. Версии о том, что за ним стояла Куба, рассыпались одна за другой. Одна из них была основана на ложном показании никарагуанца, который

якобы видел, как Освальду в кубинском посольстве в Мехико передали пухлую пачку денег. Подозревали, что эта выдумка — творчество генерала Сомосы.

Два адвоката, работавших в штате комиссии Уоррена, Дэвид Слоусен и Уильям Коулмен, в меморандуме для служебного пользования писали:

«Возможно, был применен и какой-то обман, чтобы толкнуть Освальда на убийство президента... Мотивом для этого, несомненно, служили надежды на то, что после убийства президента Освальд будет либо задержан, либо по меньшей мере будет установлена его личность, и общественность возложит вину за убийство на правительство Кастро, и противостоять требованиям о его насильственном свержении станет просто невозможно».

Слоусен и Коулмен настаивали на расследовании своей гипотезы. По логике вещей следовало бы начать с Гая Бэнистера, безусловно, способного разработать подобный сценарий. Но Бэнистер навсегда оказался вне пределов досягаемости: его нашли бездыханным в постели. Смерть наступила, вероятно, в результате сердечного приступа, рядом валялся украшенный его монограммой револьвер. Говорят, что его вдова, собирая вещи покойного в его кабинете в доме № 544 по Кэмп-стрит, нашла огромное количество принадлежавшей Освальду литературы «Комитета за справедливость для Кубы». Никакого следствия в требуемом Слоусеном и Коулменом направлении так и не проводилось.

К августу комиссия Уоррена под напором Линдана Джонсона, требовавшего, чтобы ее доклад был готов вовремя — имея в виду намеченные на ноябрь 1964 года президентские выборы, — завершила свою работу и принялась готовить итоговый документ. Главные вопросы остались без ответов. И среди них один, связанный с сообщением Сильвии Одис. В сентябре к ней обращались за помощью трое неизвестных, якобы связанных с группировкой Мануэля Рэя. Это вновь напоминало о том, что Освальда усиленно навязывали в качестве потенциального убийцы Кастро, либо, как альтернативы, Кеннеди. Одис твердо стояла на своем и являлась серьезной свидетельницей.

23 августа главный юрисконсульт комиссии Ли Рэн-

кин письменно обратился к Эдгару Гуверу с просьбой предпринять попытку установить личности этих троих людей. «Комиссия считает важным,— подчеркивал он,— чтобы утверждения миссис Одио были либо доказаны, либо опровергнуты». Рэнкин не понимал существа проблемы. Если только внезапно не всплынет какое-нибудь неожиданное объяснение рассказу миссис Одио, то визит, который ей нанесли, будет прямым и неоспоримым доказательством существования заговора с целью «подставить» Освальда.

Ответ, можно сказать, свалился с неба. Просматривая свои досье, далласское отделение ФБР обнаружило, что в октябре предыдущего года один из агентов ФБР допрашивал Лорена Холла и Уильяма Сеймура, задержанных с грузом различного снаряжения и медикаментов для лагеря «Интерпена» на островах Флорида-Кис. В досье они характеризовались как «активисты антикастровского движения... „Комитета за освобождение Кубы“». (Хотя ФБР, возможно, и не связывало эти факты, но «Комитет за освобождение Кубы» возглавлял Эладио дель Валле, в свое время компаньон Сантоса Траффиканте по контрабандной торговле, человек, который нанимал Дэвида Ферри для бомбардировки Кубы зажигательными бомбами. Лорен Холл заявил, что присутствовал при том, как в феврале 1963 года Сэм Джанкана предлагал Эдди Байо тридцать тысяч долларов за убийство Кастро, Траффиканте же обеспечивал Байо деньгами на расходы.)

В конце концов 16 сентября в Калифорнии разыскали Холла, который сообщил, что в сентябре предыдущего года «он находился в Далласе, пытаясь заручиться помощью в антикастровской деятельности. Он подтвердил, что приходил к миссис Одио». Холл назвал и своих спутников: Лоуренса Говарда, инструктора «Интерпена» мексикано-американского происхождения, и Билла Сеймура, «похожего» на Освальда.

Комиссию Уоррена поджимали сроки, и она нашла выход. Успокоенные весьма удобным объяснением Холла, члены комиссии поставили крест на инциденте с Одио: ведь Освальд тогда уже был на пути в Мексику и, вероятно, не располагал временем, чтобы завернуть в Даллас.

Впоследствии Говард и Сеймур отрицали в ФБР, что они приходили к Одио, а Холл отказался от своих показаний, ссылаясь на то, что перепутал даты и места.

Досье Одио осталось закрытым. Зато открытым оставался вопрос о том, кто выдавал себя за Освальда, «подставляя» его в качестве потенциального убийцы Кастро и Кеннеди.

Опубликование доклада комиссии Уоррена сопровождала невероятная рекламная шумиха, главным вдохновителем которой стал Джеральд Форд. Его «рассказ из первых уст», напечатанный в «Лайфе» 2 октября, стал «гвоздем» номера. Он повествовал о том, как комиссия «собрала воедино доказательства» и «опровергла слухи о заговоре».

В 1979 году специальная комиссия палаты представителей, израсходовав 5,4 миллиона долларов на экспертизу фактов, похороненных более десяти лет назад комиссией Уоррена, пришла к выводу, что убийство президента было, видимо, результатом заговора. Наиболее вероятными его участниками являлись гангстеры и, возможно, кубинцы-контрреволюционеры.

Однако прошло слишком много лет, заявила комиссия, чтобы утверждать это с полной уверенностью.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«СВОИ РЕБЯТА»: РУКА РУКУ МОЕТ

I

Журналист Джимми Бреслин завтракал в ресторане отеля «Уотергейт» с Джонни Роселли — после того как гангстер давал показания в специальной сенатской комиссии по расследованию разведывательных операций. Адвокат поднял в суде вопрос о патриотическом служении Роселли ЦРУ. «Он не должен был делать этого даже для того, чтобы меня вызволить», — возмущался седовласый мафиози Роселли, столько лет хранивший молчание по поводу своих связей с ЦРУ.

В качестве представленных суду доказательств того, что Роселли на деле не кто иной, как несколько несовершенная копия Джорджа Вашингтона, фигурировали газетные колонки, посвященные подвигам Роселли в ЦРУ и принадлежавшие перу Джека Андерсона, любителя покопаться в грязном белье. Если проследить, как этот материал попал к Андерсону, можно написать трогательную историю о легендарной сети круговой поруки «своих ребят» *, в которой тесно переплелись интересы разведки, организованной преступности и крупнейших корпораций.

Материалы Андерсона использовались на благо гангстеров. Чтобы понять, как это все происходило, вспомним год 1967, когда Говард Хьюз прибрал к рукам девятый этаж отеля «Дезерт-инн» и стал монополизировать Лас-Вегас. Затем действие переносится в Вашингтон и Новый Орлеан.

Когда Хьюз решил заполучить «Дезерт-инн» целиком, Роберт Мэхью привлек Роселли в качестве посредника в переговорах с владельцами отеля — кливлендской шайкой с Мэйфилд-роуд, возглавляемой Моу Далитцем. Мэхью прекрасно знал Роселли, поскольку оба они были привлечены Центральным разведывательным управлением к заговорам с целью убийства Кастро.

* Здесь и далее под «своими ребятами» авторы подразумевают бывших сотрудников американских спецслужб.

По протекции Роселли Далитц нанял в качестве юрисконсультата старого коллегу Мэхью по ФБР Эда Моргана. Когда была совершена купчая на «Дезерт-инн» — первое из многих приобретений Хьюза, — Морган получил 150 тысяч долларов комиссионных, из которых пятьдесят тут же выдал Роселли.

Мэхью и Моргана связывали тесные узы. Когда в 50-х годах Мэхью открыл в Вашингтоне фирму, предлагающую услуги в качестве «консультанта по вопросам управления», Морган настоял, чтобы Мэхью арендовал помещение в здании, где располагалась его собственная контора. Среди клиентов Моргана были крупнейшие корпорации, профсоюз водителей грузовиков и — не больше, не меньше — Общество бывших специальных агентов ФБР. Когда Говарду Хьюзу захотелось приобрести ряд телевизионных станций, Мэхью обратился к Моргану с просьбой представлять Хьюза в Федеральной комиссии связи США.

По просьбе Мэхью Морган улаживал конфликты Роселли с иммиграционной службой, которая испытывала неодолимое желание навсегда отправить гангстера в его родную Эстрию. Роселли жаловался Моргану на правительство, ради которого он рисковал жизнью и которое теперь относится к нему так несправедливо. Он рассказал о своей роли в заговорах с целью убийства Кастро, добавив несколько занимательных подробностей. Роселли узнал из «„близких Кастро источников“», что премьер осведомлен о готовящихся заговорах. Кастро решил, что он тоже может обратиться к той же тактике, что и президент Кеннеди». (Роселли потом рассказывал своему приятелю Джонни Фратианно — об этом писал в 1981 году автор биографии Фратианно Овид Демарис, — что выдумал всю эту ерунду о мести Кастро. Он наврал Моргану с три короба — а вдруг тот выторгует для него у властей поблажку! «Чушь собачья» — так называл свою байку Роселли.)

Морган, не раздумывая, поведал эту потрясающую историю Дрю Пирсону и его коллеге Джеку Андерсону, которого консультировал по некоторым вопросам, возникшим у того в Федеральной комиссии связи США. В свою очередь Пирсон пересказал услышанное от Моргана своему добруму другу Эрлу Уоррену, посчитавшему, что факты заслуживают расследования со стороны ФБР. Морган назвал в ФБР в качестве своих источников

«клиентов», косвенно связанных с организованной преступностью, но раскрыть их имена отказался: профессиональная тайна отношений между адвокатом и клиентом. ФБР проводить расследование не стало.

3 марта 1967 года Пирсон и Андерсон опубликовали изустную историю Роселли. Они ссылались на «источники, чья надежность не вызывает ни малейших сомнений», но которые остались анонимными. Обозреватели высказали предположение, что Бобби Кеннеди после событий в Далласе мучила «ужасная мысль о том, что заговор ЦРУ, на который он по меньшей мере смотрел сквозь пальцы, привел в действие силы, жертвой которых, возможно, пал его брат».

Роберт Кеннеди пришел в ярость. Он заявил своим помощникам, что однажды ему действительно стало известно о заговоре ЦРУ и мафии, но он тут же запретил его осуществлять. Линдон Джонсон потребовал от ЦРУ объяснений. Дик Хелмс представил президенту краткий доклад. Однако в нем ни слова не говорилось о заговоре с участием агента под кличкой Амлэш, который осуществлялся уже при администрации Джонсона.

Несомненно, Морган стремился к тому, чтобы история Роселли приобрела широкий резонанс по целому ряду соображений: (а) угрожая дальнейшими разоблачениями, Роселли смог бы оказать нажим на правительство в целях смягчения приговора; (б) по разным причинам сенсационная публикация повлияла бы на предстоящее рассмотрение в Верховном суде апелляции Джимми Хоффы (по мнению профессора Питера Дэйла Скотта, большого специалиста в области заговоров, «это дело очень беспокоило не только Джанкану и Траффиканте, но и близкого друга и компаньона Джека Андерсона Ирвинга Дэвидсона», известного лоббиста, представлявшего интересы профсоюза водителей грузовых автомобилей); (в) шумное разоблачение по типу «это сделал Кастро» не оставит камня на камне от гипотезы новоорлеанского окружного прокурора Джима Гаррисона, согласно которой главными подозреваемыми в деле Кеннеди являются ЦРУ и связанные с ним антикастровские группировки.

В тот момент неуемный Гаррисон находился в центре внимания печати. Он не верил басням Дэйва Ферри, бывшего наставника Ос瓦льда по летному делу. Следователи окружной прокуратуры сосредоточили свое

внимание на прошлых связях Ферри с ЦРУ. Расследование, которое вел Гаррисон, грозило разоблачением сотрудничества между ЦРУ и мафией, натравливавшими воинственных кубинских эмигрантов на Кастро. Один факт существования подобного сотрудничества мог бы наделать много шума, даже если Гаррисону и не удалось бы связать его с убийством Кеннеди.

Однако у Гаррисона выбили почву из-под ног. В 1967 году Ферри нашли в его квартире бездыханным. Это произошло несколько дней спустя после того, как окружной прокурор назвал Ферри «одним из важнейших людей в истории». События развивались стремительно. В Майами изрешетили пулями Эладио дель Валле, партнера Сантоса Траффиканте по контрабанде, который заплатил Ферри полторы тысячи долларов за бомбардировку Кубы: люди Гаррисона уже активно разыскивали его.

ЦРУ тряслось как в лихорадке. Из-за настырного Гаррисона могли развалиться все его «ширмы» и «крыши», да и сам альянс с мафией. Бывший сотрудник ЦРУ Виктор Маркетти вспоминает, что на нескольких совещаниях, где ему довелось присутствовать, Дик Хелмс выражал явное беспокойство по поводу обвинения в заговоре, выдвинутого окружным прокурором против Клэя Шоу, служащего новоорлеанского Международного торгового центра. Хелмс сообщил, рассказывал Маркетти, что в то время, когда был убит Кеннеди, Шоу был «связником» ЦРУ, а Ферри — агентом по контракту. Хелмс строго-настрого запретил разглашать эти сведения и заверил, что Шоу «получит всю возможную помощь, которую ЦРУ ему сможет оказать».

Когда Гаррисон не смог представить доказательств существования заговора, американские средства массовой информации ополчились на него. Травлю возглавлял Джеймс Филэн, который выступил с нападками на Гаррисона в журнале «Сатердей ивнинг пост» и был основным «комментатором» в телевизионном документальном фильме, выпущенном телекомпанией Эн-би-си и перевернувшем все факты с ног на голову. Филэн, входящий в свиту Говарда Хьюза, был также доверенным лицом Боба Мэхью.

К 1971 году Роселли оказался в тяжелой ситуации: он был осужден за мошенничество в клубе «Фрайэрс», иммиграционные власти настигали его, наступая на пятки. Как утверждают источники в ЦРУ, Морган предупре-

дил управление, что его клиенту, вероятно, придется кое-что рассказать об участии в заговорах с целью убийства. Как бы то ни было, ЦРУ обратилось к иммиграционной службе с просьбой, как впоследствии сформулировала специальная сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов, «воспрепятствовать публичному разглашению прошлой деятельности Роселли по заданию ЦРУ», которое могло произойти в случае, если иммиграционные власти будут настаивать на депортации Роселли.

Роселли так никогда и не был депортирован. Известно, что Морган устроил гангстеру интервью с Джеком Андерсоном и его партнером Лесом Уиттеном (Пирсон к тому времени уже умер). На этот раз цель не вызывала никаких сомнений: появление имени Роселли в колонке видных обозревателей, восхваляющих его героизм, должно было склонить судью к снисходительности. Роселли поведал массу подробностей. Он рассказал и о встречах с Биллом Харви и Джимом О'Коннеллом в Майами. Однако, свято чтия кодекс мафии, ни словом не обмолвился о Джанкане или Траффиканте.

Уиттен попытался перепроверить его рассказ, позвонив Харви, который к тому времени ушел в отставку. «Хотел бы помочь, да не могу», — ответил ему Харви, бывший сотрудник ЦРУ. Тем не менее Харви назвал приговор, вынесенный Роселли по делу клуба «Фрайэрс», «ложным обвинением» и сообщил, что пытался замолвить за Роселли словечко в министерстве юстиции. Но если это действительно было ложное обвинение, то как же министерство юстиции допустило, чтобы Роселли был осужден, настаивал Уиттен.

«Это длинная история, — уклонился Харви. — Не думаю, что ее следует публиковать».

II

Понятие «связи с общественностью» включает в себя огромное множество современных пороков. В 50-е годы информационное агентство Интернейшнл ньюс сервис распространяло сообщения, получаемые от Рафаэля Трухильо, о том, что Доминиканская Республика, возглавляемая им, — райское место! Чтобы сотрудникам Интернейшнл ньюс сервис было легче делать вид, будто они принимают эту ложь за неопровергнутую правду, люди

Трухильо, отвечавшие за связи с общественностью, щедро клали в их перепачканные чернилами ладони заботливо надушенные банкноты.

Подобные поступки со стороны фабрикантов общественного мнения, возможно, достойны осуждения. Однако они вполне допустимы с точки зрения первой поправки к конституции США, которая запрещает правительству вмешиваться в дела прессы, но, как следствие, подразумевает, что печать сама сумеет оградить себя от злых сил, пытающихся скомпрометировать журналистику. Тот факт, что прессу используют столь неблаговидным способом, становился предметом некоторой озабоченности со стороны комиссий по этическим вопросам различных обществ профессиональных журналистов. Однако другие и, возможно, менее простительные грешки, для которых термин «связи с общественностью» представляет превосходное прикрытие, не вызывали ни малейшей тревоги. Центральное разведывательное управление использует американские фирмы, осуществляющие связи с общественностью, для выполнения куда более тонких и сложных задач, нежели простое манипулирование средствами масовой информации,— уж в чем, в чем, а в этой области ЦРУ едва ли нуждается в посторонней помощи.

Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс ввел в обычай приглашать руководство вашингтонских газет на ленч в своей личной столовой. Покидали его гости вполне осчастливленными, вкусно поев и наслушавшись мерзких сплетен о конкурирующих службах, особенно о ненавистном Пентагоне. ЦРУ традиционно имело хорошую прессу — применительно к его целям это означало, что пресса о нем молчала. Хелмсу удалось надежно уберечь ЦРУ от все видящего ока пронырливых репортеров. Даже если и случались неприятности, подобные разразившемуся в 1975 году скандалу по поводу шпионажа внутри собственной страны, ЦРУ демонстрировало изумительную способность изворачиваться. В такие моменты ЦРУ слегка приоткрывало завесу, скрывающую «секреты» его деятельности, которые, по мнению прессы, могли бы соперничать с самыми остросюжетными детективами.

Вряд ли удастся сыскать хотя бы одну располагающую международными контактами фирму, специализирующуюся на связях с общественностью, в руководстве которой не было бы парочки «своих ребят», придающих должный блеск ее престижу. «Свои ребята» в устланном

теплым пушком гнездышке связей с общественностью чувствуют себя на редкость уютно, благодаря безграничной гибкости и эластичности этой профессии. Хотя термин «связи с общественностью» прочно вошел в обиход, даже крупнейшие эксперты в этой области не смогут точно определить, что же он все-таки означает. Эта неопределенность и является для большинства самой большой ценностью. Безликий и анонимный «связей с общественностью» неотразимо влечет к себе «своих ребят». ЦРУ прибегает к услугам «своих ребят», переквалифицировавшихся в специалистов в сфере связей с общественностью, для прикрытия деятельности подставных фирм-«крыш», шпионов и убийц и для маскировки финансирования грязных операций у себя дома и за рубежом.

Прототипом таких фирм ЦРУ в сети «своих ребят» стала крупная биржевая контора, специализировавшаяся на нелегальных спекуляциях. Она была создана в начале 50-х годов Робертом Мэхью. Во время и сразу после второй мировой войны ФБР занималось контрразведкой в широких масштабах. По поручению ФБР Мэхью выполнял разнообразные секретные задания: от слежки за германскими шпионами до административной деятельности по «организации контрразведывательной сети для привлечения к сотрудничеству всех заинтересованных ведомств». Спустя несколько лет после войны, когда ФБР попыталось получить монополию в области охраны правопорядка и разведки, а ЦРУ этого не допустило, специальный агент Мэхью очутился не у дел в захолустном отделении ФБР. «Отыскать какого-нибудь коммуниста в штате Мэн мне было трудно, а бегать за юнцами, уклоняющимися от службы в армии, и угонщиками автомобилей,— сетовал Мэхью,— как-то не вязалось с моими представлениями о настоящем деле».

«Настоящим делом» занимались «свои ребята» из Управления стратегических служб, находившиеся на правительственные должностях или получившие различные посты в адвокатских фирмах на Уолл-стрит или в Центральном разведывательном управлении. Они успешно использовали опыт, накопленный во времена второй мировой войны, для участия в «холодной войне». От убийственно скучного занятия — сочинения мемуаров — их спасало то, что новой войне, на передовых линиях которой окопались «свои ребята», не было видно конца.

Формально Боб Мэхью, расставшись с разведывательной работой в ФБР — хотя это и не назовешь отставкой в обычном смысле слова — не возвратился на государственную службу. На самом же деле Мэхью никогда не расставался с разведывательным комплексом, который после войны перерос в своего рода разведывательно-промышленный комплекс. «Свои ребята» продолжали сотрудничать в секретных службах страны, одновременно работая на хозяев в сфере бизнеса. Интересы тех и других почти полностью совпадали. А некоторые из «своих ребят», как, например, Боб Мэхью, открывали собственное «дело», которое было тесно связано с деятельностью правительственной разведки. Одни учреждали сыскные агентства, другие предлагали услуги в качестве «консультантов» — весьма расплывчатый термин для обозначения их рода занятий. (Покойный Говард Гассейдж как-то заявил: «консультант» — это человек, который берет у вас взаймы часы, а потом требует деньги за то, чтобы сказать вам, сколько времени.) Третья занимались исключительно связями с общественностью. Фирма Боба Мэхью являлась уникальной: она объединяла в себе все три рода деятельности.

В начале 50-х годов фирма возникла в Вашингтоне как сыскное агентство. Можно только догадываться, когда именно Мэхью начал работать на ЦРУ. Одним из тех, кто датирует это событие весьма ранним сроком, является Гаррис Смит, бывший сотрудник ЦРУ, написавший историю Управления стратегических служб, в которой упоминает о «якобы имевшихся связях» Мэхью с ЦРУ. Как бы то ни было, Мэхью, по его собственному признанию, в 50-е годы уже «работал по контракту» на ЦРУ. Постепенно он отошел от сыскного дела и прикрылся вывеской консультанта по вопросам управления и связей с общественностью. В Вашингтоне подобная комбинация обычно обозначает лоббистскую деятельность, но Боб Мэхью в 50-е годы занимался гораздо большим: то помогал финансисту Роберту Янгу в его борьбе за контроль над нью-йоркской центральной железнодорожной дорогой, то использовал связи со «своими ребятами» для того, чтобы выручать различные комиссии конгресса, то уходил с головой в международную нефтяную интригу и срывал крупнейшую в жизни Аристотеля Онassisa сделку, которая обеспечила бы греческому гранду монополию на перевозку нефти танкерами из Саудовской Аравии.

Мэхью установил подслушивающее устройство в гостиничных апартаментах Онассиса в Риме, а из подслушанного состряпал мерзкую историю, которую и опубликовал в одной из контролируемых ЦРУ газет. Последовавший скандал сорвал заключение контракта, нежелательного для нефтяных компаний США и ЦРУ, стоявшего на страже их благосостояния. Мэхью признавался, что он заранее согласовал свой план действий с государственным департаментом, а также с «другим разведывательным органом». То, что он употребил в этом контексте слово «другим», весьма примечательно. Это наводит на мысль, что Мэхью считает себя и «своих ребят» параллельной, равноценной и равноправной с ЦРУ разведывательной службой. Что ж, ему лучше знать.

* * *

Дела у Роберта Мэхью, одного из «своих ребят», и его фирмы по связям с общественностью шли превосходно. «Бизнес Америки — это бизнес», — сказал однажды Калвин Кулидж *. Бизнес «своих ребят» заключался в том, чтобы устраивать небольшие правительственные услуги своим клиентам, оказывая в то же время негласные услуги правительству. Связи Мэхью весьма импонировали одному из его клиентов. Почему бы не использовать их исключительно для собственного блага, подумалось ему году эдак в 1960-м. Так все и получилось, ведь клиент привык, что его желания моментально исполнялись.

Конечно, Говард Хьюз мог осыпать Боба Мэхью любыми оскорблениеми после их окончательного разрыва, но беспристрастный анализ свидетельствует: в течение того десятилетия, когда «свой парень» Мэхью находился у него на службе, за свои истраченные деньги миллиардер получил сполна.

Отношения Хьюза с Вашингтоном складывались не лучшим образом. Управление гражданской авиации воспрепятствовало приобретению Хьюзом авиакомпании «Норсист эйрлайнс» и выступало против него в борьбе за контроль над авиакомпанией «Транс уорлд эйрлайнс» — битва, в ходе которой в начале 60-х годов чиновникам, заполнившим повестки с вызовом в суд, приходилось

* Калвин Кулидж (1872—1933) — президент США в 1923—1929 годах.

работать сверхурочно. Не всегда встречал Хьюз понимание и у военных. Еще в середине 30-х годов Хьюз употребил все свои силы, чтобы уговорить правительство купить самолет оригинальной конструкции. Тогда еще авиация находилась в ведении армии, и разраставшийся корпус армейской авиации еще не превратился в военно-воздушные силы. В те дни Хьюз прославился как дерзкий и смелый пилот, установивший несколько мировых рекордов скорости на самолетах собственной конструкции. Но армия отказывалась брать их даже даром. Не помогли посулы отчаявшегося Хьюза построить прототип самолета на свои деньги. Хорошо известно, к каким хитроумным мерам безопасности прибегал миллиардер всю жизнь, дабы обеспечить секретность своих операций. Это не было случайностью. Хьюз помнил ту давнюю историю: его неверные служащие выкрадли чертежи оригинального истребителя, который впоследствии стал известен как Р-38, и передали их заклятому конкуренту Хьюза — компании «Локхид», в итоге построившей этот самолет. Хьюз считал, и не без оснований: «Локхид» получила заказ, ублажая генералов алкогольными напитками и красотками. Когда началась вторая мировая война, Хьюз обнаружил, что чертежи его рекордного моноплана Н-1, который армия строить также отказалась, каким-то образом попали в руки японцев. С некоторыми модификациями конструкция Хьюза была воплощена в знаменитом японском самолете «Зироу». Ничего удивительного, что капиталист был вне себя от ярости: он сконструировал самолеты для обеих воюющих сторон, не получив за это ни цента.

Говард Хьюз был одержим секретностью и анткоммунизмом. Но, как оказалось, немного свихнулся также на почве связей с общественностью. На протяжении своей долгой карьеры Хьюз перепробовал самых разных экспертов в этой области — подобно тому как заядлый курильщик пробует одно средство за другим, чтобы избавиться от вредной привычки. Обнаружив, что его конкуренты снабжают военных высококачественными напитками и блондинками, Хьюз нанял короля двойной бухгалтерии, лос-анджелесского специалиста по связям с общественностью Джонни Майера, вменив ему в обязанность ублажать армейское начальство выпивкой и изысканными кушаньями. Это помогло, но не в той степени, как хотелось бы. Хьюз оставил энергичного Майера в своем штате, но в то же время продолжал напинать друзей

гих видных экспертов, выплачивая им баспословное жалованье.

Хьюз продолжал упорно искать себе идеального человека по связям с общественностью и, наконец, столкнулся с Робертом Мэхью.

Как специалисты по связям с общественностью «свои ребята», понятно, ценятся значительно выше, чем рядовые представители профессии. Особенно же дорого, видимо, стоят бывшие агенты ФБР с тесными связями в ЦРУ. Роберт Мэхью оказался одним из самых дорогостоящих приобретений Говарда Хьюза. Фирма Мэхью стала оказывать услуги Хьюзу в конце 50-х годов; в 1960 году Мэхью отказал всем своим остальным клиентам и стал работать исключительно на Хьюза, который платил ему сногшибательное жалованье в размере 500 тысяч долларов в год. (Даже учитывая привычку Хьюза не считать денег, добиваясь желаемого, это было нечто из ряда вон выходящее: Ной Дитрих, правая рука Хьюза, служивший ему верой и правдой тридцать лет, получал в год 75 тысяч долларов.)

За такие деньги Мэхью, конечно, работал не покладая рук. За десятилетие службы у Хьюза отношения миллиардера с Вашингтоном резко изменились к лучшему. Видимо, этот период службы Мэхью у. миллиардера не случайно совпал с расцветом дружбы между Хьюзом и ЦРУ.

Когда Чарльз Колсон* заявил в 1974 году следователям по «уотергейтскому делу», что у Говарда Хьюза были «тесные связи с ЦРУ» (и, надо понимать, с «Уотергейтом»), мало кто из американских журналистов понял, о чем идет речь. Некоторые просто не поверили ему.

Рассказ о деятельности разведывательно-промышленного комплекса будет неполным, если не рассмотреть связи миллиардера с ЦРУ. Обе стороны извлекали взаимные и значительные выгоды — как косвенные, так и прямые. ЦРУ никогда бы не смогло скрыть свою широкомасштабную тайную войну против Кастро, для обеспечения которой требовались массированные операции на американской территории, без энергичной помощи бизнесменов-патриотов типа Говарда Хьюза, имевших в

* Чарльз Колсон — помощник президента Никсона.

Карибском море свои собственные острова и охотно сдававших их в аренду. ЦРУ предоставило Хьюзу всякого рода льготы и привилегии: помочь в преодолении правительенного бюрократизма, экономический шпионаж, защиту от вмешательства правительенных органов, пытающихся контролировать Хьюза, и даже скрытое правительенное финансирование крупных проектов. Этими услугами Хьюз пользовался весьма широко.

В начале 60-х годов в разведке произошла научно-техническая революция. Вместо плащей и кинжалов появились компьютеры. ЦРУ, став пионером успешных запусков электронных разведывательных спутников, получило превосходство над конкурирующими разведывательными службами Пентагона.

Фирма «Хьюз эйркрафт корпорэйшн» являлась главным поставщиком спутников-шпионов для ЦРУ. Смелый инженер-миллиардер мыслил теми же категориями, что и ученые в лабораториях ЦРУ, и вместе они добились немалых успехов. В этот же период «Хьюз эйркрафт» также стала главным подрядчиком НАСА, космического монолита, обосновавшегося в Хьюстоне — родном городе Хьюза.

Отставные военные, ученые, оставившие службу в ЦРУ, и «свои парни» — все стекались в организацию Хьюза. К примеру, «Бад» Уилон ушел в отставку с поста заместителя директора ЦРУ по научной и технической части, чтобы занять кресло президента «Хьюз эйркрафт». Эд Нигро, пентагоновский генерал, подал в отставку в возрасте всего 48 лет, чтобы «присматривать» за делами Хьюза в Лас-Вегасе. «Я считаю, что и здесь еще могу послужить моей стране», — заявил Нигро репортерам.

Хьюз направил Мэхью меморандум, в котором излагалась мысль о необходимости использовать связи Нигро в Пентагоне с тем, чтобы «обеспечить продолжение вьетнамской войны» и соответственно расширить сбыт вертолетов, производимых компанией «Хьюз эйркрафт». (Фактов, указывающих, что Нигро действительно предпринимал что-либо в этом направлении, обнаружить не удалось.) Хьюз также распорядился, чтобы Мэхью дал взятку федеральным властям и добился прекращения подземных ядерных испытаний в Неваде. Этого, правда, ему добиться также не удалось. Но зато вскоре правительство начнет тайно финансировать один из его проек-

тов — «Глоумэр эксплуорер», причем суммы будут достигать нескольких сотен миллионов долларов. Полюбовный брак между Хьюзом и ЦРУ пользовался благоволением небес: бактериофобия и патологическая страсть эксцентричного миллиардера к сверхсекретности идеально соответствовали склонностям ЦРУ. Прошло немногого времени, и организация Хьюза стала оказывать ЦРУ услуги в мировом масштабе, превратившись в крупнейшего частного подрядчика ЦРУ. Для них не существовало ни слишком больших, ни слишком малых дел. Фирмы «Хьюз эйркрафт» и «Хьюз тул компани» использовались в качестве «ширм» и служили «главными казначеями» для оплаты секретных агентов, где бы те ни находились. Выплаты обычно осуществлялись наличными непосредственно Хьюзом и ЦРУ, но порой штатные сотрудники ЦРУ получали чеки, выписанные Хьюзом из своих фондов заработной платы. Эти суммы ЦРУ потом возмещало Хьюзу до последнего цента.

Кэй-Сэл — заросший кустарником клочок бесплодной земли, один из Багамских островов, со всех сторон окруженный коралловыми рифами. Он находится в стороне от туристских маршрутов, и с коммерческой точки зрения цена его равна нулю. В тайной войне против Кастро, однако, это был поистине драгоценный остров: от северного побережья Кубы до Кэй-Сэла всего лишь тридцать миль. На нем к тому же имелась взлетно-посадочная полоса. Остров принадлежал Говарду Хьюзу.

Медицинский институт Хьюза в 1956 году арендовал остров у майамского строительного магната Кларенса Муди, получившего его в долгосрочное пользование у багамского правительства. Управлял им от имени Хьюза сын Муди Осмет. На острове находился также британский таможенник на службе Ее Величества, который за бутылку виски мог закрыть глаза буквально на все.

«Дефект зрения», который обнаружился у таможенника, был очень кстати, поскольку организация Хьюза предоставила Кэй-Сэл в распоряжение ЦРУ. «К Кэй-Сэлу и близко не подойдешь без разрешения Муди или ЦРУ», — рассказывал Джерри Патрик Хемминг, диверсант тайной войны. Стремление отгородить все, что происходило на острове, от внешнего мира диктовалось действиями, которые серьезно нарушали британский нейтра-

литет. Хемминг видел ящики с надписью «Тулко» («Хьюз тул компани»), предназначенные для отправки на Кэй-Сэл и набитые оружием и военным снаряжением. Дом Бонафиде писал в майамской газете «Геральд» 25 августа 1963 года: «Со времени прихода Кастро к власти в 1959 году Кэй-Сэл использовался с двойной целью: как промежуточная база и склад оружия для налетчиков-эмигрантов и как первая остановка антикастровских беженцев». Диверсанты получили приказ говорить в случае их обнаружения, что они репетируют сцены из будущих кинофильмов Хьюза.

Занятые планированием секретных акций сотрудники ЦРУ обращались к организации Хьюза с тем же трепетным чувством, с которым беглый ищет безопасного укрытия: ЦРУ должно было прятать проводимые на американской территории операции в тени, а империя Хьюза отбрасывала весьма густую тень. Подобные методы «патриотического служения» своей стране приносили Хьюзу финансовые выгоды свершенно невероятных размеров.

От продажи своей авиакомпании «Транс уорлд эйрлайнс» Хьюз выручил всего-навсего 547 миллионов долларов, а тайные контракты, получаемые им от ЦРУ вне всякой конкуренции, принесли в общей сложности 6 миллиардов долларов. Следователей конгресса буквально парализовали широко распространенные в кругах разведки слухи о том, что ЦРУ вынудило Финансовое управление США отказаться от расследования ряда обстоятельств, связанных с налогообложением и уплатой налогов, чтобы сохранить «крыши» ЦРУ в организации Хьюза. Другим состоятельным бизнесменом, пользующимся тайным покровительством ЦРУ, является Дж. Каплан из Нью-Йорка, чей престижный благотворительный «фонд Каплана» в начале 60-х годов служил каналом для перевода финансовых средств группам ЦРУ, действовавшим на американской территории и за рубежом. Финансовое управление попыталось лишить каплановский «фонд» его статуса не подлежащего налогообложению учреждения за «оптовое» нарушение законов, определяющих деятельность благотворительных организаций. Оно обвинило Каплана, в частности, в использовании не облагаемых налогом средств «фонда» для приобретения конт-

рольных пакетов акций тех компаний, которые Каплан хотел прибрать к рукам. Однако вмешалось ЦРУ, и действия Финансового управления были блокированы. Когда же конгрессмен Райт Пэтмэн попытался выяснить причины прекращения расследования Финансовым управлением «дела Каплана», ЦРУ вновь нажало на все кнопки и Пэтмэн неожиданно для всех прекратил свое расследование.

Всячески охраняя шпионское судно Хьюза «Глоумэр эксплуорер», ЦРУ, как утверждают, также оказало нажим на Комиссию по ценным бумагам и векселям, когда та вела расследование деятельности компании «Глоубэл марин» — связанной с Хьюзом фирмы, за которой числилось это судно. Комиссия, видимо, была озабочена тем, что «Глоубэл марин» утаивала от общественности действительные цели своих исследовательских работ в океане. Одним из фактов, о котором фирма забыла упомянуть в проспектах для держателей акций, было то обстоятельство, что ЦРУ вложило от 300 до 400 миллионов долларов в строительство этого «океанографического» судна. Акции компании продавались по 68 долларов за штуку, и подобная информация могла бы повлиять на рынок их сбыта.

Во время слушаний в Национальном управлении по трудовым отношениям в марте 1975 года, прошедших практически не замеченными, было вскрыто, что «Глоумэр эксплуорер» делал незапланированную остановку в Вальпараисо (Чили) в самый разгар организованного ЦРУ переворота, в результате которого в 1973 году было свергнуто правительство Альенде.

Неожиданная информация о таинственном визите судна ЦРУ в Чили всплыла в ходе разбора в Национальном управлении по трудовым отношениям жалобы профсоюза, касающейся, в частности, и «Глоумэр эксплуорера». Как заявил моряк, находившийся в то время на борту, судно стояло в гавани Вальпараисо в течение двенадцати часов. Это было единственное судно, которому военная хунта разрешила после переворота покинуть гавань.

«Глоумэр эксплуорер» нанес этот визит, причины которого никак не были объяснены, во время пробного плавания из Порт-Частера, штат Пенсильвания, в Лонг-Бич, штат Калифорния. Служащий компании «Глоубэл

марин» по имени Томас Уильямс поднялся на борт судна, бросившего якорь в Вальпараисо, и провел продолжительное совещание за закрытыми дверями с находившимися на судне «буровиками».

Неизвестно, почему у служащего Хьюза возникла необходимость находиться в Чили как раз во время переворота. В процессе слушаний в Национальном управлении обнаружилось, что «буровики», составлявшие привилегированную часть экипажа,— вероятно, были агентами ЦРУ. Они держались особняком от остальных моряков и фактически управляли судном, даже капитан подчинялся их приказам.

Говард Хьюз извлекал из своих связей с ЦРУ огромные выгоды, однако это не первый случай, когда ЦРУ помогало крупным американским корпорациям добиваться сногшибательных прибылей. Так, нефтяные компании достигли процветания не без помощи ЦРУ, заискивающего перед ними. Отношения между миллиардером и ЦРУ складывались на редкость теплые, поскольку оба партнера имели взаимные интересы и одинаковые симpatии и антипатии.

III

Бывший сотрудник ФБР, ЦРУ и бывший слуга Говарда Хьюза Роберт Мэхью — весьма крупная фигура среди «своих ребят», которых в определенных кругах блюстителей порядка — возможно, нелестно — называют мафией ФБР. Подобная характеристика не совсем точна, поскольку в числе «своих ребят» можно встретить множество бывших агентов ЦРУ, служащих министерства юстиции, следователей Финансового управления и даже... отставных чинов канадской королевской конной полиции. Система «своих ребят» обеспечила ЦРУ окольные пути для проведения тайных операций за рубежом и внутри страны. Всегда готовые к услугам «своих ребят» гарантировали ЦРУ безопасные позиции в его противозаконной деятельности на американской территории. Сотрудничая со «своими ребятами», ЦРУ маскировало операции внутри Соединенных Штатов. Установить, где же кончаются операции ЦРУ и начинаются проделки частных лиц,— задача невероятно сложная. У «своих ребят» выполнение секретных разведывательных акций — как легальных, так и незаконных — было сопряжено с погоней

за личной выгодой. Тайная война, вероятно, служит тому наилучшим примером.

«Свои ребята» вездесущи. Один из них познакомил Ричарда Никсона с Бебе Ребозо. Свел их некто Ричард Дэннер, который в конце 40-х годов ушел из ФБР, чтобы стать муниципальным управляющим в Майами-Бич в пору безраздельного господства в нем гангстеров. Однажды Дэннер участвовал в весьма странном совещании на высшем уровне в Майами-Бич, которое проводили в заброшенном карьере враждующие шайки гангстеров, боровшиеся за контроль над местной полицией. Дэннер на протяжении более четверти века неизменно, словно волшебный амулет, приносил счастье Ричарду Никсону и в политической, и в личной жизни, выдвинув его на главные роли в тайной войне.

В 1952 году, вскоре после возвращения Батисты к власти, Дэннер сопровождал Никсона в увеселительной поездке в Гавану. С ними был и Дана Смит, управляющий знаменитым секретным фондом Никсона, предназначенный для раздачи взяток в ходе предвыборной кампании. Смит здорово проигрался за зелеными столами в Гаване, да и вообще удача от него отвернулась. В результате он был вынужден выплатить необеспеченный чек на 4200 долларов, чтобы расплатиться с «Сан-Суси», на что Норман Ротман, управляющий этого казино, страшно обиделся. В конечном итоге сенатору Никсону пришлось написать письмо в государственный департамент и употребить все свое влияние, чтобы это высокое ведомство оказало давление на Ротмана и вынудило его оставить Смита в покое.

В полном соответствии с традициями «своих ребят» Боб Мэхью впоследствии нанял Дэннера работать на Говарда Хьюза. За свои щедроты миллиардер, в общем, не позволял Дэннеру бездельничать, однако бывший агент ЦРУ находил время — как и многие другие «свои ребята», — чтобы подработать на стороне.

И не кто иной, как Дэннер, вручил своему старому другу Бебе Ребозо от имени Хьюза таинственные сто тысяч долларов в стодолларовых купюрах в качестве «вклада в предвыборную кампанию» — но уже после избрания Никсона президентом в 1968 году. Это произошло как раз в то время, когда Никсон должен был утвердить спорное приобретение Хьюзом калифорнийской авиакомпании «Эир уэст» и когда Хьюзу было необходимо

димо смягчение проводимых министерством юстиции антитрестовых мер, препятствующих приобщению к его коллекции лас-вегасских казино. (В обоих случаях желания Хьюза сбылись.) Следователи по «утергейтскому делу» выдвигают предположение: Белый дом опасался, что оппозиция располагала доказательствами о получении Никсоном от Хьюза подозрительных ста тысяч долларов. Это послужило главной причиной взлома в помещении национального комитета демократической партии.

Ричард Дэннер вновь оказался в центре внимания печати, когда в январе 1974 года навестил президента Ричарда Никсона и Бебе Ребозо в Кэмп-Дэвиде. По сообщению официального представителя Белого дома, встреча носила частный характер. Он заявил, что трое друзей вспоминали добрые старые времена.

«Свои ребята», похоже, бессмертны, впрочем, и компании, в которых они работают, тоже никогда не сходят со сцены. В начале 50-х годов другой бывший агент ФБР, некто Уильям Роумэн, достиг благополучия в сфере адвокатской практики — своей новой деятельности. Среди клиентов Роумэна числилась майамская фирма «Кис риэлти», которой посчастливилось стать маклером по купле-продаже недвижимости в Южной Флориде — а в недвижимость там (под вполне легальными прикрытиями) вкладывались сотни и сотни миллионов долларов, вывезенных с батистовской Кубы заправилами синдиката и сбежавшими чиновниками кубинского правительства. Несмотря на сомнительную репутацию фирмы, президент Никсон выбрал именно «Кис риэлти» в качестве посредника, когда совершалась сделка, связанная с устройством флоридского «Белого дома» в Ки-Бискейне*. Вице-президентом «Кис риэлти» стал Эухенио Мартинес, будущий утергейтский взломщик. В 1971 году Мартинес помогал создавать другую занимавшуюся недвижимостью компанию — «Америтас». Она представляла собой одну из «крыш», под которой укрывались утергейтские налетчики. (Боссом Мартинеса в «Америтас» был Бернард Баркер, впоследствии также осужденный по «утергейтскому делу». Многие операции Баркера с недвижимостью финансировались Бебе Ребозо, пеглас-

* Имеется в виду вилла Р. Никсона,

ным компаньоном Ричарда Никсона. Ребозо в свою очередь имел широкие деловые связи с фирмой «Кис риэлти», а один из служащих последней являлся директором принадлежавшего Ребозо банка «Ки-Бискейн бэнк».)

Еще одним примером, подтверждающим связь между карипскими дельцами и «Уотергейтом», может служить Роберт Пилоуквин, также один из «своих ребят». В 60-е годы Пилоуквин был ярым борцом министерства юстиции против организованной преступности, но вышел в отставку, чтобы переключиться на игорный бизнес и стать служащим новенького казино на острове Пэрдайс (Багамы).

Перебравшись на остров Пэрдайс, Пилоуквин заверил, что обезопасил его от синдиката. Эти заверения, правда, не совсем соответствовали мнению ряда экспертов в области организованной преступности, которые явственно отмечали, что управляющим казино на острове Пэрдайс был не кто иной, как ставленник Майера Лански Эдди Челлини. Пилоуквин, однако, стоял на своем, и в 1968 году на роскошной церемонии открытия казино среди прочих выдающихся личностей присутствовал и Ричард Никсон.

Пилоуквин на этом не остановился. В 1970 году он учредил частное сыскное агентство «Интертел», в которое с течением времени набрал массу бывших служащих ФБР, таможни, Финансового управления и Интерпола с тем, чтобы оградить бизнес от черной заразы организованной преступности. Агенты «Интертела» охраняли все игорные владения Хьюза в Лас-Вегасе, в том числе и «Сильвер слиппер», которым управлял Ричард Дэннер.

«Сильвер слиппер» было не обычным казино, а Дэннер — не обычным управляющим. Среди многочисленных игорных предприятий миллиардера оно было единственным, которое не входило ни в одну из его корпораций. Хьюз владел им лично — чрезвычайно важное обстоятельство, позволявшее избегать законов о политических «дарах» от имени корпораций. Когда Хьюз захотел внести негласный политический вклад, Дэннер просто зшел в кассу «Сильвер слиппер» и сгреб кучу стодолларовых банкнот — самая ходовая купюра для политических «даров», вручаемых наличными,— в свой чемоданчик. Сто тысяч долларов, переданных Дэннером Бебе Ребозо для Никсона, были получены прямо из казино «Сильвер слиппер».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МЕСТЬ НИКСОНА

...Проблема состоит в том, что все это уходит корнями в Залив свиней.

*Ричард Никсон
(президентские магнито-
фонные ленты)*

I

В 1969 году администрация Ричарда Никсона, только что принявшая бразды правления, осуществила ряд акций, которые продемонстрировали патриотам тайной войны из мафии, что родное правительство их не забыло. Вскоре после вступления Никсона в должность долгая судебная процедура, имевшая целью депортацию Джонни Роселли, была прекращена. Адвокаты, не вдаваясь в подробности, заявили на суде, что этот солдат мафии сослужил «ценную службу делу национальной безопасности».

Затем Никсон уволил прокурора города Нью-Йорка Роберта Моргентау. По заданию Моргентау следователи собирали разоблачительные материалы против заправил синдиката и связанных с ними бизнесменов. Поиски улики привели следователей в швейцарские банки. Прокурор напал на горячий след: обнаружил связи между банками в Швейцарии и Майами. Используя эти связи, мафия «отмывала», или «отстирывала»*, полученные деньги. «Грязная» наличность превращалась в «чистые» доллары, которые затем вкладывались гангстерами в различные прибыльные операции. Процедуру «отстиривания» осуществляли быстро и ловко: сначала деньги, полученные в одном из багамских казино, мафия с курьером переправляла в готовый к услугам швейцарский банк, который переводил их, часто еще через несколько промежуточных «очистных станций», в какой-нибудь контролируемый мафией банк Майами. Затем гангстер-делец смело получал в этом банке «заем» и вкладывал «отмытые» деньги в недвижимость. В случае чего ганг-

* Имеется в виду процедура, с помощью которой добытые преступным путем деньги без риска вкладывались в легальный бизнес.

стеры могли предъявить Финансовому управлению США легальные источники своих средств.

Однако Моргентау не только выдвигал обвинения и добивался осуждения гангстеров и некоторых их респектабельных соратников-бизнесменов. Вместе с Райтом Пэтмэном, возглавлявшим комиссию палаты представителей по банковским и валютным вопросам, он еще разрабатывал законопроект, который позволил бы федеральным властям проследить движение денег мафии по международным финансовым каналам. Администрация Никсона выступала против подобного законодательства. Министерство финансов первоначально поддержало эту меру. Потом вдруг передумало, и, несмотря на протесты Пэтмэна, его законопроект «дополнили», «корректировали» и «редактировали» до тех пор, пока он перестал представлять сколько-нибудь серьезную угрозу для мафии. Группа приближенных Никсона рекомендовала оставить демократа Моргентау на его посту, поскольку он являлся одним из лучших прокуроров страны, но министр юстиции Джон Митчелл уволил его. Митчелл заявил, что республиканцам самим нужен этот пост.

Новая администрация относилась к синдикату весьма благосклонно. Ослаб нажим из Вашингтона на Сэма Джанкану. Канули в небытие обвинения против ряда заправил мафии, а Габриэлю «Келли» Маннарино, видному мафиози, необыкновенно повезло с неожиданным свидетелем защиты на процессе в Нью-Йорке, где его в числе других мафиози судили за ракет в профсоюзном движении. Благодетель, невесть откуда взявшийся и свидетельствовавший в пользу Маннарино, оказался... сотрудником ЦРУ. Агенты ФБР, выступавшие на суде свидетелями обвинения, были настолько потрясены и растеряны, что даже попытались насильно вытолкнуть агента ЦРУ из зала судебного заседания. (Маннарино, кстати, оправдали.)

Случай с Маннарино показал, что у Никсона были не только «длинные руки», но и прекрасная память. В 1952 году «Келли» Маннарино являлся владельцем казино «Сан-Суси» в Гаване, в котором Ричард Никсон, тогда сенатор, поигрывал вместе с Даной Смитом, получившим вскоре известность в качестве управляющего секретным фондом вице-президента Никсона. И как раз в «Сан-Суси» Смиту пришлось выписать необеспеченный чек в уплату своих проигрышей. В связи с чем сенатор

Никсон официально обратился в государственный департамент США с просьбой вмешаться и убедить Маннарино не предъявлять чек к оплате. Еще один пример, столь характерный для карьеры Никсона: брат «Келли» Маннарино, Сэм, был одним из гангстеров, который помогал Роселли и Джанкане разрабатывать планы покушения на жизнь Кастро в то время, когда Никсон занимался в Белом доме вопросами о вызволении военным путем гаванских казино, закрытых после победы революции на Кубе.

* * *

Прибыльные жульнические отношения Майера Лански с Фульхенсио Батистой принесли им обоим сотни миллионов, а еще сотням других жуликов десятки миллионов. Эти деньги «отстирывались» во множестве банков и юридических фирм и вкладывались в сделки с недвижимостью, в результате которых была застроена значительная часть Большого Майами, а Ричард Никсон и его ближайшие друзья оказались опутанными паутиной «грязных» денег. Это, правда, превратило Никсона за время пребывания в Белом доме в миллионера, но заставило секретную службу предупредить главу государства о неблаговидном характере окружающей его компании.

Связь Лански с Батистой наладилась в 30-е годы, когда Лански заключил с диктатором контракт на поставку последним мелассы — необходимого сырья для его контрабандной торговли алкоголем. Их сотрудничество в этой области продолжалось и в годы второй мировой войны.

Лански и Батиста стали закадычными друзьями. Их дружба в 1944 году сумела пережить даже такой тяжелый момент, как приезд Лански на Кубу в качестве тайного эмиссара президента Рузвельта. Президент поручил ему довести до сведения диктатора свою волю: Батисте надлежало избавить остров от своего господства. Пример, весьма типичный для политики Рузвельта, которую в некоторых исторических исследованиях называют «курсом невмешательства и добрососедства». Все лицемерие этого курса ярко проявилось в 1933 году, когда американский посол на Кубе Самнер Уеллес, распоряжаясь на острове, как в своей вотчине, привел Батисту к власти. В том, что Рузвельт доверил Майеру Лански сообщить недобрую весть другу-диктатору, не было ничего удивительного: президент следовал своим традициям использовать мафию

в делах, связанных с политикой и национальной безопасностью. В благодарность за помощь в обеспечении спокойствия и порядка в доках Восточного побережья в годы второй мировой войны был значительно сокращен пятидесятитрехлетний срок тюремного заключения, к которому был приговорен «Счастливчик» Лучано. Во время высадки на Сицилию и последующей оккупации союзниками острова на помощь была призвана вся сицилийская мафия. ЦРУ продолжало заключать сделки с мафией, используя ее для срыва забастовок левых докеров в Марселе, а в период войны в Юго-Восточной Азии — для того, чтобы удерживать в окопах свои собранные из всякого сбrosа «тайные армии» в Лаосе и Вьетнаме.

Майер Лански был совершенно убежден, что долг платежом красен. Как полагает Хэнк Мессик, длительное время наблюдавший за жизнью и деятельностью Лански, в награду за согласие навестить Батисту по поручению Рузвельта Лански получил индульгенцию, избавляющую его от преследования федеральными властями. Это похоже на правду. Личное состояние Лански, по разным оценкам, составляло от 200 до 300 миллионов долларов, ни один цент из которых никогда не объявлялся в налоговой декларации. Сам он был в течение десятилетий широко известен как босс организованной преступности в Соединенных Штатах. Лишь в конце 60-х годов Финансовое управление США попыталось было предъявить ему обвинение в уклонении от налогов, но Лански вновь вышел сухим из воды.

Свою ссылку Батиста вполне комфортабельно проводил в особняке в Дейтона-Биче, на флоридском побережье в округе Браудорд. Это была территория Лански, где шериф был услужлив настолько, что посыпал своих помощников носить ружья Лански во время его охотничих вылазок. По горло занятый делами по переустройству Флориды в «золотой берег», Лански все же находил время управлять своими гаванскими доходными предприятиями: казино в отеле «Насиональ» и ипподромом. Однако лишь в начале 50-х годов, когда Лански устроил Батисте возвращение на Кубу, дав бывшему тогда президентом Карлосу Прио взятку в размере 250 тысяч долларов, начала сбываться мечта синдиката о превращении Гаваны в карibbeanский Лас-Вегас. Наряду с процветающими казино выгодным бизнесом стали проституция, наркотики и подпольные аборты. Правительственные чиновники Кубы и

посредники получали свою долю дважды: от синдиката и из государственной казны. Делами спорта в правительстве Кубы заправлял ближайший родственник Батисты Роберт Феррандес Миранда. Он разъезжал по Гаване в моторизованной коляске, которая обычно используется во время игры в гольф для перевозки снаряжения, самолично снимая кассы игральных автоматов.

В 50-е годы Гавана стала столицей организованной преступности, управляемой гангстерами, и главным капилем, через который в Соединенные Штаты поступали наркотики. Всего в 90 милях от США находилась страна, бичом которой стали коррупция и преступность. Однако отношение Вашингтона к Гаване варьировалось от безразличия до снисходительного одобрения. Батиста дал мафии место у золотой кормушки, а Вашингтон своей экономической и военной помощью обеспечивал Батисте сохранение власти. Самыми преданными сторонниками Батисты в Вашингтоне был сенатор от Флориды Джордж Смазерс и его добрый друг сенатор, а затем и вице-президент Ричард Никсон. Смазерс, происходивший из состоятельной майамской семьи, относился с величайшей благосклонностью к Гаване и к потоку богатств, который тек оттуда в Южную Флориду. Никсон, родившийся в семье скромного достатка, благоговел перед роскошью Майами и открытого города Гаваны как перед землей обетованной.

Никсон часто уносился мечтами в Гавану. Как писал автор его биографии Эрл Мэйзо, еще в 1940 году «в период недолгой поездки на Кубу он в свободное время изучал возможности установить с Гаваной деловые связи». Мэйзо затрудняется объяснить, почему молодой калифорнийский квакер был столь очарован этим открытым карibbeanским городом, но зато отмечает, что еще в юности Никсон пытался провернуть рискованную и сомнительную операцию, «стремясь при этом отыскать легальное прикрытие концессии на торговлю ветчиной и грудинкой, которая на деле должна была служить ширмой для игры в покер и кости в задней комнате (курсив У. Хинкла и У. Тернера)».

II

15 декабря 1971 года в 11 часов 35 минут утра майамская контора судоходной компании «Бэхамэз лайн» получила

по радио сигнал бедствия от капитана одного из своих судов — «Джонни экспресс» водоизмещением 1400 тонн. Капитан Хосе Вилья сообщал, что его преследует канонерка кубинских ВМС и что он, уходя от погони, поворачивает на север. «Джонни экспресс» направлялся в Майами после разгрузки в Порт-о-Пренс и находился неподалеку от острова Малый Инагуа.

В 12 часов 55 минут капитан Вилья, кубинский эмигрант, доложил, что канонерка настигает его судно. «Не останавливаться,— распорядился по радио служащий «Бэхамез лайн» Франсиско Бланко.— Вы в международных водах».

В 1 час 31 минуту Вилья истерическим голосом сообщил, что канонерка открыла по «Джонни экспресс» огонь, а сам он ранен. Через девять минут он крикнул: «Они расстреливают нас в упор».

В 2 часа 00 минут Бланко после лихорадочных консультаций с другими руководителями компании посоветовал Вилье попробовать выбросить судно на берег. «Мы будем идти, пока они нас не потопят»,— ответил капитан. Затем связь прервалась. В 2 часа 20 минут Вилья снова вышел в эфир, сообщив, что канонерка ведет огонь по антenne. Он умолял как-нибудь ему помочь. Через десять минут он начал свою последнюю передачу: «Палуба залита кровью. Я умираю. Скажите, чтобы морская пограничная служба поторошилась. Скажите им, что на борту убитые и раненые».

Канонерка таранила «Джонни экспресс» и взяла его на абордаж. Затем отбуксировала судно в кубинский порт. Вилью и двух раненых моряков срочно отправили в больницу. Пресс-секретарь Рон Зинглер осудил нападение. Он заявил, что это «нарушение международной практики», но поскольку «Джонни экспресс» ходило под панамским флагом, то дело находится в компетенции Панамы. Больше того, двенадцать дней назад кубинцы захватили — правда, без стрельбы и кровопролития — другое судно, что не вызвало вообще никакого протеста со стороны Вашингтона.

Чем же объяснить столь необычное спокойствие американской столицы? Дело в том, что обвинения, выдвинутые Гаванским радио в оправдание захвата судна, оказались неопровергнутыми. Кубинцы утверждали, что «Джонни экспресс» принадлежит подставным лицам ЦРУ. Судно в 1968—1969 годах по заданию ЦРУ трижды

доставляло на Кубу «агентов, оружие и взрывчатку», а за два месяца до инцидента оно использовалось в качестве судна-матки, с которого спустили быстроходный катер, обстрелявший из пулеметов приморский город Бока-де-Самá, в результате чего среди гражданского населения были убитые и раненые. В тот же вечер майамская телевизионная станция WTVJ показала передачу под названием «Может потребоваться Джеймс Бонд». В ней высказывалось мнение, что «Джонни экспресс» — вовсе не мирное грузовое судно. Телезрителям продемонстрировали «разведывательную фотографию» судна, сделанную морской пограничной службой США, на которой можно было рассмотреть «установленный на грузовой палубе шестиметровый катер с быстроходными обводами корпуса».

«Джонни экспресс» принадлежало братьям Сантьяго и Теофило Бабунам, олицетворявшим собой американскую историю успеха большой семьи, которая поколением раньше покинула Ливан. Другие Бабуны устроились в Гаити, где пользовались влиянием в правительственные кругах. Третий пересекли Наветренный пролив и поселились в кубинской провинции Ориенте, где процветали в сфере торговли. Сантьяго и Теофило принадлежали именно к этой фамильной ветви. Все Бабуны, осевшие на Кубе, в полном составе бежали в Майами, когда победила революция. До прибытия во Флориду Сантьяго был связан с ЦРУ. Когда его сын, Сантьяго-младший, вступил в бригаду 2506, преисполненный гордости отец внес свой вклад — 52-метровое судно, которое вооружил пушками за собственный счет. Но за свою щедрость был жестоко наказан: вторжение началось до завершения работ по переоснащению судна в боевой корабль.

В 1964 году кузена Сантьяго, Рудольфа Бабуна, гаитянского консула в Майами, уличили в соучастии в нелегальной отправке на Гаити самолетов «Т-28» и выдворили из США. В 1968 году, когда, по утверждению гаванского радио, «Джонни экспресс» было впервые использовано для доставки оружия и агентов на Кубу, Сантьяго-младшего и Теофило арестовала майамская полиция, обнаружившая на складах их судоходной компании тайник с огромным количеством взрывчатки. Семью Бабунов явно занимали дела не только торговые, но и военные.

Если Вашингтон из-за возможной причастности ЦРУ пытался спустить инцидент с «Джонни экспресс» на тормозах, Ричард Никсон в своем флоридском «Белом доме» действовал прямо противоположно. Заклеймив захват судна как «бессовестный и бесстыдный акт», он требовал немедленного освобождения капитана. Ставяясь попасть в тон главнокомандующему, Пентагон и государственный департамент предупредили Кубу, что для предотвращения подобных случаев США примут все дозволенные международным правом меры и удвоят воздушные и морские патрули. Гаванское радио в ответ заявило: будут захвачены любые суда, участвующие в «контрреволюционной деятельности». Никсон вовсю раздувал огонь тайной войны из остывающих углей, оставленных братьями Кеннеди. И ЦРУ, и майамские эмигранты прекрасно это поняли. В тайной войне предстояло сделать несколько новых выстрелов. Некоторые из них были изуверски подлыми.

В течение 1969—1970 годов ЦРУ применяло способы воздействия на метеорологические условия, чтобы уничтожить на Кубе урожай сахарного тростника и подорвать ее экономику. Американские самолеты летали над островом, рассеивая в облаках особые кристаллы, в результате над несельскохозяйственными районами выпадали ливневые дожди (в ряде мест ливни привели к неожиданным и потому разрушительным наводнениям), а на плантациях сахарного тростника установилась засуха.

В марте 1970 года офицер разведки Соединенных Штатов передал одной из террористических групп кубинских эмигрантов контейнер, содержащий вирус африканской свиной лихорадки. Контейнер был доставлен рыболовным траулером на остров Навасса, который ЦРУ в прошлом использовало в качестве базы, а затем тайком ввезен на Кубу. Через шесть недель на Кубе вспыхнула первая в Западном полушарии эпизоотия, она косила поголовье скота, в результате чего существенно сократилось производство свинины — основы рациона населения страны. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН назвала вспышку эпизоотии «самым тревожным событием года» и предприняла безуспешные попытки проследить, какими путями «болезнь была завезена на остров».

При администрации Никсона возобновились попытки покушений на жизнь Кастро, организованные ЦРУ. Эмигрантская группировка Джерри Патрика Хемминга была

привлечена к осуществлению плана убийства Кастро во время его визита в Чили по приглашению Сальвадора Альенде в октябре 1971 года. Кастро предполагалось застрелить из пистолета особой конструкции, спрятанного в телевизионной камере, во время его торжественной встречи по прибытии в Сантьяго. Существование такого замысла подтвердил Тони Весьяна, заявивший, что его непосредственный шеф в ЦРУ Морис Бишоп приказал ему организовать покушение. «Все это было очень похоже на убийство Кеннеди,— рассказывал Весьяна.— Назначенному Бишопом убийце Кастро должны были подсунуть бумаги, уличающие его как вставшего на путь предательства агента Москвы и Гаваны. После покушения намечалось убить и самого стрелявшего». Подложные документы изготовил бывший агент батистовской службы безопасности по имени Луис Посада Каррилес, который участвовал во вторжении в Залив свиней, а затем прошел шпионскую подготовку в Форт-Джексоне. К 1971 году Посада стал высокопоставленным сотрудником венесуэльской службы безопасности.

Покушение сорвалось по чистой случайности. «У нас были телевизионные камеры со спрятанным в них оружием, чтобы убить Кастро в то время, когда он будет произносить речь,— вспоминал Весьяна.— Но у одного из агентов случился приступ аппендицита, и нам пришлось срочно отправить его в больницу. Нашарник действовать в одиночку отказался». Однако заговорщики предусмотрели запасной вариант убийства Кастро во время его поездки на горный медный рудник близ Антофагасты на севере Чили. Но и на этот раз ничего не вышло. К руднику Кастро ехал по узкой извилистой дороге. Проехав полпути, машина Кастро остановилась — поперек дороги стоял выведенный из строя автомобиль. Он был начинен 400 футами динамита с электрическим детонатором, управляемым по проводам. Убийцы включили ток, но взрыва не произошло.

Тогда вступил в действие третий вариант плана, предусматривавший покушение на Кастро во время остановки в Перу на обратном пути из Чили. Его должны были совершить в тот момент, когда Кастро появится в двери самолета сразу после приземления в аэропорту Лимы, где намечался официальный обед от имени президента Хуана Веласко Альварадо. Самолет «Бичкрафт», вооруженный 20-миллиметровой пушкой расположился на

летном поле в такой позиции, откуда он мог бы расстрелять Кастро чуть ли не в упор и тут же подняться в воздух. Однако самолет, в котором находился Кастро, совершенно неожиданно отрулил на специально отведенную и усиленно охраняемую площадку, находившуюся вне досягаемости огня из «Бичкрафта». Вполне понятно, что пилот последнего отказался переместить свой самолет на другую позицию, с которой взлет, а значит, и спасение бегством были невозможны.

III

В «Малой Гаване» людской поток запрудил Флаглер-стрит, кубинские эмигранты собирались группками перед фруктовыми и овощными прилавками, оживленно беседовали за столиками маленьких кафе, потягивая испанский сидр или прихлебывая из крошечных чашечек крепчайший кубинский кофе. Новости в «Малой Гаване» распространяются невероятно быстро, и сейчас в центре внимания оказался Говард Хант. Он вернулся.

Говард Хант прибыл в родной Майами в канун 17 апреля 1974 года — десятой годовщины Залива свиней. В «Малой Гаване» был открыт памятник павшим солдатам бригады 2506. В тот день Хант навестил своего старого соратника Бернарда Баркера. Не застав его дома, Хант приколол к двери записку: «Если вы тот самый Баркер, которого я когда-то знал, свяжитесь со мной. Говард». В записке Хант указал номер своей комнаты в одном из майамских отелей.

Баркер принадлежал к числу немногих кубинцев, знаявших настоящее имя Ханта. Для подавляющего большинства он был Эдуардо. Их встреча за ленчем прошла в воспоминаниях. Баркер в свое время был связан с «Движением за возрождение революции», возглавляемым Мануэлем Артиме, затем переключился на бизнес в сфере недвижимости. Хант также не порывал с Артиме, которого попросил стать крестным отцом одного из своих детей. После Залива свиней Хант написал за Аллена Даллеса книгу «Искусство разведки». Когда Даллеса убрали из ЦРУ, Хант впал в немилость. В 1963 году американский посол в Мадриде отверг предложение о назначении его помощником шефа местной резидентуры ЦРУ. Хант был вынужден исматривать утешения в газетных описаниях

своей роли в заговоре Артиме — Кубела-Амлэш с целью убийства Кастро.

Выйдя в отставку из ЦРУ, Хант начал работать в «Роберт Маллен компани», вашингтонской фирме по связям с общественностью, служившей «ширмой» ЦРУ, среди клиентов которой числились такие состоятельные корпорации, как «Дженерал фудз» и «Хьюз тул компани». Подобно Бобу Мэхью, Маллен охотно принимал в штат «своих ребят», которые одновременно выполняли разнообразные поручения ЦРУ. Белый дом планировал специальное задание для Ханта, и руководство компании «Маллен» с готовностью предоставило ему отпуск.

Хант возглавил образованную Белым домом специальную группу расследований, получившую кодовое наименование «Водопроводчики». Уже на этой ранней стадии предвыборной кампании 1972 года Белый дом был охвачен паранойей. Когда Хант приступил к исполнению своих новых обязанностей, на обложке первого же врученного ему досье значилось имя Дэниела Эллсберга*. Получив в добросердечном ЦРУ все необходимые шпионские принадлежности, Хант отправился в Бэверли-Хиллс, где проник в кабинет Льюиса Филдинга, психотерапевта, консультировавшего Эллсберга, в поисках клинических подробностей, порочащих «предателя».

Верного Берни Баркера буквально распирало от гордости, когда Хант попросил его помочь в деле, затрагивающем «национальную безопасность». К операции, которая проводится «надведомственной» организацией, стоящей «выше и ФБР, и ЦРУ», сказал Хант, привлекаются 120 ветеранов ЦРУ. Баркер согласился не раздумывая. Он даже высказал предположение, что в его фирме найдется пара коммивояжеров-взломщиков, которые с радостью ухватятся за такую работу. И они действительно ухватились.

Фирма Баркера «Америтас» являлась дочерним предприятием «Кис риэлти». Этой знаменитой во Флориде процветающей маклерской компании посчастливилось стать главным каналом, через который вкладывались в недвижимость сотни миллионов долларов, награбленных

* Дэниел Эллсберг — противник войны во Вьетнаме, которого подозревали в разглашении секретных документов Пентагона, разоблачивших подноготную грязной войны США против вьетнамского народа.

на батистовской Кубе заправилами синдиката и продажными кубинскими политиканами. «Кис риэлти» играла также видную роль в поддержании активного баланса бюджета Ричарда Никсона.

В 1973 году в нью-йоркском журнале «Вилледж войс» появилась серия разоблачительных статей репортера Люсбена Траскотта. Он цитировал бывшего высокопоставленного полицейского, следившего за американскими владениями в Карибском бассейне, который заявил, что Ребозо, Никсон и их компаньон во времена бума сенатор Джордж Смазерс имели кое-какие совместные интересы на батистовской Кубе. Эти утверждения, правда, еще требовали доказательств.

Однако факты о капиталовложении Никсона на материке уже доказаны. Впервые они были вскрыты в 1971 году группой репортеров из журнала «Ньюсдей». (За участие в этом расследовании Белый дом натравил на журналистов Финансовое управление, всячески пытавшееся им досадить.) В 1962 году Никсон стал скучать акции компании «Фишерс айленд», которая была основана Ребозо и Смазерсом для приобретения острова в Бискайском заливе у Линдея Хошкинса, директора «Зениг техникл энтерпрайзиз» — подставной фирмы ЦРУ, служившей «крышой» для отделения ЦРУ JM/WAVE. К 1968 году у Никсона скопилась 185 891 акция, приобретенная по бросовой цене — доллар за штуку. Через год он продал все акции обратно их прежнему владельцу — компании «Фишерс айленд», но уже по два доллара за каждую, удвоив свои капиталы. В то время он был единственным акционером этой фирмы, умудрившимся получить прибыль. Таким способом, считают некоторые любознательные люди, интересовавшиеся секретом финансовой прозорливости Никсона, его богатые друзья с кубинскими связями обеспечили своему человеку возможность легко заработать хорошие деньги.

За неожиданной удачей, привалившей Никсону с компанией «Фишерс айленд», последовал ряд хитрых маневров, в результате которых Никсон стал обладателем в Ки-Бискейне земельной собственности сомнительного происхождения. «Обстоятельства приобретения Никсоном этого землевладения были настолько спорными, а связанные с этим лица пользовались столь дурной репутацией,

что невозможно поверить, будто ни Никсон, ни Ребозо, ни их советники об этом не знали», — говорил Траскотт.

В 1948 году контроль над землевладением перешел в руки Уоллеса Гроувса — подставного лица Майера Лански. Через три года Гроувс внезапно отбыл на Багамы. (Там он готовил почву для проникновения Лански в сферу игорного бизнеса.) Участок земли перешел к Элене Сантьяго Алеман — что, другими словами, ни к каким изменениям не привело. Ее отец был адвокатом «Счастливчика» Лучапо в Гаване, а сама она состояла в браке с Хосе Алеманом, чиновником кубинского правительства при Батисте и Прио. Хосе Алеман, ступив на землю Флориды, расплылся в улыбке при виде таможенников, которые лишились дара речи, увидев увесистые пачки «личных» денег в его багаже. Она была также матерью Хосе Алемана-младшего, друга Роландо Кубелы, того самого Хосе Алемана-младшего, который в ходе переговоров в 1962 году о получении займа от профсоюза водителей грузовых автомобилей цитировал предсказание Сантоса Траффиканте о том, что Кеннеди «приступят».

В 1960 году Элена продала землевладения за двенадцать миллионов долларов в векселях Артуру Десслеру, компанию Джимми Хоффы. Десслер и Лу Поллер, еще один приятель Хоффы и подставное лицо профсоюза водителей грузовиков, использовали эту недвижимость, чтобы заполучить контроль над банком «Майами нэшил бэнк» (Поллер и «Майами нэшил» фигурировали в обвинительном заключении против Майера Лански в 1971 году). Затем «Десслер «не смог» выполнить своих обязательств по векселям. Алеман отобрала у него земельный участок, а векселя порвала в клочья. Конечный результат: профсоюз водителей грузовиков заполучил свой собственный банк для «отстирывания» денег.

В 1963 году Элена Алеман передала землевладение под опеку банку «Ферст нэшил бэнк» (Майами-Бич), принадлежавшему семье Джорджа Смазерса. И в то же время получила от этого банка многомиллионный заем, в обеспечение которого она представила ценные бумаги корпораций «Энсэн» и «Мохоук», компаний-учредителей*, основанных в конце 40-х годов ее мужем совместно с бывшим министром кабинета Батисты Ансельмо

* Компания-учредитель — компания, которой принадлежат контрольные пакеты акций других фирм и предприятий.

Альегро в целях вложения «хитрых» денег, поступающих из Гаваны. В 1965 году она передала южную часть землевладения штату Флорида под разбивку парка «Кейп-Флорида». На этой сделке она заработала восемь миллионов долларов. Оставшаяся часть земельного участка была продана через банк Смазерса «за десять долларов и другую ценную компенсацию» не кому иному, как Артуру Десслеру.

Год спустя Десслер продал свое землевладение компании «Кейп-Флорида дивелопмент корпорэйши», учрежденной Бебе Ребозо и Дональдом Бергом, который дружил с подручным Майера Лански Лу Чеслером и с Диком Никсоном (впоследствии при каждой встрече Никсона с Бергом секретную службу бросало в дрожь). В 1967 году Ребозо привез Никсона в Ки-Бискейн попозировать вместе с ним и Бергом для рекламных снимков, имевших целью подтолкнуть их буксовавший бизнес. В благодарность за это Никсону уступили два участка земли с неимоверной скидкой.

В январе 1968 года Ребозо вновь использовал Никсона в рекламных целях во время пышной церемонии открытия казино на острове Пэрэдайс (Багамы). Оно было гордостью Джеймса Кросби, который являлся президентом владеющей казино компании «Ризортс интернэшил» и другом Ребозо. В знак благодарности «Ризортс интернэшил» завела «скромный» счет в банке Ребозо «Ки-Бискейн бэнк» (Никсон был первым клиентом, открывшим там личный счет). Поэтому-то Ребозо и позволил себе позвонить Кросби, чтобы посоветоваться по поводу акций фирмы «Интернэшил бизнес машинз» (ИБМ), занимающейся производством оргтехники. Эти акции Ребозо принял в обеспечение займа в размере 195 тысяч долларов. Они, оказывается, фигурировали на самых видных местах в списке ФБР как украденные гангстерской «семьей» Карло Гамбино. Этот же Кросби внес сто тысяч долларов в фонд избирательной кампании Никсона 1968 года, а во время съезда республиканской партии в Майами-Бич предоставил в полное распоряжение Никсона принадлежавшую его компании яхту.

А Ребозо в том же 1968 году положил в карман 200 тысяч долларов чистой прибыли, вырученной от беспроигрышной сделки, связанный со строительством в «Малой Гаване» торгового центра. С помощью сенатора Смазерса он получил от Управления мелкого

предпринимательства заем на сумму 80 тысяч долларов плюс гарантированную арендную плату в размере 2,4 миллиона долларов — при условии, что в центре будут предоставлены помещения предпринимателям из числа малоимущих кубинских иммигрантов. Когда центр был построен, миллионер Ребозо открыл там прачечную-автомат, а «нищий» Мануэль Артиме — бакалейный магазин. Контракт на сооружение центра Ребозо доверил гангстеру «Большому» Элу Полицци. Со стороны Ребозо это могло быть просто благородным жестом: надо же помочь бывшему заключенному стать на праведный путь!

Когда Никсон после его избрания в 1968 году решил, что ему позарез необходим Белый дом еще и во Флориде, он купил в Ки-Бискейне дом Джорджа Смазерса и соседний с ним дом, принадлежавший семье кубинских эмигрантов. Сделка проходила через фирму «Кис риэлти», а большая часть денег по закладной была получена из банка Смазерса. В новую президентскую виллу в качестве пансионера въехал Бебе Ребозо.

В уик-энд накануне Дня труда * 1971 года три кубинца из Майами, нанятые Хантом и Гордоном Лидди **, проникли в кабинет доктора Льюиса Филдинга в Бэверли-Хиллс и сфотографировали все бумаги, в которых встречалось имя Эллсберга. Однако ничего порочащего Эллсбера обнаружить не удалось. Также безуспешной оказалась и попытка «перетрясти грязное белье», чтобы замарать репутацию сенатора Теда Кеннеди, который мог быть выдвинут кандидатом на пост президента от демократической партии. Как рассказывал Фрэнк Стерджис, присоединившийся к группе, они получили адреса четырех девушек в Вашингтоне, у которых, как предполагалось, были с Кеннеди «романтические эпизоды». Под предлогом партийного расследования от имени демократов группа побеседовала с этими молодыми леди. Допросы намеренно строились подчеркнуто грубо и враждебно по отношению к Кеннеди. Это было сделано с определенной

* День труда — официальный праздник в США, отмечается в первый понедельник сентября.

** Гордон Лидди — в упоминаемый период генеральный советник Комитета по переизбранию президента, в прошлом агент ФБР, помощник окружного прокурора, сотрудник ведомства по борьбе с наркотиками.

целью, объяснял Стерджис. «После допросов они хотели подсоединиться к телефонным линиям и подслушать, кому эти девушки позвонят, чтобы сообщить о наших визитах, что они скажут, еще не оправившись от первого волнения. Беседу-то мы провели как надо, но так и не смогли отыскать подходящей пары номеров, к которым следовало бы подключиться».

Примерно тогда же Хант связался с Мануэлем Артиме, разбогатевшим на импорте мяса и деталей машинного оборудования из Никарагуа. Эти операции он проводил совместно с Анастасио Сомосой. Хант сказал, что после переизбрания Никсона «нужно кое о чем позаботиться в Панаме», и предложил Артиме присоединиться к их группе. Впоследствии об этом предложении Ханта Мануэль Артиме поведал следователю по «уотергейтскому делу». Он также сообщил, что предстоящая миссия имела отношение к панамским чиновникам, помогавшим контрабандному ввозу наркотиков в Соединенные Штаты. Но в ходе следствия по «уотергейтскому делу» была вскрыта действительная цель их задания: оно заключалось в убийстве «панамского правителя» Омара Торрихоса Эрреры.

В начале 1972 года — года президентских выборов — группа Ханта перешла в ведение Комитета по переизбранию президента. Хант снова встретился с Джимом Маккордом, который стал в Комитете по переизбранию координатором по вопросам безопасности. Одним из первых «дел», намеченных к осуществлению под эгидой комитета, был взлом кояторы Хэнка Гринспана, издателя лас-вегасской газеты «Сан»: требовался материал, пригодный для «шантажа» сенатора Эдмунда Маски. В то время он высоко котировался как возможный кандидат от демократов. Хант считал, что, устроив эту вылазку, они сразу убьют двух зайцев. Ведь у Гринспана, кроме всего прочего, было много служебных документов Хьюза. Но Хьюз дал понять, что ему плевать на эти документы, поскольку с каждого из них, вероятно, снята уже не одна копия. Когда же шансы Маски резко ухудшились, отпала и необходимость в его дискредитации.

В марте Джон Митчелл, который ушел в отставку с поста министра юстиции, чтобы возглавить Комитет по переизбранию президента, утвердил в Ки-Бискейне широкую программу шпионажа и грязных трюков против демократов, получившую кодовое наименование «Джемстоун».

Намечалось установить подслушивающие устройства в номерах отеля «Фонтенбл» в Майами-Бич, где остановятся организаторы июльского съезда демократической партии. Один из служащих банка Смазерса зарезервировал там же несколько номеров для своего «друга» по имени Эдвард Гамильтон — псевдоним, которым пользовались и Хант, и Стерджис. Примерно в этот же период Хант и Баркер навестили Карлоса Прио в его резиденции в Майами-Бич. Чего от него хотели оперативники «Джемстоуна», неясно, хотя после «Уотергейта» Прио утверждал, будто они просили помочь в налаживании «связей с общественностью» в Гаити и в некоторых других странах Латинской Америки. Как бы то ни было, Прио возглавил комитет «Кубиноамериканцы за Никсона — Агню» и в августе, во время съезда республиканцев, разъезжал в золотистом «кадиллаке», отдавая распоряжения шайкам головорезов, нападавших на участников антивоенных демонстраций.

Незадолго до того, 1 мая, скоропостижно умер Эдгар Гувер. Пошли слухи, что во время похорон может состояться демонстрация протеста. Баркер поспешил сколотил банду с тем, чтобы отправить ее в Вашингтон и сорвать предполагаемые выступления. В нее вошли Фрэнк Стерджис и его подручный Пабло Эрнандес, который уже подрядился в майамской полиции служить провокатором во время съездов: в его задачу входило продаивать автоматическое оружие демонстрантам из организации «Ветераны Вьетнама против войны» (ветераны, однако, интереса к оружию не проявили). Подключились также де Диего и Ирам Гонсалес, активист «Движения 30 ноября». К ним присоединился и Анхель Феррер, бывший связник Маккорда.

Спустя две недели криво улыбающийся молодой человек по имени Артур Бремер стрелял в губернатора штата Алабама Джорджа Уоллеса, ранив его достаточно серьезно, чтобы вывести из борьбы за президентский пост. Уоллес представлял реальную угрозу «южной стратегии», которая обеспечила Никсона победу с едва заметным преимуществом в 1968 году. Если бы Уоллес баллотировался на ноябрьских выборах в качестве третьего кандидата, он, вероятно, лишил бы Никсона достаточного числа голосов и завел в тупик соперничество между президентом и либо Губертом Хэмфри, либо Джорджем

Макговерном, имевшими равные шансы на выдвижение кандидатами от демократов.

Чарльз Колсон приказал Ханту немедленно вылететь в Милуоки, родной город Бремера, и подложить в его квартиру компрометирующие документы, уличающие в связях с левыми. Хант отказался, настаивая на том, что ФБР наверняка уже следит за квартирой. Когда эти пикантные подробности всплыли после «Уотергейта», Колсон утверждал, будто просил Ханта избавиться от улик, но отнюдь не подсовывать их. Когда Никсон услышал о покушении, заявил Колсон, он пришел в необычайное волнение и «сразу же высказал тревогу, что убийца (*sic!*) может быть связан с республиканской партией или, что еще хуже, с Комитетом по переизбранию президента».

Весьма примечательное высказывание. Оно указывает в первую очередь, насколько Никсон не был уверен в том, как далеко могут зайти его люди в осуществлении операции «Джемстоун». «Это дело с Заливом свиней» будет преследовать его всю жизнь. Страхи Никсона имели реальные основания. Старшая сестра Бремера Гэйл Айкен и его брат Уильям жили в Майами. В 1968 году Айкен, проживавшая тогда в Лос-Анджелесе, была близка к некому проповеднику-фундаменталисту. Этот проповедник был связан с Сирханом Сирханом — до того, как тот убил Роберта Кеннеди, что открыло путь в Белый дом Никсону. А за два месяца до покушения на Уоллеса Уильяму Бремеру было предъявлено обвинение в присвоении мошенническим путем 36 тысяч долларов, причем махинации Уильяма носили все характерные черты афер, типичных для организованной преступности (впоследствии он был осужден, на процессе его защищал Эллис Рубин, респектабельный адвокат, который затем представлял интересы майамской четверки в «уотергейтском деле»).

Операция «Джемстоун» набирала темп. Друг Стерджиса Джек Андерсон писал, что Стерджис и Мартинес могли быть причастны к взлому в помещении чилийского посольства 13 мая. 22 мая Хант собрал майамскую группу в Вашингтоне, в отеле «Гамильтон мэнгер». Сборище было замаскировано под совещание представителей фирмы «Америтас». Присутствовали Баркер, Мартинес, Стерджис и де Диего (последний зарегистрировался в отеле под именем Хосе Пиедры, своего родственника, убитого во время вторжения в Залив свиней), а также новый член группы Вирхилио Гонсалес, слесарь-профессионал,

верный сторонник Карлоса Прио. Хант заявил им, что если они помогут Белому дому сейчас, то «потом это станет решающим фактором для получения помощи для освобождения Кубы». Он коротко изложил им цель задания: объектом будет штаб-квартира демократической партии, размещавшаяся в административно-жилом комплексе «Уотергейт». Они должны найти доказательства того, что Фидель Кастро тайно передал Макговерну миллион долларов. Хант знал, чем пронять своих кубинских сообщников и воодушевить на тщательное выполнение задания.

К этому времени Макговерн уже обеспечил выдвижение своей кандидатуры на пост президента, и, хотя болтовня о Кастро была удобным и вызывающим доверие предлогом, на деле же Хант искал документы, которые могли бы выявить связи Макговерна с американскими радикалами, выступающими против войны. По словам Стерджиса, Хант также распорядился нацелиться на кабинет председателя национального комитета демократической партии Лоуренса О'Брайена и поискать там «все, что есть о Говарде Хьюзе». В последние два года О'Брайен работал на Хьюза, осуществляя связи с общественностью, и Белый дом отчаянно стремился узнать, что может быть известно О'Брайену о крупном «даре» Хьюза Никсону. Подозрения Белого дома усилились после прошлогоднего Дня благодарения*, когда Хьюз покинул ночью Лас-Вегас и улетел на Багамы, где поселился в отеле «Пэрайдайс айленд», предварительно уволив Боба Мэхью. Боб был в ярости. Мэхью и О'Брайена связывала старая дружба. Это Мэхью выхлопотал О'Брайену работу у Хьюза (когда О'Брайен стал председателем национального комитета демократической партии, его функции по связям с общественностью перешли к фирме Маллена, контролируемой ЦРУ). Что касается подачек Хьюза, полученных Никсоном через Ребозо и других, то Мэхью было что порассказать.

Однажды Хьюз послал Боба Мэхью на ранчо Линдона Джонсона с поручением предложить миллион долларов за запрещение ядерных испытаний в пустыне Невады, которые, как считал Хьюз, отпугивают клиентов его ка-

* День благодарения — официальный праздник США в память первых колонистов Плимута (штат Массачусетс). Отмечается в последний четверг ноября.

зино и заражают радиацией его питьевую воду. Мэхью так и не смог заставить себя предложить взятку президенту Соединенных Штатов. Вместо этого он спросил Джонсона, не может ли Хьюз, большой поклонник президента, чем-либо помочь? Джонсон предложил пожертвовать какую-нибудь сумму на осуществление проекта «библиотека Линдона Джонсона», отметив, что высший предел установлен в 25 тысяч долларов. Когда Мэхью доложил об этом Хьюзу, миллиардер рассмеялся: «Какого черта, я же не смогу контролировать этого сукина сына за 25 тысяч!».

Многие годы Хьюз платил миллионы долларов политиканам всех мастей — при одном только условии: они либо занимают какие-то посты, либо имеют реальные шансы на избрание (очевидное исключение составлял Джон Кеннеди). В ходе кампании 1968 года он выделил по сто тысяч долларов обоим кандидатам. «Я хочу, чтобы вы встретились с Никсоном как мой специальный эмиссар,— писал Хьюз Мэхью.— Я думаю, что в этом году существует реальная возможность победы республиканцев». Мэхью не сумел увидеться лично с Никсоном и передал деньги Ребозо. (Хэмфри получил свою долю собственноручно в лимузине перед отелем «Сенчури плаза» в Лос-Анджелесе.)

Через год после того, как Никсон обосновался в Белом доме, он получил от Хьюза еще сто тысяч долларов, что смахивает на взятку, поскольку этот взнос не был вызван необходимостью расходов на избирательную кампанию.

Даже по хьюзовским стандартам сто тысяч долларов — порядочная сумма. Они попали к Ребозо как раз в тот момент, когда администрация Никсона должна была утвердить приобретение Хьюзом авиакомпании «Эйр уэст» и когда Хьюзу было необходимо, чтобы министерство юстиции смягчило антитрестовские меры, препятствующие пополнению его коллекции невадских казино. Желания Хьюза сбылись.

IV

«Среди бумаг, которые мы искали в досье национального комитета демократической партии и в некоторых других кабинетах Вашингтона,— рассказывал Фрэнк Стерджис,— был толстый секретный меморандум правительства Кастро, адресованный комитету по выработке предвыбор-

ной программы демократической партии». 150-страничный меморандум, который разыскивал Стерджис, как утверждали, содержал детальное описание тайных операций ЦРУ против Кубы за длительный период времени. Правительство Кастро подозревает, говорилось в меморандуме, что «ЦРУ не открывало всей правды об этих операциях даже американским политическим лидерам. Поэтому кубинцы представили подробнейший список всех таких « злоупотреблений ». Они жаловались на различные попытки убить братьев Кастро».

Маловероятно, чтобы демократы строили свою предвыборную кампанию вокруг заговоров с целью убийства, поскольку это могло бумерангом ударить по ним самим. Логичнее предположить, что Белый дом «уотергейтских времен» тревожил один из последних пунктов в списке покушений — попытка убить Кастро в Чили в 1971 году. Это была бомба, перед соблазном взорвать которую демократы могли не устоять. Стерджис заявлял, что поиски меморандума велись и в «других кабинетах» — завуалированный намек на таинственные вторжения со взломом в чилийское посольство и кубинскую миссию при ООН в Нью-Йорке в начале мая.

В это же время полным ходом разворачивалась тайная кампания Никсона, направленная на свержение правительства Сальвадора Альенде. Ключевую роль в ней играла многонациональная корпорация «Интернэшил телефон энд телеграф компани» (ИТТ), тесно связанная и с ЦРУ, и с Белым домом. ИТТ тайно предложила ссудить 400 тысяч долларов на проведение съезда республиканской партии в Сан-Диего, а лично Никсону — предоставить все удобства в принадлежащем компании отеле «Шератон айленд харбор», чтобы тому было где преклонить голову (кто-то назвал это «арендовать президента»). Судя по всему, Никсон ухватился за это предложение, и местом проведения съезда выбрали Сан-Диего. Случайно или нет, но именно в то же время министерство юстиции решило в пользу ИТТ одно из крупнейших антитрестовых дел.

В феврале 1972 года Джек Андерсон опубликовал отрывки из служебного меморандума ИТТ, написанного лоббисткой Дитой Бэрд, которые разоблачили эту мошенническую сделку. Стены Белого дома зашатались, и все силы его мафии были срочно брошены на «ремонт». Гордон Лидди в мгновение ока «устроил» погрясенную

до невменяемости миссис Бэрд в денверскую больницу, куда незамедлительно прилетел в качестве ее сиделки Говард Хант, густо заштукатуренный гримом и все время поправлявший плохо пригнанный парик, которым его снабдило ЦРУ.

Бурный скандал вокруг ИТТ, чилийская махинация, заговоры с целью убийств Кастро, Говард Хьюз — вот те джинны, упратанные в бутылку где-то в штаб-квартире демократической партии, которых никак нельзя было выпускать на волю.

История «Уотергейта» рассказывается и пересказывается, словно захватывающее старинное предание. И каждая новая версия меняет в ней оттенки правды, как листва меняет окраску со сменой времен года. 16 июня Стерджис, Баркер, Мартинес и Гонсалес вылетели в Вашингтон, чтобы осуществить новый налет на помещение национального комитета демократической партии в административно-жилом комплексе «Уотергейт». Первая попытка в начале мая была неудачной: им, правда, удалось проникнуть в помещение комитета и сфотографировать некоторые документы, но Маккорд, который устанавливал подслушивающие устройства, включил передатчики на слишком низкий уровень мощности, поэтому разобраться в перехвате было практически невозможно.

Группа налетчиков не испытывала особого волнения: ведь было сказано, что приняты все меры «предосторожности», которые позволят вызволить их без шума, если даже по какой-то нелепой случайности они попадутся. Когда в аэропорту они вышли из самолета, Стерджис столкнулся с Джеком Андерсоном, которого на протяжении многих лет снабжал информацией. Он объяснил, что оказался в городе «по личным делам». Войдя в вестибюль мотеля «Говард Джонсон», расположенного прямо напротив комплекса «Уотергейт», Стерджис увидел своего любимого киноактера Берта Ланкастера и, не устояв перед соблазном, попросил у него автограф.

«Трансляции» установленных в штабе национального комитета устройств прослушивал обосновавшийся в «Говард Джонсоне» Альфред Болдуин, бывший агент ФБР, на кандидатуре которого остановился Маккорд, тщательно изучивший список членов Общества бывших специальных агентов ФБР. В другое время Маккорд, ныне числившийся

в штате кампании за переизбрание Никсона, не стал бы сопровождать непрошеных визитеров, но на этот раз он пошел с ними, чтобы отрегулировать установленные им передатчики. Группа не покладая рук фотографировала документы, когда сторож обнаружил клейкую ленту, удерживавшую язычки дверных замков, и позвонил в полицию.

Стерджис вспоминает: едва его успели зарегистрировать в полицейском участке, как туда заявился адвокат по имени Дуглас Кэдди и обронил загадочную фразу: «Олимп присматривает за тобой». Стерджис понял ее как иносказательный намек на то, что механизм мер «предосторожности» пущен в действие. Однако если и существовал план протащить майамскую четверку через все юридические препоны без лишнего шума, выдав их за антикастровских фанатиков, соблазненных слухами о миллионе долларов, он был сорван появлением имени Маккорда в полицейском протоколе. Прессы сразу связала его с комитетом по переизбранию президента.

Когда сообщения о взломе появились в газетах, хотя и не на первых полосах, Никсон находился в Ки-Бискейне. Пресс-секретарь Белого дома Рон Зиглер распространил свое знаменитое заявление для печати, в котором подчеркивалось, что случившееся не более чем «заурядное ограбление». Но после этого полиция пошла по следу, ведущему в Белый дом. В кармане Баркера полицейские нашли записную книжку с инициалами «Г. Х» и штампом «Б. дом», а также чек, подписанный Говардом Хантом. И Хант, скрывавшийся в доме одного из адвокатов ЦРУ в Лос-Анджелесе, передал в Белый дом срочное сообщение, зашифрованное в манере, столь типичной для его дешевых шпионских романов: «У писателя есть пьеса на продажу».

* * *

Никсон более всего опасался, что вскроется связь «уотергейтского дела» с Кубой. Президент примчался из Флориды на тайное совещание с Бобом Холдеманом. В Овальном кабинете он изложил ему суть проблемы, хотя и запинался от волнения:

«Мы оберегали Хелмса от массы неприятных вещей... Конечно, этот Хант расскажет многое. Сковырни эту болячку, и обнаружится масса неприятных вещей...»

Скажем, вся эта штука с Заливом свиней... Это будет просто несчастье — и для ЦРУ, и для страны, в такое-то время... для американской внешней политики... Проблема состоит в том, что все это уходит корнями в Залив свиней.

«Вся эта штука с Заливом свиней». Старые дела не прошли бесследно для Никсона, прошлое душило его. Мафия. Недвижимость. Наличность. ЦРУ. Сделки.

Когда в 1971 году появились публикации Джека Андерсона, посвященные Джонни Роселли и заговорам ЦРУ, произошло два события. Чак Колсон обсудил с Хантом возможность подсунуть Андерсону отраву — не исключалось, что в смертельной дозе,— а Белый дом затребовал у Хелмса копию материалов служебного расследования, проведенного в ЦРУ в 1967 году по поводу совместных заговоров ЦРУ и мафии. Поначалу Хелмс отказывался, но в конце концов подчинился личному приказу Никсона и передал сокращенный вариант доклада.

Джерри Хемминг и другие сведущие диверсанты настаивают: покушения на жизнь Кастро в Чили были организованы людьми Белого дома. Однако кубинское правительство утверждает, что располагает доказательствами «прямого участия» в них ЦРУ. Возможно, обе точки зрения соответствуют действительности. «Альфа 66», возглавляемая Тони Весьяной, была привлечена к заговору его давним непосредственным шефом в ЦРУ Морисом Бишопом. Весьяна считал, что инициалы «Г. Х.», которые он однажды видел на бумагах Бишопа, касающиеся акций эмигрантов в 1963 году, означали «Говард Хант» или «Говард Хьюз».

По времени покушения на жизнь Кастро в Чили примерно совпадают со сделанным Хантом Мануэлю Артиме предложением присоединиться к операции, направленной против Панамы, которая предусматривала убийство Омаря Торрихоса. Хант мог быть уверенным, что Артиме не станет чураться этого грязного дела, поскольку они уже сотрудничали в заговоре Амлэша против Кастро.

У Никсона были и другие причины бояться «этой штуки» с Кубой. Существовал ведь еще его жилец — пансионер Бебе Ребозо. Ребозо был ключом к сделкам с недвижимостью, в которых фигурировали «хитрые» кубинские деньги. На первый взгляд непонятно, почему был уволен прокурор Арчибалд Кокс. Все становится на свои места, если вспомнить, что этот верный агент

демократов в своем расследовании так и цеплялся за все факты, связанные с Робозо.

Джеб Стюарт Магрудер заявил сенатской комиссии по расследованию «уотергейтского дела»: «Не думаю, чтобы возможность отказа от сокрытия следов даже обсуждалась». Одной из улик были 89 тысяч долларов наличными, переданные Баркеру на финансирование операции «Джемстоун». Баркер уверял Стерджиса, что деньги поступили от чилийских «вкладчиков», выступающих против Альянде, но следователи по «уотергейтскому делу» пришли к другому выводу: эта сумма получена в результате незаконных корпоративных пожертвований, сделанных на территории Соединенных Штатов. Как бы то ни было, 89 тысяч были переправлены одному из адвокатов в Мехико на предмет «отстиривания» и вернулись к Баркеру уже «чистенькими». После взлома в «Уотергейте» Белый дом распорядился, чтобы ЦРУ попыталось убедить ФБР воздержаться от расследования этой стороны дела, поскольку оно разоблачит скрытые финансовые каналы ЦРУ и нанесет ущерб «национальной безопасности».

Никсон всеми силами жаждал обеспечить молчание Ханта, человека, который «знает чертовски много». В ходе предвыборной кампании 1972 года Хантасыпали десятками тысяч долларов. Уже после выборов жена Ханта Дороти погибла в авиакатастрофе в Чикаго. В ее сумочке обнаружили стодолларовые купюры, вырученные за «Уотергейт».

В 1974 году Верховный суд вынудил Никсона представить его магнитофонные ленты. Самыми обличительными отрывками, повлиявшими на рассмотрение вопроса об импичменте * в конгрессе, стали те, где упоминался Хант. Никсону было жизненно необходимо, чтобы Хант молчал обо всем, что касалось Залива свиней. Развязка наступила скоро. По мере того как Никсон все глубже погружался в меланхолию, искусный приспособленец, глаза штата сотрудников Белого дома генерал-майор Александр Хейг приказал армейскому управлению уголовных расследований заняться возможными связями Никсона с организованной преступностью, в частности с боссами

* *Импичмент* — в некоторых буржуазных государствах (например, в США, Великобритании, Японии) особый порядок привлечения к ответственности и рассмотрения дел о преступлениях высших должностных лиц.

мафии, занимающимися торговлей наркотиками. Следствие было прекращено, когда Никсон ушел в отставку. Главный следователь управления Расселл БинтлиФ заявил 5 декабря 1976 года вашингтонской газете «Стар», что он обнаружил «явные признаки того, что Никсон имел отношение к деньгам организованной преступности».

«Джентльмены,— заявил затравленный Никсон группе редакторов в те дни, когда его гнали в западню отставки,— ваш президент не мошенник». Встреча редакторов проходила во флоридском «Диснейленде» *. Учитывая все обстоятельства, для Ричарда Никсона это было самое подходящее место, чтобы выступить с подобным заявлением.

* «Диснейленд» — название увеселительных парков; первый такой парк был создан в штате Калифорния выдающимся американским кинорежиссером-мультипликатором Уолтом Диснеем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КРОВАВОЕ НАСЛЕДИЕ

I

Однажды утром в июне 1972 года, через неделю после взлома в «Уотергейте», Хоакин Санхенис отправился из своей скромной импортно-экспортной конторы в кубинском районе Майами в местное агентство фирмы «Шевроле» Энтони Эбремса. Хосе Хоакин Санхенис Пердомо обладал заурядной и незапоминающейся внешностью,— качество очень цепное для его занятий: он был профессиональным шпионом. Хоакин Санхенис более десяти лет возглавлял в Майами сколоченную ЦРУ сверхсекретную группировку «Операция 40». Санхенис вел уединенную жизнь. Он ждал предстоящей отставки и заслуженного отдыха, которым ему так и не удалось насладиться.

В то утро, когда он подъезжал к служебному входу автомобильного агентства, на лице шпиона было особенно заметно утомление, накопившееся за десятилетие двойной жизни. Санхенис отправлял десятки кораблей и самолетов в тайные налеты на Кубу, посыпал сотни людей на задания, из которых мало кто возвращался. Осиrotевшим семьям он не мог предложить в утешение ничего, кроме самых общих фраз патриотического содержания. В тайной войне против Кубы о пропавших без вести не сообщали. Следить за тем, чтобы его солдаты оставались, подобно ему самому, неизвестными, тоже входило в обязанности Хоакина Санхениса.

Агентство «Шевроле» было обычным местом свиданий. В то утро Санхенис встречался со своим старым другом Феликсом Гутиерресом — товарищем по оружию и товарищем по шпионажу. Гутиеррес был первым заместителем Санхениса в «Операции 40». В свое время он служил офицером ненавистной СИМ, тайной полиции бывшего кубинского диктатора Фульхенсио Батисты. Когда к власти в стране пришло революционное правительство, Гутиеррес бежал с острова одним из первых.

Санхенис и Гутиеррес были ветеранами вторжения в Залив свиней. В «Операцию 40» они вступили еще до вторжения. Эта организация начинала как фаланга

головорезов, которые должны были следовать за бригадой вторжения и убивать всех колеблющихся, кто воспротивился бы восстановлению режима Батисты. «Операция 40» выполняла еще одну политическую функцию — очищала ряды кубинской эмиграции от проповедников «фиделизма без Фиделя». Агенты «Операции 40» шпионили за своими товарищами — по заданию ЦРУ. После Залива свиней ЦРУ позаботилось сохранить «Операцию 40» в Майами в целости и сохранности, и Санхенис с Гутиерресом стали «сержантами» новой тайной войны ЦРУ. Они продолжали доносить на своих товарищей — кубинских эмигрантов, не гнушались никакими самыми грязными и подлыми поручениями ЦРУ.

В любой другой день два старых бойца предались бы воспоминаниям о минувших битвах. Но сегодня босс «Операции 40» заметно первичал, а это было ему совершенно несвойственно. Со временем взлома в «Уотергейте» не прошло и недели. Но уже сейчас чувствовалось, что над «Операцией 40» сгущаются тучи. У Хоакина Санхениса имелись серьезные основания для беспокойства. Среди необычных грабителей, арестованных в «Уотергейте», были выпускники его школы диверсантов, обученные для действий на американской территории. Что касается других бывших и нынешних членов «Операции 40», то они оказались причастны к нелегальной политической деятельности. В случае ее разоблачения могла вскрыться вся подпольная диверсионная сеть ЦРУ в Майами, на организацию и маскировку которой расходовались многие миллионы долларов.

Санхенис и его заместитель поспешили обсудили неотложные шаги, которые они решили предпринять, чтобы не допустить такого нежелательного исхода. Факт существования «Операции 40» необходимо сохранить втайне — чего бы это ни стоило. Среди секретов группировки были и наиболее взрывоопасные: альянс ЦРУ с мафией, заговоры с целью убийства Кастро, причастность ЦРУ к убийству Че Гевары.

* * *

Пилот двухмоторного «Бичкрафта», следя за светящимися циферблатами на приборной доске, вел самолет над боливийскими джунглями на высоте нескольких тысяч футов. До правого поворота на 90 градусов оставались считанные минуты. Пилот работал в американской

фирме «Марк Хэрд аэриел сэрвейз». В его обычные обязанности входила съемка при дневном освещении местности, где будет проходить автострада, которую предполагалось построить в Андских горах. Но сейчас была ночь, объектив камеры, установленной в нижней части фюзеляжа, был нацелен в непроглядную тьму джунглей. Пилот искал Че Гевару.

Шел октябрь 1967 года. ЦРУ охотилось за Че Геварой в нескольких странах. Считали, что Че с группой революционеров участвует в освободительном движении где-то в самом сердце Южной Америки. В последних разведывательных донесениях указывалось, что они передвигаются по ночам боливийскими джунглями. Обнаружить их наземными способами разведки оказалось невозможным. Тогда ЦРУ обратилось к недавно изобретенной фотопленке, которая могла «видеть» ночью.

Первые признаки того, что Че покинул Кубу, появились в октябре 1965 года, когда в новом списке деятелей кубинской коммунистической партии не оказалось его имени и было объявлено о назначении нового министра промышленности. Вскоре поползли слухи. Правящая хунта Доминиканской Республики утверждала, будто Че был убит в первые дни восстания 1965 года. Наконец, стало известно, что Че Гевара прибыл в Боливию, чтобы принять участие в революционной борьбе.

ЦРУ было исполнено решимости не допустить этого. Операцию предполагалось провести только силами Боливии. Однако уже в ходе ее из зоны Панамского канала был доставлен взвод «зеленых беретов». Они должны были обучить боливийских рейнджеров * методам подавления освободительных движений. Для координации «охоты» из Майами прилетела «группа Че» в составе двух кубинцев, представляющих «Операцию 40». Главный из них в свободное от работы на ЦРУ время служил продавцом автомобилей в майамском агентстве «Шевроле» Энтони Эбрамса. Немедленно возникли трения, поскольку «зеленые береты» не желали подчиняться каким-то кубинцам.

Смягчению напряженности отнюдь не способствовали высокомерные, с явным оттенком превосходства манеры этой пары из «Операции 40».

* Рейнджеры — в некоторых странах (в том числе в США) военнослужащие особых частей по борьбе с беспорядками и обезвреживанию террористов.

К 1967 году Хоакин Санхенис настолько расширил свою группировку, что наряду с хорошо поставленным тыловым обеспечением получал от ЦРУ на финансирование ее деятельности более двух миллионов долларов в год. Группировка Санхениса активно занималась как диверсиями против Кубы, так и подрывной деятельностью в Соединенных Штатах: организовала пикетирование британского консульства в Майами в знак протеста против продажи английских автобусов Кубе, пикетирование мексиканского консульства в Нью-Йорке в знак протеста против нормализации отношений между Мексикой и Кубой, пыталась воспрепятствовать разгрузке японского судна в Майами. При этом насилие отнюдь не относилось к категории запрещенной деятельности. «У нас никогда не было никаких проблем,— говорил один из участников этих акций.— Пару раз нас задерживали, но всегда кое-кто звонил в майамскую полицию, и нас сразу выпускали».

Многие месяцы Че и его группа водили за нос ищек ЦРУ, по поводу чего Кастро подтрунивал: «Если янки так жаждут найти Че, почему они не пошлют U-2 сфотографировать его?» Кастро шутил, а в ЦРУ такой вариант рассматривался серьезно.

С высоты 68 тысяч футов * U-2 способен делать снимки, четко и ясно изображающие мячик для игры в гольф на зеленой лужайке. Но обнаружить группу Че было труднее, нежели мячик в траве: в дневное время они скрывались в непроходимой чащобе джунглей.

Незадолго до начала охоты за Че лаборатория инфракрасной физики Мичиганского университета в Уиллоу-Ран по контракту с правительством занялась разработкой «техники преобразования сигнала и получения инфракрасного оптического изображения» и применения ее в контрразведке. Идея заключалась в том, чтобы добиться регистрации на фотопленке теплового излучения человеческого тела.

ЦРУ сформировало специальное подразделение воздушного наблюдения для слежки за группой Че на основе регистрации теплового излучения. Каждую ночь самолет с военно-воздушной базы «Говард» в зоне Панамского канала облетал на огромной высоте районы

* Фут — около 30,5 см.

джунглей, фотографируя обширные массивы. Значительно ниже кружил «Бичкрафт» Марка Хэрда, его единственная фотокамера, нацеленная на землю, была вмонтирована в бомболяк. Находящаяся в Миннеаполисе фирма Марка Хэрда вела аэрофотосъемку практически во всех уголках земного шара. В числе его клиентов были нефтяные, строительные компании и предприятия коммунального хозяйства, иностранные правительства и ведомства Соединенных Штатов. Контракт на изыскательские работы в области дорожного строительства в Боливии был получен от Управления международного развития, которое ЦРУ часто использует в качестве «ширмы». Некоторые знатоки ЦРУ утверждают: если вам известно, в каких районах мира получает контракты Марк Хэрд, вы можете предсказать, где возникнет следующая «горячая точка» на планете.

Отнятая фотопленка ежедневно доставлялась в Калифорнию, на центральную базу Марка Хэрда в аэропорту Санта-Барбара. Каждый проявленный ролик, который назывался тепловым отпечатком, прикалывался на свое место на большой доске, установленной в затемненном и отгороженном от постороннего глаза углу принадлежащего компании ангаре. По мере накопления отпечатков они образовывали картину, называемую «мозаикой» — в данном случае причудливый разноцветный след, оставленный тепловым излучением компактной группы людей, пробирающейся сквозь джунгли.

В дневнике, который Че вел в ходе боливийской кампании, в записи от 10 сентября 1967 года отмечалось, что самолеты «летают над всей зоной».

Представители «Операции 40» из Майами приехали в Боливию под именами Феликса Рамоса и Эдуардо Гонсалеса. Процедура въездных формальностей оказалась весьма простой, поскольку у них был высокий покровитель — Антонио Аргедас Мендиета, боливийский министр внутренних дел, шеф разведки, который также работал на ЦРУ. Министру внутренних дел ЦРУ поручило «внедрять агентов, в основном кубинских эмигрантов, в боливийские разведывательные службы и в левые группировки». Аргедас хорошоправлялся со своей работой. «Боливия кишит агентами ЦРУ», — говорил он.

Для ЦРУ Че Гевара был крупной дичью. Чтобы он паверняка попался в расставленные ему на высочайшем техническом уровне сети, ЦРУ сформировало группу

специальных операций в Боливии с базами в Ла-Пасе и Камири, городе нефтяников. Группа специальных операций в Боливии координировала работу своих воздушных фильтров с деятельностью 8-й группы специальных войск, которая занималась обучением и подготовкой боливийской армии к захвату партизан Че.

Че и его люди попали в засаду 8 октября 1967 года в ущелье близ деревушки Игера. Че был ранен в ногу. Рамос, агент из «Операции 40» немедленно начал фотографировать содержимое рюкзака раненого. Хотя боливийское правительство и объявило, что Че был убит в перестрелке, его еще живым доставили в Игеру и заперли в помещении школы. На следующий день полюбоваться пленником прибыло на вертолете боливийское армейское начальство, в том числе контр-адмирал страны, по имеющей выхода к морю. Как свидетельствуют очевидцы, с ними был агент ЦРУ, которого знали под именем Гонсалес. После полудня в том же школьном здании Че Гевару расстреляли. Его тело привязали к вертолету и отправили в городок Вальегранде, где труп был бальзамирован. Этой процедурой руководили два агента из «Операции 40». В телеграмме Рейтер * из Вельегранде отмечалось, что при этом присутствовал и агент ЦРУ, но в американских газетах эта информация не появилась.

ЦРУ наконец преуспело в одном из своих покушений на убийство.

II

Некоторые из лучших в мире умельцев-подрывников живут в Майами.

Капитан Томас Броуди, подразделение полиции по обезвреживанию взрывных устройств округа Дэйд

Врачи, адвокаты, банкиры и издатели бежали с Кубы, где победила революция, в Майами. Туда же хлынуло буквально все уголовное сословие Гаваны: кубинские гангстеры, наемные убийцы, торговцы наркотиками, «сборщики податей» Батисты, вымогатели и шантажисты, сутенеры. Число этих жуликов выражалось внушительными цифрами, поскольку дореволюционная Гавана была престольным градом организованной преступности,

* Рейтер — английское информационное агентство.

свободным портом для мафии, где в конце 40-х годов «Счастливчик» Лучано создал «кубинское звено» в мировой торговле наркотиками.

«Кубинское звено» в полном составе перебралось в Майами, который стал американской столицей контрабанды наркотиков. В 1980 году журнал «Форбс», к своему величайшему удивлению, обнаружил, что «в наши дни торговля наркотиками — наикрупнейший бизнес во Флориде». Журнал придерживается философской точки зрения по поводу огромных сумм «грязных» денег, вкладываемых в экономику Флориды: «Если война есть логическое продолжение дипломатии, как утверждал фон Клаузевиц, организованная преступность есть логическое продолжение бизнеса».

«Кубинская мафия» занимается контрабандным ввозом марихуаны и высококачественного кокаина из Колумбии, Эквадора и Перу, пользуясь маршрутами, связями и техникой, разработанными ЦРУ для подпольной деятельности в зоне Карибского моря в ходе тайной войны. Во многих случаях ЦРУ и мафия в одной операции увязывают взаимные интересы. Так, на борту принадлежавшего «Операции 40» и пилотируемого подручным Хоакина Санхениса самолета, который разбился в 1970 году в Южной Калифорнии, оказалось несколько килограммов кокаина и героина. Вскоре после этого в ходе облав, проведенных в Майами федеральными агентами по борьбе с наркотиками, были задержаны еще один член «Операции 40», бывший батистовский законодатель Хуан Рестой и ветеран Залива свиней Алонсо Пухол. Министр юстиции Джон Митчелл дал высокую оценку этой акции, разгромившей «действовавшую в масштабах всей страны шайку оптовиков, сосредоточивших в своих руках до тридцати процентов всей торговли героином и от 75 до 80 процентов всей торговли кокаином в Соединенных Штатах». Митчелл не счел нужным сообщить, что шайка существовала благодаря заботам ЦРУ, но, когда Рестой попытался бежать из тюрьмы и был убит в перестрелке, «Малая Гавана» полнилась слухами о том, что побег Рестоя был подстроен ЦРУ, которому нужен был предлог прикончить Рестоя и не допустить тем самым, чтобы он давал показания о причастности ЦРУ к торговле наркотиками.

Как бы то ни было, шумиха, вызванная калифорнийской авиакатастрофой, убедила ЦРУ в том, что «Опера-

ция 40» стала обременительной. Было принято решение о ее роспуске. В 1972 году Санхениса тайком наградили медалью, затем он вышел в отставку. У «Операции 40» началась вторая — теперь уже самостоятельная — жизнь. «В то время как многие кубинцы считают, что с закрытием конторы Санхениса досье на находившихся под слежкой лиц переданы в Вашингтон,— сообщала из Майами газета «Нью-Йорк таймс» 4 января 1975 года,— некоторые осведомители полагают, что с досье сняли копии, которые до сих пор хранятся в этом районе и используются для шантажа».

Контрабандная торговля наркотиками, которой занималась «Операция 40», представляется частью гораздо более разветвленной сети, возникшей в результате объединения ЦРУ и мафии в попытках убить Кастро. Межведомственная федеральная специальная группа докладывала, что в 1974 году четверо кубинцев из Майами тайно встретились в Лас-Вегасе с Энтони Спилотро, крупным боссом чикагской «семьи» мафии, который, как утверждают агенты ФБР, являясь владельцем ювелирного магазина, на самом деле руководит операциями мафии в Лас-Вегасе. Трое из этих кубинцев были в прошлом связаны с доктором Фернандо Пенабасом, видным гаванским адвокатом, который бежал с острова, принимал участие во вторжении в Заливе свиней. Пенабаса арестовали во время майамских облав 1970 года. Ныне он отбывает в атланской тюрьме 20-летний срок заключения за нелегальный ввоз девяти с половиной фунтов кокаина. Четвертый кубинец, говорят, был партнером покойного Хуана Рестоя.

В докладе специальной группы утверждалось, что четверо кубинцев являлись членами шайки контрабандистов Санtosa Траффиканте, босса флоридской мафии, который участвовал в заговорах ЦРУ с целью убийства Кастро. Как сообщают, Спилотро вручил «кубинскому квартету» 500 тысяч долларов с тем, чтобы лас-вегасская шайка торговцев кокаином смогла более «плодотворно» развернуть свою деятельность среди «игроков по крупной». Все четверо были ветеранами Залива свиней, а затем «сержантами» тайной войны, которым полученная в ЦРУ подготовка и опыт помогали высококвалифицированно организовывать контрабандные операции. «ЦРУ не только обучило этих лиц, как пользоваться оружием,— отмечала специальная группа,— но и превра-

тило их в специалистов нелегальной переправки людей и материалов с Кубы. Похоже, эти знания применяются ими и сейчас». Один из возмущенных следователей заявил, что ЦРУ снабдило кубинцев необходимыми связями в Латинской Америке и познакомило их «со всеми входами и выходами в Соединенных Штатах».

Человек, называющий себя Рафаэлем, живет на роскошной каютной яхте в Майами и имеет номерной, то есть секретный, счет в иностранном банке. Говорят, что он получает весьма приличный доход от «кубинских капиталовложений». О природе и характере «капиталовложений» говорит тот факт, что довольно часто он выходит на яхте по меньшей мере на тридцать миль от берега и там выбрасывает за борт пистолет с глушителем ручной работы. Рафаэль — профессиональный наемный убийца, чье мастерство было отточено в ЦРУ. Полученные в ЦРУ навыки приучили его избавляться от улик после каждого убийства.

Взбешенный тем, что Кастро конфисковал принадлежавшее его отцу дело в Гаване, Рафаэль добровольно вступил в экспедиционный отряд ЦРУ и был заброшен на Кубу накануне Залива свиней. После того как вторжение потерпело провал, ему удалось бежать в Майами, но подыскать там какую-нибудь подходящую работу он не смог. «Меня пристроили старые приятели по ЦРУ. Другие пытают счастья в торговле наркотиками, букмекерстве, профсоюзном рэкете. В этих вещах я не разбираюсь. Я умею только убивать».

Самым прибыльным клиентом Рафаэля является мафия. Успешно осуществив около сорока «контрактов» по тарифу 20 тысяч долларов за каждый, Рафаэль может позволить себе роскошную яхту. «В Соединенных Штатах я убиваю уголовников по поручению других уголовников,— говорит он.— В Южной Америке я убиваю политических деятелей по поручению других политических деятелей. В Южной Америке я работаю исключительно на консервативные слои общества. Я убиваю только коммунистов и им сочувствующих».

Политические настроения наемных убийц отражают крайне правое мировоззрение кубинской мафии. Многие кубинские торговцы наркотиками при режиме Батисты были правительственными чиновниками или армейскими

офицерами. ЦРУ завербовало их для ведения тайной войны и обучило диверсиям и обращению со взрывчаткой, автоматическим оружием и базуками. В ЦРУ они общались с благовоспитанными отпрысками мелкобуржуазных семей, которые познали радость игры с огнем и не могли уже избавиться от своих шпионских привычек. Между многими из них завязалась прочная дружба.

ЦРУ превратило Майами в гигантский склад диверсионного снаряжения. Когда ЦРУ решило свернуть тайную войну, оно изъяло запалы, оставив весь порох. Майкл Таунли, сознавшийся в убийстве бывшего чилийского дипломата Орландо Летельера в Вашингтоне, рассказал, как ЦРУ облегчает «работу» ему подобным: «В Майами... в конце 60-х — начале 70-х годов благодаря поставкам ЦРУ... на каждой улице можно было купить пластиковую взрывчатку — без проблем, как конфеты, — любое оружие, взрывчатку, детонаторы, все, что хочешь, причем чуть ли не даром». Роландо Масферрер * говорил авторам этой книги: «Если есть деньги, в Майами можно купить все, что угодно — за исключением, может быть, атомной бомбы, да и то я не уверен».

Тайная война оставила 70-м годам кровавое наследие: все Западное полушарие охватила сеть правых террористических группировок, действующих на территории Соединенных Штатов с очевидной безнаказанностью. В них входят бывшие диверсанты, обученные в ЦРУ и продолжающие действовать, используя полученные в ЦРУ опыт, навыки и технику. У них много клиентов среди полицейских и разведывательных ведомств латиноамериканских стран, связанных с ЦРУ.

Тerrorистическая деятельность кубинских эмигрантов началась с убийств и взрывов бомб в Соединенных Штатах. Она нарастала в 70-е годы и к концу десятилетия связала воедино смертоносными узами кубинских эмигрантов с американским ЦРУ, чилийским гестапо, известным как ДИНА, венесуэльской тайной полицией, южно-корейским ЦРУ и европейскими террористическими неофашистскими группировками. Этот процесс начался в 1968 году, когда ЦРУ законсервировало свои оставшиеся

* Роландо Масферрер — сенатор при режиме Батисты, сколотивший отряды головорезов для борьбы с повстанцами Фиделя Кастро; после победы революции бежал во Флориду, откуда продолжал террористическую деятельность против Кубы. За жестокость, проявленную в ходе диверсий, получил прозвище «Тигр».

карибские диверсионные базы, которые со временем прихода в Белый дом Линдона Джонсона работали на холос-том ходу. «Повстанческое движение за возрождение революции» Орландо Боспа, невменяемого детского врача, кануло в прошлое, но зато стала подавать признаки жизни новая террористическая коалиция — «Кубинская сила». 31 мая японское грузовое судно, стоявшее в Тампе, и британское торговое судно, только что отплывшее из Ки-Уэста, были серьезно повреждены взрывами мин замедленного действия. На следующий день некто, назвавший себя Эрнесто, пребывал в Майами пресс-конференцию, на которой предупредил, что «будут взорваны и другие суда». И хотя Эрнесто появился перед журналистами в глухом черном капюшоне — наподобие тех, что надеваются на «расколовшихся» мафиози во время сенатских слушаний,— в нем сразу признали Боспа.

Бывший детский врач прописал большие дозы террора всем, кто осмеливался торговаться с врагом. В Лос-Анджелесе один за другим произошли взрывы в помещениях мексиканского управления туризма, авиакомпании «Эр Франс» и трех других предпринимателей. В Нью-Йорке были совершены налеты на здания дипломатических миссий и туристических организаций шести стран, которые вели дела с Кубой, а в помещении «Эр Франс», в Рокфеллеровском центре, была обнаружена не успевшая взорваться бомба. Диверсанты на месте своих преступлений оставляли красно-белые-синие плакатики «Кубинской силы».

Обнаруженные на глянцевой поверхности плаката в Лос-Анджелесе отпечатки пальцев привели к аресту и осуждению двух майамских эмигрантов — Эктора Корнильята-и-Льяно и Хуана Гарсиа Карденаса. Корнильот был ветераном Залива свиней, который потом прошел в ЦРУ обучение взрывному делу. «Многие из кубинцев, посланных на задание, в действительности не принимали участия во вторжении,— показал агент ФБР в ходе судебного процесса по делу Корнильята и Карденаса.— Потом мы узнали, что они разбежались по мелким островкам у берегов Кубы, где закопали все свое оружие, зная, что позднее смогут туда вернуться, забрать его и продать».

Попытка Боспа захватить и сжечь гордость кубинского торгового флота судно «26 июля» во Флоридском проливе не удалась. Зато он преуспел во взрывах британских, японских, канадских и испанских судов. 16 сентября Босп

и отряд «Кубинской силы» вознамерились расстрелять в майамской гавани из 57-миллиметрового безоткатного орудия польское судно «Полансиа». Однако по чистой случайности осуществить эту операцию не удалось: Бош и восемь его сообщников были арестованы и осуждены американским судом. Педиатра водворили в тюрьму Маррон в штате Иллинойс, где он поигрывал в картишки с Роландо Масферрером.

Пока Орландо Бош находился за решеткой, «Кубинская сила» раскололась на две фракции. Одна полностью переключилась на торговлю наркотиками и вымогательство денег у бизнесменов в «Малой Гаване» на «освобождение отечества». Вторая фракция присоединилась к «Кубинскому фронту национального освобождения». Как утверждают, она планировала убить сенаторов Джекоба Джавитса и Клейборна Полла во время их поездки на Кубу в начале 1974 года. «Кубинскому фронту» выпала «честь» осуществить серию взрывов бомб-сюрпризов, которые он под видом бандеролей рассыпал по кубинским посольствам (сотрудники, распечатавшие такие «бандероли» в Лиме и Мадриде, были серьезно ранены).

Оказалось, что у Орландо Боша были в суде могущественные друзья. Осеню 1972 года он был освобожден из тюрьмы, отсидев только четыре года из десяти, к которым был приговорен. За него вступились политики Флориды, сильно рассчитывавшие на многочисленные голоса избирателей-эмигрантов, и среди них мэр Майами Морис Ферр и губернатор-республиканец штата Флорида Клод Керк.

В начале 1974 года Бош объявил, что он сформировал новую группировку «Кубинское действие» и вступил в переговоры о ее слиянии с «Кубинским фронтом национального освобождения». По его словам, «Кубинское действие» вела сбор средств, продавая в «Малой Гаване» облигации, выплаты по которым были обещаны после того, как она возьмет власть в свои руки. При этом объявлялось, что того, кто убьет Кастро, ждет премия в размере трех миллионов долларов. Одновременно Бош заявил о своем переходе на нелегальное положение в Латинской Америке, чтобы «руководить интернационализацией войны».

Но сначала ему надо было позаботиться об одном незаконченном дельце здесь, дома. Через неделю после это-

го заявления Боша Рикардо Моралес Наварете, осведомитель ФБР, которому Бош был обязан тюремным заключением, сев в свой автомобиль, повернул ключ зажигания и чуть не погиб в результате взрыва, разворотившего пол кабины. На предыдущей неделе эмигрантский лидер Хосе де ла Торриенте, один из основателей «Кубинского фронта национального освобождения», вызвавший недовольство воинствующей части эмиграции, был застрелен через окно у себя в гостиной неизвестными лицами. Так началась новая волна насилия среди эмигрантской общины — «убиали» своих же кубинцев, которые выражали недовольство политической линией Боша или по каким-либо другим причинам не угодили этому мяснику. «Малая Гавана» стала выглядеть как осажденный лагерь: ее обитатели расхаживали с заткнутыми за пояс пистолетами, а в машинах всегда держали под рукой автоматы.

В то же время обещание Боша «интернационализировать войну» начало проводиться в жизнь: произошли взрывы бомб в помещениях кубинских представительств в Канаде, Мексике, Перу, Франции, на Ямайке и в Испании. Обеспокоенное возможными последствиями в области международных отношений, министерство юстиции направило в Майами специальную группу следователей. Все люди, к которым они обращались, моментально лишились дара речи. А взрывы тем временем потрясли здания кубинского посольства в Лондоне и консульства в Мерида (Мексика).

В ноябре 1974 года Бош был арестован в Венесуэле — он нагло заявил, что осуществил взрыв в кубинском посольстве. И хотя ФБР разыскивало Боша как нарушителя условий досрочного освобождения, министерство юстиции отказалось требовать его выдачи на том основании, что Бош является нежелательным иностранцем, которому лучше оставаться за пределами страны. Через несколько дней Бош вновь преспокойно разгуливал по улицам Каракаса: на его освобождении настояли кубинские эмигранты, близкие к президенту Карлосу Андресу Пересу. Одним из них был Орландо Гарсиа, советник венесуэльского президента по вопросам безопасности, прошедший обучение в ЦРУ. Другим — Луис Посада Карагилес, сотрудник венесуэльской тайной полиции. Тот самый Посада, который организовывал прикрытие для убийц в ходе подготовки к покушению на жизнь Кастро во время его визита в Чили в 1971 году.

Бош перебрался через Анды и прибыл в Чили, где военная хунта, свергнувшая Альенде, встретила его с распостертыми объятиями. Бош расположился в правительской резиденции. Как рассказывал майамский репортер Оскар Иборра, бравший у Боша интервью в Чили, во время их беседы присутствовали начальник генерального штаба Венесуэлы и дюжина чилийских телохранителей. «Он заявил мне,— вспоминал Иборра,— что у него есть все для свержения Кастро: деньги, друзья и покровители».

Бош продолжал укрываться в Чили на протяжении почти всего 1975 года, а в Майами росло число убийств. 21 февраля Лусьяно Ниевоса, одного из лидеров кубинской эмиграции, застрелили на автостоянке у больницы, куда он приходил навестить больного сына. 31 октября Роландо Масферрер завел двигатель своего «форда торино» выпуска 1968 года и был разнесен на куски взрывом подложенной бомбы.

В начале 1976 года Бош по подложному паспорту прибыл в Коста-Рику. Через своего осведомителя лейтенанта майамской полиции Томас Линч, специалист по борьбе с терроризмом, получил сведения, что Бош планирует взрыв бомбы с целью убийства государственного секретаря Генри Киссинджера во время предстоящего в марте визита в Коста-Рику. Вероятным поводом послужили предложения Киссинджера улучшить отношения с Кубой. Американская сторона уведомила коста-риканские власти, и за четыре дня до прибытия Киссинджера Бош был упрятан за решетку. «Мы предложили депортировать его в Соединенные Штаты,— рассказывал министр иностранных дел Гонсало Фасио Сегреда о своих переговорах с государственным департаментом США,— но нам ответили, что им это вовсе ни к чему».

В Майами продолжались убийства. Майамская полиция обратилась в штаб-квартиру ЦРУ с просьбой срочно прислать поименный список эмигрантов, обученных в ЦРУ изготовлению бомб, а также сведения о количестве пластиковой взрывчатки С-3 и С-4, оставленной в Майами после того, как ЦРУ прикрыло там свою лавочку. ЦРУ не потрудилось даже ответить.

Летом 1976 года «фабрика слухов» в «Малой Гаване» работала на полную мощность. Единственной темой было чрезвычайное совещание лидеров эмиграции на высшем

уровне, которое проходило в курортном городке Бонао, в Доминиканской Республике.

Формальным поводом для проведения совещания послужило учреждение новой террористической группировки, получившей название «Коммандо* объединенных революционных организаций». Создание этой группировки резко расширило возможности террористов в осуществлении убийств и других акций. В нее вошли: «Кубинское действие» Боса, «Кубинский фронт национального освобождения», еще две эмигрантские организации, у которых не было предрассудков в отношении массовой резни. Одна из них — откровенно фашистская группировка, «Кубинское националистическое движение». Ее члены не скрывали восхищения Муссолини и Гитлером. «Свободными охотниками» считали себя братья Ново, Гильермо и Ривера, кубинские эмигранты, числившиеся в «Кубинском националистическом движении». Они понимали гарантированное конституцией Соединенных Штатов право на ношение оружия как право не расставаться с базуками. Гильермо Ново стрелял из базуки по зданию Организации Объединенных Наций, когда там в 1964 году выступал с речью Че Гевара. Ривера Ново был арестован при попытке совершить террористический налет на кубинскую экспозицию на Всемирной выставке в Монреале в 1976 году. «Кубинское националистическое движение» оказалось причастно к убийству Роландо Масферрера в 1975 году, а также к покушению на жизнь чилийского эмигранта-антифашиста, предпринятого в 1975 году в Риме итальянской фашистской организацией.

«Кубинское националистическое движение» и братья Ново, с одной стороны, и эмигрантская группировка «Бригада 2506» (полувоенная организация, появившаяся в середине 60-х годов и впоследствии также присоединившаяся к «Коммандо» Боса) — с другой, представляют собой две основные силы, которые вместе с Орландо Башем активно укрепляли связи кубинских эмигрантов с международной сетью террористов. Все они, к примеру, были связаны с чилийской охранкой ДИНА, родным детищем ЦРУ. Членами «Бригады 2506» являлись ветераны Залива свиней, которые никогда не прекращали сражаться за «дело» ЦРУ. Они воевали в Конго и во Вьетнаме,

* Коммандо — диверсионно-десантный отряд (англ.).

а в 1975 году открыли вербовочный пункт в Майами, где набирали кубинских добровольцев для участия в военных действиях в Анголе на стороне поддерживаемой ЦРУ группировки УНИТА — организации ангольской контрреволюции. Один из членов «Бригады 2506» был убит в бою с повстанцами в последние дни диктаторского режима в Никарагуа. Бывший глава «Бригады» Роберто Карбальо нанес визит генералу Пиночету в Чили; по данным полиции, он также состоял в личном штате укрывшегося в Парагвае диктатора Сомосы.

В течение шести недель была взорвана бомба в помещении кубинской миссии при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке; произошел взрыв в фургоне, доставлявшем багаж для погрузки в самолет авиакомпании «Кубана де авиаэйон» в аэропорту Кингстона на Ямайке; взорвано помещение британской авиакомпании «Уэст Индис эйрлайнс» на Барбадосе; совершены нападения на помещения авиакомпании «Эйр Панама» и кубинского посольства в Боготе, Колумбия; обстреляно советское судно у берегов Кубы; взорвана бомба в помещении «Кубана де авиаэйон» в Панаме; при попытке похищения кубинского консула в Мерида (Мексика) убит кубинский технический специалист, работавший в местной рыбной промышленности. Впоследствии в документальном фильме компании Си-би-эс член «Бригады 2506» А. Эстрада нагло заверял журналиста, бравшего у него интервью, что «Комmando объединенных революционных организаций» просто «пыталась убрать одного из коммунистов в Мексике. Мы узнали о нем от них (ЦРУ)».

Тerrorизм был введен в форму легальной деятельности, о чем свидетельствует первый съезд «Бригады 2506», присвященный в 1976 году. Орган группировки ежемесячник «Хирон» опубликовал тогда «военные коммюнике» от имени «Комmando объединенных революционных организаций», в которых превозносилась недавние террористические акции и объявлялось, что вскоре коммандос перейдут к нападениям на самолеты в воздухе, во время полетов. Главным оратором на съезде был Анастасио Сомоса, незадолго до этого привечавший беглого Боша в Никарагуа — как раз в период формирования «Комmando объединенных революционных организаций». Выступал там и американский конгрессмен Клод Пеппер. Почетным гостем был мэр Майами Морис Ферр, который способствовал освобождению Боша из тюрьмы.

III

Когда Исабел Летельер подняла телефонную трубку, незнакомый резкий голос спросил: «Это жена Орландо Летельера?» На ее утвердительный ответ с другого конца провода последовало: «Нет, ты его вдова». Орландо Летельер был послом Чили в Соединенных Штатах, назначенным Сальвадором Альенде. Живя в изгнании в Вашингтоне, он стал символом сопротивления правящей в Чили военной хунте. 21 сентября 1976 года Летельер и два его спутника, американские граждане Ронни и Майкл Моффитты, ехали по Эмбасси-роу в Вашингтоне, когда взрывом управляемой по радио бомбы их автомобиль разнесло в куски. Летельер и Ронни Моффитт были убиты, Майкл Моффитт каким-то чудом остался жив.

Преступление было раскрыто, когда следователи узнали, что за месяц до него давно обосновавшийся в Чили американец Майкл Таунли прибыл в Майами и встречался с кубинскими эмигрантами, связанными с «Коммандо объединенных революционных организаций». Вскоре обнаружилось, что Таунли был агентом известной своими зверствами чилийской тайной полиции ДИНА. Когда Таунли предъявили обвинение в сговоре с целью убийства, он стал давать показания, из которых вытекало: инициатором заговора выступала ДИНА, намеревавшаяся осуществить убийство руками кубинцев. Были выданы ордеры на арест лидера «Кубинского националистического движения» Игнасио Ново, члена этой группировки Вирхилио Паса, Хосе Суареса (все из Нью-Джерси), брата Игнасио, Гильермо Ново и Алвина Росса Диаса (оба из Майами). В обвинительном заключении, предъявленном Игнасио Ново, отмечалось, что он был осужден в связи с обстрелом здания Организации Объединенных Наций в 1965 году, а в момент ареста числился условно освобожденным по делу о заговоре с целью взрыва бомб в кубинских учреждениях в Монреале. При задержании Росса и Гильермо Ново в Майами у них изъяли фунт кокаина, а в записной книжке Росса обнаружили адрес майора Педро Диаса Ланса, приятеля Фрэнка Стерджиса, в свое время входившего в «Повстанческое движение за возрождение революции», возглавлявшееся Башем. (Гильермо Ново и Росс предстали перед судом по обвинению в убийстве. Сначала они были осуждены, затем — в результате

повторного процесса — оправданы. Пас и Суарес продолжают скрываться.)

Через два дня после убийства Орландо Летельера Бош улетел из Никарагуа в Каракас. После того как он прошел иммиграционный контроль по подложному коста-риканскому паспорту, его встретили Луис Посада и Орландо Гарсия. К этому времени Посада ушел из венесуэльской службы безопасности, ДИСИП, и учредил частное сыскное агентство, называвшееся «Торгово-промышленные расследования», которое было тесно связано с тайной полицией. Боша принимали как высокого гостя. Гарсия устроил ему встречу с президентом Пересом, в его честь был дан обед стоимостью в тысячу долларов на человека, на котором присутствовали высокопоставленные правительственные чиновники и кубинские эмигранты.

Через две недели после этих празднеств, 6 октября, самолет авиакомпании «Кубана де авиаисьон», выполнивший рейс № 455 с 73 пассажирами на борту, включая национальную сборную Кубы по фехтованию, вылетел из Тринидада, приземлился на Барбадосе и вновь взлетел, направляясь на Кубу. Самолет взорвался в воздухе, все пассажиры погибли. В Майами редакции средств массовой информации были извещены телефонными звонками, что «честь» этой акции принадлежит «Командо объединенных революционных организаций» и группировке «Кондор», сателлиту «Кубинского фронта национального освобождения».

На похоронах погибших кубинцев, на которых присутствовал миллион гаванцев, Фидель Кастро указал на прямое участие ЦРУ в этой вылазке. Кастро также сообщили, что внедренный в ЦРУ агент-двойник перехватил телеграмму агенту ЦРУ в Гаване, указывающую, что ведется подготовка еще к одному покушению на его жизнь, поскольку в телеграмме была затребована подробнейшая программа предстоящего визита кубинского премьера в Анголу.

Как потом оказалось, у Кастро были основания обвинять ЦРУ. Два пассажира, сошедшие с самолета на Барбадосе, Фредди Луго и Рикардо Лосано были задержаны и допрошены после того, как шофер такси услышал их разговор: они перебрасывались шуточками о взрыве бомбы. Оба работали в агентстве Луиса Посады и признались, что Посада и Бош снабдили их двумя бомбами, которые они и подложили в самолет авиакомпании

«Кубана де авиасьон». Когда полицейские обыскали похожую на крепость резиденцию Посады в Каракасе, они нашли «оборудование и схемы», в том числе карту Вашингтона. Это указывало на связь между взрывом самолета и убийством Летельера (обвинения в убийстве были впоследствии сняты за «недостаточностью улик»).

* * *

На протяжении десятилетий ЦРУ, тасуя «ширмы», «крыши» и агентов, словно карты в колоде, предотвращало разоблачение своего подпольного аппарата и его противозаконных акций. Выплаты агентам по контракту маскировались сделками в коммерческих предприятиях. В период правления администрации Джонсона, когда количество операций тайной войны сократилось, уменьшилась и потребность в агентах по контракту. Тогда ЦРУ учредило своего рода подпольную службу, устроив агентов в штат Управления по борьбе с наркотиками и других федеральных ведомств при условии, что они всегда будут под рукой в случае необходимости. Нашло ЦРУ и другие пути продолжить свою тайную войну.

Первое, что сделало ЦРУ,— это учредило для денежного обеспечения оперативной деятельности финансовое предприятие, которое воспользовалось преимуществом существующих на Багамах законов о сохранении тайны вкладов. Оно называлось «Касл бэнк энд траст» и находилось в Нассау. «Касл бэнк» обслуживал избранную клиентуру.

Многие из вкладчиков, правда, просто не знали, что они имеют дело с дочерним предприятием Лэнгли. «Касл бэнк» был учрежден примерно в 1965 году, а его президент и основатель Пол Хеллиуэлл был известен лишь как майамский адвокат. Но это был тот же самый Хеллиуэлл, который во времена подготовки к вторжению в Залив свиней выступал вербовщиком и казначеем ЦРУ, тот же самый неразборчивый в средствах Хеллиуэлл, о котором его коллеги по Управлению стратегических служб рассказывали, что в Китае он оплачивал информацию «тремя липкими коричневыми палочками» опиума.

«Касл бэнк» — яркая иллюстрация того, как ЦРУ и мафия объединяли свои усилия к взаимной выгоде. В течение многих лет банк оставался одной из наиболее

тщательно хранимых тайп ЦРУ. Он пережил даже проведенное Финансовым управлением следствие по поводу использования иностранных банков в целях уклонения от налогов. К 1972 году расследование, известное под кодовым наименованием «проект Хэви», нацелилось было на «Касл бэнк», но следователи наткнулись на окружающую его стену секретности. В следующем году, однако, агент Финансового управления тайком обыскал портфель одного из банковских служащих и обнаружил список держателей вкладов и другие документы, из которых явствовало, что авуары «Касл бэнк» составляют четверть миллиарда долларов. Следователи воодушевились, предчувствуя, что им в руки попало крупнейшее в истории дело об уклонении от налогов.

Их радость была недолгой. Верный Ричарду Никсону глава Финансового управления Дональд Александр прекратил следствие на том основании, что его подчиненные произвели незаконный обыск.

Только 18 апреля 1980 года, когда «Уолл-стрит джорнэл» опубликовал статью специалиста по организованной преступности Джима Дринхолла под заголовком «Крупное налоговое расследование тайком прикрыто разведывательным управлением», маска с «Касл бэнк» была сорвана. Осуществление «проекта Хэви» было прекращено прежде всего потому, писал Джим Дринхолл, что «Касл бэнк» служил «каналом, по которому направлялись миллионы долларов, предназначаемых ЦРУ для финансирования подпольных операций против Кубы и других стран Латинской Америки и Дальнего Востока». Один из федеральных прокуроров заявил в интервью «Уолл-стрит джорнэл», что впервые узнал о существовании связи между банком и ЦРУ, когда юрист консульт управления Джон Грини обратился в министерство юстиции с просьбой «не затрагивать вопрос об определенных счетах в «Касл бэнк», поскольку они принадлежат ЦРУ». В статье цитировалось еще одно высказывание другого правительенного служащего: «ЦРУ убедило министерство юстиции в том, что разоблачение «Касл бэнк», а неизбежно и других сделок Хеллиуэлла скомпрометирует весьма секретные и весьма важные разведывательные операции».

Один из бывших федеральных чиновников в интервью «Уолл-стрит джорнэл» поведал о том, как Хеллиуэлл и его «Касл бэнк» в период между 1964 и 1975 годами

«глубоко погрязли» в махинациях по финансированию тайных набегов на Кубу, которые агенты ЦРУ предпринимали с крупнейшего на Багамах острова Андрос. Излагался также рассказ бывшего сотрудника адвокатской фирмы Хеллиуэлла, отмечавшего, что в конце 60-х годов, «когда ЦРУ перевело огромную сумму денег через «Касл бэнк», его босс ввел в банке такие меры по обеспечению безопасности и сохранению тайны, будто это была какая-нибудь военная операция».

Вполне возможно, что средства, переправляемые через «Касл бэнк», расходовались на проведение таких секретных операций, как заговор Амлэша с целью убийства Кастро в 1965 году и план расправиться с Кастро в Чили в 1971 году. Как бы то ни было, подобные махинации обходятся американским налогоплательщикам весьма дорого. Закрытие «проекта Хэви» привело к прекращению расследования по имевшимся в Финансовом управлении 488 делам, общая сумма недоплаченных налогов по которым составляла сотни миллионов долларов.

Разоблачения, связанные с «проектом Хэви» и «Уотергейтом», здорово повредили операциям Хеллиуэлла. Новые директора ЦРУ, Джеймс Шлезингер и его преемник Уильям Колби, пачками рассыпали уведомления об увольнениях в отделе секретных операций, а комиссии конгресса начали совать нос в запретные доселе закоулки, требуя, среди прочих реформ, ввести более строгую стачтность и контроль над тайными операциями. Казна ЦРУ еще не опустела, но крах уже надвигался. Как говорил Джерри Хемминг, «эти ребята, работавшие по контракту, ударились в панику и бросились открывать новые частные компании для финансирования латиноамериканских операций. Возможно, они надеялись получить финансовую поддержку также и от торговли наркотиками. Но прежде всего именно частный бизнес мог давать достаточно средств для продолжения деятельности — причем подальше от глаз Шлезингера и Колби, — пока все не утрясется».

Одной из компаний, использовавшихся для подобного прикрытия, была, очевидно, «Интерконтинентл диверси-файд корпорейшн», основанная Уоллесом Гроувсом. Вице-президентом, генеральным советником и директором этой компании стала старший компаньон Поля Хеллиуэлла по адвокатуре Мэри Джейн Мелроуз. «Интерконтинентл»

была багамской компанией-учредителем, занимавшейся недвижимостью, коммунальным и портовым хозяйством, и до недавнего времени значилась в списках нью-йоркской фондовой биржи. (Гроувс продал свой пакет акций, и в настоящее время эта фирма находится в процессе реорганизации, ее совладельцем станет багамское правительство.) В ноябре 1974 года двое служащих получили от ЦРУ «свидетельство о благонадежности» — процедура, которую сам Гроувс прошел уже несколько лет назад.

В 1978 году «Интерконтинентл» попала в поле зрения комиссии по ценным бумагам и валюте после того, как у компании образовалась недостача в размере трех миллионов долларов. Что-то около этого удалось обнаружить и получить обратно из одного из канадских банков. Но еще 1,3 миллиона долларов так и исчезли бесследно. Значительная часть этой суммы, как выяснилось, прошла через «Касл бэнк». По сообщению «Уолл-стрит джорнэл», бывший сотрудник ЦРУ сделал «поразительное заявление» о том, что почти пять миллионов долларов были выкачаны из фондов «Интерконтинентл» на нужды ЦРУ, «поскольку у нас там были друзья». Никого к ответственности не привлекли.

Куда ушли эти деньги и на какие цели ЦРУ их израсходовало — неизвестно.

То же самое повторилось в случае с майамской фирмой «Белл мортэйдж корпорэйшн», истинная роль которой стала ясна лишь только тогда, когда ее махинации завершились судебными процессами. «Белл» была учреждена в 1969 году кубинским эмигрантом Андресом Кастро и в течение некоторого времени процветала. Однако закат ее деятельности начался в 1969 году, когда, как рассказывает Хемминг, к Андресу Кастро обратились некие связники, сообщившие, что «ЦРУ ищет граждан-патриотов, которые помогли бы в создании «ширм» для «отстригивания» денег и финансирования операций. Они сказали ему, что многие банки напуганы «Уотергейтом», и средства остаются замороженными во Флориде и других местах».

Андрес Кастро, считавший себя патриотом, делал все, о чем бы его не попросили. Он принял в штат фирмы без каких-либо конкретных обязанностей двух агентов ЦРУ по контракту: Гильермо Иглесиаса, ветерана Залива свиней, и Антонио Иглесиаса, также бойца бригады

вторжения, который затем занимался инженерным обеспечением «Второй морской партизанской войны» Артиме и улаживал дела работавших на ЦРУ эмигрантов с Финансовым управлением. Эта парочка снабдила Андреса Кастро самой совершенной аппаратурой связи, обучила его шифровальному делу и уговорила приобрести служебный реактивный самолет. На нем они и вылетели в Манагуа, где представили Андреса Кастро Анастасио Сомосе, который, как говорят, подтвердил, что деньги планируется использовать для финансирования операций ЦРУ в Чили, Панаме и Коста-Рике (Хемминг уточнял, что в Чили мишенью был Альенде, а в Панаме — Торрихос). Впоследствии Андрес Кастро утверждал, что фирме «Белл» при помощи подложных закладных и завышенной оценки недвижимости удалось сколотить более трех миллионов долларов, большая часть которых была переведена дутым корпорациям, учрежденным им по настоянию Иглесиасов в Майами и ряде стран Латинской Америки.

Сколько еще денег принесли фирме «Белл» производимые тайком махинации, можно только догадываться. Но уж если секретные агенты и террористы теперь не нуждались в деньгах, то другом «товаре» — умении вести перегулярные военные действия — и подавно. Этому их еще много лет назад обучило ЦРУ. «Вы можете их уволить,— говорил бывший сотрудник ЦРУ,— но отнять у них то, чему вы их научили, нельзя».

7 января 1977 года Хуан Перуйеро, слишком откровенный бывший президент «Бригады 2506», вышел из дома, направляясь на работу. Его расстреляли двое неизвестных, подъехавших в золотистом «кадиллаке». Хотя преступление так и не было раскрыто, очевидно, что Перуйеро стал жертвой раскола в «Бригаде 2506», который возник в этой группировке по вопросу о ее выходе из «Коммандо объединенных революционных организаций» после взрыва в самолете авиакомпании «Кубана де авиаисьон». Это убийство ознаменовало трехлетие разгула террора; нераскрытыми остались 80 процентов более 100 случаев взрывов бомб, убийств и нападений.

Семена террористических акций когда-то давным-давно рассыпало щедрой рукой ЦРУ. Теперь оно пожинает урожай смерти и уничтожения.

В городе Юнион-сити, штат Нью-Джерси, который превратился в эмигрантскую Гавану на берегах Гудзона, Эулалио Негрин слыл открытым сторонником нормализации отношений с Кастро. В октябре 1979 года в его квартире посреди ночи стали раздаваться телефонные звонки. На другом конце провода ничего не говорили: слышалось только металлическое тиканье будильника. Негрин и сам знал, что его время истекает: он составил завещание и купил гроб. Воскресным утром 25 ноября, когда он с 12-летним сыном садился в автомобиль, подъехали трое — их лица были скрыты лыжными масками — и изрешетили тело Негрина автоматными очередями. В больницу он был доставлен уже мертвым. Это убийство венчало почти десятилетие террористических акций в районе Нью-Джерси — Нью-Йорк, в течение которого было совершено более ста взрывов бомб и покушений. Несмотря на рост волны насилия, федеральные власти держались в стороне, ссылаясь на то, что все это, мол, дела местного значения. Не прошло и двух недель после убийства Негрина, как 12 декабря мощный взрыв потряс трехэтажное здание советской миссии при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Вылетели все стекла, несколько дипломатических работников миссии и находившийся на посту у здания американский полицейский были ранены. 13 января 1980 года взрывом было серьезно повреждено помещение авиакомпании Аэрофлот, и опять несколько человек получили ранения. «Потребовалось организовать взрывы у русских, чтобы кое-кого здесь встряхнуть,— заявил репортеру «Вилледж войс» Джейффу Стайну один из сотрудников нью-йоркской полиции.— «Омега 7» недавно трижды взрывала бомбы в кубинской миссии, и никто и ухом не повел. Но когда дело коснулось русских, игра пойдет совсем по-другому».

В этой игре, как оказалось, ФБР трудно рассчитывать на победу. «Омега 7» взяла на себя ответственность за все акты насилия, совершенные за период с 1975 года, включая убийство Негрина и взрывы бомб в советских представительствах. Отковавшаяся от «Коммандо объединенных революционных организаций» Орландо Баша «Омега 7» примкнула к союзу в составе «Кубинского националистического движения», молодежной группировки,

называющей себя «Абдала», и фракции «Бригады 2506». Так же как в «Коммандо объединенных революционных организаций» в Майами, этот альянс пользуется политическим и финансовым благоволением столпов общества (мэр Юнион-сити мадам Хулия Вальдивия открыто выступала в поддержку «Кубинского националистического движения»).

Террористические акции «Омеги 7» потрясли Север Соединенных Штатов. Вслед за нападениями на представительства СССР «Омега 7» вновь переключилась на кубинцев. В марте 1980 года бомба была обнаружена в автомобиле кубинского представителя при Организации Объединенных Наций Рауля Роа. 11 сентября 1980 года, в день седьмой годовщины военного переворота в Чили, проезжавший по улицам Нью-Йорка атташе кубинской миссии при Организации Объединенных Наций Феликс Гарсиа Родригес был убит из засады. Через считанные минуты в информационное агентство Ассошиэйтед Пресс позвонил некто, пожелавший остаться неизвестным, и заявил: «Он коммунист. Следующим будет Рауль Роа». Аналогичный телефонный разговор состоялся и в информационном агентстве ЮПИ. Аноним сообщил, что акцию провела «Омега 7», и предупредил: «Мы намерены продолжать стирать с лица земли всех этих предателей».

Только теперь стало ясно, как широко раскинулась террористическая сеть. Она опутала все Западное полушарие, захватывая и другие районы мира. Она связывает кубинских эмигрантов с тайной полицией Венесуэлы и Чили. Деятельность террористов поддерживают и поощряют влиятельные политические лидеры Соединенных Штатов и Латинской Америки. По своим возможностям проведения террористических актов сколоченные ЦРУ шайки, вероятно, даже превосходят «Красные бригады» в Италии, банду Баадера-Майхоффа в Западной Германии, «Красную армию» в Японии... Однако не пользуются и сотой долей того внимания, которое уделяют блестящими портфелями, общественность и печать этим группировкам.

Бессспорно, ЦРУ причастно к деятельности террористов. Один из лидеров «Коммандо объединенных революционных организаций» похвастался в интервью телекомпании Си-би-эс, что советники ЦРУ продолжают оказы-

вать им помочь. Полицейский следователь, который вел дело о торговле наркотиками, рассказывал Джейффу Стайнпу, что, после того, как он вскрыл связи между подозреваемыми кубинскими эмигрантами и майамской компанией под названием «Зодиак», оказавшейся «ширмой» ЦРУ, он прекратил следствие. Полицейский из Нью-Йорка признался: невидимая рука ЦРУ буквально душит расследования. «Только чуть продвинешься в следствии по делу — вдруг пыль столбом,— рассказывал он.— Дело закрыто. Просишу ЦРУ помочь, а они говорят, что это их не касается. Чего уж тут не понять».

«ПОВТОРИЛИ БЫ ВЫ ВСЕ СНАЧАЛА?»

Отсидев свой срок за мошенничество в клубе «Фрайерс», Джонни Роселли обосновался в Майами-Бич. В мае 1975 года Роселли вызвали в специальную сенатскую комиссию по расследованию деятельности разведывательных органов для допроса за закрытыми дверями по поводу заговоров с целью убийства Кастро. Роселли, как заявил председатель комиссии Фрэнк Черч, «рассказал нам множество подробностей». В списке комиссии значился и Сэм Джанканы, однако ночью 24 июня, всего за несколько дней до назначенной ему даты явки в комиссию, кто-то проник в дом Джанканы в Чикаго и в упор расстрелял его. Оружие убийства — автоматический пистолет «Дюраматик» 22-го калибра с глушителем — было затем найдено в кустарнике на берегу реки Дес-Плэйнс. Полиция сумела выяснить только то, что в последний раз этот пистолет был легально продан одному из майамских дельцов в 1965 году, после чего его следы терялись и установить дальнейших владельцев оказалось невозможно. Убийство осталось нераскрытым.

7 августа 1976 года труп Роселли обнаружили в опутанной цепями металлической бочке, утопленной в Дамб-фаундлингском заливе близ Майами. Он исчез десятью днями раньше, как раз перед опубликованием доклада Черча. Доклад включал утверждение Роселли о том, что предпринимавшиеся совместно ЦРУ и мафией покушения на жизнь Кастро бумерангом ударили по президенту. Это утверждение было затем отвергнуто комиссией палаты представителей по расследованию политических убийств в пользу теории «это дело рук мафии». Убийцу или убийц не нашли.

29 марта 1977 года Чарльз Николетти, подручный Джанканы, который заменил Роселли на посту руководителя осуществлявшегося мафией «проекта Кастро», был убит в Чикаго. В то время комиссия палаты представителей разыскивала Николетти, чтобы допросить и выяснить,

существует или нет связь между заговорами против Кастро и смертью Кеннеди. В сообщении агентства ЮПИ о смерти Николетти, в частности, говорилось, что Николетти порвал с мафией после убийства Джанканы, поскольку считал, что «ЦРУ прибирает к рукам операцию... Сделка между ЦРУ и синдикатом требовала как минимум негласного содействия ЦРУ в контрабандной доставке проституток из Марселя, Франция, в Соединенные Штаты для обслуживания принадлежащих мафии публичных домов в Лас-Вегасе и других городах...». Такой поворот представлялся следователям комиссии палаты представителей совершенно невероятным. Они были убеждены, что кто-то намеренно хочет отвлечь их внимание от причастности мафии к убийству Кеннеди.

В своем докладе, опубликованном в 1979 году, специальная сенатская комиссия пришла к выводу, что убийство Джона Кеннеди, возможно, явилось результатом заговора, и обвинила ФБР и ЦРУ в том, что они лишили комиссию Уоррена информации, которая привела бы последнюю к такому же заключению 15 годами раньше. Сенатская комиссия заявила, что свидетельством «причастности организованной преступности к убийству президента могли бы служить ее контакты или с Освальдом, или с Руби, или с обоими». Полученные доказательства подтверждают, что Освальд был «действительно связан с организованной преступностью», а Руби был «известен в мире организованной преступности».

Когда репортеры спросили главного юрисконсульта комиссии Роберта Блэйки, кто же те маньяки, которые, по его мнению, несут ответственность, он ответил: «Думаю, это дело рук мафии». Защищать мафию от подобных обвинений довелось — правда, посмертно — Джонни Роселли. Как указывается в опубликованной в 1981 году биографии мафиозо Джимми Фратианно, Роселли считал теорию об убийстве Кеннеди мафией смехотворной: «Что же, мы идиоты, да? Нанимаем психа вроде Освальда убить президента, а потом просим такого трепача, как Руби, заткнуть ему глотку. Да мы бы этим соплякам паршивую собаку кокнуть — и то не доверили бы».

Джон Мартино участвовал в попытках Джонни Роселли убить Кастро, затем в кампании дезинформации

относительно личности Освальда, начатой сразу после убийства президента Кеннеди, потом сумел добиться успехов на деловом поприще в Майами, хотя характер его бизнеса остается неясным. Он много путешествовал по Латинской Америке. Поговаривали, будто он торговал пуленепробиваемыми жилетами. В 1975 году произошла знаменательная беседа Мартино с его деловым партнером из Техаса Фредом Клаасеном. Мартино заявил тогда, что был агентом ЦРУ по контракту и знал о заговоре с целью убийства президента Кеннеди: «Освальда наняли враги Кастро. Освальд не знал, на кого работал, понятия не имел, кто в действительности его нанял».

Разоблачения Мартино стали известными лишь в 1978 году, когда репортер газеты «Даллас морнинг пьюс» Эрл Голц опубликовал интервью с Клаасеном, в котором тот пересказал свою беседу с Мартино. Сам же Мартино умер вскоре после этого разговора. Комиссия палаты представителей направила одного из следователей допросить его вдову. Она сказала, что труп мужа «забрало правительство». В личных бумагах Мартино обнаружились доказательства его давних связей с Сантосом Траффиканте.

Заговор 1971 года с целью убийства Кастро в Чили при помощи скрытого в телекамере пистолета оказался последним заданием, которое Топи Весьяна выполнял для своего шефа в ЦРУ Мориса Бишопа. «После этого,— рассказывал Весьяна,— у нас появилось множество разногласий. Столько человеческих жизней потеряно — и все понапрасну». 24 июля 1973 года основатель «Альфы 66» был арестован агентами Управления по борьбе с наркотиками по обвинению в торговле отравой. Весьяна утверждал, что «все это было подстроено из-за моей прошлой деятельности». Через два дня, по его словам, Бишоп выплатил ему 150 тысяч долларов за его почти тринадцатилетнюю службу в ЦРУ. Весьяна отсидел 17 месяцев в атланской тюрьме.

Когда сенатская комиссия по расследованию деятельности разведывательных органов в 1976 году допрашивала Весьяну о работе под началом Бишопа, следователи тайно провели его на встречу членов Ассоциации отставных сотрудников разведки в надежде, что Весьяна укажет — как на известного ему под псевдонимом Бишоп —

на Дэвида Филлипса, бывшего сверхсекретного агента ЦРУ в Гаване, который во времена Залива свиней вместе с Говардом Хантом занимался вопросами пропаганды. Весьяна говорить отказался. Год спустя комиссия палаты представителей по расследованию политических убийств отнеслась с большим интересом к признанию Весьяны в том, что в августе 1963 года он присутствовал при встрече Бишопа с Ли Харви Освальдом в Далласе. Комиссия допросила двух бывших агентов ЦРУ, которые подтвердили: примерно в то же время Морис Бишоп появлялся в Лэнгли, однако его настоящего имени ни один из них не знал.

Одна из частей итогового доклада комиссии, опубликованного в 1976 году, была посвящена разоблачениям Весьяны, связанным с его таинственным ментором Бишопом. Три месяца спустя Весьяна ехал на своем пикапе домой. Его нагнал фургон «бьюик» выпуска 1971 года. Четыре пули 45-го калибра прошли дверцу кабины. Весьяна отделался царапинами и через два дня вышел из больницы. Касаясь мотивов покушения, официальный представитель полиции заявил: «Мы изучаем возможные политические аспекты».

Карлос Прио не перестал лелеять надежду на возвращение к райской жизни на своей ферме «Чата». «Трудно поверить,— говорил майамский журналист о стареющем государственном деятеле,— но он все еще пускается во все тяжкие, чтобы поддерживать политическую жизнеспособность на тот случай, если на Кубе произойдет нечто такое, что вернет его к власти». В 1974 году Прио возглавил коалицию консервативных бизнесменов, деятелей просвещения и армейских офицеров, которая называла себя «Воюющими кубинцами» и обещала «вести борьбу против Кастро» в союзе с «внутренними силами на Кубе и без помощи ЦРУ». Однако «Воюющие кубинцы» на деле оказались весьма беспомощными.

5 апреля 1977 года стало для кубинских эмигрантов черным днем. В тот день в Гаване шел матч между баскетбольной командой Университета Южной Дакоты и кубинской командой, что символизировало некоторое потепление в американо-кубинских отношениях. В тот же самый день Карлоса Прио нашли застреленным в его

доме в Майами-Бич. Полиция констатировала самоубийство.

Когда Фрэнк Стерджис, Эухенио Мартинес, Вирхилио Гонсалес и Берни Баркер неожиданно признали себя виновными в «уотергейтском вторжении», судья Джон Сирика не мог скрыть своей досады. Этот шаг предотвратил допрос обвиняемых в ходе судебного заседания, который мог бы прояснить, кто и зачем их послал. Стерджиса отправили в федеральную следственную тюрьму, где ему предъявили еще ряд обвинений, связанных с давно забытым делом, имевшим место еще в 1968 году. Обвинения были выдвинуты буквально накануне истечения пятилетнего срока давности. И Стерджис сразу заподозрил, что Белый дом вытащил их на свет божий, мстя ему за то, что он, как заявил специальный прокурор Арчибалд Кокс судье Сирике, «помогал следствию по уотергейтскому взлому».

Упомянутое дело стало последней кампанией Стерджиса в тайной войне. Началось оно с того, что Хоакин Санхенис из «Операции 40» познакомил его с полковником Франсиско Кесадой, который предложил Стерджису взяться за весьма дерзкую операцию. «Мы собирались угнать с Кубы советское грузовое судно. Намечалось доставить его к берегам Венесуэлы и держать судно и русских моряков как заложников, чтобы добиться возрвращения «Пуэбло» и его экипажа», — рассказывал Стерджис. Начиненный электроникой американский шпионский корабль «Пуэбло» был захвачен Северной Кореей в январе 1968 года (его экипаж был освобожден год спустя).

Стерджис согласился. Он говорит, что причастность Санхениса утвердила его во мнении, что эта операция или прямо предпринята ЦРУ, или проводится с его санкции. Согласно полученным от Кесады инструкциям, Стерджис поместил в газетах объявление, что ищет добровольцев для борьбы с коммунизмом в Латинской Америке. Обещая ежемесячное жалованье в размере 1800 долларов, он без труда завербовал, как любовно выражается, «дюжину нечистых». Назвал он отряд — не без претензии — «Организацией секретной армии». В соответствии с распоряжениями Стерджиса члены группы взяли

напрокат автомобили во Флориде и съехались на ранчо в Мексику. Там Стерджис арендовал рыбакское судно и вышел на нем со своей «дюжины нечистых» в море, где, как ему сообщили, предстояла встреча с канонеркой, которая будет помогать им в угоне советского судна. Шторм выбросил посудину Стерджиса на риф у берегов Британского Гондураса *, и вооруженные мародеры очутились в тюрьме города Белиз. Стерджис передал сигнал бедствия своему старому другу, бывшему сенатору Джорджу Смазерсу, который, как вспоминал Стерджис, спросил его по телефону: «А почему же ты меня не взял с собой?» Несостоявшихся пиратов тут же освободили.

Как потом обнаружилось, в Мексике некоторые из его «дюжин нечистых» продали за наличные взятые напрокат во Флориде автомашины. Вот эту-то «шалость» и припомнили сейчас Стерджису. Суд состоялся в октябре 1974 года. Защитник Стерджиса Эллис Рубин затребовал представить суду досье ЦРУ и магнитофонные ленты Белого дома. «Мексиканское дело было в действительности операцией ЦРУ,— настаивал Рубин,— и Стерджис действовал в качестве его агента». Присяжные не смогли прийти к общему мнению и вынести приговор, но повторный суд над Стерджисом так и не состоялся. Он возвратился на авиабазу Эглин досиживать свой срок по «утертайтскому делу». Там он получил поздравительную открытку от старого приятеля Норма Ротмана. «Веселого рождества,— писал Ротман,— и добро пожаловать в наш клуб». Ротман отдыхал в атланской тюрьме: он был осужден как член шайки, которая в 1969 году выкрадала на четыре миллиона долларов акций из сейфов маклерских контор на Уолл-стрит.

После освобождения Стерджис вел размеренную жизнь торговца, но призраки тайной войны, видимо, не могли оставить его в покое. В 1976 году в судьбу Стерджиса вновь вторглась красавица шпионка Мари Лоренц. Их воссоединение устроила бульварная газетенка «Стар». Произошло это в Нью-Йорке, где Мари жила со своей дочерью от высланного из Соединенных Штатов венесуэльского диктатора Маркоса Переса Хименеса, хозяина особняка на Пайн-три драйв в Майами-Бич, в котором плелись заговоры с целью убийства Кастро.

* С июня 1973 года — Белиз, владение Великобритании в Центральной Америке, в восточной части полуострова Юкатан.

На страницах бульварной газеты Фрэнк и Мари в последний раз появились вместе — и улыбающимися. Год спустя Лоренц обратилась в нью-йоркскую полицию с жалобой на то, что Стерджис пытается вынудить ее отказаться давать показания в специальной комиссии палаты представителей по политическим убийствам. А Мари было что рассказать. На этот раз она утверждала, что в сентябре 1963 года присутствовала на совещании в майамском доме Орландо Боша, в котором участвовал и Ли Харви Освальд. В то время, рассказала Мари, она знала Освальда, которого встречала и раньше на явке «Операции 40», как Оззи. Присутствовали также Стерджис и его близкий друг майор Педро Диас Ланс. Они обсуждали поездку в Даллас.

Примерно 15 ноября, продолжала Лоренц, они вместе с Бошем, Стерджисом, Диасом Лансом, Джерри Хеммингом, «братьями Ново» (возможно, имеются в виду Игнасио и Гильермо Ново из «Кубинского националистического движения») и Освальдом выехали на двух автомобилях в Даллас. В номерах мотеля, где они остановились, Мари видела несколько винтовок и оптических прицелов. К ним заходил Джек Руби. В Майами Лоренц вернулась 19 или 20 ноября.

На основании жалобы Лоренц нью-йоркская полиция арестовала Стерджиса, но освободила его за недостаточностью улик. Адвокат Стерджиса настаивал на том, что леди сама заманила Стерджиса в Нью-Йорк с тем, чтобы создать рекламу книге о ее деятельности в ЦРУ, которую она в то время писала. Специальная комиссия палаты представителей впоследствии сообщила: никаких фактов, подтверждающих рассказ Мари о поездке в Даллас, обнаружить не удалось.

Вскоре после выхода из тюрьмы, где они отбыли свои сроки по «уотергейтскому делу», Стерджис, Мартинес и Гонсалес собрались в номере отеля «Иден-рок». «Если бы вдруг вам представилась такая возможность,— спросили их,— повторили бы вы все сначала?»

«Да»,— ответили они в один голос.

В конце 70-х годов «Бригада 2506» готовилась к очередной диверсии на Кубу. От Флориды-Кис на Кубу должен был отправиться катер. Но тут нагрянули федеральные агенты и арестовали А. Эстраду и нескольких его со-

общников. Их обвинили в незаконном хранении оружия. Во время суда над ними Грейстон Линч, ушедший из ЦРУ в отставку и обосновавшийся в Тампе, показал, что завербованным ЦРУ кубинским эмигрантам никто и никогда не приказывал прекращать борьбу. Присяжные их оправдали.

«Война не окончена!» — объявил Эстрада, выходя из здания суда.

В январе 1981 года генерал Хейг совершенно ясно дал понять сенатской комиссии по иностранным делам, обсуждавшей его назначение на пост государственного секретаря, что администрация Рейгана намерена проводить в отношении Кубы крайне жесткую политику. Во время слушаний не было сделано и намека на ту грязную роль, которую генерал играл в тайной войне в 1964—1965 годах — во времена Джонсона. Тогда подполковник Хейг был прикреплен к Джозефу Калифано, оставшемуся в наследство от администрации Кеннеди и обеспечивавшему связь между министерством обороны и кубинскими эмигрантами (Калифано выступал адвокатом Хейга во время утверждения сенатской комиссией его кандидатуры). Согласно статье Джо Тренто, опубликованной 10 января 1981 года в издающейся в Уилмингтоне, штат Делавэр, газете «Ньюс джорнэл», Хейг регулярно информировал лидеров эмиграции о неоднократных попытках убить Кастро и координировал между министерством обороны, Белым домом и ЦРУ обмен информацией о ходе осуществления заговоров.

Офицер морской пехоты, который в свое время работал с Хейгом, а в настоящее время занимает руководящую должность в Разведывательном управлении министерства обороны, рассказал в интервью «Ньюс джорнэл»: «Калифано и Хейг трудились рука об руку, чтобы ублажать националистов из кубинской бригады. Они даже обсуждали кандидатуры в группы убийц с ветеранами кубинской бригады». Хейг пытался уговорить эмигрантов не предпринимать несогласованных, самостоятельных нападков.

Это подтверждает и Рикардо Капетте, основатель террористической группировки «Кубинское националистическое движение». «Хейг кормил нас обещаниями. А мы давили и давили на правительство,— говорил Капетте.—

Они пытались успокоить нас, позволяя участвовать во вспомогательных операциях с целью убийства Кастро. В марте 1964 года нам разрешили принять участие в доставке на Кубу оружия, предназначенного для убийства».

Когда Хейг развернул перед сенатской комиссией боевые знамена, эмигрантские группировки в Майами охватило ликовение. Долгой оттепели в «холодной войне» против Кастро пришел конец, и они были уверены, что тайная война разгорится с новой силой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Четверть века назад, 1 января 1959 г., на Кубе была свергнута кровавая диктатура американского ставленника Батисты. Революционные силы страны, руководимые Фиделем Кастро, не остановились на этом. Они решительно стали претворять в жизнь вековые чаяния кубинского народа, стремившегося к подлинному национальному и социальному освобождению. На Кубе была совершена социалистическая революция. Остров Свободы стал первым государством рабочих и крестьян в Западном полушарии. Это произошло под боком у самой могущественной империалистической державы — США, которые держали Кубу в полуcolonиальной зависимости с конца прошлого века.

Кубинская революция нанесла сильный удар по имперским интересам Вашингтона. И дело не только в том, что американские монополии лишились лакомого кусочка¹. Был страшен революционный пример Кубы сам по себе, ибо он показывал другим латиноамериканским народам, что освобождение от казавшегося незыблемым господства США вполне возможно.

Американские правящие круги поставили своей целью во что бы то ни стало вновь подчинить Кубу, покончить с «социалистическим экспериментом» в этой стране. Двадцать пять лет существования революционной Кубы — это, по существу, двадцать пять лет непрестанной борьбы кубинского народа против агрессивных происков американского империализма.

¹ Только за 8 лет, с 1952 по 1959 г., американские монополии вывезли с Кубы чистой прибыли по меньшей мере на 800 млн. долл., а в результате неравноправных условий торгового обмена за 10 лет, с 1950 по 1959 г., положили к себе в сейфы еще миллиард долларов. (*Cuba financiera economica* 1960, № 406, п. 23; Гриневич Э. А. Куба: путь к победе революции, М., 1975, с. 68.)

Пожалуй, нет такого средства, которое США не испробовали бы в борьбе против острова Свободы. Когда провалились надежды Вашингтона на то, что ему удастся «приручить» руководителей Кубинской революции (таких случаев немало было до этого в истории Латинской Америки) и американским правящим кругам стал ясен ее подлинный характер, немедленно была запущена в ход машина безжалостного подавления суверенной независимой страны. Мир стал свидетелем жестокой экономической блокады Кубы, военных угроз в ее адрес и даже прямых агрессивных акций. Американские средства массовой информации развязали против нее ожесточенную клеветническую кампанию. США делали все возможное, чтобы изолировать Кубу, и прежде всего от стран Латинской Америки.

Одновременно с открытыми враждебными действиями Вашингтон прибегнул к самому широкому использованию против Кубы всего спектра методов «тайной войны», включая поддержку контрреволюционного подполья, подготовку и осуществление вооруженных вторжений наемников из-за границы, саботаж, разного рода диверсии и организацию покушений на жизнь кубинских руководителей.

В книге «Рыба красного цвета» предпринята попытка дать хронику происков Центрального разведывательного управления, перед которым правящие круги США поставили задачу удушить Кубинскую революцию свойственными этому ведомству грязными методами.

Книга вышла в свет в 1981 г. в нью-йоркском издательстве «Харпер энд Роу». Ее авторами являются обозреватель газеты «Сан-Франциско кроникл» Уоррен Хинкл и бывший агент ФБР, ведавший вопросами, связанными с деятельностью тайных вооруженных группировок в США, Уильям Тернер. Оба они не новички на литературном поприще. Их перу принадлежат другие произведения документальной прозы. У. Хинкл, в частности, написал до этого книги «Партизанская война в США», У. Тернер — «Засилье правых», «Гуверовское ФБР: люди и миф», а также «Убийство Роберта Кеннеди» (в соавторстве с Д. Кристианом).

В качестве названия для данной книги авторы взяли фразу из закодированного сигнала о начале вторжения на Кубу в Заливе свиней в апреле 1961 г., полученного американскими наемниками по радио от агента ЦРУ

Говарда Ханта,— вторжения, которое закончилось по-
зорным провалом.

У. Хинкл и У. Тернер использовали для написания книги многочисленные документы, включая неопубликованные, которые им удалось разыскать в архивах конгресса США, ЦРУ и ФБР, а также в Университете штата Калифорния. Авторы опросили почти 200 участников «тайной войны» против Кубы, как кубинских контрреволюционных эмигрантов, так и штатных агентов ЦРУ, которые непосредственно участвовали в преступных антикубинских действиях. Многие из тех, к кому обращались У. Хинкл и У. Тернер по понятным причинам, не захотели отвечать на вопросы о своей прошлой или настоящей деятельности. Некоторые из них прямо говорили, что не желают рисковать жизнью или потерять пенсию. Тем не менее собранных свидетельств и документов оказалось достаточно, чтобы сложилась, по словам авторов, «уникальная картина американского безумия».

Книга начинается с повествования о тех временах, когда кубинские патриоты во главе с Фиделем Кастро вели борьбу против диктатуры Батисты. Уже с первых страниц перед читателем предстает картина рабского подчинения Соединенным Штатам, в котором пребывала дореволюционная Куба. И сменившие друг друга кубинские «правительства», и буржуазные оппозиционные партии беспрекословно подчинялись американской указке. Однако пришло время, и этот механизм дал осечку. На Кубе произошли события, которые не предусматривались никаким американским сценарием и между тем оказали решающее влияние на судьбу страны. Повстанцы во главе с Фиделем Кастро вошли в Гавану, взяли власть в свои руки и стали решать государственные дела по своему усмотрению, в интересах трудящихся масс.

Правящие круги США поручают ЦРУ укротить не послушных кубинских революционеров. В результате была разработана широкомасштабная операция под кодовым названием «Кубинский проект», история которого рассматривается в книге.

«Кубинский проект» представлял собой всеобъемлющую программу подпольных военных действий, вооруженных авантюров, диверсий, политической и экономической подрывной деятельности. При его реализации использовались все средства — от заброски на остров фальшивых денег до биологической войны и убийств. Он вступил

в силу еще при администрации Дуайта Эйзенхауэра и продолжал осуществляться при последующих администрациях.

Этому проекту придавалось такое большое значение, а масштаб предусматривавшихся им действий оказался столь велик, что в ЦРУ для его претворения в жизнь был создан особый отдел специальных операций. В него вошли профессиональные разведчики, которые получили разрешение действовать любыми методами для достижения поставленных перед ними целей и вступать в контакт с кем угодно, вплоть до мафии, но при единственном условии, чтобы все сохранялось в глубокой тайне. Последнее было необходимо, поскольку, как пишут авторы, «все, что бы ни предпринималось, так или иначе нарушало международное право и различные законы США».

Значительная часть книги отведена описанию подготовки правящими кругами США с помощью ЦРУ интервенции американских наемников из числа кубинских контрреволюционеров в Заливе свиней. Авторы рассказывают о том, как создавались секретные базы на территории США, в штатах Флорида и Аризона, а также в Никарагуа. Показывают, как вербовались и обучались наемники, как велась психологическая подготовка вторжения, как готовились различные провокации. Например, группа наемников, одетых в форму кубинских войск, должна была совершить нападение на американскую военно-морскую базу в Гуантанамо, чтобы дать Вашингтону повод для прямого вмешательства в кубинские дела, поскольку организаторам интервенции к тому времени стало ясно, что рассчитывать на поддержку кубинского населения не приходится (этот план не удалось осуществить по не зависящим от его инициаторов обстоятельствам).

Провал вторжения на Кубу отнюдь не означал прекращения правящими кругами США тайной войны против Кубинской революции. Операция в Заливе свиней, отмечают У. Хинкл и У. Териер, знаменовала собой не конец, а начало осуществления политики выжженной земли, проводимой администрацией Кеннеди в отношении Кубы. С благословения Белого дома реорганизованное ЦРУ разработало и принялось осуществлять операцию под кодовым названием «Мангуста». Ее цель состояла в том, чтобы с помощью экономического саботажа и пропагандистской обработки населения вызвать на Ку-

бе недовольство народной властью, которое привело бы к ее подрыву «изнутри». С этой целью на Кубу засыпались диверсанты. С самолетов над городами и поселками разбрасывались контрреволюционные листовки. Одновременно Белый дом ужесточал экономическую блокаду Кубы. Например, агенты ЦРУ в Европе оказывали нажим на судовладельцев, стремясь вынудить их отказаться от перевозки кубинских грузов. В ЦРУ был разработан целый ряд средств — от блокирования кубинских кредитов за границей до заражения грузов кубинского сахара. Во Франкфурте одного из фабрикантов уговорили экспортировать на Кубу некачественные шарикоподшипники. В Англии автобусы, изготовленные компанией «Лейланд» по заказу Кубы, были выведены из строя в доках. В рамках операции «Мангуста» предпринимались неоднократные покушения на Фиделя и Рауля Кастро, а также на других кубинских руководителей.

Карибский кризис осенью 1962 г., в результате которого США дали обязательство воздерживаться от агрессии против Кубы, положил конец операции «Мангуста». Однако тайная война против Кубы продолжалась. Президент Кеннеди создал в рамках Совета национальной безопасности Постоянный комитет по делам Кубы, поручив ему разработку новых методов подрывной работы против острова Свободы. Возглавил его брат президента, министр юстиции Роберт Кеннеди. У. Хинкл и У. Тернер описывают целый ряд акций, известных, малоизвестных и совсем не известных, проведенных ЦРУ против Кубы в этот период.

После убийства Джона Кеннеди накал антикубинской тайной войны несколько спал. Это объяснялось, как указывают авторы книги, отнюдь не принципиальными соображениями, а лишь тем, что Линдон Джонсон, занявший место Джона Кеннеди в Белом доме, в силу личной острой неприязни к покойному президенту старался по возможности отмежеваться от всех его начинаний, в том числе и в кубинском вопросе. Кроме того, разгоревшийся в то время пожар войны во Вьетнаме несколько отвлек внимание правящих кругов США от Кубы.

Однако при Никсоне «тлеющие угли тайной войны против Кубы» вновь дали пламя. ЦРУ получило возможность расправить крылья.

К каким только средствам не прибегали спецслужбы США, чтобы нанести вред острову Свободы! Как пишут

авторы книги, в течение 1969—1970 гг. ЦРУ применяло способы воздействия на метеорологические условия с тем, чтобы уничтожить на Кубе урожай сахарного тростника и подорвать ее экономику.

Авторы книги рассказывают также о том, как в 1970 г. американская разведка с помощью террористической группировки тайно завезла на Кубу ампулу с бациллой африканской свиной чумы. На острове разразилась первая в Западном полушарии эпидемия этой болезни. Был нанесен значительный урон поголовью свиней. Это привело к нехватке свинины — одного из основных продуктов питания населения.

На страницах книги У. Хинкла и У. Тернера достоверно показана огромная зловещая машина, запущенная в ход против Кубы американским империализмом.

Для ведения подрывной деятельности в рамках «Кубинского проекта» ЦРУ создало собственный шпионский морской флот, который по своим размерам превышает любой из легально имеющихся в Карибском море. Он состоит, как указывают авторы книги, из противолодочных и патрульных кораблей, быстроходных катеров и так называемых «прогулочных» яхт. Суда ЦРУ оборудованы радарами, напичканы электронным оборудованием, вооружены 40-мм орудиями и крупнокалиберными пулеметами. Этот шпионский флот, пишут У. Хинкл и У. Тернер, забрасывал на Кубу саботажников и группы командос. Суда ЦРУ не раз вели в открытом море бои с морскими и воздушными силами Кубы, создавая международные инциденты, для замалчивания которых США приходилось прилагать огромные усилия. На службу ЦРУ был поставлен также воздушный флот, в который входят главным образом бомбардировщики В-26. Управляемые наемными пилотами, эти самолеты наносили удары по кубинским сахарным заводам, сахарным плантациям, нефтехранилищам, электростанциям.

Пиратские самолеты взлетали с гражданских аэродромов под прикрытием коммерческой вывески, с тайных полос и военных аэродромов во Флориде и реже в Луизиане, а также с временных аэродромов в сельве Гватемалы, Никарагуа и Коста-Рики. В разгар осуществления «Кубинского проекта» ЦРУ создало в 60-х годах специальную авиакомпанию «Интермаунтин эвиейшн» и расширило уже состоявшую под его контролем «Саузерн эйр транспорт». И хотя «Юпайд

эйрлайнс» привыкла похваляться тем, что является «крупнейшей авиакомпанией в свободном мире», этот титул, замечают У. Хинкл и У. Тернер, по праву мог бы принадлежать ЦРУ, дочерние компании которого располагают большим числом самолетов, чем любая другая внутренняя линия, а служащих в них занято больше, чем в самом ЦРУ.

Одно из самых отвратительных преступлений ЦРУ — организация планов физического уничтожения руководителей революционной Кубы. Как отмечают У. Хинкл и У. Тернер, за годы существования «Кубинского проекта», ЦРУ предприняло по крайней мере дюжину попыток покушения на Фиделя Кастро. Планы убийства кубинского лидера привели ЦРУ к установлению «опасных связей с мафией». Помимо заключения «контракта», ЦРУ пользовалось услугами банков, контролируемых мафией, чтобы иметь «чистые» денежные средства для своих внутренних операций. До чего доходило это сотрудничество, говорит хотя бы то, что, например, при реализации плана подрыва экономики Кубы с помощью наводнения ее фальшивыми деньгами, с ведома ЦРУ группа фальшивомонетчиков разместилась в одном из домов по 32-й улице Джорджтауна, в Вашингтоне, рядом с домом тогдашнего директора ЦРУ Аллена Даллеса.

Авторы книги показывают подлинное лицо кубинской контрреволюционной эмиграции — основной питательной среды, из которой ЦРУ черпает свою агентуру для ведения «грязной войны» против революционной Кубы. Пресловутые «борцы за демократию», «защитники интересов кубинского народа» — это по существу либо те, кто запятнан в кровавых преступлениях диктатуры Батисты, либо представители эксплуататорских классов, лишенные своих привилегий на родине и потому люто ненавидящие революцию. Вместе с тем среди кубинских эмигрантов не мало антиобщественных элементов, для которых в новом кубинском обществе, естественно, не могло找到 места.

ЦРУ и кубинская мафия настолько «спелись», что даже в те непродолжительные моменты, когда на их деятельность накладывались известные ограничения, они продолжали тесно сотрудничать. Как свидетельствуют авторы книги, один из лидеров «Коммандо объединенных революционных организаций» похвалялся в интервью

телекомпании Си-би-эс, что советники ЦРУ продолжают оказывать им помощь. «Полицейский следователь, который вел дело о торговле наркотиками,— пишут они,— рассказывал Джейфу Стайну, что после того, как он вскрыл связи между подозреваемыми кубинскими эмигрантами и майамской компанией под названием «Зодиак», которая оказалась «ширмой» ЦРУ, прекратил следствие. Полицейский из Нью-Йорка признался: невидимая рука ЦРУ буквально душит расследования. „Только чуть продвинешься в следствии по делу — вдруг пыль столбом,— рассказывал он.— Дело закрыто. Просишу ЦРУ помочь, а они говорят, что это их не касается. Чего уж тут не попытать”».

Заслуживает внимания замечание авторов книги о том, что, в то время как в США еще не были восприняты всерьез предостережения президента Эйзенхауэра об опасности, исходящей от военно-промышленного комплекса, его несравненно более отвратительный близнец — разведывательно-промышленный комплекс, на который мало кто обращал внимание,— уже набирал силы. В книге на конкретных примерах показано функционирование системы, которая объединяет шпионаж, организованную преступность и мир бизнеса. В ней обозначена цепочка, которая связывает, например, миллиардера Говарда Хьюза, политика Ричарда Никсона и босса мафии Майера Лански.

У. Хинкл и У. Терпер обращают внимание читателей на огромную опасность террористической деятельности ЦРУ, которая подобна джинну, выпущенному из бутылки.

Авторы книги пишут о том, что ЦРУ, завербовав для ведения тайной войны представителей кубинской мафии, обучило их диверсиям и обращению со взрывчаткой, автоматическим оружием и базуками. В ЦРУ они общались с «благовоспитанными отпрысками мелкобуржуазных семей», которые познали радость игры с огнем и не могли уже избавиться от своих шпионских привычек. Между многими из тех и других завязалась прочная дружба.

Почти любой эмигрант, прошедший в ЦРУ проверку на благонадежность, имел доступ к огнестрельному оружию. ЦРУ превратило Майами в гигантский склад диверсионного снаряжения.

Кровавое наследие тайной войны, пишут У. Хинкл и У. Тернер, переросло в 70-е годы в охватившую все Западное полушарие сеть правых террористов. Она состоит из обученных в ЦРУ ветеранов, продолжающих действовать, используя полученные в ЦРУ опыт, навыки и технику, от имени связанных с ЦРУ клиентов среди полицейских и разведывательных ведомств латиноамериканских стран. По мнению авторов книги, обученные ЦРУ кубинцы создали международную террористическую сеть крайне правого толка, которая организует убийства и взрывы в США и за их границами.

«Кубинский проект», указывают У. Хинкл и У. Тернер, явился «самым претенциозным предприятием». Однако он привел ЦРУ к «самому дорогостоящему провалу». На его осуществление было затрачено свыше миллиарда долларов. Стране это обошлось еще дороже. «Тайная война, — пишут они, — разложила американские институты до такой степени, что привела к падению двух президентов. Случилось так, как и предсказывали авторы законодательства, учредившего ЦРУ в 1947 году: заряжая пистолет шпионажа внутри страны, никогда нельзя знать точно, куда он будет нацелен. Наилучшим подтверждением этому служит тот факт, что во времена администрации Джона Кеннеди он был направлен в президента. Ричард Никсон навел его на правительство, а он выстрелил в него самого».

У. Хинкла и У. Тернера нельзя причислить к тем, кто симпатизирует социалистическим преобразованиям на Кубе. Тем большую ценность приобретают их разоблачения бесчеловечной деятельности ЦРУ против Кубы. Эта деятельность представляет собой опасную угрозу не только для Кубы, но в той или иной мере и для всего остального мира, включая сами Соединенные Штаты, породившие это чудовище и продолжающие лелеять его.

Важно отметить, что авторы книги опровергают широко распространенное мнение о том, что ЦРУ является-де «невидимым правительством», которое подотчетно лишь самому себе. На деле эта организация, пишут они, «является сравнительно послушным инструментом в руках верховной власти. Нет ни одной сколько-нибудь серьезной операции ЦРУ, которая была бы осуществлена без одобрения Белого дома».

Объективная реальность такова, что у читателя книги «Рыба красного цвета» не может не сложиться вывода

о полной бесперспективности тайной войны американских спецслужб против Кубы. Вместе с тем на ее страницах, к сожалению, не нашлось места для описания героической борьбы кубинского народа и его органов государственной безопасности против враждебных происксов этих служб. Правда, этого, видимо, и нельзя требовать от авторов, учитывая их политические позиции, не позволившие расширить рамки исследования.

Подрывная деятельность США с самого начала стала давать осечки. Контрреволюционные элементы и агенты ЦРУ, проникавшие на Кубу с целью организации подполья, как правило, задерживались. Многих из них сурово наказал революционный трибунал. В материалах I съезда Коммунистической партии Кубы, который в 1975 г. подвел итоги первым 17 годам борьбы кубинского народа за новую жизнь, отмечалось, что уже в 1963 г. многие контрреволюционные организации утратили свой боевой дух. Одновременно происходил распад банд, организованных для борьбы против революции. Они одна за другой обнаруживались и уничтожались. Основные контрреволюционные главари в панике искали лазейки, чтобы покинуть страну. В период с 1964 по 1965 г. были выловлены последние бандиты.

Сотрудники органов безопасности революционной Кубы сыграли решающую роль в разгроме вооруженных банд. Часто рискуя жизнью, они проникали в стан врага и добывали информацию, необходимую для их ликвидации. Благодаря высокой бдительности органов безопасности, арестам проникших в страну агентов и строгому наказанию врагов революции уже в 1965 г. значительно снизилось количество засыпаемых агентов. Врагу пришлось перейти к новым методам, рассчитанным на длительный период,— к применению различных форм проникновения, использованию тайных, глубоко законспирировавшихся агентов, экономическому саботажу, попыткам идеологических диверсий.

Основное условие успешной борьбы против происксов ЦРУ на Кубе — тесное единство кубинских органов государственной безопасности с народом. «Образцовым поведением, готовностью к самопожертвованию при исполнении своего долга работники министерства внутренних дел завоевали признание и любовь нашего народа,— говорил в этой связи Фидель Кастро.— Нашим врагам никогда не понять, что именно тесное и неразрывное

единство народа и бойцов делает нас непобедимыми, а нашу оборону нерушимой»¹.

Органы государственной безопасности Кубы и в последующие годы буквально каждодневно продолжали доказывать, что они являются стойкими, бдительными и верными защитниками интересов революции и народа. Они успешно противостояли политическому и военному шпионажу, диверсиям, попыткам создать обстановку идейного разброда и дестабилизации в стране.

Книга У. Хинкла и У. Тернера вышла в свет в год прихода к власти в США администрации Рейгана, которая под прикрытием воинствующего антикоммунизма открыто взяла курс на изменение сложившегося баланса мировых сил в пользу американского империализма. Характеризуя этот курс, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов указывал: «Если говорить коротко, то это — милитаристский курс, представляющий серьезную угрозу миру. Суть его — не считаясь с интересами других государств и народов, попытаться обеспечить Соединенным Штатам Америки доминирующие позиции в мире»².

Администрация Рейгана проводит свою внешнюю политику, попирая самым беззастенчивым образом сложившиеся нормы международных отношений, беспардонно посягая на права других государств.

Даже американская буржуазная печать указывает, как это сделала, например, газета «Вашингтон пост», комментируя в мае 1983 г. действия Вашингтона в Латинской Америке и других районах мира, что в Белом доме, судя по всему, выработана негласная «доктрина Рейгана», которая «оправдывает право США посягать на суверенитет других государств», прежде всего тех, где в результате революций к власти пришли «правительства, руководимые марксистско-ленинскими партиями».

Собственно говоря, такую политику проводили и предыдущие президенты США, о чем, в частности, красноречиво свидетельствует книга У. Хинкла и У. Тернера. Просто президент Рейган не утруждает себя необходимостью скрывать намерение США бесцеремонно вмеши-

¹ I съезд Коммунистической партии Кубы. М., 1976, с. 194—195.

² «Правда», 29.IX. 83.

ваться в дела тех стран, чей общественный строй, чья политика не устраивают американские правящие круги, с тем чтобы добиться изменения и того и другого.

Не так давно достоянием гласности стал один из документов, утвержденный Белым домом в конце 1981 г. В этом закрытом документе определяются направления политических и тайных операций, проводимых правительственные учреждениями США внутри страны и за рубежом. В нем говорится совершенно четко: «США должны установить политическое господство над такими ключевыми районами, какими являются Карибское и Средиземное моря, Южная Америка, Тихий и Индийский океаны, включая Красное море и Персидский залив, а также над регионами, из которых поступает важное сырье».

Особое внимание обращается в документе на необходимость для США «установления своего доминирующего влияния» в тех районах, где «правительства развивающихся стран проводят скрытую или явную антиамериканскую политику». В качестве первоочередных целей американских подрывных операций названы 12 государств. Это — Индия, Куба, Никарагуа, Вьетнам, Иран, Ливия, Южный Йемен, Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Алжир и Мадагаскар.

В свете политики, проводимой администрацией Рейгана, совершенно естественной является резкая активизация деятельности всех американских спецслужб, и в первую очередь ЦРУ. «Администрация Рейгана,— констатировала газета «Крисчен сайенс монитор»,— пришла к власти с намерением резко усилить возможности ЦРУ по ведению секретных операций». Она добилась значительного расширения полномочий специальных служб, устранения фактически всех ограничений на проведение тайных операций за пределами США.

«Сейчас, когда правительство Рейгана вынуждает большинство ведомств соблюдать режим экономии, ЦРУ и остальные разведывательные организации переживают период бума», — пишет «Нью-Йорк таймс мэгэзин». В 1983 финансовом году бюджет ЦРУ вырос на 25 процентов по сравнению с 18 процентами по министерству обороны. По словам должностных лиц в Вашингтоне, ЦРУ представляет собой самую быстро растущую правительственную организацию. По некоторым данным, число сотрудников ЦРУ значительно увеличилось за последние два года и достигает сейчас 16 тыс. человек,

О том размахе, который приобрела подрывная деятельность США против других стран, говорит тот факт, что на 1984 финансовый год для совершения грязных дел за границей американским спецслужбам в целом выделена огромная сумма — 17 млрд. долларов.

Хотя рассмотрение событий в книге «Рыба красного цвета» и заканчивается в основном периодом до прихода в Белый дом Рейгана, ее авторы тем не менее не обошли стороной новую угрозу, нависшую в связи с этим над Кубой. В эпилоге они отметили в качестве зловещего признака назначение на пост государственного секретаря США генерала Хейга, который в 1964—1965 гг., будучи в чине подполковника, играл «грязную роль» в тайной войне против Кубы, поскольку отвечал за связи Пентагона с кубинскими эмигрантами, информировал их лидеров о попытках убить Фиделя Кастро, координировал обмен информацией о ходе осуществления антикубинских заговоров между министерством обороны, Белым домом и ЦРУ. «Когда Хейг развернул перед сенатской комиссией боевые знамена,— пишут У. Хинкл и У. Тернер, заканчивая свою книгу,— эмигрантские группировки в Майами охватило ликование. Долгой оттепели в «холодной войне» против Кастро пришел конец, и они были уверены, что тайная война разгорится с новой силой».

И действительно, для такого ликования были основания. Вскоре последовало резкое ужесточение Соединенными Штатами антикубинской деятельности, которое стало константой их внешнеполитического курса, как при Хейге, так и при сменившем его на посту государственного секретаря (отнюдь не по причинам, связанным с Кубой) Шульце.

Избрав Кубу одним из первоочередных объектов своего пресловутого «крестового похода» против социализма, администрация Рейгана пустилась во все тяжкие, сколачивая против нее широкий империалистический заговор.

По имеющимся данным, Пентагон и ЦРУ разработали 16 военно-политических планов действий против Кубы, от ужесточения экономической блокады и создания радиостанции для ведения «антикастровской пропаганды» до военных акций, включающих морскую блокаду портов и бомбардировку стратегических объектов¹.

¹ См.: *Ф. Сергеев. Тайная война против Кубы. М., 1982, с. 198.*

Экономическая и торговая блокада Кубы со стороны США приняла в настоящее время самый ожесточенный характер. Вашингтон принимает все возможные меры к тому, чтобы в нее включились американские союзники по военным блокам. Агентура США активно действует с целью подрыва торговли Кубы с западными странами, закрытия для нее источников финансирования в свободно конвертируемой валюте.

Вновь при поддержке ЦРУ оживила свою террористическую деятельность контрреволюционная кубинская эмиграция.

Правительство Кубы публично обвинило США в возобновлении планов покушения на кубинских руководителей. Факты свидетельствуют также о том, что США продолжают вести против Кубы биологическую войну. В 1981 г. в стране имела место эпидемия лихорадки денге, от которой погибли 156 человек, включая детей. Вслед за этим произошла вспышка геморрагического конъюктивита. Результаты различных исследований показали, что эти болезни были завезены на Кубу. Известно также, что вирусу — возбудителю лихорадки денге уделяется особое внимание в исследовательских центрах США, занимающихся разработкой биологического оружия.

Участились облеты территории Кубы американскими самолетами-шпионами, которые грубо нарушают ее суверенитет. Например, 19 апреля 1983 г. разведывательный самолет BBC США «СР-71 Блэкбёрд» дважды пересек территорию Кубы с востока на запад и с запада на восток. Кубинское правительство выступило с резким протестом, однако Вашингтон не только не принес своих извинений, но и дальше продолжает практику подобных вторжений в воздушное пространство Кубы. Более того, президент США публично демонстрировал перед телекамерами фотоснимки кубинской территории, сделанные самолетами-шпионами.

Ни на минуту не затихает пропагандистская война против Кубы, проводимая США. Нередко она перерастает в неприкрытое вмешательство в дела кубинского народа. Один из последних тому примеров — подписание президентом Рейганом 7 октября 1983 г. законаопроекта о создании подрывной антикубинской радиостанции, которая кощунственно названа именем национального героя Кубы Хосе Марти. Создание радиоцентра, на нужды которого только в 1983 финансовом году выделяется

14 млн. долларов, составляет еще одно звено в цепи непрерывных провокаций американского империализма против Кубы, его новую попытку обострить напряженность в этом регионе.

Руководящие деятели США, включая президента Рейгана, то и дело выступают с угрозами в адрес Кубы. Вблизи острова проводятся военные маневры, в ходе которых нередко совершаются высадки десантов на территорию военно-морской базы в Гуантанамо, незаконно удерживаемой США на кубинской территории. Рост военной угрозы Кубе со стороны США был отмечен в заключительном коммюнике чрезвычайного заседания Координационного бюро неприсоединившихся стран, состоявшегося в январе 1983 г. в Манагуа для рассмотрения положения в Латинской Америке и Карибском бассейне.

Свою агрессивную антикубинскую политику Вашингтон пытается обосновать огульными обвинениями Кубы во вмешательстве в дела других латиноамериканских стран, особенно в Центральной Америке. Однако все фальшивки на этот счет, фабрикуемые и распространяемые спецслужбами США, лопаются как мыльные пузыри. Не Куба, а именно США грубо вмешиваются в дела других стран, создают очаг международной напряженности в Центральной Америке.

«В Никарагуа,— говорил недавно Ф. Кастро,— к тем 40 тыс. жертв, ценой которых была завоевана свобода этой страны, прибавилось еще около тысячи погибших в боях с сомосовскими бандами, которые США открыто организовывают и вооружают. В Сальвадоре более 50 тыс. человек были уничтожены человеконенавистническим режимом, армию которого вооружают и обучают США. В Гватемале в результате репрессий кровавого режима, установленного у власти ЦРУ в 1954 году, когда было свергнуто прогрессивное правительство Арбенса, уже погибло более 100 тыс. человек. А сколько людей погибло в Чили с тех пор, как империализм подготовил свержение правительства Народного единства и убийство Сальвадора Альенде! А сколько их погибло в Уругвае, Парагвае и других странах за последние 15 лет! Какую дорогую цену кровью, нищетой, страданиями и горем заплатили наши народы за господство империализма и существование навязанных им несправедливых систем»¹.

¹ «Правда», 16. XI. 83.

Исторические причины проблем Центральной Америки хорошо известны. Они порождены длительным и жестоким угнетением и эксплуатацией, цепью интервенций США в эти страны. Борьба Сандино и его сторонников против американской оккупации в Никарагуа в 20-е — 30-е годы, крестьянские восстания в Сальвадоре в 30-е годы и революция в Гватемале в 1954 г.— эти события произошли задолго до Кубинской революции.

В октябре 1983 г. весь мир был потрясен тяжким злодеянием, которое учинили США в Карибском море против народа Гренады. Нагло поправ все нормы международного права и общечеловеческой морали, Вашингтон под смехотворным предлогом направил свои войска для «наведения порядка» в практически беззащитную крохотную страну, народ которой оказал героическое сопротивление интервенции.

В ходе этой преступной агрессии вооруженная до зубов, оснащенная самой современной боевой техникой, американская солдатня совершила зверское нападение на лагеря кубинских строителей и других гражданских специалистов, оказывавших помощь революционному народу Гренады в осуществлении его созидательных планов. Очевидная цель интервентов состояла в захвате кубинских интернационалистов, общее число которых, включая работников посольства и членов семей, составляло 784 человека, в качестве заложников при физическом уничтожении тех, кто стал бы оказывать сопротивление. В момент агрессии часть кубинцев, получив от гренадских властей легкое стрелковое оружие и небольшое количество боеприпасов, мужественно встретила неспровоцированные атаки несравненно превосходящих сил янки. 24 кубинца отдали жизнь, выполняя свой интернациональный долг. Остальные, раненые и безоружные, несмотря на интенсивную психологическую обработку в концентрационных лагерях, созданных оккупантами, все как один держались с достоинством подлинных патриотов. При решительной поддержке мирового общественного мнения кубинское правительство сумело добиться их возвращения на родину.

Хотя США и удалось после недельных боев захватить остров и потопить в крови его народную власть, гренадские патриоты и кубинские интернационалисты по существу нанесли США морально-политическое поражение. События на Гренаде показали, что даже такая маленькая страна может бороться против отборных империалисти-

ческих войск и не бояться их. Революционный процесс на Гренаде лишь прерван, но не остановлен. Пройдет время и гренадский народ вновь обретет свободу, вкус которой он успел познать. Бандитская акция американского империализма на Гренаде встретила гневное осуждение во всем мире, лишний раз разоблачила подлинную сущность внешнеполитического курса администрации Рейгана.

Однако закусивший удила Вашингтон не умерил своего пыла. Подняв мутную шовинистическую волну среди обычательских кругов внутри США, представители американской администрации, когда еще не утихло эхо выстрелов на Гренаде, в открытую говорят о прямой интервенции США в Сальвадоре, в Никарагуа, на Кубе.

Явная и тайная война американского империализма против Кубы усиливается. Однако все попытки американского империализма сорвать строительство социализма на Кубе тщетны.

Кубинская революция разбудила творческую энергию народа, с воодушевлением взявшегося за коренные преобразования в стране.

Полностью покончено с иностранным господством. Куба, вырвавшись из пут неоколониализма, превратилась в подлинно независимое государство. Пришел конец засилью иностранных монополий. На кубинской территории нет ни одного предприятия или банка, которые принадлежали бы иностранцам или управлялись ими. То же можно сказать о средствах массовой информации, культурных, научных и учебных заведениях. У страны нет ни одного неравноправного договора, который бы ущемлял ее интересы или суверенные права. Правительство Кубы в проведении своей внутренней и внешней политики руководствуется волей своего народа и общепризнанными нормами международного права. Республика говорит на равных с любым другим государством.

На Кубе ликвидирована эксплуатация человека человеком. Трудящиеся получили гарантированное право на труд, крестьяне — землю, женщины — равные права с мужчинами. Ушла в прошлое расовая дискриминация. Покончено с массовой безработицей, проституцией, беспризорностью детей, наркоманией и другими социальными язвами, присущими капиталистическому обществу. Кубинское государство, служившее орудием угнетения широких масс в угоду кучке местных и иностран-

ных эксплуататоров, превратилось в силу, которая защищает интересы этих масс, обеспечивает подлинный демократизм общества, основанный на принципах социализма. Страна под руководством Коммунистической партии Кубы решает историческую задачу скорейшего преодоления экономической и технической отсталости, доставшейся в наследство от неоколониализма, делает все возможное для удовлетворения материальных и духовных запросов своих граждан.

Вот лишь некоторые тому примеры. Только за 10 последних лет, с 1972 по 1982 г., объем валового общественного продукта страны вырос более чем в два раза. Прирост среднегодового производства сахара превысил 25 процентов. После победы революции построены сотни промышленных и агроиндустриальных предприятий, выросли новые города и поселки, дороги связали с центром самые отдаленные уголки страны. Даже в условиях 1982 г., когда в развитых капиталистических странах и капиталистическом мире в целом был зарегистрирован нулевой экономический рост, а в некоторых случаях даже спад, в том числе в ряде стран Латинской Америки, Кубе удалось благодаря социалистической организации экономики и тесному сотрудничеству с содружеством социалистических стран, основанному на принципах пролетарского интернационализма, добиться запланированного прироста валового общественного продукта в размере 2,5 процента. В первом полугодии 1983 г. этот прирост составил 4,4 процента. Денежный доход на душу населения в 1982 г. достиг 870 песо по сравнению с 400 песо до революции. На Кубе достигнут высокий уровень медицинского обслуживания. Больших успехов добился кубинский народ в области народного образования. Каждый кубинец потребляет в настоящее время ежедневно продукты питания, содержащие в среднем 2800 калорий и 76 граммов белка. Это значительно выше, чем средние показатели для 21 страны Латинской Америки, которые, по данным ФАО на 1977—1979 гг., составляли 2410 калорий и 61,2 грамма белка. При этом на Кубе средние показатели действительно являются средними, в то время как в Латинской Америке их значительно искажают социальные контрасты. Так, по официальным данным СЕПАЛ, в начале 70-х годов 40 процентов латиноамериканских семей (110 млн. человек) жило в условиях абсолютной бедности, будучи не в состоянии приоб-

ретать объем товаров и услуг, который необходим для удовлетворения их основных жизненных потребностей. И с тех пор положение нисколько не улучшилось, а скорее ухудшилось под воздействием обострившегося кризиса мировой капиталистической системы.

Кубинский народ встретил 25-ю годовщину своей революции в обстановке растущего международного престижа республики.

Революция превратила Кубу в активного участника мировых событий. Из полуколонии США, с которой мало кто считался, она стала видным членом мирового сообщества. Остров Свободы занимает достойное место в братском содружестве социалистических стран — ведущей силы в борьбе за мир и социальный прогресс на планете. Принципиальная антиимпериалистическая политика, боевая солидарность с народами, которые борются за свою свободу и независимость, превратили ее в одного из лидеров движения неприсоединения, являющегося важным фактором современной международной жизни. Куба активно и последовательно выступает за мир, разрядку международной напряженности, за равноправное сотрудничество между государствами, против империалистической политики агрессии и диктата, направленной на подавление стремления народов к свободному и независимому развитию. О высоком авторитете, которым пользуется Куба сегодня в мире, говорит тот факт, что, несмотря на все попытки США изолировать ее, более 120 стран поддерживают с Гаваной дипломатические отношения, тогда как до революции их число не превышало и пятидесяти. Столица Кубы стала местом проведения крупных международных форумов. Голос Кубы слышен даже в самых отдаленных районах нашей планеты.

Кубинский народ мужественно противостоит угрозам США.

«Мы можем категорически заявить,— подчеркнул недавно Фидель Кастро, отвечая на угрозы Вашингтона,— что Кубу можно стереть с лица земли, но она никогда не поддастся запугиванию и никогда не потерпит поражения». За этими словами стоят несгибаемое мужество и стойкость кубинских патриотов, штурмовавших крепость Монкаду, поднявших пламя партизанской войны в горах Сьерра-Маэсты, вступавших в неравный бой с врагом, чтобы выполнить свой долг. За ними — морально-политическое единство кубинского народа, тесно сплоченного во-

круг Коммунистической партии Кубы, его решимость до конца отстаивать свои социалистические завоевания. За ними — боевая мощь и мастерство овеянных славой Революционных вооруженных сил Кубы и территориальных войск народного ополчения, готовых по первому приказу грудью встать на защиту своей Отчизны.

На стороне правого дела кубинского народа неизменная, проверенная временем солидарность Советского Союза, других стран социализма, всех прогрессивных сил мира. Советские люди гневно осуждают попытки американского империализма навязывать свою волю другим народам, подавлять их стремление к свободе и национальной независимости. Они решительно выступают против угроз и провокаций Вашингтона против Кубы.

Советские люди с чувством глубокого удовлетворения отмечают успешное и плодотворное развитие разносторонних советско-кубинских отношений, которые ныне крепки, как никогда, отличаются высшей степенью взаимопонимания, доверия и сплоченности.

В обстановке провокационных антикубинских кампаний со стороны США советский народ выражает свою неизменную солидарность с героической Кубой, решимость и впредь крепить братскую советско-кубинскую дружбу.

O. Дарусенков

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Агню, Спиро 276
Айерс, Бредли Эрл 133; 135;
179; 180; 189—192; 194; 199;
200; 224
Айкен, Гэйл 277
Айкен, Уильям 277
Александер, Дональд 305
Алеман, Хосе Мануэль 11; 223;
224; 272
Алеман, Хосе-младший 272
Алеман, Элена Сайнтейро 272
Альварадо, Хуан Веласко 268
Альгеро, Ансельмо 273
Альянде, Сальвадор 21; 28; 255;
268; 280; 284; 299; 302; 308;
Аль Капоне 33; 46; 223
Анастасия, Альберт 48
Андерсон, Джек 127; 179; 180;
241—243; 245; 277; 280; 281;
283
Андерсон, Рудольф 155
Арапго, Аурелиано Санчес 50;
182
Арбес, Хакобо 23; 54
Артиме, Мануэль 50; 65; 169;
170; 202; 206; 225; 269; 270; 274;
275; 283; 308
Аске, Эусебио 217

Бабун, Рудольф 266
Бабун, Сантьяго 266
Бабун, Теофило 266
Байо, Эдди 239
Балагер, Хуан 176
Балбуэна, Луис 123; 124; 126
Банди, Макджордж 85; 99; 118;
202
Баркер, Бернард 67; 258; 269;
270; 276; 277; 281; 282; 284; 316

Барросо, Октавио 125
Барт, Эл 171
Батиста, Лауреано 206
Батиста, Фульхенсио 7; 9—13;
34; 47; 52; 57; 68—70; 84; 89;
95; 123; 150; 154; 173; 186; 198;
209; 210; 257; 262—264; 272;
286; 287; 291; 294
Баттс, Роджер 134
Бейкер, Лео 99; 111; 112; 117
Бейкер, Роберт «Барни» 222
Белли, Мелвин 229
Белчер, Дж. 167
Бендер, Фрэнк 93; 106
Бентон, Сэм 204—206; 217—219
Берг, Дональд 273
Берланти, Луис 184; 185
Берланти, Фред 84
Берис, Сэлли 93
Берис, Трейси 55; 57; 103
Бернстайн, Виктор 81; 82
Бинтлиф, Расселл 285
Биссел, Ричард 20; 21; 45; 49;
50; 53; 55; 73; 85; 88; 90; 99;
107; 108; 110; 119; 125; 126;
130
Бишоп, Морис 176—178; 208;
268; 283; 314; 315
Бланко, Сесар 186
Бланко, Франиско 265
Бланши, Антонио Весьяна 126;
176—178; 208; 216; 268; 283;
314; 315
Блэйки, Роберт 313
Боггс, Билл 136
Болдуин, Альфред 281
Болл, Джордж 201
Бонафида, Дом 254
Бонсал, Филипп 10

- Бош, Орландо 187; 206—210;
 296—303; 309; 318
 Бош, Хосе «Пепин» 187
 Брага, Рионда 95
 Брайан, Уильям 60
 Браудер, Уильям 187; 189
 Бремер, Артур 276; 277
 Брескин, Джеймс 241
 Брингьер, Карлос 213—215;
 217
 Броуди, Томас 291
 Брукс, Александр 158—161;
 163
 Брукс, Гаспар 167
 Брукс, Джерри Милтон 211
 Брэндон, Генри 128
 Буфалино, Расселл 93
 Бучэнэн, Джеймс 231
 Бучэнэн, Джерри 231
 Бучэнэн, Эдна 167; 168
 Бенистер, Гай 209—213; 215;
 227—230; 238
 Бэрд, Дита 280; 281
 Бэрк, Ари 56—58; 106; 107;
 110; 119
 Валле, Эладио дель 212; 239;
 244
 Вальдивия, Хуана 310
 Варгес, Сегундо 125
 Варона, Мануэль Антонио «То-
 ни» де 50; 92; 88—91; 93; 106;
 142—144; 150; 151; 179
 Вашингтон, Джордж 241
 Вера, Альдо 86; 87
 Вернер, Клементе Инклан 166
 Вилья, Хосе 265
 Вэнс, Сайрус 175

 Гагарин, Юрий 98; 123
 Гамбино, Карло 273
 Гармэн, «Малыш» Джо 188
 Гаррисон, Джеймс 212; 230;
 243; 244
 Гарсиа, Альфред 74
 Гарсиа, Орландо 289; 303
 Гассейдж, Говард 248
 Гевара, Че 57; 70; 71; 96; 124;
 126; 144; 148—150; 173; 287—
 291; 300
 Герттер, Кристиан 57; 59
 Гиббенс, Гарольд 225; 226
 Гил, Мануэль 214
 Говард, Лоуренс 239
 Голдуотер, Барри 201
 Голц, Эрл 314

 Гонсалес, Алонсо 124; 125
 Гонсалес, Вирхилио 277; 281;
 316; 318
 Гонсалес, Ирам 276
 Гонсалес, Рейнол 125
 Гонсалес, Роджер 87
 Гонсалес, Эдуардо 290; 291
 Гордон, Джесси 82
 Гордон, Дон 111; 112
 Горкам, Дж. У. ван 187; 189
 Готтлиб, Сидней 40
 Грей, Гордон 56
 Грей, Уильям 32; 33
 Грей, Уэйд 117
 Грини, Джон 305
 Гринспан, Хэнк 275
 Гроувс, Уоллес 272; 306; 307
 Грэм, Роберт 235
 Гувер, Эдгар 17; 144—146; 195;
 220; 232; 233; 235; 236; 239; 276
 Гудвин, Ричард 52; 122; 148;
 149
 Гудпейстер, Эндрю 52
 Гулд, Алан 84
 Гутиеррес, Феликс 286, 287
 Гэтлин, Морис 211

 Далитц, Моу 229; 241; 242;
 Даллес, Аллен 28; 40; 43—45;
 50; 52—54; 56—59; 68; 91; 93;
 97; 105; 115; 116; 118—120; 126;
 128—130; 182; 234; 269
 Даллес, Джон Фостер 54; 68
 Даниэль, Жан 224
 Дауни, Мортон 116
 Дейли, Ричард 94; 221
 Демарис, Овид 242
 Десслер, Артур 272; 273
 Джавитс, Джекоб 297
 Джанканы, Сэм «Момо» 48—50;
 88; 94; 143—146; 195; 221—223;
 230; 239; 243; 245; 261; 262;
 312; 313
 Джарнаджин, Кэролл 220; 221
 Джексон, Генри 42
 Джонс, Лем 103; 107; 114
 Джонсон, Линдон 17; 18; 29;
 185; 224; 229; 233; 234; 238; 243;
 278; 279; 296; 304; 319
 Джонсон, Хайнс 101
 Джоудон, Сонни 167
 Диас, Алвин Росс 302
 Диас, Нино 96; 101; 106
 Диего, Фелипе де 108; 175; 276;
 277

- Диллон, Дуглас 149
Дитрих, Ной 251
Донован, Джеймс 174; 196; 197
Достер, Джордж Рейд 75; 111
Драйфус, Орвил 83
Дринкхолл, Джеймс 305
Дулилл, Джеймс 58
Дэвидсон, Ирвинг 243
Дэвис, Карл 207
Дэниел, Клиффтон 81; 83
Дэннер, Ричард 257—259
Дюбуа, Эдвард 49
Дювалье, Жан-Клод 29
Зиглер, Рон 265, 282

Иборра, Оскар 299
Иглесиас, Антонио 307
Иглесиас, Гильермо 307
Инглиш, Чаки 50

Йоханссон, Ингемар 88

Калифano, Джозеф 175; 319
Канетте, Рикардо 319
Каплан, Джоуэл 254; 255
Карбальо, Роберто 301
Карденас, Хуан Гарсиа 296
Кардона, Хосе Миро 103; 108; 122; 156; 182
Карлсон, Алекс 117
Карр, Уильям 180
Каррансана, Луис Монтеро 161; 166
Каррилес, Луис Посада 268; 298; 303; 304
Картер, Маршалл 130
Кастро, Andres 307; 308
Кастро, Рауль 44; 57; 123; 124; 144; 173
Кастро, Фидель 5—8; 11—15; 25; 28; 29; 33—37; 39—42; 44—52; 55; 57; 58; 60; 61; 63; 69—71; 76; 77; 79; 82; 84—98; 100—102; 104—110; 113; 116; 118; 121—129; 132; 140; 142—144; 153; 163; 165—167; 170; 172; 173; 175; 177; 179; 181; 194; 196—198; 200; 201; 213; 215; 216; 218—220; 223—225; 232; 233; 235; 237; 238; 240—244; 251; 253; 254; 262; 267—269; 278—281; 283; 287; 289; 293; 294; 297—299; 303; 306; 312; 313; 317; 319; 320
Катлер, Роберт 54
Катценбах, Николас 232
Кашинг, Ричард 170; 182
Кеведо, Хосе Кастаньо 71; 72
Кейбел, Чарльз 66; 67; 105; 108; 130; 183; 184
Кейн, Ричард 94
Кемпбелл, Гордон 133; 158; 200; 201; 224
Кемпбелл, Джудит 145; 221
Кендрикс, Эд 183
Кеннеди, Джозеф 116
Кеннеди, Джон 18; 20; 24; 25; 29—31; 50—53; 80; 83—85; 89; 92; 93; 95—100; 104; 105; 107—110; 113; 118—123; 126—130; 145; 147—149; 155; 156; 165; 171; 174; 177; 178; 182; 190; 201—203; 209; 211; 220; 221; 224—226; 230; 232; 233; 235—238; 240; 242—244; 268; 272; 279; 313; 314
Кеннеди, Жаклин 110
Кеннеди, Роберт 18; 25; 74; 95; 113; 118—122; 127; 128; 130; 141; 144—146; 154; 156; 157; 165; 169; 170; 172—175; 195; 196; 199; 200; 201; 203; 219; 221—223; 232; 243; 277
Кеннеди, Эдвард 274
Кеннеди, Этель 169; 174
Керк, Клод 297
Кесада, Карлос Родригес 188
Кесада, Франсиско 316
Кеста, Тони 177
Кинг, Джеймс 44; 45; 57; 119; 180
Киркпатрик, Лаймэн 68; 69; 80; 117; 118
Киссинджер, Генри 21; 38; 299
Китинг, Кеннет 155; 156
Клаасен, Фред 314
Клейн, Рэй 119
Клаузевиц, Карл фон 20; 292
Кнебел, Флетчер 127
Кокс, Арчибалд 283; 316
Колберг, Альфред 211
Колби, Уильям 17; 306
Колман, Герман 228
Колсон, Чарльз 251; 277; 283
Конноли, Джон 216; 221
Корнильот-и-Льяно, Эктор 296
Костелло, Фрэнк 33
Коули, Марио Гарсиа 181—185
Коулмен, Уильям 238

- Ксэн, Мики 229
 Краузе, Герхард 162
 Кросби, Джеймс 273
 Кубела, Роландо 198; 199; 225;
 270; 272
 Кулидж, Калвин 249
 Кэдди, Дуглас 282
 Кэйр, Рони 210
 Ланкастер, Берт 281
 Ланс, Педро Диас 100; 302;
 318
 Лансдейл, Эдвард 24; 25; 116;
 119; 129; 133; 142; 143; 157; 170
 Лански, Джейк 222
 Лански, Майер 10; 30; 31;
 33—35; 46; 90; 91; 93; 219; 220;
 222; 259; 262; 263; 272; 273
 Лемптиер, Лаймен 130
 Летельер, Иса贝尔 302
 Летельер, Орландо 295; 302—
 —304
 Ливайн, Джордж 93
 Лидди, Гордон 274; 280
 Линч, Грейстон 73; 107; 109;
 118; 120; 135; 141; 319
 Линч, Гомас 299
 Ломани, Роберт 76
 Лоренц, Мари 219; 317; 318
 Лосано, Рикардо 303
 Лоучли, Рич 188; 204—206
 Лugo, Фредди 303
 Лумумба, Патрис 42; 43; 50
 Лучано, «Счастливчик» 9; 33;
 (Лукания, Сальваторе)
 34; 42; 263; 272; 292
 Лью, Сальвадор 164
 Людвиг, Дэниел 163
 Майер, Джон 250
 Майер, Карл 63
 Макговерн, Джордж 277; 278
 Макгрудер, Джеб Стюарт 284
 Макгуайр, Филлис 49
 Макджи, Хэл 111; 112
 Маккарти, Джастин 154
 Макклоски, Роберт 163
 Маккорд, Джеймс 175; 176; 275;
 276; 281; 282
 Маккоун, Джон 130; 143; 195;
 196; 198; 236
 Маккэни, Томас 74; 117
 Маклейни, Майкл 219; 220
 Маклейни, Уильям Джбулиус
 204—206; 209
 Макнамара, Роберт 142; 175
 Маккуилли, Льюис 222
 Маллен, Роберт 270; 278
 Манкусо, Джек 214
 Маннарино, Габриэль «Келли»
 188; 261; 262
 Маннарино, Сэм 262
 Марин, Умберто Сори 86; 87
 Маркетт, Артур 74
 Маркетти, Виктор 20; 78; 244
 Мартин, Джек 227; 228
 Мартин, Дин 32
 Мартин, Уильям 184; 185
 Мартинес, Паулино Сьера
 185—189; 205—207
 Мартинес, Рауль 77
 Мартинес, Эухенио «Роландо»
 31; 131; 139; 155; 156; 258; 277;
 281; 316; 318
 Мартинес, бизнесмен из Там-
 пы 192—194
 Мартино, Джон 231; 313; 314
 Мартино, Морис 233
 Марчелло, Карлос 213; 219;
 222—224; 230; 237
 Маски, Эдмунд 275
 Мастириана, Луис 226
 Масферрер, Роландо 295; 297;
 299
 Мачадо, Херардо 10
 Мейнард, Гарри 204, 205
 Мелроуз, Мэри Джейн 306
 Мендиета, Антонио Аргедас
 290
 Мерола, Джозеф 188
 Мерчант, Ливингстон 56
 Мессик, Хэнк 85; 263
 Миллер, Маррей «Дасти» 223
 Миллс, Чарльз 73
 Миранда, Роберт Фернандес
 264
 Митчелл, Джон 261; 275; 292
 Мойерс, Билл 232
 Моллин, Джей 164
 Монро, Мэрилин 59
 Морган, Ривс 215
 Морган, Эд 241—245
 Моргентау, Роберт 260; 261
 Моррисон, Делессенс 147—149;
 150; 152
 Морроу, Роберт 182—185
 Мофит, Майкл 302
 Моффст, Ронни 302
 Муди, Кларенс 253
 Муди, Осмет 253

- Мэйзо, Эрл 264
 Мэрфи, Майкл 41
 Мэхью, Роберт 35—40; 45; 46;
 48; 49; 88; 90; 91; 94; 143; 144;
 146; 241; 242; 244; 247—249;
 251; 252; 256; 257; 270; 278; 279
- Наварете, Рикардо Моралес**
 298
- Нардопе, Бенито 54
 Негрин, Эулалио 309
Нейджелл, Ричард 234—236
 Нигро, Эд 252
 Ниевос, Луссиано 299
 Николетти, Чарльз 223; 312;
 313
- Никсон, Дональд 37
 Никсон, Ричард 17; 18; 21; 29—
 31; 37; 51—53; 57; 61; 181; 182;
 185; 201; 211; 257—262; 264;
 267; 271—280; 282—285; 305
- Ниссен, Дэвид 33
 Ново, Гильермо 300; 302; 318
 Ново, Игнасио 302; 318
 Ново, Риверо 300
 Нолан, Джон 174; 196; 197
 Нортон, Рой 85
 Ноувел, Гордон 210
 Ноэл, Джеймс 72; 99
- О'Брайен, Лоуренс** 278
Одио, Ании Лаура 226
Одио, Сильвия 216; 226; 238—
 240
- О'Доннелл, Кеннет 145; 174
 О'Коннелл, Джеймс 39; 40; 45;
 46; 48; 49; 90; 142; 143; 245
- О'Коннор, Джеймс 231
 Оливарес, Карлос 151
 Олсон, Джозеф 128
 Онассис, Аристотель 248; 249
 Орлич, Франиско 170; 171
 Освальд, Ли Харви 211—217;
 220—223; 226—240; 243; 313—
 315; 318
- Пагета, Мариано** 70
 Пас, Вирхилио 302; 303
 Патрик, Ленин 222; 223
 Паттерсон, Флойд 88
 Пейпич, Сэм 195
 Пекора, Нофии 223
 Пенабас, Фернандо 293
- Пеппер, Клод 301
 Пердомо, Хосе Хоакин Сан-
 хенис 65; 66; 137; 138; 286; 287;
 289; 292; 293; 316
- Перес, Карлос Андрес 298; 303
 Персонс, Альберт «Бак» 75—
 77; 79; 97; 98; 102; 113; 114
- Перуэро, Хуан 308
- Петерсон, Билл 111
- Пиедра, Орландо 210
 Пиедра, Чиррино 108
 Пилоуквин, Роберт 259
 Пиндлинг, Линден 220
 Пино, Мануэль Лосано 189
 Пиночет Угарте, Августо 301
 Пирсон, Джон 128
 Пирсон, Дрю 37; 127; 242; 243;
 245
- Шламми, Роберт 77; 137; 180;
 181
- Плюмери, Джеймс 93
- Полицци, «Большой» Эл 274
- Полл, Клейборн 297
 Поллер, Лу 272
 Поули, Уильям 44; 58; 59; 151;
 154
- Праути, Флетчер 42; 86; 119
- Прио, Антонио 9
- Прио, Франиско 9
- Путо, Рафаэль Мартинес 164
- Пухол, Алонсо 292
- Пэтман, Райт 255; 261
- Пэнш, Борис 40
- Рамос, Феликс** 290; 291
- Раск, Дин 105; 108; 118; 152
- Рассел, Ричард 234
- Раузен, Дэн 49; 94
- Рафт, Джордж 46
- Ребозо, Бебе 61; 85; 257—259;
 271—274; 278; 279; 283; 284
- Рейган, Рональд 319
- Рестой, Хуан 292; 293
- Риверс, Джо 35; 93
- Рикенбекер, Эдди 213
- Роа, Рауль 103; 151; 310
- Робертс, Делфайл 214; 215
- Робертсон, Уильям «Рип» 78;
 107; 155; 118; 120; 135; 179;
 190; 200
- Роджерс, Роберт 180; 181
- Родригес, Феликс Гарсия 310
- Ролланд, Чак 228
- Рорк, Алекс 208; 209

- Росарио Молина, Марио дель 232
Росселли, Джон 32—39; 41;
46—49; 88; 90; 94; 142—147;
179; 180; 193—195; 223; 237;
241—245; 260; 262; 283; 312;
313
Росс, Томас 41
Ротман, Норман 66; 222; 257;
317
Роумэн, Уильям 258
Руби, Джек 220—222; 227;
229; 233; 234; 237; 313; 318
Руби, Эрл 229
Рубин, Эллис 277; 317
Рузвельт, Франклин 15; 34;
262; 263
Рузвельт, Эллиот 220
Руис-Уильямс, Энрике «Гарри»
172—176; 196; 202; 225
Рей, Мануэль
65; 92; 125; 126; 216; 238
Рэй, Томас «Пит» 111; 117
Рэнкин, Ли 238
- Салват, Хуан 154
Салливан, Джоффри 208
Салливен, Уильям 236
Саммерс, Энтони 215
Сан-Мартин, Рамон Грау 11
Сан-Роман, Пепе 101; 109; 110;
114; 120; 172—174
Сан-Роман, Роберто 118; 141
Санчес, Керли 96; 101
Сасскайнд, Дэвид 41
Свинг, Элтон 181
Сегреда, Гонсало Фасио 299
Сеймур, Уильям 239
Сент-Джордж, Эндрю 70; 71;
72
Сигел, Багси 33; 39
Синатра, Фрэнк 32; 145
Сиратуса, Чарльз 42; 43
Сирика, Джон 316
Сирхан, Сирхан 277
Ситон, Фред 52
Скотт, Петер Дэйл 243
Слоусен, Дэвид 238
Смазерс, Джон 84; 85; 264;
271—274; 276; 317
Смит, Гаррис 248
Смит, Дана 257; 261
Смит, Серхио Аркача 209; 210;
212; 213; 227; 229; 230
- Смит, Сэнди 195
Соккаррас, Карлос Прио 6—11;
13; 14; 85; 87—90; 150; 153; 154;
180—182; 186—188; 198; 208;
263; 272; 276; 278; 315
Сомоса, Анастасио 275; 301;
308
Сомоса, Луис 79; 101; 113; 170;
172; 188; 208; 211; 238; 301
Спилотро, Энтони 293
Стайн, Джейф 309; 311
Стейнбек, Джон 17
Стерджис, Фрэнк 65; 66; 93
100; 137—139; 206—208; 219;
231; 274—282; 284; 302; 316—
318
Стивенсон, Эдлай 103; 148
Стимсон, Генри 15
Суарес, Хосе 302; 303
Сукарно 75
Суоннер, Роберт 138; 139
Сэлинджер, Пьер 166
- Талли, Эндрю 80
Таунли, Майлз 295; 302
Тейлор, Максуэлл 119—121;
130; 141
Тойнби, Арнольд 59
Томпсон, Роберт 138; 139
Тороэлья, Луис 125
Торре, Виталио де ла 150; 151
Торриенте, Хосе де ла 298
Траскотт, Люсиль 271; 272
Траффиканте, Сантос 48; 88;
90; 94; 188; 212; 222—224; 239;
243—245; 272; 293; 314
Тrento, Джо 319
Трумэн, Гарри 22
Трухильо, Рамфис 176
Трухильо, Рафаэль 11; 14; 147;
245; 246
- Уайден, Питер 81
Уайз, Дэвид 41
Уайт, Брайтон 122
Уеллес, Самнер 262
Уилкотт, Джеймс 96; 97; 226
Уилон, «Бад» 252
Уилсон, Стив 188
Уильямс, Томас 256
Уиттен, Лес 245
Уолл, Эрнст 229; 230
Уоллес, Джордж 276; 277
Уолтерс, Бадди 227; 228
Уолтон, Уильям 128

- Уолш, Денни 94
 Уоррен, Эрл 30; 234; 237; 242; 313
 Уэйд, Генри 227
 Уэйкфилд, Эдвард 185
 Уэйнер, Ирвайн 223
 Уэсс, Джордж 134
 Уэст, Уильям 134
- Фернандес, Альберто 86
 Фернандес, Хуан Франсиско
 Бланко 233
 Фернандо, Хильберто Родригес 189
 Ферр, Морис 297; 301
 Феррер, Анхель 276
 Ферри, Дэвид Уильям 210; 212; 213; 215; 224; 225; 227; 228; 230; 239; 243; 244
 Филдинг, Льюис 270; 274
 Филиппс, Дэвид 41; 53; 55; 66; 67; 103; 107; 116; 315
 Филен, Джеймс 244
 Фитцджеральд, Десмонд 196—199; 225
 Флаглер, Генри 60
 Флеминг, Ян 25; 128; 129
 Фонт, Рамон 178
 Форд, Джеральд 234; 240
 Фратианно, Джеймс 242; 313
 Фрондиси, Артуро 149; 150
 Франк, полковник 114; 120
 Фуэнтес, Мигуэль Идигорас 82
 Фэйрлайт, Генри 84
- Хант, Говард 18; 23; 53—55; 57; 67; 68; 88; 89; 91—93; 98; 104—107; 114; 119; 152; 175; 176; 225; 269; 274—278; 281—284; 315
 Хант, Г., миллионер из Далласа 208
 Хант, Дороти 284
 Харбер, Денис 188
 Харви, Уильям 34; 133; 143; 144; 146; 147; 156; 179; 194—196; 245
 Харкер, Дэниэль 197
 Хаузер, Рувельт 134
 Хейг, Александр 284; 319; 320
 Хект, Бен 16; 46
 Хеллиуэлл, Пол 61; 304—306
- Хелмс, Ричард 31; 41; 128; 130; 139; 143; 154; 195; 196; 198; 199; 225; 243; 244; 246; 282; 283
 Хемминг, Джерри Патрик 188; 206; 208; 253; 254; 267; 283; 306; 307; 318
 Хиггенботэн, Джордж 214
 Хилтон, Рональд 80—83
 Хименес, Вико Старки 171
 Хименес, Маркос Перес 219; 317
 Холдеман, Роберт 282
 Холл, Лорен 239
 Хоупкинс, Линдсей 61; 271
 Хорн, Роберт ван 64
 Хоукинс, Джек 99; 100
 Хоффа, Джеймс 223; 225; 226; 243; 272
 Хуарес, Хосе 204; 205
 Хьюз, Говард 23; 30; 31; 34—39; 208; 241; 242; 244; 249—259; 275; 278; 279; 281; 283
 Хьюстон, Лоуренс 144
 Хэмфри, Губерт 276; 279
 Хэндрикс, Хэл 104; 136
 Хэнском, Рафаэль 87
 Хэрд, Марк 288; 290
- Чарльз, Педро 231; 232
 Челлини, Эдди «Дино» 222; 259
 Чеслер, Лу 273
 Черч, Фрэнк 17; 18; 312
 Чивело, Джо 222
- Шайдер, Джозеф 40; 43; 48
 Шаймон, Джозеф 88
 Шекли, Теодор 133; 143
 Шембергер, Райли 111; 112; 117
 Шенно, Клер 58
 Шлезингер, Артур 84; 95; 96; 121
 Шлезингер, Джеймс 306
 Шорр, Дэниел 42
 Шоу, Клэй 215; 244
 Шульц, Тед 63; 83; 122; 123; 126
 Шэмма, Джеральдина 64; 65
- Эбремс, Энтони 286; 288
 Эдвардс, Шеффилд 45; 94; 95; 144; 146; 147; 196

- Эйзенхауэр, Дуайт 18; 19; 30;
43; 45; 51; 52; 54; 55; 57—59;
79; 92; 119
Эйхман, Адольф 98
Эллисон, Сеймур 229
Эллсберг, Дэниел 270; 274
Энглтон, Джеймс 236
Эриандес, Пабло 276
Эррера, Гонсало 111
Эррера, Омар Торрихос 275;
283; 308
- Эстерлайн, Джейк 118
Эстрада, А. Л. 120; 301; 318;
319
Эттвуд, Уильям 51; 224
Эчеверриа, Омер 233
Эшман, Чарльз 218
- Янг, Роберт 248
Ярас, Дэйв 222

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог. Купание ради Гаваны</i>	3
<i>Глава первая. «Правдоподобно опровергаемое»</i>	15
<i>Глава вторая. Гангстер в роли Джеймса Бонда</i>	32
<i>Глава третья. «...Рыба красного цвета»</i>	73
<i>Глава четвертая. Операция «Мангуста»</i>	116
<i>Глава пятая. Тайна братьев Кеннеди</i>	158
<i>Глава шестая. Загадка Кэмп-стрит, 544</i>	203
<i>Глава седьмая. «Свои ребята»: рука руку моет</i>	241
<i>Глава восьмая. Месть Никсона</i>	260
<i>Глава девятая. Кровавое наследие</i>	296
<i>Эпилог. «Повторили бы вы все сначала?»</i>	312
<i>Послесловие</i>	321
<i>Именной указатель</i>	341

У. ХИНКЛ,
У. ТЕРНЕР

РЫБА КРАСНОГО ЦВЕТА

ИБ № 11668

Редактор *Т. Л. Комарова*

Художник *В. К. Бисенгалиев*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технические редакторы *Н. А. Галанчева, М. Г. Юланова,*
Т. И. Юрова

Корректор *Т. А. Шустрина*

Сдано набор 7.07.83. Подписано в печать 25.11.83. Формат 84×108^{1/12}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкн. новая. Печать
высокая. Условн. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-
изд. л. 17,71. Тираж 150 000 экз. Заказ № 720. Цена 1 руб.
Изд. № 37194

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена
Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения
«Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52,
Измайловский проспект, 29.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА В СВЕТ

**КОЛАР Ф. Экспорт контрреволюции:
история и современность:** Пер. с чеш.

Ф. Колар, чехословацкий публицист, прослеживает в историческом плане действия реакционных сил, направленные на подавление революционных движений в мире. Особенно подробно он останавливается на попытках империалистических держав экспортировать контрреволюцию в социалистические страны и развивающиеся государства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

ХАЙНРИХ Э., УЛЬРИХ К. Вражда с
первого дня: (Три десятилетия покушений
на ГДР). Пер. с нем.

В этой книге разоблачается подрыв-
ная деятельность мирового империализма,
и прежде всего западногерманских спец-
служб, против Германской Демократиче-
ской Республики.

Авторы, используя большой докумен-
тальный материал, рассказывают о много-
численных диверсиях, нарушениях гра-
ниц, похищении людей и др.

THE
LAW
OF
NATURE
AND
NATURAL
RIGHTS
BY
JOHN
STOKE
1785

JOHN STOKE